

НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ,
ГДЕ Б НЕ ПАМЯТЕН БЫЛ СВОЙ ГЕРОЙ...

Нет в России
семьи такой,
где б не памятен
был свой герой...

*Посвящается 85-летию начала
Великой Отечественной войны*

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ, ГДЕ Б НЕ ПАМЯТЕН БЫЛ СВОЙ ГЕРОЙ

Составление и редакция
Н.И. Григулевич и Н.А. Дубовой

МОСКВА
2026

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3
Н57

Рецензенты
д.и.н. К.В. Цеханская
д.и.н. М.Ю. Мартынова

Н57 Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой / сост. и ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – М.: Старый сад, 2026. – 398 с.

ISBN 978-5-89930-183-4
DOI 10.33876- 978-5-89930-183-4-1-398

В данное издание включены рассказы о родных и близких людях, участвовавших в боевых действиях Великой Отечественной войны, работавших на трудовом фронте, собиравших разведданные, переживавших бомбежки и уезжавших в эвакуацию. Они собраны в личных и государственных архивах, записаны по воспоминаниям родственников и содержат множество свидетельств и личных историй людей, живших в то непростое время. Одна из работ посвящена ученым-сотрудникам Института этнографии АН СССР (ныне ИЭА РАН) – участникам Великой Отечественной войны. В книгу вошли также статьи, основанные на материалах полевых исследований сотрудников Центра антропоэкологии ИЭА РАН в малых городах Центральной России. Издание будет интересно как историкам, так и широкому кругу читателей, включая молодое поколения россиян.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие (Дубова Н.А., Сабина Д.С.)	9

I. АРХИВЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Слискова В.В., Гладырева Э.Д. Ученые-участники Великой Отечественной войны: этнографы и антропологи на фронте и в тылу (1941–1945 гг.)	21
Григулевич Н.И. Великая Отечественная война в малом русском городе. По воспоминаниям старожилов	35
Дубова Н.А. Материалы архива г. Старица Тверской области об оккупации во время Великой Отечественной войны	65

II. НА ЛИНИИ ОГНЯ: БУДНИ И ПОДВИГИ

Валеева С.С. Я горжусь своим отцом	81
Демидов С.М. Великая Отечественная в судьбах поколений	89
Дубова Н.А. Одна семья из миллионов: мои родные в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	114
Загребин А.Е. Максим Ильич Ильин, офицер и учитель	165
Китов Е.П. История солдата (Китов Николай Дмитриевич)	175
Куфтерин В.В., Куфтерин Р.В. Боевой путь Степана Куфтерина	182
Миссонова Л.И. Сквозь годы и расстояния: война, жизнь, любовь et cetera... ..	191

Салтанова В.В. Белый халат в черном дыму. Воспоминания о семье Белицких и Мильтеров в годы войны	215
Севастьянов И.В. Память о Великой Отечественной войне в моей семье в контексте автоэтнографии	232
Турьинская Х.М. Могильниковы и Ванины – краснотурьинские и серовские ветераны	240
Юрин А.А., Юрина Е.А. Полковник Алексей Николаевич Юрин: Герой Советского Союза, герой нашей семьи	247

III. В ТЫЛУ ВРАГА

Григулевич Н.И. Партизанский отряд интернационалистов в Аргентине (1942–1944)	261
Сабинина Д.С. Победу ковали не только на передовой: разведка, диверсионная школа, партизанская война, радиоигры	284

IV. ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Китов Е.П. Среди далеких гор. Война, школа и судьба: путь Ольги Егоровны Лаврентьевой (Колодкиной)	309
Милова О.Л. Повседневная жизнь семей Миловых и Гравве в военное и послевоенное время (1940–1950-е годы)	326
Примов А.А. Дед Бися, баба Миля и другие наши дедушки и бабушки	354
Ямсков А.Н. Великая Отечественная война в судьбах моих старших родственников	365
Abstracts	386
Наши авторы	393

CONTENT

Preface (Дубова Н.А., Сабинина Д.С.)	9

I. THE ARCHIVES TESTIFY

Sliskova Valeriya V., Gladyreva Elina D. Scholars at the Great Patriotic War: ethnographers and anthropologists at the front and in the back in 1941–1945	21

Grigulevich Nadezhda I. The Great Patriotic War in a small russian town. According to the memoirs of old-timers	35

Dubova Nadezhda A. Materials from the Staritsa Archive in the Tver Region about the occupation during the Great Patriotic War	67

II. ON THE LINE OF FIRE: DAILY LIFE AND HEROISM

Valeeva Saniya S. I am proud of my Father	81

Demidov Sergey M. The Great Patriotic War in the Lives of Generations	89

Dubova Nadezhda A. One Family among Millions: my Relatives during the Great Patriotic War of 1941–1945	114

Zagrebin Aleksey E. Maxim Ilyich Ilyin, Officer and Teacher	165

Kitov Egor P. The story of a soldier (Nikolai Dmitrievich Kitov)	175

Kufterin Vladimir V., Kufterin Ruslan V. Combat Path by Stepan Kufterin.....	182

Missonova Lyudmila I. Through the Years and Distances: War, Life, Love, et cetera... ..	191

Saltanova Veronika V. A White Robe in the Black Smoke. Memories about the Families of Belitskys and Milers during the War years	215
Sevastyanov Ivan V. The Memory of the Great Patriotic War in My Family in the Context of Autoethnography	232
Turinskaya Khristina M. Mogilnikovs and Vanins – Veterans of Krasnoturinsk and Serovsk	240
Yurin Aleksey A., Yurina Elena A. Colonel Alexey Nikolaevich Yurin, Hero of the Soviet Union, Hero of our Family	247

III. BEHIND FRONT LINE

Grigulevich Nadezhda I. Internationalist Partisan Detachment in Argentina (1942–1944)	261
Sabinina Darya S. Victory was forged not only on the Front Lines: Illegal Intelligence, Sabotage School, Guerrilla Warfare, and Radio Games	284

IV. EVERYTHING FOR THE FRONT, EVERYTHING FOR VICTORY

Kitov Egor P. Among the Far Mountains: War, Teaching, and Destiny – The Life Course of Olga Yegorovna Lavrentyeva (Kolodkina)	309
Milova Olga L. The Daily Lives of the Milovs and Gravve Families during the War and after (1940s–1950s)	326
Primov Azat A. Grandfather Bisya, Grandmother Milya, and our other Grandparents	354
Yamskov Anatoliy N. The Great Patriotic War's Impact on the Lives of my older Relatives	365
Abstracts	386
Our authors	393

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОШЛО уже 85 лет со дня начала Великой Отечественной войны, в которой Советский Союз, несмотря на огромные потери, одержал Победу над фашизмом. К сожалению теперь, когда мало кто остался среди живых из Поколения Победителей, можно услышать уже разные мнения о том времени. Немало тех, кто считает, что да, героями были те, кто был на передовой, кто, не боясь пуль и снарядов врага, шел в атаку. Но на самом деле, героизм проявило тогда подавляющее большинство жителей Советской страны: и те, кто выжил в блокадном Ленинграде, и те, кто в свои 10, 11 и даже меньше лет стоял у станка по 12 часов в сутки на заводах, трудился на полях, и те, кто собирал разведывательные данные за линией фронта. Свой огромный вклад внесли и те, кто принимал семьи эвакуированных женщин и детей вдали от полей сражений. Те, совсем не малодетные семьи, которые кормили, одевали, давали приют тысячам приезжих из прифронтовых районов. Именно поэтому мы сочли возможным дать такое название этому сборнику, которое воспроизводит одну из строк песни «Вечный огонь» (стихи Евгения Аграновича, музыка Рафаила Хозака) для кинофильма «Офицеры» (1971 г., реж. Владимир Роговой).

Память о той войне до сих пор жива не только у детей войны, переживших бомбежки, утрату самых близких, тяжелейшие условия быта, но и у их потомков, которые знали об этом только по фильмам, книгам и скупым рассказам родных. О многих героях написаны книги, многие фронтовики оставили свои мемуары. Охватить все невозможно: личные архивы каждой семьи содержат множество свидетельств и личных историй людей, переживших то тяжелое время. Составителям данного издания представилось важным собрать хотя бы часть

Стенд с портретами сотрудников Института этнографии АН СССР – участников Великой Отечественной войны в помещении ИЭА РАН

таких историй о своих родных и близких людях. Далеко не так много информации имеется, т.к. о том времени его участники не очень-то стремились делиться воспоминаниями. Тем более, та часть, которую удастся собрать, как нам представляется, может дать дополнительное представление о том времени и о судьбах людей.

13 марта 2025 г. в Институте этнологии и антропологии РАН Центром антропоэкологии был организован Круглый стол, посвященный 80-летию Победы: «Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Полевые архивы, свидетельства очевидцев и семейные хроники». С сообщениями о полевых материалах, полученных во время экспедиций, с рассказами о судьбе своих родных и близких в те суровые годы выступили Г.А. Аксянова, Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, О.А. Зыкина, В.В. Куфтерин, Д.С. Сабина, А.Н. Ямсков. Не менее интересными были комментарии Е.П. Батяновой, О.Ю. Артемовой, О.Л. Миловой. Коллеги рассказали об историях семей, о своих отцах, матерях, дедах и прадедах, которые воевали на фронте и трудились в тылу, о тех, кто поднимал трудовой фронт или был бойцом невидимого фронта. Зна-

«Поле Памяти» в селе Маклино Малоярославецкого района Калужской области. 25 апреля 2025 г. Архив Центра антропозологии ИЭА РАН

ния о судьбе каждого человека, генерала или рядового, молодой девушки или многодетной матери, рисуют объемную картину событий более чем 80-летней давности. О тех материалах, которые были собраны в экспедициях последних лет в разных областях и районах России, рассказывали Н.А. Дубова и Н.И. Григулевич. Инициатива издать все эти материалы была поддержана руководством Института. Мы обратились ко всем коллегам, которые готовы были бы поделиться сведениями о своих семьях, а также подготовить тексты, что некоторые и сделали. В.В. Слискова и Э.Д. Гладырева, сотрудники Научного архива собрали значительный материал об ученых Института этнографии / Института этнологии и антропологии – героях войны или даже шире – о жизни института в те грозные годы.

Усилиями Н.Л. Жуковской и Е.А. Юриной весной 2025 г. был восстановлен стенд с портретами сотрудников Института этнографии АН СССР – участников Великой Отечественной войны. Все фотографии сопровождаются краткой информацией об их боевом пути.

Хотелось бы добавить, что 25 мая 2025 г., благодаря поддержке

**Памятный знак с портретами героев взятия высоты 209.9
в 5 км севернее с. Детчино. 25 апреля 2025 г.
Архив Центра антропоэкологии ИЭА РАН**

профсоюзной организации, состоялся выезд сотрудников ИЭА РАН по местам октябрьских боев 1941 г. на Можайской линии обороны Москвы. Нам довелось своими ногами пройти по той земле, в которой до сих пор находят немалое число останков защитников Москвы, погибших в тех сражениях. Усилиями энтузиастов-поисковиков ежегодно на местах бывших боев, как они говорят, «поднимают» несколько сотен погибших, но не захороненных более 80 лет бойцов. Так, по инициативе педагога Панской школы-интерната Малоярославецкого района Калужской области Елены Николаевны Борисовой в 1994 г. был создан поисковый отряд «Беспокойные сердца». Благодаря отряду найдены тысячи останков солдат, по обнаруженным медальонам установлены имена десятков погибших, установлены родственники красноармейцев. В 2003 г. по инициативе Е.Н. Борисовой на территории села Маклино Малоярославецкого района открыт мемориальный комплекс «Поле Памяти», где сейчас захоронены останки 475 бойцов Красной армии.

Еще одно Поле памяти создано поисковиками отряда «Беспокой-

**Одна из экспозиций выставки, посвященной
80-летию Победы в Доме культуры с. Детчино. 25 апреля 2025 г.
Архив Центра антропоэкологии ИЭА РАН**

ные сердца» и Подольского отряда «Память» вблизи деревни Афанасово тоже в Малоярославецком районе. Там еще в 2018 г. покоилось 448 воинов. И число могил каждый год пополняется. В одном из своих интервью, данных после очередного сезона работ, Елена Николаевна сказала: «Наша работа оценивается найденными бойцами. Сейчас хотя бы 13 возвращены из небытия. По крайней мере, они не лежат на той дороге, по которой ездили тракторы и топтали их гусеницами: найдены шесть человек вообще просто на дороге, вдоль Варшавского шоссе, вместе с фашистскими солдатами рядом. Нам пришлось и фашистов поднимать, мы их передали в Калугу».

Одним из показательных эпизодов героизма защитников Москвы был захват высоты 209.9 в 5 км севернее Детчино. Здесь вместе с воинами 1081 стрелкового полка 312 стрелковой дивизии сражались курсанты Подольских пехотного и артиллерийского училищ. Эта высота господствовала над окружающей местностью. Благодаря тому, что она была отбита у немцев, Детчинский узел обороны продержался на полтора дня дольше, что в те дни дало дополнительное время для достав-

Сотрудники ИЭА РАН, члены клубов «Красная Гвоздика», «Молодая гвардия» из школы с. Березовка Малоярославского района Калужской области и поискового отряда «Беспокойные сердца» у мемориала памяти защитников Детчинского узла обороны. Крайний слева – А.П. Кусков; рядом с ним – внук одного из подольских курсантов – О. Персиянцев, Г.А. Аксянова; во втором ряду за школьником – В.А. Чернов. В центре среди участников клуба «Красная гвоздика» Г.Я. Грин. Крайняя справа – Т. Кадырбекова, рядом с ней – Е.В. Веселовская, Н.А. Дубова, Е.Н. Борисова, Д.С. Сабина и Ю.А. Токарева. 25 апреля 2025 г.

Архив Центра антропоэкологии ИЭА РАН

ки резервов из отдаленных районов страны и перейти в наступление.

Наша группа поднялась на эту небольшую, если смотреть на нее просто как на обычную возвышенность, высоту. Но сколько крови за нее было пролито осенью 1941 г.! Мы всего около получаса шли пешком по достаточно пологому склону этой возвышенности, которая сейчас заросла молодыми деревьями, и невольно ставили себя на место советских воинов, часто не имевших не то что теплых вещей, но даже зимних шапок, в те холодные дни октября. Они двигались ползком или мелкими перебежками под не прекращающимся огнем (а сама высота, напомним, была занята фашистами), но все же заняли эту высоту... И это был только один небольшой эпизод тех суровых дней обороны Москвы. Невозможно не склонить голову перед героизмом бойцов – защитников Родины. Вечная им слава!

На самой высоте до сих пор сохранились окопы, остатки блиндажей и огневых точек. Мы приняли участие в открытии на этом ме-

сте «Памятного информационного знака» с фотографиями героев. Он установлен прямо на краю окопа. Знак изготовлен за счет личных средств депутата Малоярославецкого района М.М. Ефимовой, главы администрации СП Березовка Е.А. Андреевой, жителя села Березовка Ю.А. Титкина и членов клуба «Красная гвоздика». Изготовил знак тоже житель д. Березовка Анатолий Титкин. Этот проект стал примером сохранения исторической памяти и передачи ее будущим поколениям. Юная участница поискового отряда из Березовской школы прочитала наизусть отрывок воспоминаний бойцов о тех тяжелых днях 1941 г. Участник отряда «Красная гвоздика» Николай Петрович Яценко прочитал проникновенные стихи о войне собственного сочинения. Он вручил на память сотрудникам института сборник своих стихов, посвященных памяти военных дней.

В селе Детчино делегацию встречала директор Дома культуры Елена Николаевна Мелехова. В Доме культуры создана выставка, посвященная 80-летию Победы, которую собрали неравнодушные жители района. С гордостью эту экспозицию показывал и комментировал руководитель клуба «Красная Гвоздика» Александр Петрович Кусков. Здесь же состоялась встреча со школьниками, членами клуба «Молодая гвардия» из Березовской школы вместе с советником директора по воспитательной работе Ольгой Андреевной Морозовой. Совместно эти клубы помогают поисковым отрядам, следят за состоянием мемориалов и организуют перезахоронения.

В самом центре села с любовью организован мемориал, где перезахоронены советские войны, павшие в тех тяжелых боях. Мы возложили цветы на могилы героев и посетили еще немало мемориалов и воинских захоронений Детчинского сектора обороны: Таурово – Детчино – Березовка – Рогово. Сколько таких братских могил, мемориалов и обелисков на них находится на этой земле, освобожденной от врага, сохраняя память о тех, кто сражался за мир! Они объединяют нас с нашими предками и, конечно, напоминают о важности сохранения исторической памяти. Памятные знаки воинской славы здесь в каждом населенном пункте и вдоль дорог. Мурашки бегут по коже, от того, что осознаешь, когда видишь глазами всего лишь стелы и гранитные плиты. Но земля до сих пор еще не отдала всех павших, пропавших без вести и умерших от ран.

Мемориал в деревне Таурово был открыт осенью 2022 г. у моста через р. Суходрев. Это – памятник, посвященный воинам 1081 стрелкового полка 312 стрелковой дивизии. Почти неделю в октябре 1941 г. они сдерживали здесь наступление немецких армий. Около памятника стоят подлинные бетонные ДОТы – долговременные огневые точ-

**Памятник воинам 1081 стрелкового полка 312 стрелковой дивизии у моста через р. Суходрев. Село Таурово, 25 апреля 2025 г.
Архив Центра антропоэкологии ИЭА РАН**

ки. Отсюда видна и высота 209.9 – самая высокая точка в окрестности.

В Аграрном колледже с. Детчино, нас тепло встретил его директор, историк и глава сельского поселения Алексей Михайлович Воробьев. В зале для собравшихся студентов и сотрудников колледжа выступила с краткой презентацией зав. Лабораторией антропологической реконструкции ИЭА РАН д.и.н. Е.В. Веселовская. Она рассказала о Лаборатории им. М.М. Герасимова, о методах работы с костными останками, которые позволяют восстанавливать облик людей графически и в виде скульптур. Она привела примеры того, как удалось, имея прижизненные фотографии воинов, погибших во время войны, установить личности по костным останкам, найденных поисковиками. Елизавета Валентиновна предложила поисковым отрядам Калужской области также воспользоваться этой возможностью и призвала к сотрудничеству. С краткой информацией о родителях и родных старшины К.В. Китаева, героя взятия высоты 209.9, выступила заведующая Центром антропоэкологии ИЭА РАН д.и.н. Н.А. Дубова.

Делегация также возложила цветы к мемориальному комплексу, посвященному подольским курсантам и бойцам 1081 стрелкового полка 312 стрелковой дивизии. В сооружении этого мемориала принимало участие Актобенское землячество. Актобе – город на западе Казахстана, где формировался полк. Было отрадно видеть, как бережно ухаживают за памятником не только жители, но и сотрудники администрации села, которые активно участвовали в наведении порядка и обновлении окраски монументов.

На презентации новой книги «А.Ф. Наумов. Статьи, записки, воспоминания» из серии «Музейный проект», посвященной командиру 312 стрелковой дивизии (автор-составитель – историк, заслуженный работник культуры Калужской области, заведующая отделом Музея истории города Обнинска Наталья Александровна Прусакова) нам посчастливилось прослушать краткую, но очень содержательную экскурсию по Обнинскому краеведческому музею.

Хотелось бы выразить сердечную благодарность, прежде всего, краоведам Галине Грин, Владимиру Чернову, Александру Кускову и Елене Борисовой и всем, кто принимал нашу делегацию. Но не только за гостеприимство и за массу информации, которой они поделились с нами, но в наибольшей степени за то подвижничество, за те усилия, что они вкладывают в поиски сведений и фактов, за сохранение и увековечение памяти о героях, отдавших свои жизни за то, чтобы мы все жили.

Собрав наши воспоминания в данном издании, мы хотели показать, какова была жизнь страны во время Великой Отечественной во-

йны. Конечно, мы охватили далеко не все ее стороны, но надеемся, что и в этом случае потомки получат какие-то новые сведения, штрихи к той грандиозной картине мобилизации всех сил страны для ее защиты и для освобождения других народов.

Редакторы и составители этой книги благодарят рецензентов К.В. Цеханскую и М.Ю. Мартынову, коллектив НИСО ИЭА РАН и персонально О.Л. Милову, Ю.Д. Анчабадзе и А.Н. Кожановского за ценные предложения по коррективке рукописи.

Н.А. Дубова, Д.С. Сабина

I

АРХИВЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

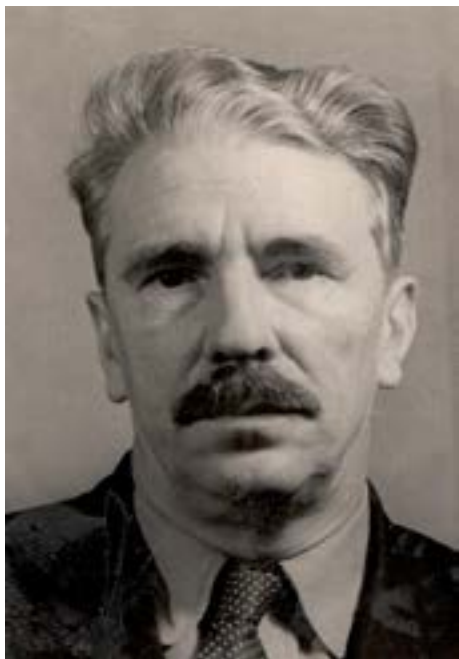
В.В. Слискова, Э.Д. Гладырева

УЧЕНЫЕ-УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЭТНОГРАФЫ И АНТРОПОЛОГИ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (1941–1945 гг.)

Статья посвящена истории участия ученых Института этнографии Академии наук СССР в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг. Почти 30 ученых Института были участниками войны. В этом сообщении в фокусе внимания оказались биографии только нескольких из них: С.П. Толстова, В.В. Покишишевского, К.В. Чистова, С.И. Брука, Ю.А. Рапопорта, М.С. Лапирова-Скобло, М.Г. Воробьевой и В.Ю. Крупнянской. Исследуемый сюжет реконструируется на основе опубликованных материалов, содержащих воспоминания участников войны, и корпуса архивных документов, сохранившихся в Научном архиве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ многие ученые встали на защиту родины (Ушмаева, 2011, с. 64). Исключением не стали советские этнографы и антропологи. Среди исследователей, пришедших впоследствии работать в Институт этнографии Академии наук СССР (АН СССР), можно привести множество примеров тех, кто оказался на передовой, работал в тылу, оказывал помощь больным и раненым: Г.И. Анохин, Ю.В. Бромлей, О.А. Вишневская, Д.М. Коган, В.И. Козлов, М.А. Кургузова, В.А. Туголуков и др. К сожалению, не все их биографии иллюстрированы насыщенными документальными источниками. Многие из ученых не любили говорить о своем участии в войне и не оставили подробных воспоминаний, ограничившись одной-двумя строчками, указанными в автобиографии при поступлении на работу в институт. Однако благодаря даже самым небольшим свидетельствам сегодня представляется возможным отдать дань памяти и уважения тем, кто внес свой вклад в приближение Победы.

Одним из наиболее ярких примеров является история будущего директора Института этнографии АН СССР Сергея Павловича Толстова (1907–1976). Сергей Павлович вступил в ряды народного опол-

Сергей Павлович Толстов.
Научный архив ИЭА РАН

совета факультета прямо в дивизии (Белявский, Вдовин, Донченко, 1975, с. 135). По воспоминаниям сослуживцев, Сергей Павлович заметно выделялся на фоне скудно вооруженных и «не имевших бравого вида» коллег. Будучи отличным топографом и строевиком, С.П. Толстов сразу же был назначен командиром отделения разведки 2-й батареи противотанкового дивизиона, а затем командиром взвода топографической разведки арtpолка (Белявский, Вдовин, Донченко, 1975, с. 137). Служивший с ним археолог А.Ф. Медведев назвал С.П. Толстова «профессором, которого учить было нечему» (Жданко, Рапопорт, 1995, с. 64). В конце июля 1941 г., когда Краснопресненская дивизия расположилась западнее г. Рузы, была объявлена демобилизация профессоров и преподавателей высшей школы, но Сергей Павлович, вместе с коллегами А.Ф. Коном и М.С. Зорким, остался в рядах дивизии (Белявский, Вдовин, Донченко, 1975, с. 137).

В начале сентября Краснопресненской дивизией был занят оборонительный рубеж на р. Днепре севернее г. Дорогобужа, который впоследствии был значительно укреплен ополченцами благодаря

чения сразу после объявления 4 июля 1941 г. мобилизации среди лиц, не подлежавших призыву в Красную армию (Жданко, Рапопорт, 1995, с. 64). Вместе с другими коллегами – профессорами и преподавателями – он пришел «с кружкой и ложкой» на сборный пункт, развернутый в бывшем здании юридического факультета МГУ на ул. Герцена. Сергей Павлович стал одним из 163 историков Московского университета, зачисленных в 8-ю дивизию, названную Краснопресненской по месту ее формирования. С С.П. Толстовым в рядах ополченцев оказались А.В. Арциховский, Б.Н. Заходер, М.С. Зоркий, Г.С. Кара-Мурза и др., шутившие, что в любой момент могли провести заседание ученого

улучшению сети окопов, возведению дотов и дзотов, а также установления проволочных заграждений и минированию танкодоступных направлений (Жданко, Рапопорт, 1995, с. 64). Однако развернувшаяся в начале октября операция немецких войск «Тайфун» вынудила дивизию оставить возведенные укрепления и принять бой в условиях не прекращавшихся танковых ударов и отсутствия линии фронта. Несмотря на попытки отбить удары врага, в результате нескольких дней боев взводам был направлен приказ отступить на север. Прорываться из окружения пришлось небольшими отрядами. Один из таких отрядов С.П. Толстов повел через лесной массив в сторону Можайска (Белявский, Вдовин, Донченко, 1975, с.

146). Пройдя около 200 км и неся раненых и оружие, бойцы достигли окрестностей города и вступили в бой 20 октября 1941 г. На следующий день, 22 октября Сергей Павлович получил тяжелое ранение в ногу, после чего был отправлен в глубокий тыл – сперва в Ташкент, а затем в Красноярск (Жданко, Рапопорт, 1995, с. 66–67). По выздоровлении С.П. Толстов добивался возвращения в армию, но получил отказ и был направлен по месту работы в Академию наук СССР (АН СССР), вывезенную в эвакуацию в Ташкент. Там ученый продолжил научно-исследовательскую и педагогическую работу и в отсутствие электричества, «при свечах», защитил докторскую диссертацию по теме «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования» (Жданко, Рапопорт, 1995, с. 69). В конце 1942 г. Сергей Павлович был назначен директором Института этнографии АН СССР, и с тех пор все его усилия были сосредоточены на обустройстве вверенного ему учреждения. В 1945 г. под его руководством начала работу Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, ставшая «любимым детищем»

**Вадим Вячеславович
Покшишевский.
Научный архив ИЭА РАН**

Кирилл Васильевич Чистов.
Научный архив ИЭА РАН

ученого. С.П. Толстов был награжден медалями «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией» (1945) и «За доблестный труд» (за работу в период Великой Отечественной войны, 1946).

Защитив 26 июня 1941 г. кандидатскую диссертацию, в ряды Ленинградского народного ополчения вступил один из основоположников географии населения, географии городов и этнической географии Вадим Вячеславович Покшишевский (1905–1984) (Агирречу, Савоскул, 2024). 5 июля ученый был зачислен в Октябрьскую добровольческую дивизию и впоследствии принимал участие в боях под Ленинградом в звании младшего лейтенанта. Однако в 1942 г. у него была диагностирована

дистрофия, в результате чего он был эвакуирован для лечения, а затем переведен в запас (НА ИЭА РАН, Д. 236, Л. 67). Затем В.В. Покшишевский был отправлен в Алма-Ату, где на тот момент находился в эвакуации Институт географии АН СССР. Как отмечал в своей автобиографии сам Вадим Вячеславович, в институте он успел проработать всего год, а затем снова был призван в армию и переведен в Ташкент для службы военным топографом (НА ИЭА РАН, Д. 236, Л. 67). В 1943 г. в связи с поступлением в докторантуру Института географии, ученый был демобилизован и вернулся к научным исследованиям. Был награжден медалями «За победу над Германией» (1945) и «За доблестный труд в Отечественной войне» (1945). В 1944–1945 гг. В.В. Покшишевский принимал участие в работе Молдавской комплексной экспедиции Института географии, а в 1949 г. защитил докторскую диссертацию (Агирречу, Савоскул, 2024). В 1948–1954 гг. работал в Институте экономики АН СССР, где руководил работой экспедиции в Якутскую АССР. Затем заведовал сектором страноведения Института научной информации АН СССР (1954–1959) и состоял старшим научным со-

трудником Института географии (1959–1965). Получив обширный опыт научно-исследовательской и полевой работы, в 1965 г. Вадим Вячеславович перешел на работу в Лабораторию этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР, сосредоточив свое внимание на исследованиях в области этногеографии.

С началом Великой Отечественной войны в 70-й Василеостровский партизанский батальон вступил Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007), будущий фольклорист и этнограф, один из крупнейших исследователей Русского Севера (НА ИЭА РАН, Д. 136, Л. 97–98). Рассказ о начале войны сохранился в воспоминаниях Кирилла Васильевича: «Для меня война началась так. Вместе со своим другом Юрием Агулянским <...> мы 22 июня, в воскресенье, готовились к очередному экзамену (К.В. Чистов являлся студентом филологического факультета ЛГУ – В.С.) <...> И вдруг раздался телефонный звонок. Наш приятель Борис Раскин позвонил и сказал: “Ребята, вы радио слушаете? Включите радио!” Передавали речь Молотова. Объявление войны» (Чистов, 2006, с. 115). Первоначально К.В. Чистов был направлен вместе с другими студентами на оборонные работы – строить запасной аэродром, однако вскоре он присоединился к организованному студентами партизанскому батальону: «нас готовили по подрывному делу, показывали немецкое оружие, а потом как-то ночью подняли нас по команде, выдали тельняшки, симоновские винтовки» (Чистов, 2006, с. 116). В результате неудачной вылазки отряд, в котором находился и К.В. Чистов, попал под пулеметный огонь. Оставшись без запасов и потеряв нескольких человек, партизаны решили возвращаться к Ленинграду, который к тому времени уже был окружен немцами. Оставшийся без связи отряд не знал об этом и продвигался в сторону города, пока не был захвачен в плен (Чистов, 2006, с. 117). Вместе с другими пленными Кирилл Васильевич сначала находился под Вязмой, а затем был отправлен в Белоруссию, где ему удалось «бежать из плена в партизанское соединение». В 1944 г. он в составе действующей армии участвовал в боях под Бобруйском, Минском, Островом Мазовецким, Данцигом и др. (НА ИЭА РАН, Д. 136, Л. 97–98). После окончания войны К.В. Чистов еще несколько месяцев служил в Германии: «я знал немецкий язык, а такие специалисты тогда были нужны и ценились на вес золота» (Чистов, 2006, с. 119). Однако осенью 1945 г. он был демобилизован и смог вернуться к занятиям в университете (НА ИЭА РАН, Д. 136, Л. 97–98). Награжден медалями «За победу над Германией» (1945) и «За боевые заслуги» (1945). В Институт этнографии АН СССР Кирилл Васильевич пришел в 1961 г., будучи уже опытным научным сотрудником и исследователем. В Институте ученый

руководил работой сектора восточнославянской этнографии и в 1967 г. защитил докторскую диссертацию. В семейном архиве К.В. Чистова сохранились несколько писем, отправленных им в 1943 г. из плена (Письмо К.В. Чистова из плена в Баку, 1943). В 2000-х годах были опубликованы воспоминания Кирилла Васильевича и его стихотворения военного времени (Чистов, 2004, 2006).

«В плену. Ночь», 1942–1943 гг.

Этот ветер в этом мраке
Размывает грани линий,
И уходит из барака
Мир, не легкий на помине.
Окон смутные квадраты
Темнота пробьет навывлет,
И не верится, что рядом,
Где-то рядом люди были.

Где-то рядом
За спиною,
За соломой,
За стеною
Лился, длился день безликий,
Крестный путь в пыли и зное:
Патрули,
Приклады,
Крики,
Ноги, спины,
А на спинах

Мерзкий знак, как на скотине!
Ни наесться, ни напиться
Пойлом из консервной банки...
А кругом чужие лица,
Черные с крестами танки,
И ночные, и дневные
В небе коршуны когтятся!
Где ж вы, соколы родные?
Где летаете вы, братцы?!

Окон сметные квадраты
Темнота пробьет навывлет
И не верится, что рядом,
Где-то рядом люди были!
Только скрип шагов патрульных,
Шепот шепчущих о деле,
Да свист залетный нашей пули...
Дай ей бог пробиться к цели!.

(Чистов, 2004, с. 12–13)

Будучи студентом, на фронт ушел и Соломон Ильич Брук (1920–1995) – будущий этнограф, специалист по этнодемографии и этнокартографии. Окончив в 1941 г. четвертый курс географического факультета МГУ, Соломон Ильич получил направление на практику в землеустроительную партию Совхозмелиостроя г. Татарска Новосибирской области: «Кончили мы четвертый курс и должны были ехать на производственную практику в Сибирь. В совхозе началось землеустройство, нас ждали и слали телеграммы “приезжайте 12 человек”. Шесть сокурсников, у кого телефоны были, я обзвонил. Мы с большим трудом купили билеты на вечер 21 июня 1941 г. и уехали» («Нелишне узнать из первоисточника», 1995, с. 91). О начале войны С.И. Брук и его сокурс-

ники узнали уже в дороге. Находясь в Куйбышеве, они дали в Москву телеграмму с вопросом, что им делать, на что уже в Омске получили ответ ехать к месту практики и ждать особого распоряжения («Нелишне узнать из первоисточника», 1995, с. 91). Те, кто не поехал на практику вместе с С.И. Бруком и другими сокурсниками и остался в Москве, вступили в народное ополчение и вскоре погибли. Соломон Ильич был мобилизован в армию в конце 1942 г. После окончания артиллерийского училища был направлен на фронт (НА ИЭА РАН, Д. 334, Л. 134–135). С.И. Брук принимал участие в боях на 1-м Белорусском фронте в качестве начальника разведки

Соломон Ильич Брук.
Научный архив ИЭА РАН

штаба артиллерии дивизии: «начал с командира взвода и потом был назначен начальником разведки артиллерии дивизии, учитывая мои знания артиллерии» («Нелишне узнать из первоисточника», 1995, с. 91). После демобилизации в 1946 г. продолжил прерванное войной обучение в МГУ на отделении экономической географии. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красной Звезды (1944), орденами Отечественной войны II степени (1944, 1945), орденом Отечественной войны I степени (1945) и медалью «За боевые заслуги» (НА ИЭА РАН, Д. 334, Л. 134–135). В 1946–1953 гг. С.И. Брук работал инженером в Гидроэнергопроекте Министерства электростанций. После окончания аспирантуры в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1953 г. продолжил свой научный путь в Институте этнографии АН СССР сначала в должности младшего научного сотрудника (1953–1958), затем старшего научного сотрудника (1958–1961) и заведующего лабораторией этнической статистики и картографии (1961–1963). С 1963 по 1966 г. Соломон Ильич исполнял обязанности заместителя директора, а с 1966 по 1988 г. занимал должность заместителя директора Института. Также ученый неоднократно выступал научным консультантом при проведении переписи населения.

Юрий Александрович Рапопорт.
Научный архив ИЭА РАН

Со студенческой скамьи на фронт был призван еще один будущий сотрудник Института этнографии – археолог, участник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Юрий Александрович Рапопорт (1924–2009). Уже во время войны, в 1942 г., Юрий Александрович поступил на первый курс исторического факультета МГУ. Проучившись полгода, весной 1943 г. он был призван в армию и направлен в Ленинградское военно-медицинское училище им. Щорса, которое окончил в 1944 г. со званием младшего лейтенанта (НА ИАЭ РАН, Д. 417, Л. 9–9об.). В 1944–1945 гг. Ю.А. Рапопорт служил фельдшером беспокойного психи-

атрического отделения на 2-ом Прибалтийском, Ленинградском и Забайкальском фронтах. Вероятно, на выбор специальности повлиял пример отца Юрия Александровича, работавшего в те годы врачом-психиатром (НА ИАЭ РАН, Д. 417, Л. 9–9об.). В сентябре 1946 г. после демобилизации Ю.А. Рапопорт вернулся к занятиям в университете, а уже через год работал в составе Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I и II степени.

Среди будущих «хорезмийцев» свой вклад в победу внес архитектор Михаил Самуилович Лапиров-Скобло (1917–2003). Окончив в 1941 г. Московский архитектурный институт, Михаил Самуилович работал в составе бригады Архитектурного института, занимавшейся маскировкой оборонных объектов (НА ИЭА РАН, Д. 280, Л. 78–78об.). Осенью вместе с сотрудниками института он отправился в эвакуацию в Ташкент. В феврале 1942 г. М.С. Лапирова-Скобло направили для работы инженером-прорабом на Особый военно-строительный участок Управления особого строительства (Особстройка) НКВД. Однако спустя год, в марте 1943 г. Михаил Самуилович был мобилизован и отправлен для прохождения обучения в 1-е Туркестанское пулеметное

училище. Затем его перевели в Полтавское танковое училище, курсантом которого он оставался вплоть до демобилизации (НА ИЭА РАН, Д. 280, Л. 78–78об.). По окончании войны был награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «За взятие Берлина». В 1946 г. М.С. Лапиров-Скобло поступил в аспирантуру Московского архитектурного института, учебу в которой совмещал с работой в Государственном институте по проектированию кинопромышленности и кинотеатров в качестве архитектора. В 1952 г. он перешел в Институт этнографии, где присоединился к работе Хорезмской экспедиции и изучал архитектуру Средней Азии и Хорезма и внес значительный вклад в изучение таких памятников, как Кой-Крылган-Кала и Топрак-Кала.

**Михаил Самуилович
Лапиров-Скобло.
Научный архив ИЭА РАН**

Также добровольно пошла в армию и участвовала в обороне столицы Милица Георгиевна Воробьева (1914–1991), ставшая впоследствии одним из «авторитетнейших исследователей» древней истории и культуры Средней Азии (Рапопорт, 1992, с. 171). В результате репрессий, которым подверглись ее родители и братья в 1930-х гг., Милица Георгиевна в течение долгого времени была лишена возможности получить университетское образование. Только в 1939 г. ей удалось поступить на исторический факультет МГУ: «(Милица Георгиевна – В.С.) поступила в МГУ уже взрослым, сложившимся человеком, за плечами которого были годы нелегкого труда» (Рапопорт, 1992, с. 171). Однако обучение было прервано войной. В октябре 1941 г., окончив медсестринские курсы при МГУ, М.Г. Воробьева была направлена в Медико-санитарный батальон (Медсанбат) 11-й мотострелковой дивизии особого назначения войск НКВД для работы медсестрой (НА ИЭА

Милица Георгиевна Воробьева.
Научный архив ИЭА РАН

РАН, Д. 226, Л. 10–12). Там она трудилась в течение года, пока не была демобилизована по семейным обстоятельствам: в сентябре 1942 г. на фронте погиб ее муж – А.Г. Воробьев, работавший до войны в Музее изобразительных искусств (НА ИЭА РАН, Д. 226, Л. 10–12). В связи с этим Милица Георгиевна была переведена на тыловую работу в военный цех фабрики «Большевик». В 1943 г. вместе с другими студентами она вернулась в университет и успешно закончила обучение в 1945 г. В этом же году была награждена медалью «За оборону Москвы». После войны, в 1946 г. М.Г. Воробьева поступила в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР, а в 1949 г. присоединилась к работе Хорезмской

экспедиции. С этого времени научная работа Милицы Георгиевны была нераздельно связана с Институтом этнографии АН СССР. Здесь она защитила в 1954 г. кандидатскую диссертацию под руководством С.П. Толстова и вела работу по изучению керамики Средней Азии.

Уникальным примером работы ученого в период Великой Отечественной войны стала научная биография фольклориста Веры Юрьевны Крупянской (1897–1985). К началу войны Веры Юрьевна уже была состоявшимся ученым, имевшим опыт научной и полевой работы: «В 1924 г. окончила Саратовский университет <...> Одновременно с обучением работала научным сотрудником Саратовского этнографического музея. По окончании университета уехала в Москву для работы в качестве старшего научного сотрудника... Центрального музея народоведения. С 1931 г. работала в Центральном музее железнодорожного транспорта, а с 1934 г. – в Государственном литературном музее в отделе фольклора» (НА ИЭА РАН, Д. 159, Л. 16–21). Кроме того, в период с 1921 по 1938 г. Вера Юрьевна принимала участие в работе различных экспедиций и собрала разнообразный фольклорный мате-

риал. С началом войны ее исследовательская работа приобрела новый вектор благодаря возможности сбора и изучения военного фольклора: устных сказов, песен, частушек, пословиц и поговорок: «Работаю лично сама и возглавляю бригаду научных сотрудников Гослитмузея» (НА ИЭА РАН, Д. 159, Л. 16–21). Кроме того, при поступлении на работу в Институт этнографии в 1944 г. Вера Юрьевна указывала, что читала лекции по оборонному фольклору в госпиталях и воинских частях (НА ИЭА РАН, Д. 159, Л. 16–21). С декабря того же года В.Ю. Крупянская принимала участие в полевых исследованиях Сталинградской (Хоперской) и Брянской фольклорных экспедициях (Фонды № 3 и 4 в НА ИЭА РАН). Собранные ею материалы были опубликованы в ряде сборников, первый из которых

– «Фронтowej фольклор» – был издан уже в 1944 г. (Крупянская, 1944). Так Вера Юрьевна внесла свой вклад не только в научную работу, но и в сохранение памяти о военном времени.

Вера Юрьевна Крупянская.
Научный архив ИЭА РАН

**«За страну советскую»
(на мотив «Вечерами лунными»)**

На границе западной
За страну советскую
С людоедом Гитлером
Вспыхнул жаркий бой.
И из шахты угольной
Через степь донецкую
Вышел в бой за родину
Парень молодой.

Наступили жаркие
И бои упорные
В жизни парня сделали
Поворот крутой.
И за села мирные,
Города спаленные
Мстить дал клятву грозную
Парень молодой.

Как-то ночью темною
Немцы парня встретили,
На бойца-разведчика
Налетев бедой.
И с [солдатской] песнею,
И в руке с гранатой
И вступил в неравный бой –
Парень молодой.

До зари с полуночи
Длилась схватка жаркая,
Кровь лилась горячая
На курган седой.

Пусть в степи над трупами
Кружит ворон, каркая,
Будет немцам помниться
Парень молодой.

Их, двенадцать, срезала
Пуля молодецкая,
А с тремя последними
Штык окончил бой.
Так за степь донецкую
За страну советскую,
Бьет врагов-захватчиков
Парень молодой.

**«Под Сталинградом»
(на мотив «Синего платочка»)**

Помнишь, как сыпались градом
Пули, снаряды, шрапнель.
Ты улыбался
Под Сталинградом
В бурю, свинцовую метель.
И только ты
Счастьем была мне тогда,
Мы подружились
Или влюбились.

В зимнюю стужу, метель
Ночь Сталинграда темна.
Девочка в шапочке
В серой шинели
Рядом со мною была.

И вот, когда
Кончится эта война,
Девушка в шапочке
В серой шинели
Будет навеки моя.
Счастье с тобою нам будет,
Жить под советской звездой,
Лаской овеет,
Солнцем пригреет
Нас небосвод голубой.
Придет пора,
В парках сирени кусты,
Ты улыбнешься,
К сердцу прижмешься
С чувством горячей любви.

Песни «За страну советскую» и «Под Сталинградом» из альбома Валентины Романовой, школьницы 10 класса станицы Нижне-Чирской, записанные Сталинградской фольклорной экспедицией в 1944 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 3, Д. 1, Л. 9–11).

Приведенные биографии составляют лишь небольшой круг жизненных историй, показывающих многообразие судеб ученых, встретивших Великую Отечественную войну в стенах университетов, на-

учных институтов, музеев. В борьбе с врагом одни, как например С.П. Толстов и М.С. Лапиров-Скобло, успешно применяли свои профессиональные знания. Другие же, подобно Ю.А. Рапопорту, К.В. Чистову и М.Г. Воробьевой, спешно осваивали абсолютно новые для них навыки и профессии. Были и те, кто, как и В.Ю. Крупянская, не оставляя своей научной деятельности, отправлялись на передовую и проживали военные события вместе с солдатами и ополченцами. Каждому удалось найти собственное место в истории Великой Отечественной войны и внести вклад в приближение ее завершения.

Источники

- Научный архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук (НА ИЭА РАН). Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 136. Л. 97–98. Автобиография Чистова Кирилла Васильевича.
- НА ИЭА РАН. Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 159. Л. 16–21. Автобиография Крупянской Веры Юрьевны.
- НА ИЭА РАН. Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 226. Л. 10–12. Автобиография Воробьевой Милицы Георгиевны.
- НА ИЭА РАН. Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 236. Л. 67. Автобиография Покшишевского Вадима Вячеславовича.
- НА ИЭА РАН. Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 280. Л. 78–78об. Автобиография Лапирова-Скобло Михаила Самуиловича.
- НА ИЭА РАН. Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 334. Л. 134–135. Автобиография Брука Соломона Ильича.
- НА ИЭА РАН. Оп. 1. Личные дела сотрудников института. Д. 416. Л. 9–9об. Автобиография Рапопорта Юрия Александровича.
- НА ИЭА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–11. Песни «За страну советскую» и «Под Сталинградом» из альбома Валентины Романовой, школьницы 10 класса станицы Нижне-Чирской. 1944 г.

Литература

- Агирречу А.А., Савоскул М.С. Покшишевский Вадим Вячеславович // Большая российская энциклопедия. 2024. <https://bigenc.ru/c/pokshishevskii-vadim-viacheslavovich-51c66c> (дата обращения: 01.09.2025).
- Белявский М.Т., Вдовин А.И., Донченко В.Н. и др. Московский университет в Великой Отечественной войне. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 254 с.
- Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А. Годы войны в жизни С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 62–75.
- Крупянская В.Ю. Фронтной фольклор (песни, пословицы, поговорки) / Записи, вступ. статья и комментарии В.Ю. Крупянской; под ред. и с предисл. проф. М.К. Азадовского. М.: Гослитмузей, 1944. 132 с.
- «Нелишне узнать из первоисточника» (С бывшим заместителем директора

- Института этнографии С.И. Бруком беседует В.А. Тишков) // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 89–101.
- Письмо К.В. Чистова из плена в Баку. 10.01.1943. https://chistov.kunstkamera.ru/html/5_3.html (дата обращения: 01.09.2025).
- Рапопорт Ю.А. Милица Георгиевна Воробьева (1914–1991) // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 171–172.
- Ушмаева К.А. Миссия советских историков в годы Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1(65). С. 64–68.
- Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего...: Воспоминания. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 240 с.
- Чистов К.В. Осенний полдень. СПб.: Лема, 2004. 103 с.

Н.И. Григулевич

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МАЛОМ РУССКОМ ГОРОДЕ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СТАРОЖИЛОВ

Автором собран большой массив интервью с жителями в ходе длительных экспедиций в разные регионы России. Биографии старожилов и членов их семей – это подлинные документы, дополняющие и раскрывающие новые аспекты российской истории в разные исторические эпохи. Свидетельства о жизни наших граждан в самые трудные и трагические периоды не только дополняют академическую историю нашей страны, но и особенно важны для воспитания молодого поколения Россиян.

В русском человеке особое
отношение к солдату и каждый
русский человек в душе солдат
Митрополит Питирим (Нечаев)

ПОЧЕМУ важно оставить потомкам документальные свидетельства о жизни наших соотечественников? Эти свидетельства в их совокупности составят истинный срез новейшей истории России и Советского Союза. Меняются правительства и социально-экономические уклады, учебники истории пишут разные специалисты, часто подающие материал в зависимости от своих политических взглядов или сиюминутной конъюнктуры. Пройдет время, и люди захотят узнать, как жили, чем дышали их деды и прадеды, как матери растили их во время немецкой оккупации и после окончания Великой Отечественной войны, когда многие лишились отцов и старших братьев, не хватало не только еды, но и самого необходимого. Как дети получали прекрасное образование в сельских школах, которое позволяло им поступать в ведущие вузы страны. Как отстраивались разрушенные города и села после войны, возводились новые высокотехнологичные предприятия, открывались музеи, библиотеки, дома культуры.

Перманентные кризисы, которые обрушивались на Россию (Советский Союз) в разные периоды ее существования, не только закали-

ли старшее поколение, но и передали этот бесценный опыт молодым поколениям россиян. В настоящей статье основное внимание будет уделено тяжелейшим годам Великой Отечественной войны в воспоминаниях старожилов малых городов Центральной России.

В ходе многолетних экспедиций в разных регионах России автором собран большой массив интервью местных жителей, который хранится в Базе данных Центра антропоэкологии ИЭА РАН. Биографии старожилов и их семей – подлинные документы, дополняющие и открывающие новые аспекты российской истории в разные исторические эпохи. Свидетельства жизни наших сограждан в самые сложные и трагические периоды истории не только дополняют академическую историю страны, но особенно важны для воспитания подрастающего поколения россиян.

В последние годы руководство страны стало обращать больше внимания на развитие русской провинции. Так, выступая на форуме малых городов и исторических поселений, который проходил 17 января 2018 г. в подмосковной Коломне и был посвящен вопросам сохранения и развития их культурного, туристического и экономического потенциала, Владимир Путин подчеркнул важность гармоничного развития таких территорий: «Что касается малых городов, исторических поселений, то здесь тоже живут сотни тысяч человек. Это очень важная составляющая нашей жизни, поскольку в этих населенных пунктах в значительной степени сосредоточена наша история, культура. Каждый из этих малых городов либо исторических поселений, хоть они и объединены общим термином «малые города и исторические поселения», у каждого из этих населенных пунктов своя история, своя география, своя культура отчасти» (Путин, 2018).

Носителями культуры и истории являются конкретные люди, живущие в малых городах и исторических поселениях. Интересно понять, как живут они и как жили их родители в разные периоды истории нашей страны. В последнее время многие исследователи обратились к актуальной теме антропологии русской провинции и ее городов (Лаппо, 2012; Кабицкий, 2014; Тишков, 2013; Молодежь в малых городах..., 2016).

С конца 1990-х годов мы работаем в центральных регионах России в сельской местности и в малых городах Московской и Калужской областей (Боровске, Медыни, Малоярославце, Верее) в составе ежегодных экспедиций Клуба путешественников «Зюйд-Вест»¹ (коллектив-

¹ Руководитель Клуба путешественников «Зюйд-Вест» – В.А. Музалев. Директор школы № 109 ЮЗАО г. Москвы д.и.н. Е.А. Ямбург.

ный член русского Географического общества) при 109 школе ЮЗАО г. Москвы (Григулевич, 2018, с.125). В 2017 г. началась работа в малых городах Тверской (Старица) и Тульской (Белев) областей, которая была спланирована и выполнена сотрудниками Центра антропоэкологии ИЭА РАН (Григулевич, 2017; Григулевич и др., 2018; Остапенко, Субботина, 2019). Затем были проведены исследования в малых городах Ярославской (Данилов и Пошехонье) и Владимирской (Гороховец) областях, которые продолжаются и по сей день (Малые русские города..., 2022; Григулевич, 2020, 2023, 2025).

Как прожили свою жизнь люди в этих очень небольших городах и селах, как преодолели те трагические события, которые выпадают на долю каждого человека даже в мирное время, не говоря уже о военных событиях? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, мы разработали программу опроса (беседы) с респондентами, которая включает несколько разделов: семья старжила, его детство, отрочество, юность, его трудовой путь, жизнь на пенсии, главные события его жизни. Особый интерес для нас представляет уникальный опыт, пережитый совсем еще молодыми людьми, а в некоторых случаях детьми, во время Великой Отечественной войны. Воспоминаниям очевидцев, непосредственных свидетелей и участников этих событий, посвящена настоящая работа.

Некоторые районы Тульской, Тверской, Московской и Калужской областей были оккупированы врагом в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Более или менее известна военная история этих событий. В меньшей степени мы знаем, что происходило с местным населением в это тяжелое время. Работая с 1993 г. в различных регионах Центральной России, мы опрашивали респондентов по авторской программе «Жизнь старжила на фоне жизни страны» (Григулевич, 2015). Какие-то факты были общими или перекликались один с другим. Например, все вспоминали о жутком голоде, плохих жилищных условиях, необходимости работать на оккупантов, их зверствах по отношению к женщинам и детям, послевоенной разрухе и т.д. В первые же дни войны мужчины ушли на фронт, и дома оставались только женщины, дети и старики.

Многие наши респонденты в детстве пережили страшные дни фашистской оккупации. Зимой 1941–1942 гг. оккупанты выгнали их из домов, обрекли на голод и холод, их родных угоняли в Германию как бесплатную рабочую силу. Как можно было выжить и остаться человеком в этих нечеловеческих условиях?

Рассказы очевидцев о том далеком и страшном времени содержали яркие эпизоды, которые случились именно в этой отдельно взятой

Мемориал в память воинов и местных жителей, освобождавших Боровск от фашистских оккупантов в январе 1942 г. Боровск, 17 апреля 2011.

Фото из архива клуба путешественников «Зюйд-Вест»

семье и хранятся в ней, как самые дорогие реликвии. В данной работе мы приведем несколько таких рассказов, объединенных темой Великой Отечественной войны, во время которой и происходили все описываемые события.

4 декабря 1941 г. началось контрнаступление Красной Армии под Москвой, которое получило название «Битва за Москву». Оккупанты стали отступать, сжигая дома местных жителей, оставляя за собой пустыню. В некоторых местах жителей сгоняли в сараи и храмы и сжигали заживо.

В конце 1941 г. – начале 1942 г. эти территории были освобождены Красной армией. Оставшиеся в живых люди смогли начать восстанавливать разрушенное врагом и налаживать мирную жизнь.

Приводим отрывки из полной диктофонной записи воспоминаний старожилов, в которых основное внимание будет уделено военным и послевоенным годам. Мы оставили их прямую речь с небольшим редактированием, для того, чтобы читатель мог максимально приблизиться к оригиналу.

Боровск, Калужская область

Старинный русский город Боровск на реке Протве, впадающей в Оку, был оккупирован с 14 октября 1941 г. по 4 января 1942 г. От немецкой оккупации город был освобожден, как и г. Верея, войсками 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. В 2017 г. получил статус «Города воинской доблести».

Орлова Нина Яковлевна из Боровска рассказала, что, когда в начале декабря 1941 г. началось наступление Красной армии, фашисты выгнали их из родной деревни Дорохи, погнали в Потапово и там загнали в баню. Их семья (мать с детьми) спаслась, потому что они потихоньку ушли в другое село, где жили родственники. Остальные односельчане были взорваны и погибли. Семья Нины Яковлевны через короткое время вернулась к себе в Дорохи, и чуть позже домой вернулась их корова-кормилица. Так они и выжили. В соседних домах, где раньше жили погибшие от рук карателей односельчане, оставались все вещи и, что самое главное, какие-никакие продукты, в основном картошка. Мать Нины Яковлевны не разрешала своим детям брать ничего из этих запасов, кроме сена для коровы (ПМА, 2011).

Ковылова (Корелова) Евдокия Яковлевна родилась в Боровске в 1928 г. в многодетной семье, где было 11 детей. Она рассказала о страшных месяцах оккупации: «Пришли немцы и стали рассматривать наши фотографии. На одной из них был изображен наш папа. Они спрашивают, а кто это? Хорошо, что там, на обороте ничего не было написано. Это, говорим, чужой дядя. Немцы думали, что наш отец еврей, его Яков звали. Мы говорим им, что он не еврей, он – русский. Мы знали хорошо, что мать и отец были русские, а фашисты его чуть не расстреляли». Евдокия Яковлевна продолжает свой рассказ: «Немцев у нас в доме было шестеро, спали они на полу, на сене, а мы – кто в чулане, кто за печкой... У нас жили Франц и Готлиб. Это были такие два идиота, ужасные. Они нам говорили: «Moskau – kaput! Stalin – kaput! (Москва капут, Сталин капут). А Эрих и Пауль бывало, скажут: «Москва не капут, Сталин не капут (Moskau – nicht kaput!) Готлиб и Франц врут!» И когда они никуда не ездили, мы с Эрихом и Паулем играли в снежки.

Староста Иван Фомичев, назначенный немцами, воровал продукты у их семьи и охотился за братом Евдокии Яковлевны, которого немцы хотели угнать в Германию. Когда же Боровск освободили и пришли наши, старосту Фомичева по законам военного времени расстреляли, как предателя, за Боровском, а его жену Параскеву посадили. Шестеро их детей остались на улице и побирались. И только благодаря Наталье Алексеевне Кореловой, матери Евдокии Яковлевны, которая подкармливала их картошкой, они остались живы. На войну ушло три сына

Натали Кореловой и все трое погибли смертью храбрых.

После освобождения города, в 1942 г. Евдокию Яковлевну, которой было неполных 14 лет, призвали на трудовой фронт на шахту № 6 в Зеленогорске. Подростки грузили породу, стоя на табуретках, так как им не хватало роста, чтобы дотянуться до угля. Во время войны Евдокия Яковлевна работала также на заводе № 2 в городе Электросталь. В то время этот город специально не был нанесен на карту. Завод изготавливал противотанковые 76 мм снаряды и 26 мм мины. Все это делали дети и подростки. О Победе она узнала от друзей и по радио. Естественно было очень много радости. С войны вернулось гораздо меньше людей, из тех, кого Евдокия Яковлевна запомнила: Строганов, Громы Гриша и Иван (ПМА, 2011).

Рассказ *Нины Яковлевны Захаровой*, 1926 г.р.

Немцы брали с боем деревню Отрепьево. Женщины, дети и старики жили в окопах – было страшно выходить. Немцы разували, раздевали местных жителей. Сараи они разобрали на дрова. Всю скотину и кур поели. Они приезжали на отдых после боев. Менялись постоянно. Партизанского движения в самом начале войны не было. Морозы были под 40 градусов, весь сад померз. Когда немцы приходили, наши отступали, был целый овраг наших убитых красноармейцев.

Мать, Зимина Елена Никитична, работала в Ермолине на ткацкой фабрике, была ткачихой. Она была верующая. Дед по линии отца держал трактир в деревне. Отец, Зимин Яков Алексеевич перед войной трудился в колхозе. В сельсовет 22 июня 1941 г. позвонили из города и сообщили, что началась война. На третий день забрали всех, кто по возрасту подходил. Отца Нины Яковлевны (в дальнейшем – Н.Я.) тоже призвали в армию, он служил последний год по возрасту. В письме с фронта он писал: «Тут ад». На Курской дуге он попал в плен и письма от него перестали приходить. Мать отслужила в церкви службу, помянули его.

В 1943 г. Нина, работая на трудовом фронте в деревне Балабаново, пилила дрова. После работы она зашла к своему деду, который сказал: «Пляши! – А что такое? – Твой отец жив». Оказалось, что, когда отец Нины ехал в Горьковскую область на проверку после освобождения из плена, проезжая Балабаново, он отдал письмо мальчишкам, чтобы отнесли деду. В плену он оказался в Югославии. В свое время он помогал прислуживать в церкви, знал все службы. В Югославии первое время он служил в церкви, потом сбежал в отряд партизан под руководством Иосифа Броз Тито. Будучи мастером на все руки, даже ремонтировал мотоцикл Тито. Будущий глава Югославии подписывал

отцу Н.Я. документы, именно поэтому его при проверке в Горьковской области освободили, а так посадили бы в тюрьму, как многих, кто пережил немецкий плен.

Семья Н.Я. – она, сестра, брат, мать и 80-летний ее дед жила в погребке собственного дома на картошке. Был голод, клевер, крапиву ели. После войны Н.Я. училась в техникуме, но не хотела учить немецкий язык. Когда немцы отступали, все деревни пожгли. Только Отрепьево, деревня Н.Я. осталась. Враги успели сжечь только три дома.

Жизнь многообразна в своих проявлениях и справедливости ради мы считаем необходимым привести следующие свидетельства очевидца. Немецкий военный врач мазал больную ногу матери Нины Яковлевны пенициллином каждые три дня и вылечил ее. Она потом молилась Богу всю жизнь за этого немца. Один из чешских солдат при отступлении отдал им ящик банок мясных концентратов с пшеном. Потом еще полгода семья выживала за счет этого.

Немецкая оккупация Боровска и окрестных сел длилась три месяца – октябрь, ноябрь и декабрь 1941 г. В первых числах января 1942 г. пришли сибиряки и всех погнали. На улицах валялись замерзшие трупы немцев. Местные ребятишки семи – восьми лет катались с горки на этих немцах, как на санках, привязывали веревки к головам. Когда кончилась война: люди пахали, пришел председатель колхоза и крикнул: «Распрягайте! Кончилась война!». После войны землю пахали на себе. Наши солдаты оставили лошадей. Трактора появились только в 1960-х годах.

Н.Я. в конце войны работала в колхозе в течение пяти лет. После войны в выходные она пилила дрова в Балабаново. Надо было напилить девять кубометров дров. За четыре кубометра напиленных дров давали один килограмм хлеба.

Закljučая свой рассказ, Нина Яковлевна подчеркнула: «Сейчас: кусок земли есть, и дом есть, внуки и дети – все есть. А мы прошли такой голод. Получаю пенсию 10 тыс. руб. (опрос проводился в 2011 г. – прим. автора). Куда мне столько? До сих пор сама тружусь» (ПМА, 2011).

Верея, Московская область

Это самый маленький город Московской области. В нем насчитывается уже меньше 5 тыс. жителей. Был оккупирован с 14 октября 1941 г. по 19 января 1942 г. Город воинской доблести (2016).

22 февраля 2020 г. мы беседовали с *Галиной Петровной Кармалиной* далее – ГК), которая родилась 31 августа 1938 г. в городе Верея и всю жизнь прожила здесь.

**Курсанты клуба путешественников «Зюйд-Вест» опрашивают
Г.П. Кармалину. Верей, февраль 2020. Фото из архива клуба**

Н.Г.² – Галина Петровна, можете рассказать о своей семье немного?

ГК – У меня были и мама, и папа, и дедушки и бабушки. Было у нас в семье четверо детей. Старшая сестра, два брата и я последняя, самая младшая. Брат у нас во время войны умер, потому что есть шалости детские. Упал с дерева, позвоночник себе повредил, а тут началась война и когда здесь были немцы, у него начался туберкулез. Мы не смогли его спасти, он молодой умер, в 17 лет. Хорошо рисовал, хорошо учился в школе, вообще был хороший, талантливый. Жизнь не пришлось прожить.

Н.Г. – Вам было три года, когда немцы пришли?

ГК – Да. Немцы у нас были с 19 октября 1941 г. по 19 января 1942 г., 92 дня. После того, как освободили наш город, была разруха, голод. Есть было нечего. Они у нас все вытащили все наши запасы, которые обычно жители готовили на зиму. Картошку, огурцы, помидоры и капусту. И так же всех ликвидировали животных, коров, свиней, кур. Все, что у кого в хозяйстве было. Город у нас небольшой, все содержали хозяйство.

И конечно, испытывали мы голод уже после освобождения, когда город был разрушен. Только это здание осталось (историко-краевед-

² Здесь и далее в статье Н.Г. – Надежда Григулевич.

ческий музей г. Верея – Н.Г.). Школа была разрушена, администрация, все. Мамы наши (отцы-то в основном были на фронте), помимо того, что у них дети, должны были работать на производстве с утра до вечера. Они же, после освобождения Вереи 19 января 1942 г., занимались очисткой города: везде были трупы, и наших солдат, и немцев. Надо было их всех захоронить, потому что могли начаться эпидемии. Занимались наши матери очищением всех разрушенных домов, чтобы постепенно начинать строить. Торговли никакой не было, продуктов не было.

Как только наступило теплое время, стала стаивать земля, родители посылали своих более взрослых детей (как мой брат был, 14 лет, например) ходить по колхозным полям, потому что во многих колхозах не успели выкопать картошку, капуста где-то стояла вся мороженная. И эту картошку копали дети, приносили домой и наши родители пекли нам, мы называли их «пончики». Если этот пончик теплый не съешь, то потом его уже не укусишь. Можно было просто выбрасывать. На чем пекли, не знаю, масла не было. Это пережить, не расскажешь даже словами, надо видеть это все. Старшая моя сестра после войны была призвана на трудовой фронт и вернулась домой только через несколько лет. Она заново прокладывала разрушенные во время войны железные дороги и от Вереи дошла до Грузии, где ей пришлось восстанавливать несколько промышленных предприятий.

НГ – Галина Петровна, можете рассказать про Вашу медаль?

ГК – Это «Дети войны». Нас всех наградили, кто войну пережил, кто пережил время немецкой оккупации в Верее (ПМА, 2020).

Вспоминает уроженец Вереи *Николай Григорьевич Букаткин*. Местное население не имело источников информации. Все радиоприемники было приказано сдать. Молодогвардейцы (партизанский отряд комсомольцев Вереи – Н.Г.) сумели собрать приемник из нескольких старых, конфискованных немцами. Фашисты после попыток расстреляли верейских молодогвардейцев. Заречье, один из районов города, сожгли, чтобы наши не могли подойти к Верее, которая находится на высоком месте.

«Москва капут!» «Матка, картошки!» Немцы отбирали у женщин и детей все продукты, резали скот. Фашисты внушали: «Вы все будете работать, колхоза у вас уже не будет. Бог на небе, а Гитлер будет на земле».

Рядом с Вереей в селе Шустикове, оккупированном фашистами, комсомольцы спасли 11 раненых красноармейцев.

19 Января 1942 г. войска под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова освободили Верею. Во время штурма местный житель

**Часовня во имя Казанской иконы Божией матери – памятник всем
погибшим на фронтах и в госпиталях жителям города.**

Верея, 23 апреля 2017. Фото автора

Николай Алексеевич Кузнецов, который был в составе штурмовой группы, провел свой батальон по лесным тропам и освободил жителей Вереи, сидевших в заминированной фашистами церкви и ожидавших скорой гибели. В этом же храме ждала гибели мать героя (ПМА, 2013).

Елена Васильевна Филиппова, которая родилась 22 мая 1926 г.р. в Верее, пережила все дни оккупации в родном городе.

Немцы заняли Верею 14 октября 1941, был морозец. Ей было 15 лет. Сожгли все Заречье. Там были финны и чехи. Немцы были на мотоциклах с собаками. Когда началась война, наши заставили копать убежища, куда люди прятались во время обстрелов. Немцы всех выгнали обратно в свои дома. Ее бабушке было 80 лет, и она говорила: «Антихристы, вы все погибните, не будет вам прощения». Деревню Годуново, недалеко от Вереи, как и многие другие, сожгли немцы. Через Верею гнали наших пленных раненых солдат, многие на костылях. Немцы загнали их в церковь и сожгли. Их было человек 150. Похоронили их уже в марте 1942 г., когда немного оттаяла земля. Теперь им

Курсанты клуба «Зюйд-Вест» у поклонного креста на месте кладбищенского Казанского храма у села Пузиково (Пудиково) Кашинского района Тверской области. 21 июня 2014. Фото автора

поставлен мемориал в центре Вереи. Был страшный голод во время и после войны. От замерзших лошадей женщины отпиливали куски и варили (ПМА, 2013).

В апреле 2016 г. старожил *Орлов Николай Семенович*, родившийся после войны 16 ноября 1946 г., рассказал об уникальном случае, который произошел во время войны в деревне Верховье в семье его будущей мамы. В начале 1941 г. зимой, в пургу, около их деревни разбился наш военный самолет. Один летчик погиб, а другой был ранен. Ночью он ползком добрался до деревни и постучался в их дом. Его пустили и спрятали в подполе. На следующий день утром немцы начали проверку всех домов. К ним ворвался немец с немецкой овчаркой на поводке. Вся семья замерла: «Смерть наша пришла». А на печке грелась домашняя кошка, которая ринулась и вцепилась овчарке в морду. Немец вынужден был ретироваться... Так кошка спасла не только раненого летчика, но и всю семью, его приютившую (ПМА, 2016).

Село Пузиково (Пудиково), Кашинский район, Тверской области.

Июль 2014 г.

Во время войны рядом с селом Бормасово, недалеко от Кашина, фашисты разбомбили эшелон с ранеными красноармейцами. Местные жители разобрали выживших по домам, а погибших похоронили. В 2014 г. курсанты Клуба «Зюйд-Вест» установили в этом месте, рядом с военным захоронением, поклонный крест на месте, где когда-то стоял деревянный кладбищенский Казанский храм (ПМА, 2014).

Белев, Тульская область

Это самый западный город Тульской области.

11 сентября 2019 г. мы беседовали с Николаем Семеновичем Леоновым, который родился 24 апреля 1931.

НГ – Николай Семенович, вы родились в Белеве?

НЛ – Когда-то Белев принадлежал Московской губернии, у меня в метрических выписках написано «Московская губерния». Они все истлели, но все-таки можно прочесть. Сейчас Тульская область стала. Родился я в деревне Зубково Новоделецкого сельского совета, раньше так это место именовалось.

НГ – Расскажите про папу, маму, как их звали, где они родились?

НЛ – Папа родился в Зубково, там же, где меня родили. А мама из деревни Борисовка, километра два с половиной, недалеко. Тот же самый Новоделецкий сельский совет. Крестьяне они, и папа и мама. У отца три класса церковно-приходской школы. Мать ни одного класса не имела. Но умела делать своими руками все абсолютно. Мы жили не с магазина. Что посеешь, что пожнешь, что вырастишь, то и пригодишь, это твое.

НГ – Это село, где вы родились, оно попало в зону оккупации?

НЛ – Да, в октябре 1941 г. немец пришел в Дольцы. В Зубково немцы приехали на гнедых конях, под седло. Как картина «Три богатыря», что-то такое напоминает. Остановились у нас в Зубково на лужайке, привязали лошадей, сами спешились, сели, перекусили и уехали обратно. Мы говорим: «Немцы, немцы». Их обозы и танки появились на следующий день. А перед этим три месяца наши солдаты бежали, отступали, ночью в лесу прятались, потому что немецкая авиация не давала им отступать. Они бежали, днем отдыхали в кустах, а ночью шли.

У меня отец был председатель колхоза. Только ляжет спать, стук в дверь: «Кто там?», «Батя, открой, это солдат». Открывает, стоят солдаты, человек 10–15: «Мы у вас возьмем коровку, зарежем. Вот вам расписочка, что такие-то взяли у вас корову для пропитания». Они эту корову зарежут ночью, погрузят ее в рюкзаки и уходят. И так на

протяжении месяца наши солдаты отступали. Когда немец пришел, ни одной коровы не осталось, только одни расписки остались. Это отступление задержала только Тула. Отступать некуда, позади Москва. И вот с октября месяца 1941 г. по Новый год мы жили в оккупации, а с Нового года, когда пришли сибиряки, немцев от Москвы шуранули, Белев освободили.

Но в нашей деревне Белевского района немцы оставались один год и 10 месяцев. Это была северная сторона Курско-Орловской дуги. Нас из деревни выгнали в Орловскую область, между Орлом и Брянском.

НГ – А кто выгонял?

НЛ – Немцы, эвакуировали нас зимой, в марте месяце 1943 г. И там мы пробыли до 4-го августа 1943 г. Когда вернулись сюда, то здесь ни одного дома нет целого, остались кирпичные стены кое у кого, деревянных построек не осталось, колючая проволока, окопы и блиндажи и мины вдобавок. И вот с этого мы начали новую жизнь, с 1943 года. Война еще шла, а мы начали восстанавливать колхозную жизнь.

Ночью выйдешь, и вот уже Курская дуга, Белгород, Курск, Прохоровка, а к ночи зарево, там шла уже война. А где мы были, деревня Бунино, это километров за 40–50, мы слышали эту войну. И вот сестра, последняя, которая была с нами (еще трех сестер оккупанты угнали в Германию), Екатерина, к ней староста приходит и говорит: «Вот повестка, все, в Германию». Она взяла, чувствует, что вот-вот заберут ее, умная женщина была, и сбежала. Сбежала, староста говорит: «Где ваша дочь?» на мою мать, подходит к матери. Мне тогда было 10 лет. Она говорит: «Я не знаю где». «Так вот, мы забираем вас, пока не придет дочь, будем держать вас». А она пожилая, моя мать была, ей где-то к 60, и больная здоровьем была. Ее забрали в Хотынец. И посадили ее, у полиции есть свои подвалы, помещения.

И вот ее посадили: «Будете сидеть до тех пор, пока дочь не придет ваша, тогда только выпустим». А я пацан, мне было 10 лет. Как без матери? Мать есть мать, сестры – это сестры. Сестра приходит ночью, возьмет еды какой-нибудь и обратно уходит. Но уже наши войска наступают. А я бегая и говорю сестре: «Если мать не придет, я тебя убью».

Под замком, в заложниках, мать сидела одна. Каждое утро приходили, выводили в туалет, приносили кусок хлеба, она там с месяц сидела. Приходит полицейский, открывает: «Баба, выходи», поставит кусок хлеба, стакан воды, и обратно закрывает ее. А в этот раз она ждет, когда откроют, а открывать никто не открывает. Когда Хотынец уже брали наши, когда немцы стали тикать, кто-то открыл ей дверь. Она толкнула, а дверь сама открылась, что делать? Бежать еще хуже будет.

Н.С. Леонов. г. Белев, 2017 г. Фото автора

Дверь прикрыла, посидела, посидела, а никого нет. И как в сказке, кустик за кустик, и пришла домой, в Хотынец. Это районный город Орловской области. Вот так случилось, что сестра осталась жива, я ее не убил, и немцы ее в Германию не угнали.

НГ – А троих ваших сестер угнали в Германию?

НЛ – Да, троих угнали, и только в 1945 г. американцы их освободили и они вернулись на Родину (ПМА, 2019).

Вспоминает *Костромина (Мамышева) Лидия Ахметовна*. Она родилась 5 сентября 1936 г. в Люберцах. С 1941 г. проживает в Белеве. Вот ее рассказ:

Бабушка моя Мотя в Белеве была в батрачках. Семья большая, жили очень бедно. Еще до войны моя мама уехала, устроилась на работу в Люберцах под Москвой. Братья мамы после армии, служили в Новосибирске, и там остались. Оба там женились. Один на войне после погиб, а Иван, он старше мамы, он в Новосибирске был главным инженером Новосибирского авиационного завода. Когда война началась, папу в армию забрали, на фронт.

От папы с фронта последняя весточка пришла из Ленинградской области в начале войны, больше семья о нем ничего не знает. Так как отец Лидии Ахметовны считался пропавшим без вести, семье с тремя детьми долго не давали пенсию.

Мама впопыхах или от страха, собрала нас всех, беременная, и приехала в Белев, к бабушке. Этот случай необыкновенный – аж, мороз по коже! Я помню, что мы были дома все, и по разговору мамы я вспоминаю, что немцы преследовали одного красноармейца. И он забежал к нам, в дом к бабушке. И мамка, и бабушка видели, что два фашиста с автоматами, по огороду ищут, по саду. Бабушка понимала, что если сейчас они придут – нас всех постреляют. У нее была русская печка. Ло-

жит она его около печки, дерюжками накрывает и нас всех семь человек детей, на него посадила. Заходят эти немцы, я плакала – не могу! «Матка, матка», это бабушке, как обычно. Она говорит: «Нет, никого нету!». А сама вся дрожит – если найдут солдатику – всех постреляют. Они дали нам всем по кусочку сахара. Видели, что мы одни дети малые. Никого не тронули, повернулись и ушли. Ночь у нас солдат пробыл, а в потемках ушел. Когда рано утром бабушка пошла за водой на колонку, этот солдатик лежал на колючей проволоке убитый (там проволокой колючей были огороды опутаны). Бабушка плакала, прибежала. Снайпер, убивший красноармейца, сидел на колокольне Покровской церкви (теперь это – улица Карла Маркса).

Семью Лидии Ахметовны эвакуировали сначала под Белев, в деревню Кармань, а потом уже в Сибирь. Жили они в колхозе «Пробуждение» Ломачевского сельского совета Ижвольского района Кемеровской области. Там людей расселили по семьям: «Попали мы в зажиточную

Ахмет Мамышев.
Пропал без вести под Ленинградом.
Фото с единственного документа,
оставшегося в семье ветерана

**Покровский храм. С его колокольни немецкий снайпер застрелил красноармейца, которого спасла бабушка Лидии Ахметовны.
Белев, 2017. Фото автора.**

семью, мама рассказывала: «Бывало, они садятся есть. Сидят, едят, а мы все сидим голодные, плачем, нам не давали они есть. А другие семьи нормально, за одним столом все сидели». С 1942 г., по первое февраля 1944 г. мы были там». После возвращения в Белев у семьи начались скитания по квартирам, так как их дом был разрушен бомбежками. Хотя семья была большая, в своем маленьком домике их приютила бабушка Вера, отдав им одну комнату. Потом они перешли в подвал на Пионерской улице, где комната была побольше, но пол там был земляной, дети начали кашлять, болеть бронхитом. Напротив жила тетя Нюша Вещева, которая уступила им комнату в своем маленьком, но теплом домике: «Печка там у нее русская была. Мы спали на печке – четверо детей маленьких, а остальные – кто на полу, кто как. Mamka помнит, кто-то ей дал маленького поросеночка. И этот поросенок с нами в комнате жил. Голодали, конечно. Чем питались? Картошкой промерзшей. Когда мы вернулись из эвакуации, мамка устроилась на железную дорогу и работала проводницей, а бабушка Мотя была с нами».

Л.А. Костромина (Мамышева). Белев, 2017. Фото автора

Потом семье Лидии Ахметовны дали квартиру и земельный участок, около вокзала. После войны голодный год был. Семян для посадки картошки ни у кого не было. Тогда они стали сажать очистки от картофеля. Картошка вызревала, но очень мелкая: «И вот бывало, варим эту картошку «в мундире». Так и ели, с кожурой. В чашку кладешь по одной, по две. А если лишнюю возьмешь, тогда ложкой по лбу бабушка била, не давала. Лебеду, вот эту крапиву, всякие травы собирали и щи варили. В общем, питались плохо. Мамка рассказывала, дадут нам какие-нибудь крупы, мы каши наварим, и она нам ложкой раздавала, чтобы всем поровну».

Чувство голода меня преследует всю жизнь. Я часто вспоминаю как мы картошку, вернее, очистки сажали. Вот я сейчас и говорю: «Господи, а сейчас прямо жизнь какая! И все плохо нам и плохо!».

Когда я на швейной фабрике работала, я оформляла участок в Темряни (это километров шесть от Белева) под дачи для рабочих. И когда поехала я в Тулу оформлять документы, мне сказали: «Ваша зем-

ля – вот тот бугор, который вы под дачи берете, был весь устелен трупами погибших. Там война ожесточенная шла. И от Темряни до Белева по Оке плыли тела наших солдат».

В Белеве в мае 2017 г. проходило шествие Бессмертного полка, и внушки Лидии Ахметовны со своими детьми участвовали в нем с фотграфиями своих московских и белевских прадедов (ПМА, 2017).

Дорохин Алексей Дмитриевич, военный моряк, инвалид 1-й группы. Родился в 1930 г. в селе Зайцево под Белевым, которое около двух лет было под оккупацией. В конце жизни вернулся из Ленинграда в родное село, где живет в старом родовом доме круглый год совершенно один. Помогают ему односельчане. Он увлечен историей Великой Отечественной войны. Привожу отрывки его интервью.

Еще будучи в военном училище, дипломную работу я взял по этим боям, которые проходили здесь. А тема приблизительно у меня называется «Два года в прифронтовом тылу двух немецких армий» – генерал-полковника Гудериана, танковый взвод и 9-я полевая армия генерал-полковника Моделя. <...> С самого начала, как немцы нас оккупировали, и до самого конца, пока кончилась Орловско-Курская битва, мы все время были в этой гуще событий военных, все время находились в прифронтовом тылу.

НГ – Я правильно понимаю, что вы были ребенком фактически, подростком?

АД – Мне 13 лет было. Потом, поскольку я в военном училище учился, я все это уже знал. Орудия, калибры и так далее. Люди военные мне знакомы абсолютно. Что вам интересно, могу рассказать.

НГ – Здесь деревня большая была? Сколько было домов до войны, приблизительно?

АД – Приблизительно 700 домов, 3 школы, 7 колхозов. 700 домов до войны было и от этого ничего не осталось. Было избрано 7 старост при немцах. Кроме того, был избран областной старшина.

НГ – Получается, немцы знали, как было все организовано в дореволюционной России?

АД – Многие белогвардейцы были на немецкой стороне. В немецкой армии генерал казачий воевал. В Зайцево немцы зашли приблизительно 26 октября 1941 г. и простояли тут до 2 апреля 1942 г.

Позже немцы на 3 километра от Зайцево отошли, закрепились и простояли до 12 июля 1943 г. Немцы заехали к нам в деревню, в каждый дом заселилось человек по 5, а то и по 10. Положили на пол соломы, а в некоторых домах полов-то не было, земляные были. А мы помещались за печкой, на каждый закоулок на печке, на лавочках и так далее. Выгнать их нельзя, идешь и через немца перешагиваешь.

Немцы не ожидали таких неприятностей зимой в России. Первое, это мороз. А второе – это наши русские вши. Потери от болезней у них были сравнимы с боевыми (ПМА, 2018).

Старица, Тверская область

Удивительные встречи подарил нам и малый город Тверской области Старица, который также был оккупирован врагом в первые месяцы войны.

Прокофьева Валентина Ивановна родилась в деревне Новое Прасковьино, недалеко от Старицы, 3 августа 1934 г. В то время это было довольно большое село, примерно в тридцать домов, в которых жили 200–250 чел. В каждой семье было от пяти до десяти детей. Общественного транспорта тогда не было. Поэтому в ее детстве они ходили пешком до Старицы. Старший брат провожал ее до большой, многолюдной деревни Коньково, которая и сейчас находится рядом с городом.

Маму Валентины Ивановны звали Рулева Дарья Терентьевна. Папа, Рулев Иван Кузьмич, работал в колхозе счетоводом, он погиб в 1941 г. Был очень добрый, петуха не мог зарубить, хотя и жил в деревне. На фронте он служил в штабе, при прямом попадании снаряда получил смертельное ранение и умер от ран в госпитале под Ленинградом. Старший брат Шура тогда сказал: «Отомщу за папу» и ушел тайком от родных добровольцем на фронт. Он погиб в день своего рождения сгорел в танке в Белоруссии. Мама говорила потом: «Ты только мне отомстил, сынок».

Когда в октябре 1941 г. их село заняли фашисты, односельчане закупывали продукты на дороге, где скотный двор. Этот схрон немцы обнаружили, и люди были обречены на голод. Шура, старший брат Вали, выкопал землянки в лесу, и они ушли туда жить, а немцы поселились в их доме. В доме оставался жить только дедушка, который говорил: «Ну, вроде бы ничего люди, такие же, как мы». Как-то раз мама Вали полезла в подпол за картошкой, немцы сразу стали кричать «Партизаны!». Немцы очень боялись партизан. Когда она им объяснила, что это всего лишь подпол, где хранится картошка, они успокоились. Один из них показал маме фото, на котором она увидела маленький домик и женщину с детьми. Он заплакал и сказал: «Матка, я их больше никогда не увижу». Простые немецкие солдаты были, в большинстве своем, нормальными людьми.

Но не все было так просто. Старших брата и сестру Вали (Нину и Шуру) немцы хотели угнать в Германию, т.к. они хорошо говорили по-немецки. Тогда в школе хорошо учили языкам. Близкие их спря-

Памятник погибшим героям. г. Старица, 2019. Фото автора

тали. Оккупанты расстреляли подростка Сережу Новикова на глазах его матери и всего села за то, что он украл их патроны. В Старице, в Свято-Успенском монастыре, во Введенском храме во время оккупации фашисты заживо заморозили семьдесят восемь раненых красноармейцев. Этот факт, в числе многих других, фигурировал на Нюрнбергском процессе.

Наши солдаты освободили Ново-Прасковьино зимой, в январе 1942 г. Людей предупредили, что будет бой. На чердаке немцы поставили пулемет, а на мельнице стоял миномет. Больше немцев в селе не оставалось, они сбежали, когда стало ясно, что предстоит сражение. Полдеревни тогда собралось в подвале одного дома. Девочки время от времени выбегали, докладывали обстановку наверху и вдруг закричали: «Наши!!!». Командир части, которая освобождала Ново-Прасковьино, был ранен, он разрезал валенок, вытряхнул его, наверное, там была кровь. «Это были пять или семь сибиряков в валенках, в полушубках, рослые, красивые, а немцы-то нашими платками обвязывались от холода. Женщины на красноармейцах повисли, плачут, воют, кто на ногах, кто на руках, от радости, конечно. Сколько же наших погибло за нашу деревню!

Только бы не было войны, только бы не было войны! Все остальное можно пережить, любые трудности. Я вот молюсь за Владимира Владимировича Путина. Он только один за мир борется сейчас. Не будут мне пенсию добавлять, и не надо! Будет один хлеб и соль, и ладно! Мы на крапиве и на клевере выросли. На подножном корме, как скот. Клевера в торбочку наберем, мама его насушит в печке, перетрет, лепешек напечет. Они вкусные, сладковатые, такие», – вспоминает Валентина Ивановна.

Когда пришли наши красноармейцы, мама ее позвала: «Валя, иди, какой суп вкусный из грача». Кто-то из наших солдат подстрелил грача, и они сварили суп. Во время и после войны в 1946–1947 гг. было голодное время. Мама Вали свезла трюмо и все, что еще дома оставалось, на рынок, привезла отруби, напекла хлеба. Из крапивы, щавеля, лебеды варили щи. Клевер и некоторые другие травы ели сырыми, мяса никакого не было. После войны на трудодни давали зерно, муку и главное, на трудодни давали льняное масло. Благодаря этому маслу люди выжили: «На мельницу зерно снесем, нам дядя Вася наметет муки, мама на льняном масле испечет блинов или чего хочешь. Сейчас оно так не пахнет, нет такого аромата, как раньше. Горчит по-прежнему, а вот аромата того, прежнего, нет». Дети работали в колхозе, как взрослые. Валя с подружкой теребили лен наперегонки, кто больше делает, потом плакали всю ночь, т.к. «ободрали колючим льном все руки до крови». По вечерам они садились верхом на быков и лошадей, вели их в табун, в ночное. Валентина Ивановна вспоминает: «Костер горит. Шурка Андриянов сидит, ест хлеб и дремлет около костра. Утром проснулся, дожевал хлеб и на работу. Жили лесом и огородом. Куры питались подножным кормом, нечем их было кормить».

Валентина Ивановна возмущается, когда читает в некоторых СМИ, что это Советский Союз готовил нападение на Германию: «И это они мне говорят, которая ребенком видела все своими глазами, что Россия напала на Германию. Какими же надо быть невеждами! Я это не могу никак принять, простите мои эмоции. Я же это сама все видела, знала, как мы все это переживали, как погибли мои родные. Никогда мы ни на кого не нападали!» (ПМА, 2017).

4 октября 2019 г. я записала интервью с *Виктором Ивановичем Бодровым*, который родился в деревне Рыбалово в трех километрах в сторону Чукалино от г. Старицы Тверской области 4 февраля 1949 г. Там при Иване Грозном для монастыря ловили рыбу. Монахи ловили для монастыря, 15 пудов каждый день в старину вылавливали. Мама ее Бодрова Серафима Александровна и отец Бодров Иван Александрович тоже там родились. Папа служил во фронтовой разведке, вер-

нулся с войны живой. Семья была многодетная, семь человек. Виктор Иванович был в ней седьмым по счету. Во время войны село было три месяца оккупировано немцами.

НГ – Расскажите про оккупацию, мама же рассказывала вам?

ВБ – Немцы разбросали с самолета листовки, что будут бомбить Старицу. И пошли старицкие беженцы уходить за три-четыре километра от города. Моя мать взяла себе в дом 20 человек. Куда их поместить? Своих пять человек детей, двое стариков, она еще. В доме подпол большой был, она их в подпол посадила, там поселила. Утром наварила картошки с салом, накормила их.

У одной беженки был маленький ребенок, надо было пеленки полоскать, и она пошла полоскать, но мать ее остановила: «Куда ты идешь, вот свистят пули, тебя убьет, что мы с маленькой будем делать? Я свою дочь старшую пошлю». Мать свою дочь, мою старшую сестру, послала полоскать пеленки под пули, чтобы беженка была с ребенком. Мать их держала, пока они не ушли. Потом, после войны, ее вспомнили и всегда ей помогали.

НГ – Вас было семь человек детей у мамы?

ВБ – Да, семь и все живые. Такие малые города, как Старица, это фундамент России. Рано или поздно большие города ветром раздует, ураган уметет, народ их бросит. Но будущее России за такой местностью. И придет время, все уважающие себя граждане мимо города будут ездить на работу. И предприниматели подтянут производства сюда. Для того, чтобы здесь учителей удержать, надо строить здесь для них дома с землей. У нас 80% населения в летнее время москвичи живут. Ваш московский мэр построил бы клуб или больницу для Старицы. Что он о вас не заботится? При любой катастрофе, политических, финансовых и других невзгодах, мы останемся живыми, мы не умрем здесь. Я, например, не могу в мегаполисе жить. У меня в деревне земля, домик построил кирпичный, чтобы не сожгли. Мы в этих маленьких городах останемся живы. В случае чего сразу езжайте сюда, в нашу местность.

НГ – Спасибо, Виктор Иванович, надеюсь, ничего страшного не случится! (ПМА, 2019).

В послевоенное время в Московской части Старицы был построен новый микрорайон пятиэтажек, куда переселяли жителей из частного сектора. В одном из таких домов живет одна из старейших жительниц Старицы Валентина Николаевна Тихомирова, которая родилась в этом городе 12 ноября 1928 г.

Много лет она проработала учительницей и преподавала также в старицком колледже. Почти все жители Старицы или их родители –

В.Н. Тихомирова. Старица, 2017. Фото автора

это ее ученики. Старица и Старицкий район находились в оккупации с 12 октября 1941 г. до 1 января 1942 г.

Война началась в прекрасный воскресный день 22 июня 1941 г. В четыре часа утра отец Вали был в их саду, где ухаживал за редкими, диковинными розами, которые он привозил из Крыма. Как только стало известно о начале войны (тогда уже почти в каждом доме было радио, т.н. «тарелка»), он, как коммунист, отвечавший за мобилизацию в городе, во главе группы ополченцев пешим порядком проследовал в Тверь, где они получили свои назначения. После тяжелейшего ранения в боях под Ленинградом, отец долгое время лечился в госпитале, а затем был направлен в учебное подразделение в Йошкар-Олу, где командовал новобранцами, формируя новые фронтовые соединения.

В доме деда и бабушки Валентины Николаевны поселились оккупанты, которые потребовали, чтобы пожилая женщина готовила и стирала для них. Однажды бабушка замешкалась, развешивая отстиранное белье. Один из солдат, который по национальности был финном, в ярости накинулся на нее с побоями. Дедушка в это время лежал на печке. Он тут же вскочил и набросился на него, защищая от него

бабушку. В это время в дом вернулся немецкий офицер, который стал урезонивать финна. Когда тот ушел, немец буквально на пальцах объяснил старикам, что им надо срочно бежать, т.к. в любой момент их обидчик может вернуться и убить их. Тогда пожилые супруги спешно собрали самое необходимое и под покровом ночи через Волгу ушли в село, где жили друзья дедушки. Не забыл дед прихватить и машинку «Зингер», на которой шил в деревнях полушубки для сельчан. Так они продержались до прихода наших войск, освободивших Старицу 1 января 1942 г. Все три сына дедушки стали военными летчиками. И все трое вернулись с войны героями. Дедушка ими очень гордился, хотя иногда ворчал, что если бы не советская власть, то они тоже стали бы портными, как и он сам.

Когда немцы взяли Ржев, который расположен в 30 км от Старицы, стало понятно, что семья коммуниста должна эвакуироваться из Старицы. Все это было решено в течение каких-то часов. Нужно было добыть справки, какие-то специальные удостоверения, без которых покидать город было нельзя. Мама Вали, которая была прекрасной машинисткой, сама напечатала в исполкоме эти справки для себя и других людей, т.к. девушка-секретарь печатала их очень медленно, видимо, недавно пришла на эту работу, да и волновалась.

Потом мать Вали прибежала домой, за несколько минут сшила небольшой мешок (все-таки она была дочерью портного!), куда поместились простыни и кое-что из одежды. Мама объяснила, что вещи перед посадкой в машины будут взвешивать, и все лишнее выкинут. Разрешили взять с собой еще один чемодан, сверху которого мама прикрутила валенки и пальто. Дедушка дал им с собой в дорогу жареного гуся. Когда за ними пришли старенькие грузовички-полуторки с открытым верхом, они увидели, что их кузов наполовину был забит ящиками, в которых находились военные и гражданские архивы.

Несколько семей старичан с детьми (стариков не разрешили взять с собой в эвакуацию) кое-как разместившись на ящиках с архивами, холодным осенним днем отправились в сторону г. Калинина (так в те годы называлась Тверь). Иногда им удавалось заночевать в какой-нибудь деревушке, где на печке можно было обсушиться и обогреться, выпить кипятка. Ехали они очень медленно, пропуская двигавшиеся в противоположном направлении войска и технику. Когда они доехали до Калинина, женщины отправились куда-то, чтобы разузнать, какова их дальнейшая судьба, куда надо дальше двигаться. Дети остались лежать в кузове вповалку. И вдруг один мальчик сказал: «Смотрите, какие красивые огоньки». Действительно, по небу летели какие-то блестящие перышки и дети, как замороженные, наблюдали за их полетом.

В этот момент к ним подбежала какая-то женщина и с криком: «Вы что, не видите, что вас обстреливают?» затащила всех детей в укрытие. Когда наконец пришли отлучившиеся мамы, спасительница их отругала, как можно оставлять детей одних в такой обстановке.

Через двадцать восемь дней путешествия их маленький отряд наконец прибыл сначала в Йошкар-Олу, а потом и в марийскую деревеньку, назначенную для их временного проживания. Тут их встретили местные жители с криками: «Курицы, курицы!». Валя удивилась: «Мама, а почему они называют нас курицы?». «Это потому, что им сложно произнести слово «эвакуация»», – объяснила мама Вале. К ним подошла какая-то бабушка и спросила: «Сколько вас тут?». Семья Вали из трех человек (она, мама, маленький братишка) поселилась у этой бабушки. Все марийцы носили лапти, такие же они сплели для приехавших из Старицы беженцев. В лаптях было очень удобно и даже уютно, да и другой обуви не было. Марийцы, по воспоминаниям Валентины Николаевны, очень теплый и радушный народ. Они помогали приехавшим старичанам всем, чем могли, прежде всего, конечно, продуктами. Валя ходила в школу, где учились дети разных национальностей, скорее всего тоже из эвакуированных. Ее соседкой по парте была девочка-эстонка, с которой она очень подружилась.

Самым удивительным событием этого времени стало то, что их раненого отца и мужа, после лечения в госпитале направили для дальнейшего прохождения службы именно в Йошкар-Олу. Так что вся семья на время соединилась. Но Валя очень скучала по Старице, и на семейном совете было принято решение отправить ее на малую Родину. Как раз в это время в те края направлялся демобилизованный солдат, которого попросили сопроводить девочку до Старицы. И они, после множества приключений, все-таки добрались до нее, несмотря на все трудности военного времени.

Город к этому времени уже освободили, но разрушения в нем были огромные. При освобождении Старицы и Старицкого района погибло очень много красноармейцев, которых хоронили в огромных братских могилах. В этих же могилах, по свидетельству Валентины Николаевны, хоронили и погибших немцев, т.к. у измученных голодом горожан не было сил копать отдельные могилы. С тех времен прошло много лет, но Валентина Николаевна помнит мельчайшие детали этих страшных событий, так, как если бы это случилось вчера (ПМА, 2017).

Бурцев Петр Иванович родился в 1948 г. в Старицком районе, в Лешковском сельсовете, в деревне Дягунино в многодетной семье. Его дед Гусев Федор Николаевич был грамотным, когда-то служил с Семёном Буденным. Петр Иванович получил образование, стал учителем,

**Н.А. Дубова и Н.И. Григулевич с историком и краеведом
А.В. Шитковым. г. Старица, 2017. Фото А.Н. Ямскова**

преподавал физкультуру и немецкий язык. 30 лет был директором Старицкой школы и теперь еще работает в спортивной школе. Вот его рассказ:

«Отец потерял на войне глаз. Нас 10 человек детей у родителей родилось после войны. Все за то и смеялись: “Зин, что это вы с Иваном? Как он с фронта пришел, так и начали строгать”. Каждые два года мать рожала, последние только брат с сестрой из всей компании через год родились. Это и был взлет рождаемости после войны, потому что люди понимали, что главное, а что – второстепенное. Хоть и нищенствовали, но все равно, все цапались за жизнь. И приучены мы с детства к труду были.

Мамка говорила: “Я вас никогда всех не собирала, я, как сажаю вас за стол всех вместе, у меня сразу слезы”. Нечем нас было кормить. Мы же букли собирали мороженые. Еще она говорила: “Ребята, если бы не мой характер, я бы давно повесилась или утопилась от такой жизни. Но мне лихо, а я иду на ферму, песню пою”. Вот так мы и росли», заключает Петр Иванович. Его родители всю жизнь проработали в кол-

**Детский Новогодний праздник в Белеве.
Архив Л.А. Костроминой (Мамышевой)**

хозе. До войны отец был председателем колхоза. А после войны из-за полученного ранения, стал рядовым колхозником (ПМА, 2019).

* * *

Что можно сказать в заключение этих рассказов? Какие выводы сделать? Последнее представленное здесь интервью писалось 4 октября 2020 г., когда о такой напасти, как коронавирус, не слышали даже в китайском городе Ухань, из которого пошел по всему миру гулять коронавирус или Covid – 19. Мудрый русский человек, поколения предков которого пережили страшные трагедии и при этом рожали по многу детей, который до сих пор трудится на земле не покладая рук, дал точную характеристику малых русских городов: «Такие малые города, как Старица, это фундамент России. За ними будущее». Нам остается только присоединиться к этому выводу и подтвердить его материалами наших полевых исследований. В одном мы не сомневаемся, что каждое новое испытание, которое выпадет на долю

русских людей, будет достойно преодолено, и страна выйдет из него обновленной и закаленной, готовой к дальнейшему развитию. В этом нас, в частности, убеждает опыт старшего поколения россиян, на долю которого выпали страшные испытания военных лет.

Свидетельства очевидцев военных лет дополняют архивные и статистические данные (см. статью Н.А. Дубовой в этой книге), которые дают живую картину жизни наших сограждан в самых экстремальных условиях, показывают, как взаимопомощь и поддержка разных народов нашей страны помогли победить сильного и беспощадного врага, отстоять независимость нашей Родины.

Русские люди не только выживали в этих нечеловеческих условиях, но и оказывали сопротивление врагам. Во многих местах сражались партизанские отряды, которым помогали местные жители. Известны случаи, когда под носом у оккупантов были организованы госпитали, где местные девушки, рискуя жизнью, выхаживали раненных красноармейцев (Комаровский, 2021, с. 33).

Прошло уже более 80-ти лет с тех героических времен, многие участники событий ушли из жизни. Важно сохранить для последующих поколений россиян эти уникальные свидетельства. Жизнь не укладывается в прокрустово ложе каких-то схем и устоявшихся стереотипов. Она гораздо сложнее и удивительнее. И мы не раз убеждались в этом, проводя наше исследование.

Источники

Григулевич Н.И. Полевые материалы автора (ПМА).

ПМА, 2011. Боровск, Калужская область. Экспедиционный выезд Клуба путешественников «Зюйд-вест» при 109 школе ЮЗАО г. Москвы. Н.Я. Орлова, Е.Я. Ковылова (Корелова), Н.Я. Захарова, 17 апреля 2011г.

ПМА, 2013. Верея, Нарофоминский район Московской области. Экспедиционный выезд Клуба путешественников «Зюйд-вест» при 109 школе ЮЗАО г. Москвы. Н.Г. Букаткин, Е.В. Филиппова, 21 апреля 2013.

ПМА, 2016. Верея, Нарофоминский район Московской области. Экспедиционный выезд Клуба путешественников «Зюйд-вест» при 109 школе ЮЗАО г. Москвы. Н.С. Орлов, апрель 2016.

ПМА, 2020. Верея, Нарофоминский район Московской области. Экспедиционный выезд Клуба путешественников «Зюйд-вест» при 109 школе ЮЗАО г. Москвы. Г.П. Кармалина, 22 февраля 2020.

ПМА, 2014. Село Пузиково (Пудиково), Кашинский район, Тверской области. Историко-экологическая экспедиция Клуба путешественников «Зюйд-

Вест». Июль 2014.

- ПМА, 2017. Белев, Тульская область. Экспедиция Центра антропоэкологии ИЭА РАН. Л.А. Костромина, 2017.
- ПМА, 2018. Село Зайцево, Тульская область. Экспедиция Центра антропоэкологии ИЭА РАН. А.Д. Дорохин, 2018.
- ПМА, 2019. Белев, Тульская область. Экспедиция Центра антропоэкологии ИЭА РАН. Н.С. Леонов, 2019.
- ПМА, 2017. Старица, Тверская область. Экспедиция Центра антропоэкологии ИЭА РАН. В.И. Прокофьева, 1934 г.р., В.Н. Тихомирова, 1929 г.р. 2017
- ПМА, 2018. Старица, Тверская область. Экспедиция Центра антропоэкологии ИЭА РАН. П.И. Бурцев, 1948 г.р. 3 октября 2018 г.
- ПМА, 2019. Старица, Тверская область. Экспедиция Центра антропоэкологии ИЭА РАН. В.И. Бодров, 4 октября 2019.

Литература

- Молодежь в малых городах России. Заметки социального антрополога / Белова Н. А., Мартынова М. Ю. (отв. ред.). М.: ИЭА РАН, 2016. 294 с.
- Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабинаина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице / отв. ред. М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков, Н.А. Лопуленко. М., ИЭА РАН, 2018. 111 с. (Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 267).
- Григулевич Н.И. Естественное движение населения в российских регионах (конец XX – начало XXI века.) // Историческая демография, 2017. № 2 (20). С. 48–53.
- Григулевич Н.И. Теория и практика полевых исследований: Верхняя и Средняя Волга глазами московских школьников // Этнос и среда обитания. Вып. 6: Этноэкологическое образование. М.: Старый Сад. 2018. С. 125–138.
- Григулевич Н.И. Жизнь в провинции: малые города центра России // Традиції і сучасні стан культури і мистецтва: зб. наук. арт. Вып. 1 / гал. рэд. А.І. Лакотка; Центр дослідження української культури, мови і літератури НАН України. Мінск: Права і економіка, 2020. С. 415–418.
- Григулевич Н.И. Актуальная экологическая ситуация в малых городах Ярославской области на примере городов Данилова и Пошехонья // Вестник антропологии, 2023, №3. С. 98–120.
- Григулевич Н.И. Не стоит село без праведного и город без святого: православие в малом русском городе // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 91–107.
- Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012, 412с.
- Малые русские города в начале XXI века / Григулевич Н.И., Ямсков А.Н., Зыкина О.А. и др. / отв. ред. Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсков, Н.А. Дубова / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – М.:

- Старый Сад, 2022. 412 с.
- Кабицкий М.Е. et al. Малые города - большие проблемы. Социальная антропология малого города. М.: ИЭА РАН, 2014. 358 с.
- Комаровский Ю.В. Верей. Древний город на реке Протве. Верей: 2021. 171с.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: ИЭА РАН, 2019. 290 с.
- Путин В.В. Выступление на Форуме малых городов (<https://rg.ru/2018/01/17/putin-otvedal-pastily-v-kolomne.html>), 18 января 2018.
- Русь уходящая. Рассказы митрополита Питьирима (Нечаева) о Церкви, о времени и о себе / Сост. Т.Л. Александрова, Т.В. Суздальцева. М.: Изд. ПСТГУ, 2023. 672с.
- Тишков В.А. Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города. М.: РГГУ. 2013. 684 с.

Н.А. Дубова

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА Г. СТАРИЦА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ОККУПАЦИИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье дается краткое описание военной ситуации, сложившейся осенью 1941 – зимой 1942 г. на подступах к г. Калинин (ныне Тверь). Представлены материалы районного архива г. Старицы о разрушениях, нанесенных немецкими фашистами в период оккупации района.

В 2017 г. группа сотрудников Центра антропоэкологии ИЭА РАН начала комплексное изучение малых городов Центральной России. Основной задачей проекта является получение объективной характеристики населения малого города по нескольким блокам параметров: исторический, историко-географический и историко-демографический; экологическая ситуация; современная инфраструктура; социально-демографические изменения в населении малого города, произошедшие в постсоветский период; изменения социально-экономических условий и факторов жизни населения малого города за последние годы; соотношение традиционных и инновационных видов деятельности и способов получения дохода; социальные настроения людей и их жизненные стратегии. По мнению авторов проекта, было важно оценить, какое влияние оказали миграции и другие события на современную социально-демографическую ситуацию (Григулевич и др., 2018, 2022; Остапенко, Субботина, 2019; Малые и средние города, 2024). С этой целью во всех исследованных населенных пунктах проводилась работа в архивах, где изучались, в том числе, и материалы по истории. Одним из первых городов был обследован г. Старица Тверской области. В его архиве хранится богатая информация о развитии сельского хозяйства в районе, о работе промышленных предприятий, медицинских учреждений, школ и других учреждений города, начиная с 1926 г., по 2016 г. Безусловно, в архиве бережно хранится большое число бесценных материалов. Но одна из папок (Фонд № 251, Дело № 13-1) привлекла наше особое внимание, т.к. такого рода материалы, как оказалось, сохранились далеко не во всех населенных пунктах, в

которых нам довелось проводить исследования. Папка имеет название «По учету разрушений, нанесенных немецкими фашистами в период оккупации района» и включает всего 68 листов. Она содержит, как столбики сухих чисел, так и описания ужасных злодеяний фашистов, которые они содеяли всего за несколько месяцев пребывания в городе: с 12 октября 1941 г. по 01 января 1942 г. Об этом коротком, но очень тяжелом периоде истории города, имеется немало материалов в Интернете, в газетных изданиях, в очерках воспоминаний. Но автору показалось ценным представить в сжатом виде сведения, отраженные на нескольких десятках архивных страниц, не все из которых были ранее освещены.

Старица – исторический город в Тверской области. Был основан тверским князем Михаилом Ярославичем в 1297 г. как крепость на одноименной реке. Расположен между Тверью (бывш. Калинин) и Ржевом, в 186 км (по прямой) от Москвы. Ныне – центр одноименного района. Численность населения на 2024 г. – 6639 чел. Его история знает много важных событий. Во время Ливонской войны 1558–1583 гг. здесь располагалась ставка Ивана Грозного. В XVIII–XIX веках Старица была крупной пристанью на водном пути из Москвы в Санкт-Петербург. Одной из важных достопримечательностей и святых мест города является Свято-Успенский мужской монастырь, по одной из версий, основанный иноками, пришедшими из киевских пещер, Трифоном и Никандром в начале XII в. И во время Великой Отечественной войны, в октябре 1941 г. этот небольшой город оказался на острие немецкого удара при наступлении на Москву.

2 октября 1941 г. немецкие войска начали генеральное наступление на Москву – операцию «Тайфун». На Московском и Калининском направлениях сложилась критическая обстановка. В районе Вязьмы попали в окружение армии левого крыла Западного фронта. Армии правого крыла с тяжелыми боями отступали на рубеж Осташков – Ржев. Между советскими частями образовался разрыв до 80 км, который противник немедленно использовал. В октябре 1941 г. с тяжелыми боями Красная Армия отступала в восточном направлении. Уже к середине месяца соединения вермахта оккупировали 38 из 69 районов Калининской области (Александрова, 2024).

Ржев был оставлен советскими войсками 14 октября 1941 г. Бои под Ржевом стали одним из самых кровавых эпизодов Великой Отечественной войны. В исследованиях приводятся разные данные об общих потерях Красной Армии во время Ржевско-Вяземской операции 1942–1943 гг. Нередко вместе указываются и безвозвратные и общие потери. Одни из достаточно взвешенных сведений, опирающиеся, в

**Оперативная карта Западного фронта за 10–14 октября 1941 г.
В районе Старицы нанесено условное обозначение немецкого десанта.
<https://vpk.name/images/i365520.html>**

том числе и на работы с архивами военного времени, отмечают, что безвозвратные потери оставили 392554 человека, а общие 1160787 чел. (Исаев, 2011). На одном только месте строительства Ржевского мемориала Советскому Солдату, который был открыт в 2020 г., поисковики обнаружили тела более 700 солдат и офицеров. На Военном мемориальном кладбище, где были с почестями перезахоронены эти останки, покоятся свыше 25 тыс. красноармейцев.

Генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр» писал в своем дневнике о плане наступления на Москву: «Если мы хотим перехватить противника, в случае если он станет отступать под натиском группы армий “Север”, то нам, как мне представляется, лучше всего перекрыть переправы на Волге между Старицей и Ржевом, и первым делом направить 3-ю танковую группу на Калинин вместо того, чтобы переадресовывать ее к северу. Если же противник не отступит, 3-я танковая группа может наступать в северном направлении от Калинина и Старицы» (Фон Бок, 2011, с. 191). Тогда немцы создали в районе Старицы мощный укрепленный плацдарм и одну из основных баз снабжения группы армий «Центр», войска которой в начале октября 1941 г. приступили к осуществлению операции «Тайфун» (осень–зима 1941 г.).

10 октября 1941 г. пала Сычëвка, 11 октября – Зубцов и Погорелое

Городище. Дивизии 3-й и 4-й танковых групп вермахта устремились на Старицу и Калинин. 12 октября немецкие войска после яростной бомбардировки с воздуха вошли в город. Удар был нанесен неожиданно: танки вермахта подошли к Старице не по ржевской трассе, а по проселочным дорогам через лес, что позволило им быстро захватить советский аэродром и зенитчиков (Савинов, 2026). Но надо сказать, что части, переброшенные к Старице 12–14 октября, на какое-то время замедлили проникновение частей вермахта на правый берег Волги и их продвижение. Город к вечеру 12 октября был оккупирован полностью. Эта дата стала одной из самых трагических в истории старицкой земли. Классической обороны города Старицы организовать не удалось, слишком быстро развивались события. В тот же день командование 22-й армии отдало частный боевой приказ: 174-й стрелковой дивизии форсированным маршем следовать в район Старицы, занять переправы через Волгу и прикрыть Калининское направление. Однако времени на организацию обороны практически не оставалось. В полдень 13 октября парашютисты противника взорвали понтонный мост у Старицы. Стационарного моста в Старице не было. Уничтожена была переправа через Волгу. Поскольку восточная часть города и дорога на Калинин находились у частей вермахта, пути отхода советским войскам по правому берегу Волги были отрезаны. 13–14 октября дивизии 29 армии и приданные ей части 31-й армии, отступая со стороны Ржева, вышли в район Старицы и заняли оборону на левом берегу Волги. Начались бои за возвращение города (Герасимова, 2025).

Интересная деталь: оккупанты построили для себя на этом месте (напротив Свято-Успенского монастыря) более прочный мост. После войны, в 1963 г. в другом месте был построен арочный мост, который после ряда ремонтов соединяет оба берега Волги в Старице и поныне.

После того, как в декабре 1941 г. немцы были выбиты из Калинина, Старица и ее окрестности стали опорным пунктом врага, перекрывавшим путь советским войскам на Ржев. А потому фашистами было приложено немало усилий, чтобы укрепить оборонительные подступы к городу – многочисленные противотанковые рвы и минные поля казались непреодолимой преградой для техники и живой силы. В немалой степени этому способствовали и естественные препятствия – холмистый рельеф местности и высокие крутые берега Волги. Город являлся и одной из основных баз снабжения немецких войск. На старицкий аэродром регулярно садились самолеты с боеприпасами, горючим, продовольствием, и все это незамедлительно отправлялось в немецкие войска.

5 декабря 1941 г. войска Калининского фронта, 6 декабря – Запад-

ного и Юго-Западного фронтов перешли в контрнаступление, и через три дня Гитлер был вынужден подписать директиву № 39 о переходе немецких войск к обороне на всем советско-германском фронте.

Освободив 15 декабря 1941 г. Клин, войска 30-й и 1-й Ударной армий Калининского фронта продолжили преследование отступавшего от Калинина противника и двигались в направлении Старицы. Задача, поставленная Ставкой Верховного Главнокомандования, заключалась в окружении врага в районе Старицы–Ржева, не допустив его отхода к Вязьме. Однако, как это часто бывает, в планы вмешалась непогода: пурга и снежные заносы сделали дороги труднопроходимыми для автотранспорта и артиллерии, каждый километр стоил нашим бойцам невероятных усилий, поэтому наступление развивалось медленно (Александрова, 2024).

31 декабря 1941 г. части 29-й и 31-й советских армий вплотную подошли к окраинам районного центра. Попытки противника отвести свои войска по Ржевскому шоссе были сорваны подвижными отрядами лыжников, конников и танкистов 31-й армии. Представитель Военного совета 31-й армии, полковой комиссар 247-й стрелковой дивизии Иван Филиппович Иванцов, находившийся в это время в дивизии, докладывал командованию: «Самим ходом боев дивизия была поставлена перед необходимостью овладеть всем городом Старица, не ограничиваясь его юго-восточной окраиной. Дивизия значительно продвинулась вперед и вплотную подошла к Старице, захватив перед этим Льгово (6 км от города) в 22 часа 31 декабря, а соседи справа и слева отставали <...> По моему указанию по подразделениям были проведены митинги под лозунгом: “Встретим Новый 1942 год в Старице!”» (Александрова, 2024а).

Боевые действия в районе Старицы приковали к себе значительное внимание командования обеих противоборствующих сторон, на протяжении нескольких дней сражавшихся у стен небольшого города на берегу Волги.

В ночь на 1 января 1942 г. наши войска ворвались в него с трех сторон. В ходе ожесточенных уличных боев приходилось отвоевывать дом за домом, улицу за улицей. Но уже в 10 часов утра над зданием местной средней школы развевался красный флаг. В боях за этот город отличились войска генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Масленникова и генерал-майора Василия Александровича Юшкевича.

В череде проведенных боевых операций этого периода освобождение Старицы явилось составной частью стратегического наступления советских войск зимой 1941–1942 гг., имевшего целью завершить разгром немецкой группы армий «Центр». Освобождение было оплачено

высокой ценой: около 13 тыс. советских воинов покоятся в братских могилах на древней старицкой земле (Александрова, 2024а).

После изгнания немецких оккупантов из города, стало известно об их многочисленных преступлениях, записи о которых и нам удалось

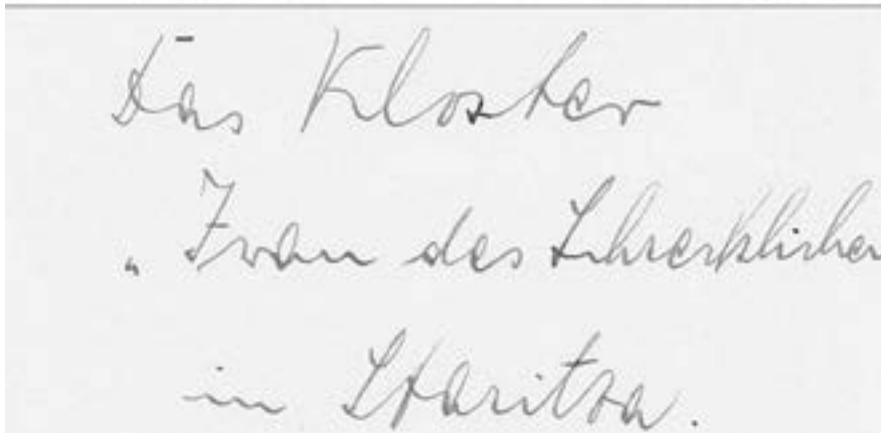
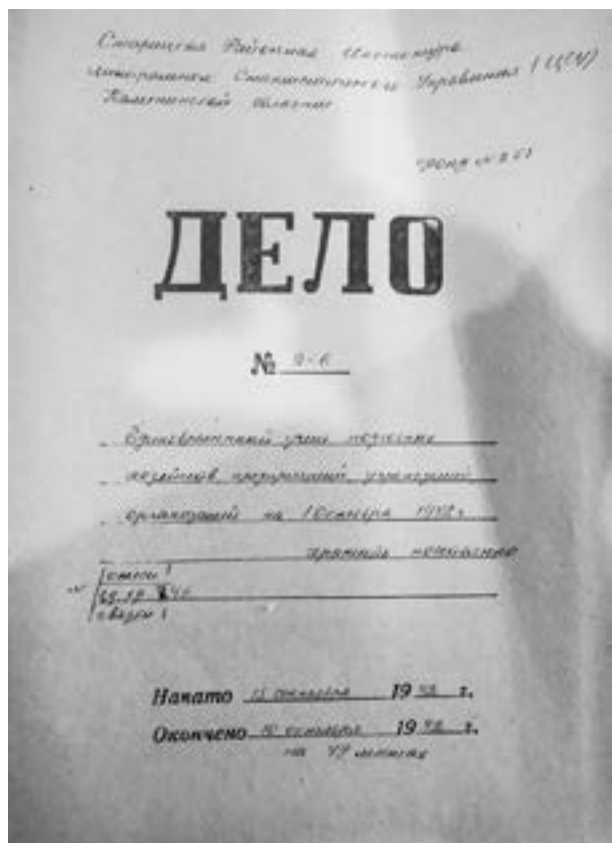

**Фото 2. Успенский монастырь, Трофейное фото. 1941 г.
Надпись на обратной стороне открытки на немецком языке:
«Успенский монастырь в Старице»**

**Церковь Параскевы Пятницы. Трофейное фото. 1941 г.
Надпись на обратной стороне открытки на немецком языке:
«Церковь для интернированных в Старице»**

найти в Архиве города. Так, помещения старицких церквей немцы использовали в качестве мест заключения военнопленных. Например, под одной из трофейных фотографий города военного времени имеется надпись: «Церковь для интернированных в Старице». На другом подобном фото – Пятницкая церковь, еще один храм, который фашисты использовали для заточения советских солдат. Во Введенском храме – подарке Свято-Успенскому монастырю от Ивана Грозного – фашисты заморозили 78 пленных красноармейцев. Акт этого злодеяния был одним из обвинительных на Нюрнбергском процессе.

**Материалы из архива г. Старица Тверской области
по оккупации его во время
Великой Отечественной войны**

одних раны были заткнуты тряпками, у других отрублены руки. Глаза завязаны черной тряпкой, вырезаны губы и допущены другие зверства.

При отступлении из деревни Фитино Сидоровского с/совета, немецкие фашисты постарались согнать всех жителей на улицу. Многие колхозники попрятались в ямы. Тогда фашисты стали бросать в ямы гранаты. Так было убито 20 человек.

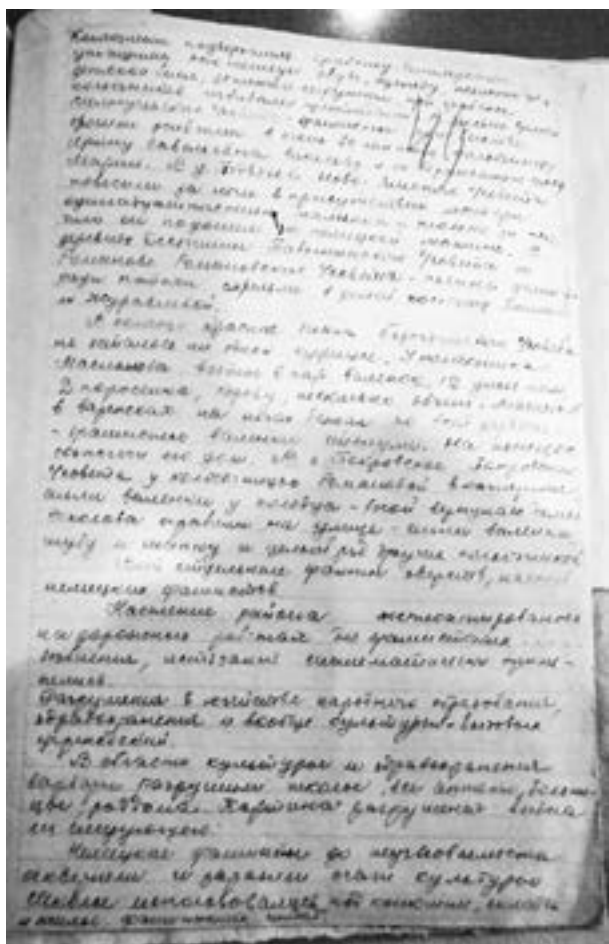
Колхозники колхоза «Сельмаш» Романовского с/совета подверглись жестоким истязаниям. Немецкие фашисты живой сожгли колхозницу Золотареву Ульяну, заморозили на улице Шаповалову Елизавету и Степанову Анну, замучили и убили Киселева – учителя,

«...У здания учебного пункта райвоенкомата фашистами было произведена зверская расправа над ранеными военнопленными красноармейцами и командирами. Трупы последних были брошены в яму, которая служила местом свалки мусора и других нечистот. При вскрытии ямы в ней оказались останки 83 человек. Большинство замученных красноармейцев были раздеты донага, остальные имели на себе только нательную рубашку. Все эти военнопленные подверглись зверским издевательствам: у

бригадира колхоза Васильева, и др. Гнусным истязаниям гитлеровские бандиты подвергли колхозницу Харкову. Многие колхозников загнали в колхозный подвал, где их разули и раздели. Чудовищным издевательствам подверглись дети. Группа ребят – Бойцов Николай, Бунешин Николай, Бычковы Александра и Михаил, Бардин Николай и многие в возрасте 10 лет – была посажена на две недели в холодный подвал, где [они] ежедневно избивались. Двухлетней девочке Тоне проломили голову» (Ф. 251. Д. 13–1. Л. 48).

«Оставшиеся в Старицкой больнице больные погибли. Памятник старины 15 века (одно из зданий был монастырь) сожжен. Музей с ценными предметами старины расхищен» (Там же. Л. 47).

«Колхозники подвергались грабежу. Гитлеровцы утащили всю теплую обувь, одежду, женское и детское белье, детские игрушки. При грабеже колхозников избивали прикладами. В деревне Орлово Мелтучевского с/совета фашисты при бегстве бросили живыми в огонь

Материалы из архива г. Старица Тверской области по оккупации его во время Великой Отечественной войны

70-летнюю колхозницу Ирину Савельевну Соколову и ее беременную сноху Марию. В д. Подвязово Ново-Ямского с/совета подвесили за ноги в присутствии матери одиннадцатилетнего мальчика только за то, что он подошел к немецкой машине. В деревнях Десятинки Бабынинского с/совета и Романово Романовского с/совета пьяные фашисты ради потехи стреляли в детей колхозниц Яшиной и Журавлевой.

В колхозе Красная Почка Бороздинского с/совета не осталось ни одной курицы. У колхозника Масленова взяты 6 пар валенок, 12 ульев пчел, 2 поросенка, корову, несколько овчин. Масленов в варежках на ногах бежал по всей деревне – фашисты валенки стянули. Напоследок сожгли его дом. В с. Покровское Покровского с/совета у колхозницы Романовой Екатерины сняли валенки у колодца – босой вернулась домой. Соколова ограблена на улице – сняли валенки, шубу и шапку. И целый ряд других колхозников» (Там же. Л. 49).

Подобных свидетельств множество. Так, Варвара Матвеевна Гусева из деревни Чудово Старицкого района, которой исполнилось 97 лет [2019 г.] вспоминает: когда солдаты вермахта 18 сентября 1941 г. захватили их деревню, женщине с четырьмя детьми, старшей из которых была 13-летняя Варвара, пришлось потесниться в своем доме и принять непрошенных гостей. Семье повезло. Их не выгнали на улицу, как многих других (Старицкий район стал одним из первых, 2020).

Из 60 деревень и сел в Степурином сельском поселении при их освобождении уцелел лишь населенный пункт Погост. Все остальные были сожжены, люди оставлены без крова.

«Семью Самолетовой немцы в 40-градусный мороз выгнали из дома. Она, отец и 9 детей. Немец гранату бросил в окоп. В живых осталось 3 детей. Младший замерз на теле убитой матери», – рассказал Александр Сырцов, учитель истории Степуринской средней школы» (Старицкий район стал одним из первых, 2020).

Сказанное выше – лишь небольшая часть свидетельств зверств фашистов на советской земле. В областном государственном архиве в Твери хранится более 73 тыс. документов, которые свидетельствуют об их злодеяниях во время Великой Отечественной войны и, особенно при оккупации. За это время в Калининской области погибло около 41 тыс. мирных жителей, в рабство угнано более 23 тыс. человек. «Чувствуется боль людская, перечисляются конкретные фамилии детей, стариков. Кто в основном был? Это старики, дети, военнопленные. И издевательства были действительно страшные <...> Целые деревни никогда так и не восстановились после оккупации. Были сожжены вместе с мирными жителями» (Старицкий район стал один из первых..., 2020).

На приехавшего в начале января 1942 г. в освобожденную Старицу военного корреспондента газеты «Правда» Александра Фадеева город произвел гнетущее впечатление: «Гнуснее всего эти титулованные и нетитулованные подлецы поступили с городом Старицей. Древний русский город, славившийся своими памятниками русского зодчества, необычный по красоте своей, разрушен и сожжен немцами полностью...» (Старица – гордость и боль тверской земли, 2022).

Сельское хозяйство и промышленность также понесли тяжелые потери. В том же архиве в деле 13– 1 (Ф. 251, Д. 13-1) на листе 41 имеются такие записи: «Ограблено семенного материала в колхозах: ржи 17557 цент., пшеницы 396 ц., гречихи 1856 ц., картофеля 41593 ц., льносемена 3981 центнер. Значительным опустошениям подверглись колхозы и колхозники Степунинского, Сидоровского, Романовского, Кобелевского, Болдыревского, Возницкого, Юрьевского, Куровского, Мичковского, Богоявленского, Пентуровского сельсоветов». В табл. 1 представлены дополнительные данные, которые показывают потери хозяйства города Старица и Старицкого района.

Таблица 1. Некоторые потери в г. Старица и Старицкого района за время оккупации*

	Было до оккупации	Было до оккупации Потеряно (сожжено, разрушено, уничтожено)	Осталось
Население Старицкого района	51902		В районе 31284 чел., в т.ч. г. Старица – 3800 чел. (1948 г.)
Школы	68	32	36
Дом культуры	1	1	0
Больницы	2	2	0
Амбулатории	9	7	2
Частные домовладения в городе	292	92	200
Памятник старины	1	1	0
Всего жилых построек (изб)	10570	5503	5067
Лошади	7245	5210	2035
Крупный рогатый скот	3941	2374	1567
Свиньи	4100	4077	23
Козы	1340	400	940
Овцы	3986	3099	887
Птицы	76 000	71 000	5000

* Составлено автором по данным из Архива г. Старица (Ф. 251, Д. 13-1; начато 27.02, окончено 15.03.1942)

**Памятник дважды Герою Советского союза маршалу СССР
М.В. Захарову в г. Старица. Фото автора. 2017**

«Разрушения в промышленности. Разрушены следующие предприятия: Сапоговаляльная фабрика облеглопрома, типография районной газеты «Соцльноводство», маслозавод Главсырпрома, деревообделочное, гончарное, черепичное, сапоговаляльное производства, кирпичный завод, хлебопекарня, производство безалкогольных напитков Райпищепромкомбината, гребеночное производство, хлебопекарня, завод по переработке овощей кустарно-промысловой артели Борьба³, Кузнечно-слесарная мастерская куст. пром. артели «Металлообъединения». Прядильно-ткацкая мастерская кустарно-промысловой артели Ткач⁴. Разрушено оборудование воско-экстракционного завода Наркомзема РСФСР. Нанесены разрушения в оборудовании льнозаводов – Старицкого и Романовского. Уничтожено 78 кузниц колхозов из 149 имевшихся в районе. Сожжено 3 мельницы из 7 принадлежавших Райпищекомбинату и 9 мельниц колхозов из 18» (Л. 44, 45).

«Население города разрушенных и сожженных домов проживает в сохранившихся домовладениях. Население сельской местности размещено по населенным пунктам района и проживает в оставшихся избах» (Л. 45).

³ Так, без кавычек в оригинале.

⁴ Так, без кавычек в оригинале.

Несмотря на все эти потери и тяжелейшее состояние жилого фонда и самих жителей района, ведется подготовка к весенней посевной: «Подготовительные работы к весенне-посевной кампании, как комплекс мероприятий по восстановлению разрушенного сельского хозяйства характеризуются следующими показателями. Мастерские МТС восстановлены и проводят ремонт тракторов. Кузницы в 54 колхозах готовят с/х инвентарь к весенней посевной кампании. Отремонтировано 1403 плугов, треб. ремонта 3297; 1280 боронь, треб. ремонта 3310, сеялок рядовых 60, треб. ремонта 101 <...> Источниками поступления семенного материала являются колхозные хозяйства, от которых взяты обязательства к засыпке семян, а также обмен среди колхозов района. Минеральных удобрений на месте нет. Оставшиеся на складах сельскохозяйственного минеральные удобрения немецкими оккупантами приведены в негодность. На месте организован сбор следующих удобрений: золы и куриного помета. Золы собрано 549 ц. при плане 4500 ц., куриного помета 5 ц при плане 48 ц <...>

Мероприятия по подготовке кадров следующие: на курсах трактористов обучается 52 ч., льнотеребильщиков 8 ч., машинистов 24 ч., комбайнеров 50 ч. На курсах председателей колхозов – должно пройти [обучение] 120 ч., из них 40 ч. – закончили курсы» (Л. 41–43).

Более 20 тыс. человек, уроженцев Старицкой земли, сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них совершили подвиги и были награждены боевыми наградами Родины. 16 жителей Старицкой земли были удостоены звания Героя Советского Союза. Бывший начальник штаба Калининского фронта, уроженец д. Войлово Старицкого уезда, впоследствии маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров (1898–1972) был начальником Генерального Штаба ВС СССР (1960–1963, 1964–1971). Ему дважды присвоено звание Героя Советского Союза. В центре города ему установлен памятник. В честь Героев Старицкой земли 12 октября 2015 г. в Старице была обустроена Аллея Героев, на которой установлены стелы с их портретами.

Нельзя не выразить сердечной благодарности зав. архивом г. Старицы Елене Цветковой. Без ее ценной помощи было бы сложно не только написание этой небольшой заметки, но и многих исследований, которые были проведены и опубликованы по истории этого замечательного старинного русского города.

Литература

- Александрова О.А. В боях за Старицу // Старицкий Вестник. Общественно-политическая районная газета. 17.12.2024.
- Александрова О.А. В боях за Старицу. Освобождение // Старицкий Вестник. Общественно-политическая районная газета. 28.12.2024а. <http://st-vestnik.ru/mestnoe-vremya/v-boyah-za-staricu-2.html>
- Герасимова С.А. В боях за Старицу // Старицкий Вестник. Общественно-политическая газета. № 24. 2025.
- Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабинаина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. М., 2018. 111 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 267).
- Григулевич Н.И., Ямсков А.Н., Зыкина О.А., Дубова Н.А., Григорян Г.Ш., Сабинаина Д.С. Малые русские города в начале XXI века / Отв. ред. Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсков, Н.А. Дубова. М.: Старый Сад, 2022. 412 с.
- Исаев А. К вопросу о потерях советских войск в боях за ржевский выступ // <https://statehistory.ru/1955/K-voprosu-o-poteryakh-sovetskikh-voysk-zarzhhevskiy-vystup/> 2011.11.08.
- Малые и средние города: история и современные проблемы. Этнографические очерки. (К 100-летию М.Н. Шмелевой) / Ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред), И.С. Слепцова (Кызласова) (отв. ред.), А.Н. Ямсков, Д.С. Сабинаина. М.: Старый сад, 2024. 328 с.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века: М.: Старый сад, 2019. 290 с.
- Савинов С. Бои над Волгой: как захватили и потом освободили Старицу. 01 января 2026 г. <https://toptver.ru/histories/boi-nad-volgoj-kak-zahvatili-i-potom-osvobodili-staricu/>
- Старица – гордость и боль тверской земли https://dzen.ru/a/YdmsoOvfZmBLxc_b 2022.09.01.
- Старицкий район стал одним из первых в Тверской области, куда пришли немцы во время войны // Вести Тверь. 23.06.2020. https://vesti-tver.ru/dailynews/staritskiy-rayon-stal-odnim-iz-pervykh-kuda-prishli-nemtsy-vo-vremya-voyny/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
- Фон Бок Федор. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Пер. А.Л. Уткина. М.: Эксмо, Яуза-пресс, 2011. 512 с.

II

НА ЛИНИИ ОГНЯ: БУДНИ И ПОДВИГИ

С.С. Валеева

Я ГОРЖУСЬ СВОИМ ОТЦОМ

Рассказ Сании Валеевой, агрохимика, сотрудника Башкирской республиканской проектно-изыскательской станции химизации сельского хозяйства, о своем отце. Он, уроженец небольшого башкирского села в Оренбургской области, был призван в армию в 1942 г. и дошел с боевыми товарищами до Берлина. Вернулся домой с орденами и медалями.

Этот текст – воспоминания моей мамы, Валеевой (Магадеевой) Сании Саитгалеевны, 1938 г. рождения, ребенке военного времени, об отце, который вернулся живым и почти невредимым с фронта. Хотя семья жила в глубоком тылу – в Башкирии, но тогда действительно отдавалось «все для фронта, все для победы», поэтому жизнь в башкирской деревне была очень трудной и голодной. Тем не менее, мама сумела закончить школу, поступила в Башкирский сельскохозяйственный институт, получила специальность агрохимика, работала по специальности. На первом курсе она познакомилась с моим будущим отцом, на третьем курсе они поженились и прожили долгую жизнь вместе – 62 года рука об руку. Она очень любит историю, книги по истории занимают почетное место в ее обширной библиотеке, поэтому на предложение написать свои воспоминания об отце откликнулась сразу. Часто жалеет, что не записала все это раньше, когда он рассказывал о себе и о войне.

Л.В. Сатаева⁵

К 80-летию окончания этой тяжелейшей для всего народа и моей семьи войны решила написать воспоминания свои и своих близких, а так же моего отца, который дошел до Берлина и вернулся с орденами и медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За отвагу», орденом II сте-

⁵ Лилия Вакиловна Сатаева и ее муж Роберт Мидхатович Сатаев (1971–2023) – специалисты в области археозоологии и археоботаники. Они много лет проработали в составе Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции ИЭА РАН и Министерства культуры Туркменистана.

**Послевоенное фото С.М. Магадеева.
Семейный архив Сатаевых**

Башкортостан).

В маленькой деревне из 25 домов на фронт ушли 35 человек. Но отца нашего с первой волной не взяли, дали бронь, т.к. он был бригадиром тракторной бригады при МТС⁶, а они обслуживали весь район от пахоты до уборки. Он пошел служить в армию осенью 1942 г. Мне, автору этих строк было четыре года.

У мамы на руках остались пятеро детей, старшему брату было 11 лет, младшему – два месяца. Из Магадеевых на войну ушли четыре брата. Отец вспоминал, что на поле боя он никак не мог стрелять в людей, пока не узнал, что убили младшего брата Хажигали, у которого остались два сына. Двое других братьев вернулись изувеченными. Из 35 человек, ушедших на фронт, 13 погибли или пропали без вести, только два-три человека вернулись на своих ногах, остальные – инвалидами.

В годы войны все работы в колхозе, дома, и забота о детях легли на плечи женщин. Молодых женщин и девушек отправили на торфо-

пени Отечественной войны» и другие, всего девять орденов и медалей. Он получил также Благодарственное письмо «Боевому товарищу» за честную службу на благо нашей Родины за подписями Главнокомандующего Советскими оккупационными войсками в Германии Маршала Советского Союза Г. Жукова и члена Верховного Совета генерал-лейтенанта Телегина, в июле 1945 г. (записи и путь службы хранятся в музее с. Исянгулово Зианчуринского района Республики Башкортостан).

Мой отец, Магадеев Саетгалей Мурзагалеевич, родился в 1907 г. в селе Валиша (I Назарово) Оренбургской губернии (сейчас относится к Зианчуринскому району Республики

⁶ МТС – машинно-тракторная станция.

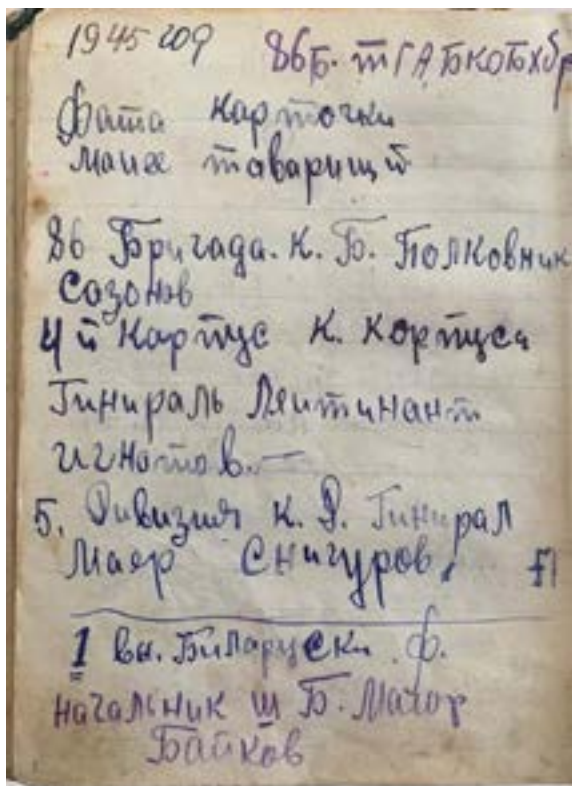
заготовку, стариков и непригодных для армии – в «трудармию».

По вечерам женщины вязали теплые вещи для солдат, сушили картофель, хотя иногда самим есть было нечего. Все было для фронта. Мне было где-то пять лет, когда я опухла от голода, волосы дыбом, сама как шар. Мама вынесла меня на свежий воздух, положила под телегу, на которой 12-летний брат возил семена из Саракташа (Оренбургской области). Позвала мама проходящего мимо председателя колхоза и показала на меня. Он сказал: «Ничего, на войне еще больше умирают, у тебя еще

четверо детей». У нас не было коровы, это особенно трудно, когда много ртов, еще дома грудной ребенок. Он все же выписал 2 литра молока и 1 кг муки. Так вот и жили.

Весной женщины пахали землю на своих коровах. Несмотря на все трудности, наша мама сумела сохранить жизнь всем детям, воспитывала, мы не болели трахомой, как в других семьях, не простывали, хотя бегали по снегу в козьих колючих носках. К приезду отца у нас была корова, хотя очень старая, но с молоком, и 28 коз с козлятами, а до войны было 2 козы с молоком.

Отец писал с войны, как переправлялись через большие реки Днепр, Вислу, Одер. Писал, как много людей погибло под бомбами, утонуло, а он, слава Богу, жив, нашими молитвами. А мы молились. Наш отец умел писать на арабском, латинском и кириллице. Иногда он писал

Блокнот с фронтовыми записями С.М. Магадеева.
Семейный архив Сатаевых

Удостоверение ефрейтора С.М. Магадеева
медали «За освобождение Варшавы». Семейный архив Сатаевых

четверостишиями длинные мунажаты⁷.

У меня хранятся его стихи на башкирском языке, переведенные нами на кириллицу. Но содержание стихов настолько страшное, что трудно верилось, что такое могло быть. После войны, когда он рассказывал об этом, слезы текли из глаз.

Вот пара сюжетов этих стихов. В одном освобожденном селе они вытащили из колодца 17 детей, проткнутых штыками и брошенных

⁷ Мунажаты — один из древнейших жанров музыкально-поэтического творчества башкир и татар. В переводе с арабского языка «мунажат» означает «словословие, просьба, жалоба, сетования богу, мольба».

Часть боевых наград С.М. Магадеева: орден Красной звезды, медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны II степени (получен во время войны). Семейный архив Сатаевых

туда. Или, войдя в один дом, они увидели мертвую женщину на полу, а на ней ползал маленький ребенок, искал грудь, а в другом доме увидели ребенка, проткнутого штыком, как и мать.

Когда освобождали Варшаву, они разминировали какой-то город рядом, который немцы хотели полностью разрушить, но не успели. Такая же участь ожидала и Варшаву, говорил он.

Отец рассказывал такой случай. Из-за бомбежек нарушилась телефонная связь полевого штаба с центром. На восстановление послали трех солдат, в том числе его. Поползли, обнаружили обрыв провода, но не смогли соединить, решили, держа руками, обеспечить хотя бы временную связь. Началась бомбежка. Один из них погиб, другой был тяжело ранен, а отца завалило землей от снаряда. Откопал его земляк из соседнего села (Ямурза-зять), служили вместе, видимо, не опоздал. Отца контузило, он из-за этого всю жизнь плохо слышал (хотя в документах написано, что контузий не было), а особых телесных ран не было, только мизинец ноги чуть пострадал.

Еще к одному воспоминанию отца мы часто возвращались, так как он при этом получил серьезное, но невидимое пожизненное увечье, от чего потом и ушел из жизни. Однажды осенью они ходили за «языком» («язык» – пленный противник, от которого можно получить необходимые сведения), но попали в окружение. Чтобы самим избежать

плена, зашли в озеро, что было рядом, и спрятались в камышах. Днем сидели в камышах с трубочкой во рту, чтобы дышать, когда прятались от самолетов-разведчиков, а ночью стояли, пока наши не заняли озеро. Так трое суток продолжалось это испытание. Привез он от этого «купания» туберкулез на всю жизнь до 26 октября 1983 г.

Конечно, мама моя, умница, лечила его народными средствами: козьим кумысом, молоком и мясом, устроила охранником на бахчах, которыми она заведовала. Дыня, арбуз – это тоже лечение, а свежий воздух! После войны родился у них еще один сын. Мой отец после войны работал долгие годы бригадиром в колхозе.

У меня хранится написанный его руками автограф, как 18 апреля 1945 г. они вошли в Берлин и сколько орудий, самолетов, танков были задействованы (4000 танков, 22000 орудийных стволов, 17000 самолетов), и как это было организовано Г.К. Жуковым, и причина спешки. Он говорил, что «долго ждали открытия второго фронта, а вот мы подошли к логову фашистов, и вдруг хотят опередить Красную армию американцы и англичане, вступив раньше нас в Берлин». Тогда, в ночь на 18 апреля маршал Г.К. Жуков решил, что нельзя допустить, чтобы первыми вошли союзники, а не Красная армия, которая пять лет с такими потерями, страданиями воевала с фашистами. И он приказал, чтобы все силы с включенными фарами, прожекторами, шумом, сиренами вошли в Берлин.

При этом в следующие дни (возможно, от неожиданности) улицы Берлина были не так страшны для прогулок, чем попозже. Похоже было, что немцы ушли или спрятались подальше. Спустя какое-то время мой отец с несколькими солдатами, с разрешения начальства, решили выйти на прогулку в Берлин. С должной осторожностью они пошли в сторону рейхстага (он называл его «аристах»). Один из них, фамилия его Загитов (из Ермекеевского района Башкирской Автономной Советской Социалистической республики) с завернутым на теле знаменем поднялся на стену, развернул и повесил его, и тогда – то тут, то там также появлялись красные знамена наших солдат («Никакой Кантария и Егоров», – говорил он. Кроме них – официально признанных героев, поднявших знамя над куполом рейхстага, были и другие солдаты, заранее готовившиеся и установившие флаги на здании⁸). Тогда они, спустившись, вырезали перочинным ножом свои

⁸ «В реальности каждая армия, наступающая на Берлин, готовила свое Красное знамя для установки над Рейхстагом. В 3-й ударной, к слову, было 9 знамен. В результате над историческим зданием взвилось порядка 40 полотнищ. И еще 20 лет назад вопрос, кто первым совершил подвиг, дискутировался» (Т. Уланова. Знамя и фамилия. Судьбы Егорова, Кантарии, Береста и их потомков. «Аргументы и факты», № 18, 30.04.2025).

фамилии на стене рейхстага. Дорогу в часть можно было сократить, если спуститься в метро, они так и сделали. Но через несколько минут увидели, что навстречу бежит толпа, кричит, а под ногами вода. Успели выскочить из метро. «В метро пустили воду, они даже своих не жалеют» – говорил отец. Немцы затопили много детей и женщин. Мои деревенские друзья и даже старшие слушали про это с недоверием: «Эй, бабай, заливают!», – говорил один мальчишка, но это было до тех пор, пока мы не посмотрели кино «Падение Берлина». Мы, девочки, плакали от жалости к тонущим. Фильм мы смотрели через окно старого клуба, войти туда у нас не было пяти копеек. Вот такое было счастливое детство у нас, детей победителей!

С.М. Демидов

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ В СУДЬБАХ ПОКОЛЕНИЙ

Автор, принадлежащий к поколению «детей войны», делится воспоминаниями о начале Великой Отечественной, которую он встретил пятилетним мальчиком в Подольске, где его отец, инженер-майор Михаил Демидов, служил преподавателем в артиллерийском училище. Осенью 1941 г. весь состав училища участвовал в обороне Ильинских рубежей под Москвой. Позже семья была эвакуирована в Киргизию, затем в Бухару. Автор описывает тяжелые испытания военного лихолетья, потерю младшего брата, судьбы родственников на фронте и в подполье, подчеркивая важность сохранения памяти о войне для новых поколений.

ЕСТЬ СОБЫТИЯ в истории всех стран и народов, которые, несмотря на все большее удаление от них, все равно остаются в памяти новых поколений как своего рода эстафета от их предшественников, если брать период новой истории, то для россиян и целого ряда народов, живших в тесном контакте с ними в едином государстве, именовавшемся Советский Союз, это, несомненно, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и распад огромной державы в начале 1990-х. Несмотря на всю трагичность этого распада, Великая Отечественная, давшая возможность прожить людям после нее почти полвека мирной жизнью, была несравнимо драматичнее, ибо так или иначе затронула буквально все семьи страны. Прошлась она и по нашей семье, и по семьям всех близких родственников.

Автор этих строк относится к тому ныне тоже уже немногочисленному поколению, которое власти официально называют «дети войны» и даже время от времени высказывают мысль о каком-то материальном поощрении за перенесенные в детстве тяготы. 3 июля 1941 г., в день, когда Сталин выступил с обращением к советскому народу, мне исполнилось ровно пять лет. Жили мы тогда в подмосковном Подольске, где мой отец, Михаил Григорьевич Демидов, инженер-майор, был преподавателем ПАУ – Подольского артиллерийского училища, которое вместе с пехотным училищем в октябре 1941 г. прославилось при защите Ильинских рубежей в Малоярославецком районе Калужской области (об этом речь впереди).

Михаил Григорьевич Демидов – инженер-майор. Предвоенный снимок⁹

родке, окруженном подковой голубых гор, киргизы переправляющиеся верхом через мелкую, но бурную Чу, сосед-охотник дяди Коли, величественно восседавший в своей белой войлочной шапке на коне с ловчим соколом на руке в кожаной рукавице – все это оставило неизгладимое впечатление и наверно явилось первой искрой, пробудившей у меня дальнейший интерес к Востоку.

Вернулись мы в Москву поздно вечером 21 июня. В Подольск добрались, когда я уже был в полусонном состоянии. А утром, в воскресенье, проснувшись позже обычного, я был удивлен, что в комнате никого из взрослых нет, хотя сегодня и выходной день (мама тоже работала в училище как вольнонаемная по линии культуры). Выйдя на общую кухню нашей коммуналки, где жили три или четыре семьи, я

Впрочем, о начале войны я узнал несколько раньше, а именно 22 июня. Дело в том, что отец, взяв в июне очередной отпуск, решил съездить к маминему старшему брату Николаю в город Токмак в Киргизии. Естественно, с супругой Анной Львовной, моей матушкой, и мной. Младшего братишку Володю, которому тогда исполнилось лишь два года, в дальнюю дорогу брать не решились, и он остался на попечении живших с нами обеих бабушек – матери отца Прасковьи Степановны (в обращении нас, детей, бабы Пани) и матери мамы Анны Ивановны (для нас просто бабушки). Пробывание в этом го-

⁹ Это и все другие фото в данной статье из личного архива автора.

**М.Г. Демидов с другими офицерами-преподавателями (сидит в центре)
Подольского артиллерийского училища. г. Подольск, 1940 г.**

увидел, что вся ее женская половина собралась у черной тарелки репродуктора на стене и напряженно слушает речь какого-то дяденьки. У некоторых на глазах слезы. Позднее я узнал, что это было выступление Молотова, который объявил о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны. Отец же, как и другие офицеры, жившие в нашем многоквартирном доме у речки Пахры, был еще рано утром вызван в училище.

Правда, тогда злое слово «война» не произвело на меня особого впечатления. Мы, мальчишки, чуть ли не каждый день играли в войнушку, каждый раз без особых усилий побеждая врагов нашей страны. Взрослые же, конечно, восприняли эту весть серьезно, хотя поначалу и не осознавая всего масштаба бедствия. Ведь официальная пропаганда утверждала, что на нас напасть не посмеют, а уж если нападут, то воевать мы будем на чужой территории. Бабушка Анна Ивановна, может быть, вспомнила, как в прошлую войну с Германией, осенью 1914-го, с нянькой ездила к мужу-поручику в часть, стоявшую тогда во входившей в состав Российской империи Польше, показать родившуюся уже без него дочь – мою будущую матушку. Фронт был еще далеко, но после того, как прилетевший германский самолет сбро-

сил на городок несколько бомб, одна из которых разорвалась на соседней улице, дед мой, Лев Федорович Перегонец, срочно отправил жену с ребенком домой в городок Жиздру Калужской губернии.

У взрослых продолжалась своя взрослая жизнь, а у нас детей, своя. Единственное, что изменилось, это то, что играя перед домом, мы теперь почти не видели пустым уходящее мимо куда-то вдаль шоссе. По нему, спустившись с моста через Пахру, непрерывным потоком на запад шли машины с техникой и солдатами, тягачи или конная тяга тащила пушки, иногда проходили танки и броневики. Все это было необычно, но не нарушало наших детских игр. Но фронт постепенно и довольно быстро приближался. В июле начались ночные налеты немецких самолетов на Москву. Подольск, через который они пролетали, пока не бомбили, но поступило распоряжение после сирены воздушной тревоги жильцам спускаться в подвал дома, где было оборудовано бомбоубежище. Отец чаще всего с нами не спускался, лишь помогал перебраться. Остальным же приходилось проделывать этот маршрут, нередко поднимая сонных детей (помимо нас с Володей еще и трехлетнюю Люду, дочь дяди Коли, которую мои родители взяли погостить у нас до его ответного визита). Брали складные стульчики или табуретки, а после отбоя весь караван возвращался на свой этаж.

Но, как говорится, человек привыкает ко всему. И через какое-то время, видя, что ничего страшного не происходит, люди сначала робко, а затем все увереннее начали выходить из душного подвала на свежий воздух, рассаживаться на вынесенных табуреточках (сидалках) на тротуаре вдоль стены дома и не только обмениваться дневными новостями, но и как зрители участвовать в своего рода шоу, следя как наши зенитчики, располагавшиеся за ближней рощицей, пытаются щупальцами прожекторов перехватить летящие к Москве немецкие самолеты. Вслед за прожекторами в небо устремлялись красные пункты очереди зениток. Говорили, что за речкой, у деревни Ивановки (за точное название не ручаюсь) уже сбили один самолет. Все это продолжалось до момента, когда в один из не прекрасных дней, а точнее, ночей, один из немецких самолетов, спасаясь от лучей прожекторов, снизился на минимальную высоту (показалось, чуть ли не над крышей нашей пятиэтажки) и дал очередь трассирующими пулями по асфальтированной дорожке, окружающей дом. То ли у фашиста не выдержали нервы, то ли случайно нажал на гашетку, кто знает. В этот момент отец, спустивший в этот раз с нами в подвал, вышел со мной подышать свежим воздухом и вел меня за руку по дорожке. Вдруг я увидел, как в нескольких метрах перед нами по дорожке и дальше процокала лента ярких огоньков, напомнивших мне разноцветные фонарики,

Семья Демидовых. Крайняя слева стоит Прасковья Степановна, мать Михаила Демидова, отца автора. На его коленях – сын Володя. Рядом с Михаилом сидит Анна Львовна, мать автора. Сергей, автор статьи, стоит между ними. Крайняя справа – Анна Ивановна, мать Анны Львовны; рядом с ней – двоюродная сестра автора Люда. г. Подольск. Июль 1941 г.

которые зажигали у нас на новогодней елке. Правда, отец, человек военный, круто развернулся и пошел со мной ко входу в подвал, где творилось нечто несусветное. Самолет давно пролетел, а страх только сейчас дошел до людей. Все устремились в неширокие двери подвала, причем, не забыв о своих стульчиках и табуретках. Выждав пока все пройдут, мы с отцом спокойно прошли на свое место, где нас ждали встревоженные родные. Так «черная дама с косой» прошла один раз в нескольких метрах от автора этих строк, но и одного раза было бы достаточно, если бы мы успели сделать эти несколько шагов раньше.

Не ручаюсь за точность дат, но полагаю, что вышеописанный случай произошел где-то в конце июля – начале августа. Думаю, после него отец и решил, чтобы не искушать судьбу, отправить семью подальше от возможных опасностей. Снова в глубокий тыл – известный уже нам городок Токмак к дяде Коле, которому ввиду изменения общей обстановки необходимо было вернуть дочь. И тогда же, очевидно, предчувствуя скорое расставание и неизвестность дальнейшей судьбы, было

сделано фото, на котором запечатлена вся наша семья и двоюродная сестра Люда. На коленях у отца брат Володя, слева от него его мать Прасковья Степановна, а справа от мамы ее матушка Анна Ивановна, перед ней Люда. Между родителями собственной персоной устроился я. Качество фотографии, конечно, не сравнить с довоенными фото, не говоря уже о дореволюционных, когда у фотографов было достаточно серебра и других компонентов, необходимых в их профессии.

Вскоре отцу удалось осуществить свою задумку. Не помню, как мы добирались из Подольска до Москвы, может на том же грузовичке, на котором ехали по Москве до Казанского вокзала. Почему-то в памяти всплывает знакомая еще по довоенному посещению мавзолея Ленина Красная площадь со стоящими маленькими танками, очевидно броневичками, которые мы, дети, называли танкетками. Прощай Подольск, в котором удалось побывать лишь через 67 лет с сыном, невесткой и внучатами.

Второе путешествие в Токмак ничем не напоминало первое. Там был офицерский литер, купе, довоенное обслуживание, молодой спортивный 34-летний мужчина с молодой 27-летней женой и уже самостоятельным сыном. Здесь же две женщины (Прасковья Степановна осталась в Подольске на хозяйстве), одна из которых уже пенсионного возраста, и трое малышей, одному из которых всего два, а другому три года. Никаких купе – обычный плацкарт. На станции Арысь в Казахстане, пересадка на киргизское направление. Толпа, толчея, шум-гам. Какие-то проблемы с компостированием билетов. Вдобавок, в суете толпы потерялась Людмила. Мама и бабушка в отчаянии. И вдруг, помню, какой-то высокий дяденька, подняв на руках вверх ребенка, зычно кричит: «Чья девочка?». Оказалось, наша, Людмила. Еще помнится, как молодые ребята-красноармейцы помогают нашему табору сесть в вагон... И вот наконец снова Токмак.

К семье дяди Коли и так состоящей уже из пяти человек, трое из которых были малыми детьми – трехлетняя Людмила, ее младшие братья-погодки Игорь и Коля – неожиданно прибавилось еще четверо жильцов. Потянулись недели нервного ожидания. Сначала прекратилась связь с тетей Верой, старшей сводной сестрой мамы, жившей с мужем под Ленинградом в Стрельне. Возобновилась она лишь через шесть лет, в 1947 г. Оказалось, что, когда в сентябре сомкнулось гитлеровское кольцо блокады города Ленина, все население блокадной полосы было немцами выселено в вольное плавание. Тетя с мужем сначала перебрались на Псковщину, затем в Белоруссию, а потом уже без мужа, язвенника, не вынесшего лишения беженства, она оказалась на территории Польши, где ее и других ее спутников по несчастью в

**Тетя Вера (Вера Степановна) с мужем (крайние справа). В центре бабушка Анна Ивановна. Слева родители (Михаил Григорьевич и Анна Львовна). Малыш на коленях тети Веры – автор статьи.
г. Стрельня под Ленинградом, 1936 г.**

1944 г. освободили наши солдаты. Потом пропала связь и с отцом. Подольск перестал отвечать.

За это время уже пришла повестка в военкомат и дяде Коле, Николаю Львовичу Перегонец, 1913 г.р. Помню, как непонятным нам, детям, жестом крестного знамения осеняла его мать – наша бабушка, человек дореволюционный, 1885 г.р., и глубоко верующий. Вряд ли, конечно, сыграло какую-то роль это крестное знамение, а скорее то, что он был отцом трех мал-мала меньше ребятишек, но первый раз дядю Колю не мобилизовали. Это случилось позже, когда мы уже уехали из Токмака. Где-то в это время был призван и другой старший брат мамы, дядя Лева, Лев Львович Перегонец, 1912 г.р., с которым мы держали связь. Со стороны отца следующий за ним брат Виктор Григорьевич, 1914-го г., уже служил в части, располагавшейся в районе Батуми в Абхазии. Позднее, осенью 1941-го, когда наши войска по договоренности с руководством Ирана вошли в северо-западные провинции страны, граничащие с Турцией, он оказался на территории соседнего государства. Наконец, самый младший брат отца, Максим Григорьевич, 1919-го г.,

Автор статьи (во втором ряду справа) с членами семей дяди Лёвы (Льва Львовича Перегонца; крайний слева в первом ряду) и дяди Коли (Николая Львовича Перегонца; крайний справа) – активных участников Ввеликой Отечественной войны. г. Алмалык (Узбекистан). Июль 1955 г.

был призван в Икорецкие лагеря¹⁰ (так запомнилось мне это название со слов взрослых) в том же 1941-м, о чем сообщил в своем единственном письме старшему брату Михаилу.

В Токмаке военной поры уже не было, как в прошлый приезд, веселых плаваний по соседнему арыку в большом деревянном корыте, не видно было соседа-киргиза с соколом на руке, а высоченный дядя Коля не гулял, посадив меня на плечи, по волнующе пахнущей свежей смолой и гудроном новой железнодорожной ветке, которую он и его товарищи прокладывали в сторону далеких гор. Зато в один из дней все соседки заторопились на станцию к прибытию первого эшелона с ранеными – вдруг среди них узнают родственника или знакомого. Взяв меня, пошла и мама. Стоявшие вокруг женщины горестно вздыхали, вытирали глаза платочками. А я был поражен, увидев сколько взрослых дяденек выходят, а иных выносят на носилках, с забинтованными руками, ногами, головами. Ведь в своей еще небольшой жизни я лишь один раз год назад подвергся этой процедуре, когда, чтобы

⁹ Икорецкие лагеря находились в Бобровском районе Воронежской области – Прим. ред.

сократить дорогу к намеченной цели, нырнув под чей-то правительственный портрет, рановато распрямился и завис головой на небрежно вбитом гвозде.

Вскоре мама встретила на улице цыганку, которая, увидев ее лицо, успокаивающе сказала: «Не переживай так, муж твой жив и скоро вернется».

И действительно, через неделю, где-то в конце октября, от отца пришла долгожданная телеграмма, что он жив-здоров, а еще наверно через месяц за нами приехал и он сам, живой и здоровый, только похудевший. Радость этой встречи описать невозможно. Отец рассказал о событиях, что произошли в конце сентября. О них спустя многие годы и даже десятилетия мы узнали из документальных и художественных фильмов, очерков и книг их непосредственных участников. А тогда и долгое время после для нас основной источник сведений был один – рассказы отца.

После нашего отъезда из Подольска жизнь училища продолжалась в заданном режиме, конечно с учетом военного времени. Курсы военных дисциплин были уплотнены, на преподавателей легла дополнительная нагрузка. Вести с фронта не радовали, но никто не думал, что враг может так быстро приблизиться к сердцу страны – Москве.

Августовско-октябрьский период жизни ПАУ описан в изданной издательством ДОСААФ СССР в 1979 г. 75-тысячным тиражом документальной повести «На Варшавском шоссе» тогда еще полковника Ивана Семеновича Стрельбицкого, назначенного в начале августа 1941 г. на должность начальника училища (Стрельбицкий, 1979). Помню, как в очередном после рабочего дня походе за новинками по книжным магазинам Ашхабада, где я тогда жил и работал, увидел эту небольшую книжку и купил ее, поскольку в аннотации упоминались подольские курсанты. Ночью прочитал и, в трех эпизодах увидев фамилию родного отца, утром поспешил скорей в тот же магазин возле Университета и купил все оставшиеся девять экземпляров. В другие магазины эта книга не поступала. Разослал ее близким по всей стране – матушке и младшей сестре в Тюмень, дяде Коле в Киргизию (правда, уже не в Токмак, а в Быстровку), дяде Леве в Калугу, тете Вере на Украину, в Хмельницкий, подарил по экземпляру сыну и дочери, хотя они еще были школьниками.

И.С. Стрельбицкий писал о военных буднях училища, о том, что с обеспечением артиллерийской части – главного компонента обучения в таком учебном заведении – не все было в порядке, об излишнем увлечении еще недавно верховой ездой и маршировкой.

Глава вторая посвящена началу крутого перелома в истории учи-

лица. Начинается она благостно: «Утро 5 октября [1941 г.] выдалось по-осеннему теплое. Это было первое воскресенье месяца, когда родители могли посетить своих сыновей-курсантов. Курсанты встречались с родными в дубовой роще. Было много детей – шум, беготня, смех. Создавалось впечатление, что никакой войны – так много было вокруг счастливых людей»... Но «неожиданно разнесся сигнал тревоги. Курсанты бросились в училище. Адъютант доложил, что заместитель командующего войсками Московского военного округа генерал Елисеев приказал немедленно по тревоге поднять личный состав училища и готовить его к выступлению. Тут же прибывшим на свидание родственникам курсантов сообщили, что в училище объявлена учебная тревога. Но поверить этому было трудно. Сотни людей внимательно наблюдали за сборами курсантов, за погрузкой автомашин» (Стрельбицкий, 1979, с. 24–25).

Вскоре в училище прибыл и сам генерал Елисеев, которого Костин (под этой фамилией выступает Стрельбицкий) спросил, что произошло на фронте, что в бой бросают их училище и соседнее пехотное – золотой фонд армии? Оказалось, что противник прорвал нашу оборону на юго-западе и движется танковыми и моторизованными колоннами в направлении Малоярославца и далее на Москву. Сталин приказал во что бы то ни стало задержать врага на пять-семь дней до подхода войск с Волги.

Далее следует эпизод, где фигурирует мой отец. Костин «вызвал начальника артиллерийского снабжения инженер-майора М.Г. Демидова. «Сколько орудий мы можем взять? – Только двенадцать. И больше двадцати боевых выстрелов ни одно из них не выдержит. Можем дополнительно собрать пушек двадцать, способных сделать по пять-шесть выстрелов, но они в ремонте и будут готовы не раньше, чем через шесть часов. – Немедленно готовьте и остальные орудия. Всех оружейных мастеров берите с собой» (Стрельбицкий, 1979, с. 26).

Такая проблема с обеспечением орудийными стволами возникла в самом начале войны, когда из артиллерийского парка училища более сорока наилучших пушек было изъято и отправлено на передовую.

Далее повествуется о прибытии более тысячи из тысячи двухсот курсантов училища со своими почти ста наставниками-преподавателями в Малоярославецкий укрепрайон, где на их долю пришелся наиболее важный центральный сектор в окрестностях селения Ильинское. Там вдоль небольшой речки Выпрейки была заранее подготовлена, хотя и не полностью, цепь дотов, дзотов и артиллерийских капониров. И почти сразу начались налеты и бомбежки вражеской авиации, которой нечего было тогда серьезно противопоставить и в

небе, и даже на земле. А к 10 октября под натиском многократно превосходивших сил противника передовой отряд, высланный, чтобы на какое-то время задержать врага и дать возможность основной части подошедших войск более-менее нормально закрепиться на занятых рубежах, вынужден был отойти к первой линии наших укреплений.

В то же утро в качестве поддержки обороняющихся на Ильинский рубеж прибыл особый артиллерийский дивизион нового секретного оружия под командованием майора И.В. Дементьева. Полковник Костин распорядился укрыть боевые машины в лесу, выделив для их охраны взвод курсантов. По пути проверил в одном из дотов как будут ориентироваться курсанты в предстоящей боевой обстановке и убедился, что старые представления об обязательном трехлетнем обучении изжили себя и все может происходить гораздо быстрее. В дальнейшем, когда училище было эвакуировано в глубокий тыл, так и произошло: срок до присвоения курсантам звания лейтенантов, способных грамотно руководить действиями взвода, был сокращен до полугода и меньше. Среди курсантов, подвергнувшихся этому своего рода экзамену, названа и фамилия Николая Ивановича Меркулова, с которым автору посчастливилось познакомиться в Москве и даже дважды побывать у него дома в 2001 и 2002 гг., подарив только что вышедшую там мою книгу «Постсоветский Туркменистан» (Демидов, 2002). Тогда он с грустью представился мне как последний курсант-артиллерист, который еще в строю, то есть может ездить и в Подольский музей, и в Музей подольских курсантов в селе Ильинское. Еще с двумя бывшими курсантами, адреса которых мне дали в музее в Ильинском, я смог поговорить только по телефону.

В тот же день новое чудо-оружие, а это были знаменитые ракетные установки «Катюши», дав пару залпов, показало и нашим защитникам, а прежде всего, конечно, фашистам, бежавшим сломя голову на участке, подвергшемся обстрелу, что оно из себя представляет. После залпов сами «Катюши» тут же снялись с позиции, и ушли в лес. После этого враг стал еще более активно предпринимать попытки уничтожить появившуюся здесь новую артиллерийскую часть, усилив бомбежки и передовой линии обороны, и прилегающих участков леса. В то же время, как потом стало известно от пленных, в этот район была заброшена диверсионная группа в обмундировании красноармейцев и даже лейтенантов, чтобы выяснить, что это за новое наводящее ужас оружие. С группой таких «красноармейцев» уже потом 13 октября столкнулся и отец, отвечавший за бесперебойный подвоз на передовую артиллерийского и стрелкового оружия со склада, расположенного километрах в десяти в глубине обороны.

Вот как описывает этот эпизод И. Стрельбицкий: «В блиндаж вошел военный инженер Демидов.

– Трудно понять, что творится? – взволнованно заговорил он. – Ехали мы по шоссе из Малоярославца на Ильинское, на повороте полуторка замедлила ход. Навстречу шли наши танкисты, подняли руки, просили, по-видимому, чтобы их подвезли. Мы торопились и поехали дальше. Тогда они стали стрелять по машине и ранили нашего интенданта.

– Свои так поступить не могли, это вражеские диверсанты, – мрачно сказал присутствовавший при разговоре комиссар Леонов.

Как обезвредить диверсантов?.. Надо срочно выделить Демидову, отвечающему за снабжение снарядами, хотя бы взвод охраны» (Стрельбицкий, 1979, с. 77). За неимением других возможностей этот взвод пришлось выделять из артиллерийской роты, охранявшей командный пункт.

Натиск врага усиливался, а силы обороняющихся таяли. И 17 октября 1941 г. из штаба армии поступил приказ вывести подразделения артиллерийского училища из боя и вернуть в Подольск, где произвести выпуск. Аналогичный приказ был получен и Подольским пехотным училищем. К сожалению, тех, кто возвращался, было уже намного меньше, чем тех, кто стоял насмерть на Ильинских рубежах почти две недели назад. 17-го выпал снег, а реки сковал первый тонкий лед. Поэтому еще одним испытанием для отступающих, когда они тайными лесными дорогами (по Варшавскому шоссе идти было уже опасно) вышли на опушку и увидели с высоты холма кварталы Малоярославца, было преодоление реки Мѳча, за которой было расположение наших войск. Нашли брод в полтора метра глубиной. Последовал приказ всем раздеться и, держа оружие и обмундирование над головой, расталкивая тонкий лед, начать переправу.

Уцелевшие в боях в Малоярославецком районе курсанты и их преподаватели Подольского артучилища были отправлены в тыл. Сначала в Горький (ныне Нижний Новгород), чтобы, как говорится, прийти в себя после такого нечеловеческого напряжения, а затем в далекий узбекский город Бухару. Туда после ухода основной части училища на фронт силами оставшихся преподавателей и курсантов оно было эвакуировано. С ним эвакуировали и семьи преподавателей, оставшиеся в Подольске.

Перед отбытием в Горький офицерам дали по два часа для посещения своих бывших квартир. Отец рассказывал потом, с болью в сердце, как увидел разворощенную мародерами комнату и, в частности, огромный старинный бабушкин сундук, в который перед нашим

отъездом в Токмак сложили библиотеку родителей. Книги были выброшены и валялись на полу – воры, видимо надеялись найти в них какие-то ценности. Духовные ценности, которые они содержали, их, понятно, не интересовали. Отец как военный химик положил в полевую сумку лишь одну – перевод с немецкого «Основ химического анализа». Эта книга, изданная в 1932 г., как раритет, а, главное, память об отце, до сих пор хранится в моей библиотеке.

Из Горького отец и дал нам в Токмак успокоившую всех телеграмму. Рассказывал потом, что телефонистка сначала удивилась: «Товарищ майор, но ведь Токмак захвачен немцами». Оказалось, что есть еще один Токмак – на Украине. Отец объяснил, что этот Токмак в глубоком тылу, в Киргизии. Через короткое время подольчан из Горького переправили в Бухару, где ПАУ в ускоренном режиме продолжило подготовку будущих младших командиров.

Полковника И.С. Стрельбицкого, ставшего позднее генерал-лейтенантом, прекрасно показавшего себя как руководителя в боевой обстановке на Ильинских рубежах, к сожалению, направили на другой участок огромного театра войны, и в Бухаре, а затем Ташкенте начальником училища были другие офицеры. Как я жалел, читая его небольшую книжку, что на описании переправы через речку Моча повествование и заканчивается, а последняя глава посвящена волнующим встречам через много лет бывших подольчан в Ильинском, где благодаря прежде всего энтузиазму И.С. Стрельбицкого и местных комсомольцев, в 1960-х годах появился Музей подольских курсантов «Ильинские рубежи». На эти встречи, как правило, приезжал и их организатор.

Самого генерала увидеть мне, к сожалению, не довелось. В первую же командировку в Москву после прочтения книги «На Варшавском шоссе» через Мосгорсправку я узнал адрес Стрельбицких (тогда это было сделать несложно) и с дарами юга, в частности знаменитой вяленой дыней «кааак», и явился в дом напротив знаменитой гостиницы «Украина». Меня встретила приветливая пожилая женщина, его жена Мария Михайловна, которая с грустью сообщила, что Ивана Семеновича уже нет с нами. Он успел в госпитале прочитать корректуру своей, к сожалению, сокращенной редакторами книги, но самого издания ее уже не увидел.

И все же я увидел генерала, правда в течение не более полуминуты, в документальном фильме о подольских курсантах на телеканале «Звезда» 5 августа 2020 г. Там промелькнули на встрече с бывшими соратниками и И.С. Стрельбицкий, и мой вышеупомянутый собеседник, бывший курсант ПАУ в офицерской форме Н.И. Меркулов, кото-

рый дважды выступил с короткими воспоминаниями о войне (запись была сделана несколько лет назад).

В 1942 г. отец перевез все наше семейство в Бухару – этот удивительный город-музей, до революции главный центр ислама всей Средней Азии. В дороге запомнился один очень характерный для отца эпизод. В Ташкенте, где мы пересели на поезд, идущий на юг, к Бухаре, на перроне двое голодных ребят-беспризорников обратились к военному, моему отцу с просьбой дать им что-нибудь съестного. И он отдал им один из чуреков, больших плоских лепешек, которые выдали ему на всю семью на время переезда. Парнишки стали вырывать хлеб друг у друга, жадно запихивая его в рот. Отец был вообще человеком, который, как говорится, мог отдать последний кусок, если видел, что другой в этом нуждается больше.

Бухара встретила нас удивительной дешевизной овощей, фруктов и молочных продуктов. Бабушки, отправившиеся на местный базар, радостно-удивленно ахали, накупив за небольшую сумму денег целую корзину продовольствия. Однако это удивление длилось недолго. Уже через пару недель, по мере того, как город стал наполняться беженцами из Европейской части страны, цены резко поползли вверх. И обе бабушки, чтобы внести какую-то лепту в семейный бюджет, стали периодически ходить на подработку в пригородный узбекский колхоз. Правда, нужно было кому-то оставаться с детьми, так как матушка тоже устроилась как вольнонаемная на культурно-просветительскую работу в училище, и эта задача перешла в основном к Анне Ивановне.

Через два-три месяца голод и болезни добрались и сюда. Иногда можно было видеть, как где-то в закоулке под дувалом (высокой глинобитной стеной) лежит человек, обычно из числа беженцев-бродяг, умерший ночью от голода, холода и какой-нибудь болезни, которого уже облепили мухи. Нам, конечно, голод и холод (из песков привезли в качестве топлива саксаул) так не грозили. Преподавателям-офицерам полагался паек и на жену с детьми как иждивенцев (старшее поколение, то есть бабушки, насколько я понимаю, в эту категорию не входили). Хотя, как говорится, меню военных лет с довоенным сравнивать весьма трудно. Помнится, как отец приносил вечером с работы нам с Вовкой две своих тонких, свернутых из оберточной бумаги или старых газет «козьи ножки» с порциями сахарного песка, который выдавали офицерам грамм по двадцать к чаю на завтрак и ужин.

Иное дело болезни. Непривычный для беженцев из Европейской части страны климат, особенно с наступлением летней жары в следующем 1942 г., состав местной питьевой воды, множество насекомых, мух и комаров – переносчиков болезней, большая скученность насе-

Семья отца автора (второй слева): братья Виктор (в черкеске), Максим, Степан и их мать Прасковья Степановна

ления в пределах сравнительно не такого уж большого города – все это как нельзя больше способствовало распространению кожных заболеваний, дизентерии и особенно тяжелой для приезжих тропической малярии. Больше всего страдали от нее приезжие дети. Запомнилась печальная цифра, которую я слышал в разговоре матушки с другими женщинами: восемнадцать детей умерли в семьях преподавателей и сотрудников ПАУ. Болели и даже умирали и взрослые. Умерла молодая женщина – жена офицера, жившая с мужем непосредственно через стенку рядом с нами.

Прошла «черная дама с косой» и по нашей семье. Летом, когда отец с училищем был на длительных учениях в кызыл-кумских песках, малярией заболели почти одновременно я, мама и младший братишка Володя. Сколько продолжалась болезнь, я не помню, но не одну и не две недели. Помню, когда отец, вернувшись с учений, вошел в комнату, мы с мамой, шатаясь из стороны в сторону от слабости, бросились к нему, чтобы сообщить горькую весть – третий из болящих, самый маленький и слабый, навсегда покинул нас. Ушел маленький трехлетний философ, который, заложив ручки за спину, ходил по кругу и как старичок изрекал поучения: «Сереженька, так нельзя бабуле гово-

ритель!» (видно, я что-то, с его точки зрения, ответил бабушке не так). Ушедшего младшего брата мне не хватало всю жизнь.

Тогда же, в 1942 г., пропал с горизонта младший брат отца Виктор. На запрос в располагавшуюся в Иране воинскую часть, где Виктор служил, пришел ответ (об этом матушка рассказала, конечно, значительно позже), что, мол, ваш брат за нарушение воинской дисциплины отправлен на действующий фронт.

На какой участок фронта был направлен дядя Виктор и что за нарушение он совершил, в ответе отцу не сообщалось. А как нарушение могла быть расценена порой даже шутка. Несколько лет моим соседом в Ашхабаде был водитель автобуса Иван Васильевич, ветеран войны, который, как и Виктор, в 1941 г. с нашей частью попал на территорию Западного Ирана. Он считал, что родился в Турции, куда еще до революции от правительственных и церковных гонений переселились из России его предки-молokane. Правда, в начале 20-х годов XX в. они снова вернулись в Россию, уже Советскую. Ему тогда было несколько месяцев. В критический период обороны Сталинграда осенью 1942 г., когда Япония и Турция как союзники гитлеровской Германии ждали падения этого важнейшего опорного пункта на Волге, чтобы тоже напасть на Советский Союз, он в разговоре с сослуживцами, шутя, обронил фразу «Ну что, ребята, скоро на родину!», имея в виду начало боевых действий со страной, где он родился. Нашелся «стукач», доложивший куда надо, и вместо «родины» он попал в неудачный керченский десант в Крыму, где был ранен, контужен и чудом выжил. Самое парадоксальное: при мне к нему из Таджикистана приезжала в гости старшая сестра, с которой он давно не виделся, и в беседе рассказала, что родился он не в Турции, а уже в СССР, куда их мать попала на последней стадии беременности.

Дядя Виктор так и исчез в горниле войны, пополнив бесчисленный список пропавших без вести. В остатках семейного архива у меня сохранились лишь пара его довоенных фотокарточек в гражданской одежде и уже в военной форме, да четверостишие из описания какой-то его поездки на мотив известной песни «Раскинулось море широко»:

Я еду дорогой железной
Туда, где равнина и снег,
И льется печальная песня
Про тройки знакомый разбег...

Он писал стихи, хотел работать агрономом (некоторое время работал в Мичуринске), не был женат, как и самый младший из братьев

Максим, и не оставил, как и он, наследников.

Еще один брат отца, Степан, третий по старшинству, еще до войны, в конце 1930-х годов, уехав на работу к Виктору в Мичуринск, по пути бесследно исчез. Семьи у него тоже не было. Что же касается Максима, то дочь моя, Гулизара, по моей просьбе, побродив по интернету, выяснила, что с февраля 1942 г. он находился в немецком плену и был освобожден Красной армией лишь в августе 1944-го. В своих показаниях упомянул предвоенный подольский адрес матери, жившей у старшего сына, то есть своего брата и моего отца. Сведений о его дальнейшей судьбе узнать не удалось.

Как видим, военное лихолетье жестоко обошлось с семьей отца, отняв двух братьев и младшего сына. К родственникам матери оно было более милостиво. Пройдя испытания, остались живы и вернулись с фронта оба ее старших брата и старшая сводная сестра, хотя и потерявшая мужа в круговерти беженства. А вот среди второго мамино круга родни не обошлось без трагедии, получившей широкую известность.

Александра Федоровна Перегонец, тетя моей матери по перегонцовской линии, 1895 г.р., заслуженная артистка РСФСР, получившая известность своими выступлениями во многих городах России еще в предсоветский, а затем советский период, осенью 1941 г. вместе с труппой Симферопольского драматического театра, не успев эвакуироваться из Крыма, осталась в городе. Решено было с разрешения оккупационных властей продолжить работу театра, более того, открыть «салон мадам Перегонец», а под этим прикрытием организовать подпольную деятельность. В группе «Сокол», в которую вошли восемь человек, одной из наиболее активных ее участниц была Александра Перегонец – «тетя Шура», как принято было в нашей семейной традиции ее называть (хотя она приходилась мне двоюродной бабушкой). Группа, держа связь с крымскими партизанами и другими подпольщиками, успешно действовала почти два с половиной года, до весны 1944 г. И лишь из-за предателя, пробравшегося в состав Крымского подпольного обкома партии, была выдана гестапо и после нечеловеческих пыток, за три дня до освобождения Симферополя Советской армией, расстреляна. После освобождения города, погибшие подпольщики были торжественно, с воинскими почестями перезахоронены в братской могиле. Позднее появился памятник и памятная доска при входе в Симферопольский драмтеатр.

Подвиг группы «Сокол» не был забыт. Помимо журналистских публикаций и воспоминаний в книге старого подпольщика Ивана Андреевича Козлова «В Крымском подполье» (1948), в 1981 г. на экраны

**Памятник на месте захоронения участников
подпольной группы «Сокол».
г. Симферополь (Крым)**

вышел двухсерийный художественный фильм «Они были актерами», где главную героиню Александру Перегонец сыграла замечательная наша актриса Зинаида Кириенко. А в мае 2010 г. на телеэкранах прошел документальный фильм «Расстрел после премьеры», где, кстати, и назван истинный виновник гибели подпольщиков. Весной 2014 г. в Тимашевской районной газете «Антиспрут» за 17 апреля 2014 г. вышла статья автора «Вся страна была моей Родиной», где я напомнил о подвиге подпольщиков группы «Сокол» (Демидов, 2014). Статья была перепечатана другой кубанской районной газетой – «Брюховецкие новости». Некоторые волнующие детали о деятельности

членов этой подпольной группы находим и в книге М.И. Близнюка «Войной навек проведена черта...» (2017, с. 155–157).

О самой же Александре Федоровне Перегонец в Москве вышла книга Симоны Ландау «Александра Перегонец. Судьба актрисы» (1990), в которой приводятся некоторые сведения и редкие фотографии, полученные ею от племянницы А. Перегонец А. Демидовой, то есть моей матушки. В книге говорится и о тяжелом ударе по личной жизни актрисы, который нанесла фашистская оккупация. В первые же ее дни в городскую управу был вызван директор театра Анатолий Иванович Добкевич, по национальности то ли поляк, то ли белорус, человек в городе известный и уважаемый, которому предложили стать бургомистром или городским головой. Он не был членом пар-

тии, но будучи настоящим патриотом, отказался от столь перспективного предложения и, видимо, не скрыл своего истинного отношения к новой власти. Поэтому был арестован гестапо и на третий день расстрелян. А.И. Добкевич был мужем Александры Федоровны.

Среди родственников моей второй супруги Ренаты, уроженки Белоруссии, но прожившей до встречи со мной почти всю жизнь в Латвии, тоже есть активные борцы с фашизмом. Первый муж сестры ее матери погиб на западной границе в самом начале войны, а отец супруги партизанил в белорусских лесах. Там же, в Белоруссии, в партизанском отряде сражался с оккупантами и муж другой сестры матери супруги. Был схвачен фашистами и казнен. Та же участь постигла и их сына-подростка – партизанского связного.

К счастью, судьбе было угодно, чтобы большинство моих близких со стороны матери, пройдя через все испытания войны, прожили долгую жизнь, увидев своих не только взрослых внуков и внучек, но и правнуков. Бабушка Анна Ивановна ушла из жизни в 90 лет, в 1975 г., а ее дочь, моя матушка, Анна Львовна, почти в 92, в 2006-м. Тетя Вера – через год после распада СССР, в 1992-м, восьмидесяти шести лет. Дядя Коля и дядя Лева – также в начале 1990-х годов, перешагнув восьмидесятилетний рубеж. Со стороны же отца о долголетьи можно сказать, к сожалению, только в отношении его матери, бабы Пани, ушедшей летом 1976 г. в возрасте 91 года. Пятеро ее младших детей (две девочки умерли в младенчестве) по совокупности времени, отпущенному им всем жизнью, значительно уступают матери. Это касается и ее старшего сына Михаила, моего отца, земной путь которого продолжался без одной недели всего сорок лет.

Отец, высокий (187 см), физически крепкий человек (в 13 лет в коммуне «Пчела» на Орловщине поставили молотобойцем к кузнецу) мог бы тоже прожить долгую жизнь. Увидеть, как сын, преодолев немалый конкурс, поступил в главный ВУЗ страны – Московский Государственный Университет, а по окончании его исторического факультета с дипломом этнографа уехал в самую южную и жаркую республику Советского Союза – Туркмению. Где, как я написал в одной из своих статей, оставил свое сердце и 38 лет работы в Институте истории АН ТССР, после распада СССР вынужденно вернувшись на этническую родину. Как стали выходить одна за другой работы сына по этнографии туркмен на русском, туркменском, немецком, английском и других языках. Как наступил момент, когда он удостоился почетного титула дуайена туркменской этнографии, а среди друзей – последнего из могикан туркменской этнографии.

Увы, мне шел лишь одиннадцатый год, когда его не стало, а млад-

шей сестренке Ане было всего десять месяцев. Не увидел он, естественно, своих внуков – наших с сестрой детей. Моего первенца, которого я назвал в честь дедушки Михаилом, и его младшей сестренки с красивым восточным именем Гулизара. А от дочки Аннушки, которую он очень хотел, – внучку и двух внуков-близнецов.

К сожалению, здоровье – вещь не железобетонная, хотя и железобетон со временем тоже начинает разрушаться. Пройдя школу жизни в простой крестьянской семье и сельской коммуне «Пчела» на Орловщине, отец позднее окончил учебу на рабфаке, учился в Ленинградском химико-технологическом институте, а затем окончил Военно-химическую академию РККА. Успел послужить на Украине, а потом был назначен руководителем отдела химических средств в огромном хранилище оружия в подмосковном Очаково. Шел 1937 г. – год разворачивающихся репрессий. Отец уже несколько лет был членом партии и проходил очередное отчетно-выборное собрание с зачитыванием проведенного анкетирования. Будучи человеком фанатично честным, на вопрос «Есть ли родственники за границей?» он ответил, что у него нет, а у жены есть дядя, но никаких контактов с ним никто не поддерживает. И тогда проводивший собрание партийный чиновник предложил исключить отца из партии, так как, мол, такому человеку, у которого есть кто-то за границей, нельзя доверять столь ответственную должность. После увольнения из партии автоматически последовало бы увольнение из армии и дальнейшая неизвестность. Но честные и порядочные люди были всегда и везде. Все хорошо знали отца и как работника, и как человека. Поэтому кроме самого ведущего никто не поднял руки и тот вынужден был с позором ее опустить. В партии отец остался, а из армии его все же уволили.

Чтобы кормить семью пришлось искать работу на бирже труда, где узнав, что он химик, отца пригласил к себе инженером директор одного из уральских заводов в Кирове. Там и произошел, очевидно, первый удар по его легким. Отец ведь в силу своего характера и понятия о долге, как правило, лез в самое пекло, дыша вредными испарениями, если случались какие-нибудь неполадки на этом производстве. А они случались нередко. По доброму совету он через какое-то время все же написал Ворошилову о своем странном положении выпускника военной академии, вынужденного работать инженером на гражданском заводе. Вскоре пришел ответ с предложением работы преподавателем в одном из трех военных училищ. Отец выбрал ПАУ.

Ильинские рубежи тоже требовали максимального напряжения всех физических и душевных сил. Казалось бы, далекая от фронта Бухара даст возможность прошедшим их расслабиться, как-то отдох-

Автор с родителями – Михаилом Григорьевичем и Анной Львовной. Село Райковцы Фельштинского района Каменец-Подольской (с 1954 г. Хмельницкой) области Украины. 1945 или 1946 гг.

нуть. Но здесь ежегодно курсанты и преподаватели училища надолго выезжали на летние учения в кызылкумские пески, отрабатывая, в том числе на местности и защиту от отравляющих газов и жидкостей, которые могли применить немцы. В сочетании с сорока и более градусной жарой это было испытание еще то, а для ослабленных легких тем более. В 1944 г. у отца выявили туберкулез легких, а через год ему пришлось по состоянию здоровья демобилизоваться и перейти на гражданскую работу.

В сентябре 1945 г. наша семья оказалась в большом украинском селе Райковцы Каменец-Подольской (с 1954 г. Хмельницкой) области, где отцу, как опытному химику, предложили должность директора местного спиртзавода. Здесь его ждали новые испытания, которые он с честью выдержал, но заплатил за это остатками здоровья. Предыдущий директор, неплохо обогатившись за год своего директорства, оставил завод в числе самых отстающих в области и отцу пришлось все начинать чуть ли не сначала.

На открытой пролетке, а потом на санях (легковушки у директоров

тогда были редкостью), с кучером-полянком с роскошными бакенбардами он, закутавшись в свою старую офицерскую шинельку, а зимой в полушубок, и в осеннюю слякоть, и в крепкие морозы зимы 1945–1946 гг. колесил по соседним районам, договариваясь с председателями колхозов о регулярной поставке заводу сырья – зерна и картофеля и, как правило, находил общий язык. Приобрел где-то револьвер, так как в западных районах области пошаливали бандеровцы. Завод через полгода вышел в передовики, сдав продукции на 114,5 процентов (у меня сохранился материал об этом из областной газеты). Но после этих поездок кучер, крепкий еще старик, свалился с пневмонией, а у отца его болезнь перешла в более тяжелую стадию и 1 февраля 1947 г. в военном госпитале Каменец-Подольска он ушел от нас, упокоившись в украинской земле на одном из районных кладбищ, куда ныне проехать не так просто. Ушел физически, но оставшись навсегда в памяти и сердцах тех, кто его знал. В 1977 г. я поставил вместо бывшего там креста памятник, более соответствующий ветерану войны, с его фото в форме майора. Последний раз там удалось побывать в 1993 г. Хочется надеяться, что нынешние украинские «нацики» не добрались до могилы советского офицера.

По словам матушки, ему в первые же дни директорства недвусмысленно намекали на возможности, которые использовал здесь его предшественник. Ведь спирт и в мирное время, и в военное – это своего рода твердая валюта. Но отец на корню пресек эти намеки. Поэтому после его ухода вдова директора спиртзавода вынуждена была продавать вещи из своего скромного гардероба, чтобы как-то кормить семью. А его сын – третьеклассник периодически усаживался как рыбак, только без удочки, у канавки-арычка, что проходила под уклоном от завода к селу. По ней текла вода после промывки картофеля для переработки на спирт, и мелкие картофелины иногда проскакивали через решетку. Примерно за час набиралась миска, мать терла ее на терке и пекла картофляники. Муки не было, поэтому у картофляников был не очень приятный вкус.

Через несколько месяцев матери с помощью добрых знакомых отца удалось устроиться на работу в г. Хмельницкий, и мы перебрались туда. Баба Паня осталась на несколько лет в своей комнате в Райковцах, и я каждый год во время летних каникул приезжал ее проводить. С маленькой станции до села было километров десять-двенадцать и однажды меня на дороге подобрал какой-то ехавший на телеге местный селянин. «Ты чей будешь, хлопец?» – спросил он. И услышав, что я сын бывшего здесь несколько лет назад директором спиртзавода Демидова, вздохнул: «Да, добрый чоловік був!». Я был в душе горд,

Семья Демидовых перед отъездом Сергея на учебу в МГУ. Вверху справа двоюродная сестра автора Людмила. Райцентр Ярмолинцы Хмельницкой области (Украина). 1954 г.

что отца тут не только помнят, но помнят как человека хорошего и справедливого.

Жизнь отца всегда была для меня образцом. Уже будучи на много лет старше его, в краснодарском краевом еженедельнике «Рассвет» я опубликовал о нем очерк, который так и назывался «Жизни моей эталон» (Демидов, 2002). Восхищаясь героями Гражданской и Великой Отечественной войн и жалея в юности, что родился слишком поздно, чтобы в них участвовать, я удивлялся себе, что стать профессиональным военным, как отец, меня все же не тянет. И лишь много лет спустя матушка со слов отца рассказала, что он хотел стать агрономом, быть ближе к природе. А военная стезя появилась случайно, когда его и еще группу ребят после второго курса Ленинградского химико-технологического института добровольно-принудительно направили на учебу в Москву в Военно-химическую академию РККА. Я понял, почему меня так волнует и тянет природа во всех ее проявлениях, зачем я еще в пятом классе (отца уже не было) купил солидное академическое издание избранных работ Мичурина с множеством фото и рисунков выведен-

С.М. Демидов с дочерью Гулизарой у одного из дотов во время посещения Музея подольских курсантов в селе Ильинское Малоярославецкого района Калужской области. 2017 г.

ных им гибридных сортов. Книга, конечно, оказалась для меня еще тяжеловата и осталась как память об этом увлечении.

Еще одно увлечение отца тоже, наверно, передалось с его генами – песня. Впрочем, это было еще большим увлечением и мамы, активной участницы художественной самодеятельности ПАУ, награжденной до войны Почетной грамотой с фотографиями Сталина и Ворошилова. По ее словам, пение любил и хорошо пел и ее отец – мой дед Лев Федорович, которого я, как и другого деда, Григория Максимовича, к сожалению, не увидел.

Что же касается того, что я выбрал профессию этнографа-востоковеда, то в этом тоже невольно сыграла свою роль война. Стечение обстоятельств привело к тому, что на целых три года я окупнулся, хотя, к сожалению, и не в лучшее время, в мир древних традиций Востока, прожив их в городе-музее, каким, несомненно, была, да и остается Бухара. А потом школьные годы, связанные в основном с сельской иноязычной средой на Украине, сохранившей многие свои этнические традиции. Все это и привело к решению посвятить себя изучению

жизни и быта разных народов нашей страны. В восточные регионы экспедиции с нашей кафедры этнографии МГУ отправлялись в Туркменистан. Таким образом я и выбрал туркменоведение, о чем ни разу не пожалел, считая этнографию самой прекрасной наукой.

Все дальше уходят пылающие годы Великой Отечественной. Вот уже отметилась 80-я годовщина ее окончания. Совсем немного осталось ее непосредственных участников, да и тех, кто хорошо помнит ее начало, хоть и был еще ребенком. На официальном уровне память о минувшей войне, как именно всенародной, Отечественной, поддерживается широко. И это прекрасно. Но куда более эмоциональной является тропинка к сердцу новых поколений, если рассказ о тех временах они слышат из уст близких – представителей поколений предшественников.

Счастливы семьи, в которых еще живы непосредственные участники войны, которых у нас называют ветеранами Великой Отечественной. В таких семьях, кроме детей и внуков, есть еще нередко уже и правнуки, а иногда даже праправнуки. И есть возможность услышать рассказы о тех далеких событиях непосредственно от их участника. Если таковых уже нет, долг следующих поколений рассказать потомкам, благодаря кому все они могут жить в своей свободной независимой стране, кто и как отстоял эту свободу.

Литература

- Близнюк М. И. «Войной навек проведена черта...» Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях Ди-Пи. М.: Старая Басманная, 2017. 1118 с.
- Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002. 222 с.
- Демидов С.М. Вся страна была моей Родиной // Антиспут (газ.). 17 апреля 2014.
- Демидов С.М. Жизни моей эталон // Рассвет (Краснодар). 2002. № 2–3.
- Козлов И. А. В крымском подполье. М.: «Молодая гвардия», 1948. 352 с.
- Ландау С.Г. Александра Перегонец. Судьба актрисы. М.: Искусство, 1990. 287 с.
- Стрельбицкий И.С. На Варшавском шоссе. Докум. повесть. М.: Изд-во ДОСААФ, 1979. 118 с.

Н.А. Дубова

ОДНА СЕМЬЯ ИЗ МИЛЛИОНОВ: МОИ РОДНЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Краткий рассказ о нескольких, связанных родством, дружбой и браками семьях, каждая из которых внесла свой вклад в Победу: это Платоновы, Степановы, Дубовы, Дементьевы, Денисовы, Першудчевы, Карелины. Одни служили хирургическими сестрами в полевом госпитале, спасая раненых, другие прошли три войны – Финскую, Великую Отечественную и Японскую, работали в Генштабе Красной Армии, служили в железнодорожных, танковых, артиллерийских войсках, в СМЕРШе, запечатлевали образы героев непосредственно на передовой. Многие родные погибли или пропали без вести.

ХОТЕЛОСЬ бы начать этот небольшой очерк с одного воспоминания детства. Это было летом в Москве в конце 1950-х годов. Мы жили в то время в Калашном переулке около Арбатской площади. Я училась тогда в классе, наверное, четвертом или пятом, и меня отправили съездить куда-то на метро. На одной из остановок в слабо заполненный (особенно по масштабам начала XXI в.) вагон вошел офицер и оглянулся вокруг. Не могу сказать, что не было ни одного свободного места, но в ту же минуту несколько человек разного возраста вскочили с сидений, предлагая ему сесть. Меня тогда поразило, что они уступали место совсем не пожилому, не больному человеку, а именно военному, авторитет и уважение к которым в те годы был очень велик.

Такая атмосфера внимания и уважения к военнослужащим независимо от звания для нашей семьи, почти для всех семей моих друзей и знакомых была совершенно естественна. Из самых близких родных только брат моей мамы Платонов Сергей Семенович (1932–2014) и наша бабушка Платонова Серафима Васильевна (1898–1987) не были непосредственными участниками войны. Да и это не совсем так, потому что бабушка многие годы руководила детскими дошкольными учреждениями Министерства Обороны, т. е. обеспечивала спокойствие тех, кто был на службе. За эту работу еще в 1936 г. она была награждена орденом «Знак почета».

Дядя, Сергей Семенович вспоминал, что Серафима Васильевна была определена для эвакуации в дом отдыха в Серноводске Сергиевского района Самарской области. В его летних корпусах с сентября 1941 по 1944 гг. находился Липецкий авиационный учебный полк в составе трех эскадрилий (более 800 человек). В полку молодые летчики учились летать на боевых истребителях. Как долго бабушка с сыном находилась в Серноводске, увы, мне не известно. Но вряд ли долго. Скорее всего, не дольше, чем до лета-осени 1942 г. Проверить это по каким-то семейным письмам тоже невозможно, т.к. за несколько лет до своей кончины Серафима Васильевна уничтожила всю свою личную переписку. Она не хотела, чтобы даже родные могли ее прочесть. Дедушка, Семен Павлович Платонов приезжал в этот полк с инспекцией Генштаба. На Сергея, которому тогда было 10 лет, эта ситуация произвела сильное впечатление, т.к. обратно в Москву отец вылетел на двукрылом самолете¹¹. Его обязали надеть парашют и показали, как отстреливаться в случае опасности из пулемета, который был установлен на заднем сиденье. Все остальные родные, и со стороны мамы и со стороны папы, были на фронте. Но начну по порядку.

Платонов Семен Павлович (1901–1963) родился в с. Смольково Иса克林ского района Самарской губернии, где закончил четыре класса сельской земской школы. Уже тогда проявилась его замечательная память: многие молитвы, выученные в детстве наизусть, он помнил всю свою жизнь. Забегая вперед скажу, что и аналитические способности у него были очень хорошие. Он прекрасно играл в шахматы. И позже, уже в Москве, участвовал в турнирах даже с Михаилом Ботвинником. Многие предки Платоновых служили в гвардии Российской империи. Согласно его личному делу, он ушел в Красную армию в сентябре 1919 г. и был красноармейцем в Управлении по постройке железнодорожной линии Сургут – Погрузная¹² Самарской губернии. Семен Павлович, как он сам пишет в личном деле, сражался на Юго-Западном фронте Гражданской войны против войск Врангеля, участвовал в борьбе с бандами Махно. В мае 1920 г. он поступил в Батальонную школу Отдельного батальона Юго-западного фронта в г. Полтава, а в августе того же года – на 29-е Полтавские курсы и в 14-ю Полтавскую пехотную школу по подготовке взводных командиров, которую

¹¹ Двукрылые самолеты – самолеты с двумя несущими поверхностями, расположенными одна над другой. Типичный пример – АН-2, так называемый «кукурузник».

¹² Погрузная – железнодорожная станция в Кошкинском районе Самарской области в 140 км от Самары. Название связано с тем, что в начале XX в. здесь с местного элеватора производилась погрузка хлеба (а позднее и других товаров) на прибывающие товарные поезда.

Семен Павлович Платонов. Москва, скорее всего, 1946 г.

окончил в сентябре 1923 г. В 1920-е годы в РККА¹³ создавалась целая сеть подобных школ, курсов и училищ. Они рассматривались, как боевые части и использовались в военных действиях. Судя по датам, почти в то же время в той же Пехотной школе учился и Николай Федорович Ватутин (1901–1944). Во время Великой Отечественной войны он был командующим Воронежского фронта. Войска под его командованием одержали победы в ходе Сталинградского сражения, битвы на Курской дуге и при освобождении Украины.

После окончания Полтавской пехотной школы с 1923 г. С.П. Платонов занимал разные командные должности в 10-м полку связи в г. Кострома. С ноября 1929 г. по июнь

1930 г. он был слушателем Курсов усовершенствования командного состава (КУКС) Киевского особого военного округа (КОВО), а затем опять (до мая 1931 г.) служил в 10-м полку связи. Именно в эти годы он познакомился с Николаем Демьяновичем Псурцевым (1900–1980), который с 1948 по 1975 г. был министром связи СССР, семейная дружба с которым сохранилась на всю жизнь. Из Костромы он был переведен в 1-й полк связи Московского военного округа в Москву. В мае 1932 г. Семен Павлович поступил слушателем в Военную академию им. М.В. Фрунзе, которую закончил с отличием в мае 1936 г. В 1937–1940 гг. семья жила в Киеве, где дедушка был сначала начальником штаба 6-го полка связи КОВО, а затем занимал другие командные должности. Он успешно продвигался по службе: в 1935 г. получил звание капитана, в 1938 г. – майора, а в 1939 г. – полковника. Кстати, Серафима Васи-

¹³ РККА – Рабоче-крестьянская красная армия. Название вооруженных сил Советской России с 1918 по 1922 гг.

льева в это время была директором детского комбината (учреждение объединяло ясли, детский сад и школу) Киевского военного округа. В 1939 г. дедушка участвовал в освобождении Западной Украины.

В ноябре 1939 г. С.П. Платонова направляют в штаб Одесского военного округа, где он служит до поступления в Академию Генерального штаба (ГШ) Красной Армии в октябре 1940 г. Вся семья, конечно, также переехала в Москву.

Как вспоминает Сергей Семенович Платонов, с осени 1942 г. все Платоновы жили в ведомственной коммунальной квартире на Чистых Прудах, в доме прямо напротив кинотеатра «Колизей», где сейчас находится театр «Современник». Бабушка не один раз с ужасом вспоминала ту квартиру, из которой семья переехала только в 1949 г. Там было большое количество огромных черных тараканов, которых не могли уничтожить никакие средства и даже холодные военные зимы. Правда, наука подтвердила устойчивость этих существ даже к радиации после ядерных взрывов в Хиросиме и Нагасаки...

В первые дни войны С.П. Платонова командировали на фронт для организации обороны. Затем, несмотря на его неоднократные рапорты о направлении в действующую армию, как успешно окончившего Академию ГШ, его оставили на работе в Генштабе, утвердив в августе 1941 г. в должности начальника отдела оперативной подготовки (информационного отдела) Оперативного управления ГШ. На этой должности он сменил Владимира Васильевича Курасова (1897–1973), которого назначили начальником штаба 4-й ударной армии на Северо-Западном и Калининском фронтах. Генштаб стал местом службы Семёна Павловича на долгие годы. В течение всей Великой Отечественной войны он руководил работой по подготовке донесений, оперативных сводок и карт по ситуации на фронтах для высшего командования. Здесь очень пригодились его прекрасная память, острота ума, и аналитические способности. Вот как писал о нем Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976, генерал армии)¹⁴:

¹⁴ Полковник С.М. Штеменко с августа 1941 г. был заместителем начальника, а с 1942 г. уже в звании генерал-майора – начальником Ближневосточного направления Оперативного управления ГШ. С апреля 1943 г. С.М. Штеменко в звании генерал-лейтенанта был первым заместителем начальника, а с мая 1943 и по 1946 гг. начальником Оперативного управления ГШ. На этом посту он был одним из основных руководителей планирования операций при осуществлении замыслов Верховного Главнокомандования. Занимал разные руководящие должности в ГШ, неоднократно выезжал на фронты, сопровождал Верховного Главнокомандующего во время Тегеранской конференции (1943 г.), принимал участие в планировании многих крупных военных операций. С 1948 по 1952 гг. – начальник ГШ.

«Самые добрые воспоминания сохранились у меня о генерал-лейтенанте С.П. Платонове. Он держал в своих цепких руках всех операторов, обобщая в боевых донесениях и оперативных сводках всю информацию, поступающую с фронтов. Многие из операторов не без основания считали, что Семену Павловичу докладывать труднее, нежели самому начальнику Генштаба. Платонов был точен до придирчивости. Правда, зная, что все операторы перегружены текущей работой, он никогда не дожидался готового материала, а сам ходил с рабочей тетрадью от одного к другому, смотрел рабочие карты, слушал устные доклады, и к концу каждого такого обхода у него уже было, по существу, готовое боевое донесение.

Особо ценным качеством С.П. Платонова являлась удивительная мобильность, умение работать очень быстро. При необходимости он мог лично собрать данные и написать боевое донесение за все фронты в течение одного часа. В этом ему помогало безукоризненное знание обстановки в полном ее объеме. <...>

Офицеры, работавшие под руководством С.П. Платонова, проделали громадный труд, неоценимый для истории. В Архиве Министерства обороны тщательно хранятся тысячи написанных ими страниц, воспроизводящих подлинную картину борьбы наших Вооруженных Сил против гитлеровской военной машины» (Штеменко, 1989, с. 131). Лично Семеном Павловичем были написаны практически все сводки с фронтов, которые, конечно, после утверждения руководством, озвучивались Ю.Б. Левитаном (Сводки Советского информационного бюро – Совинформбюро).

Осенью 1942 г. при обороне Сталинграда, когда Генштаб готовил планы контрнаступления, и работа офицеров была крайне напряженной, бабушку, Серафиму Васильевну Платонову направили в командировку в Среднюю Азию с инспекцией работы детских учреждений в воинских частях, расположенных там. Старшие дочери – Ира и Нина – были на фронте (об этом далее), поэтому сына Сергея, которому тогда еще не исполнилось 10 лет, отец взял к себе в Генштаб. Сергей довольно долго ночевал у него в кабинете на стульях. Он рассказывал, что все офицеры ночевали в своих кабинетах. Но командование старалось многое делать, чтобы как-то снять непрерывное стрессовое состояние. Прямо в Генштабе был однажды организован концерт джазоркестра Леонида Утесова, где, кроме патриотических мотивов, люди слушали типичный одесский юмор. Показывали иногда и фильмы типа «Сестра его дворецкого» с Диной Дурбин в главной роли и «Серенада солнечной долины» с Сони Хени (многократная чемпионка мира по фигурному катанию) и оркестром Гленна Миллера. Должна сказать,

**М.И. Калинин вручает генерал-лейтенанту С.П. Платонову Орден Ленина.
1945 г. Москва**

что, по всей видимости, из-за необычности для советского ребенка этих фильмов и музыки, Сергей Семенович, обладая абсолютным слухом, на всю жизнь сохранил любовь к джазу. И уже в преклонные годы, когда стало возможным смотреть видеозаписи, из всех возможных чаще всего смотрел именно эти киноленты.

С.М. Штеменко об этом времени пишет, в частности так: «И.В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А.И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17–18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5–6 часов утра до 12 дня. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18–19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников» (Штеменко, 1968, с. 114).

Благодаря своей прекрасной памяти, Семен Павлович мог точно указать, какие части и где находились в те или иные моменты сражений. Поэтому военачальники и сам Верховный Главнокомандующий ему нередко звонили, чтобы уточнить последние данные. Бабушка рассказывала курьезный случай. У дедушки был порученец Салин. Однажды около 4 утра дома звонит телефон, дедушка берет трубку и слышит, еще не до конца проснувшись, что звонит Салин. Хорошо выругавшись, он понимает, что на самом деле ему говорят, что с ним сейчас будет говорить товарищ Сталин. Конечно, дедушка уже проснулся, доложил, как положено, и дал ответы на все вопросы. Не стоит, наверное, уточнять, что Сталин работал с раннего утра, и такие звонки для всех, кто был связан с оперативной работой, были обычным делом.

Еще одно свидетельство. В 1966 г. к нам в квартиру, где мы и сейчас живем в Москве, заехал на несколько минут Георгий Константинович Жуков. Он был в военном повседневном мундире, хотя ехал с приема в Кремле, связанного с его 70-летием. Муж моей мамы заслуженный скульптор РСФСР И.Г. Першудчев (о нем рассказ впереди) лепил его скульптурный портрет и просил маршала заехать и «принять работу». На стене одной из комнат у нас висела большая фотография дедушки в буденовке и еще не в погонах, а с лычками. Когда Г.К. Жуков вошел в эту комнату, он сразу обратил внимание на это фото, узнал дедушку и сказал немало добрых слов о его службе, знаниях, замечательных человеческих качествах. Стоит ли говорить, как и моей маме и мне было приятно слышать такие слова от Маршала Победы.

Дедушки не стало в 1963 г., когда я училась в 8 классе. Сам он поч-

Low impact—flourish requires a significant space in which to flourish enough to take root—this one.

Тем не менее — *Киевская* имела скорость в паре почти Великий Отечественный социалистический революционный в Великий Отечественный вой-
на и Советского Союза 1941—1945 гг.

Taxi spredit e semigradul — «Comerciuile sunt cele mai profitabile si la Bucuresti»
Distribucioneaza pentru Comertului Roman 1961—1980 r.r.

В соответствии с этими данными проведенные расчеты показали, что при этом коэффициент $K_{\text{ср}} = 0,15$ (табл. 1-3, 9-11); среднее значение $K_{\text{ср}} = 0,15$ (табл. 4, 12-13); минимальное значение $K_{\text{ср}} = 0,15$ (табл. 14-15).

В редактерство и подготовка на сачетата приложат участие имали Савини В. Н.

При постановке аппаратов типа Биле использованы 1, 2 и 3-е курсы проекта учебника «Общая теория строения животного организма для высшей школы» (1934) и учебника «Общая теория строения животного организма для высшей школы» (1934) и учебника «Общая теория строения животного организма для высшей школы» (1934).

Отвечая на вопрос, почему именно БЛАТОМОР С. В.

КУРС
ИСТОРИИ
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

ДЛЯ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ

TOM
I

ВНЕШНЕ ПОСЛОУЖИО
С ДРУГИЈИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА
ПРВОЈ СВЕТСКОЈ ВОЈНИ 1914—1918

Scap. latissimus *capitata* *capitata*. *Scap. latissimus* *capitata*. *Scap. latissimus* *capitata*.

Figuring out how to do it is the hard part.

Титульный лист (Формат А 4)	Надпись: Утверждено: _____
Содержание (Формат А 4)	Подпись: _____

Quant e unitat B.A.3	Quantitat e unitat B.A.3
Superfície total: 10000 m ² = 10 ha. a. a. 10 par. a. a. 10 par. = 1 ha. a. = 1 par. a. a.	
10000 m ² = 10 ha. a.	10000

Source: International Development Statistics (United Nations CDP).
 Values: Transport Services, U.S. \$Bn, 1970-1994, 1994, 1994

Ученый секретарь: *А. В. Ковалев*

RUSSIAN RESEARCH
INSECTICIDES, BIOFORM GROUP, OCP
R-2000-1000

Титульный лист и оборот титула учебника для военных училищ
«Курс истории военного искусства» / отв. ред. С.П. Платонов (М.: 1955)

ти ничего не рассказывал о сложностях военной поры. Да, в те годы много говорилось о Победе, о героизме советских людей, защитивших страну, но то, какой вклад внес каждый, что ему приходилось преодолевать, почти не обсуждалось. Как я понимаю, все тогда — и пережившие войну и родившиеся после нее — понимали, что когда страна переживает такие события, все ее граждане делали все возможное и невозможное, чтобы одолеть врага. Если и случались ситуации, что кто-то в окопах, а кто-то ворует, шкурничает, «танцует и поет веселые песни» вместо выполнения лозунга «все для фронта, все для Победы!», то это однозначно осуждалось обществом. Достаточно посмотреть отечественные художественные фильмы про войну. Хотя бы только «Летят журавли» (режиссер М. Калатозов).

21 мая 1942 г. Семен Павлович получил звание генерал-майора, а в мае 1948 г. – генерал-лейтенанта. После окончания войны он работал там же, в Генштабе: в декабре 1950 г. он был назначен на должность

**Книга «Битва за Ленинград» (М., 1964) с дарственной надписью
от авторского коллектива Платоновой Серафиме Васильевне
в память о совместной работе с С.П. Платоновым**

начальника Военно-методического управления Главного военно-научного управления ГШ¹⁵, позднее был начальником военно-исторического отдела того же управления. Это было последнее место службы С.П. Платонова. Уже в 1966 г. на основе этого отдела был создан Институт военной истории Министерства обороны СССР. Дедушка был начальником этого отдела до октября 1963 г., когда в результате «письма доброжелателя», отметившего, что в связи с сокращением численности Вооруженных сил страны¹⁶, негоже делать это за счет «молодых, перспективных кадров», тогда как пенсионеры (дедушке только что исполнился 61 г.) остаются в строю. В результате он был отправлен в отставку, в которой пробыл всего 3 месяца. Не выдержало больное сердце.

Семен Павлович являлся членом редколлегии Военно-исторического журнала, автором разделов, материалов и справок, редактором многих трудов по истории Великой Отечественной войны, в том числе

¹⁵ Главное Военно-научное управление ГШ было образовано 22 марта 1949 г.

¹⁶ В 1955-1958 гг. Н.С. Хрущев инициировал сокращение Вооруженных сил СССР на треть. Было уволено около 2 млн. 140 тыс. солдат, офицеров и генералов. Закон «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР» был принят Верховным Советом СССР в январе 1960 г. Под сокращение попали многие рода войск. Нередко увольняли тех, кому до пенсии оставалось 2-3 месяца. Обоснованием того сокращения было то, что страна может решить любую военную проблему с помощью ракет.

шести-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» (1961–1965) и «Битва за Ленинград» (1964). Он был автором статей о предмете и содержании советской военной науки, по истории военного искусства, боевых операциях в годы Великой Отечественной войны и др. (см., например, Платонов, 1964), статей для БСЭ, в том числе «Вторая мировая война» и др. (1953, 1957). С.П. Платоновым готовились материалы о деятельности военно-исторического отдела ГШ, о подготовке к изданию труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», о работе над рукописью «Советское военное искусство в Великой Отечественной войне», литературный сценарий и дикторский текст к документальному фильму «Великая битва» (о Сталинградском сражении) (1951–1961) и многое другое.

Учитывая, как уже отмечалось, прекрасную память Платонова, к нему часто обращались за консультациями многие историки Великой Отечественной войны. У нас дома хранится немало книг с благодарностями авторов за оказанную помощь.

Первую награду дедушка получил в 1938 г. (медаль «20 лет РККА»). Во время войны орден Отечественной войны I степени (1943), два ордена Красного знамени (оба в 1944 г.), два ордена Красной Звезды (1942, 1944), еще один – после войны в 1950 г. В 1945 г. был награжден орденом Ленина и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1947 г. – орденом Кутузова II степени. Было и немало медалей. Чаще всего, учитывая закрытый характер работы, формулировка была «за успешное выполнения заданий Верховного главнокомандования» или «за успешное выполнение заданий Правительства в области оперативной и организационной работы Красной Армии». Наиболее запомнились его польский крест – орден Виртути милитари (Virtuti Militari) V класса (постановление Президиума Крайовой Рады Народовой, 21 мая 1946 года) и медаль «Китайско-советская дружба» Китайской народной Республики. По рассказам бабушки, думаю, что польским орденом он был награжден за участие в установлении послевоенных границ между СССР и Польшей¹⁷, а вот в связи с каким событием ему вручили китайскую медаль, я не знаю. Помню, что она сильно отличалась (как и польский крест) от всех других наград, и я интересовалась у бабушки, что это. Но он, конечно, мне просто сказал, что это китайская медаль. А о том, что Се-

¹⁷ Соглашение о государственной границе между Польской народной республикой и СССР, в соответствии с решением Ялтинской конференции 1945 г., было подписано 16 августа 1945 г. в Москве.

мен Павлович участвовал в тех исторических событиях между СССР и ПНР, знаю точно, т.к. когда училась в школе, он ездил в Польшу в составе делегации, по-видимому, в 1961 г., к 10-летию окончательного установления границы.

Во время войны, особенно в 1941–1942 гг., С.П. Платонов трижды подавал рапорта с просьбой отправить его на фронт, но получал жесткие отказы: его способности были важнее в оперативном отделе. Обе его дочери — Ирина (1921–1985) и моя мама Нина (1922–2015) — также пытались в первые же дни войны добровольно пойти на фронт, хотя были уже студентками: Нина перешла на второй курс Московского архитектурного института, а Ира — на третий филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кстати сказать, в то же время, что и Ирина, уже на историческом факультете¹⁸ училась Светлана Аллилуева, дочка И.В. Сталина. Ирина подчеркивала, что она выделялась из всех студентов только тем, что к университету ее подвозили и увозили домой на машине. Других отличий не было. Она, как и все, ходила на лекции, сдавала зачеты и экзамены, не особо отличалась и нарядами.

Мама так вспоминала первый день войны. 22 июня 1941 г. она с сокурсниками после сдачи всех экзаменов за первый курс должны были пройти практику по геодезии. Их группе из четырех человек дали для обмера площадку в районе станции метро Сокол. Кто работал с теодолитом и нивелиром (геодезическими приборами), хорошо знает, как эти приборы чувствительны к любому колебанию воздуха! Поэтому они приезжали на свою площадку с первыми поездами метро. Именно 22 июня студенты наблюдали в небе сражение двух самолетов и восхищались этими «маневрами» – ну прямо как настоящий бой! Вдруг один из самолетов загорелся в воздухе и упал на землю. Только во второй половине дня, вернувшись домой, они поняли, что это были не просто «маневры», а настоящий воздушный бой, т. к. началась война, о чем им сообщил один из студентов, выходя из общежития.

Понимая всю тяжесть складывавшейся на фронте ситуации, отец препятствовал тому, чтобы дочери ушли на фронт, как мог, обосновывая это тем, что они не имели никакой военной специальности, хотя, как большинство их ровесников, сдавали нормы ГТО, имели значки «Ворошиловского стрелка». Обе дочери поступили на курсы медсе-

¹⁸ Светлана Аллилуева один год училась на филологическом факультете, а потом перешла на исторический. К сожалению, года нигде в источниках не указаны, поэтому могу говорить только приблизительно. Но Ирина Семеновна не раз вспоминала о Светлане.

**Нина и Ирина с отцом – Семеном Павловичем Платоновым. ПЭГ 1072.
Москва, зима 1941/1942 г.**

стер, но осенью 1941 г. Семен Павлович настоял на том, чтобы вся семья эвакуировалась к его родным в Куйбышевскую область. Ехали до Куйбышева неделю в теплушках, вместе с красноармейцами. Половина вагона была занята нарами, на которых все спали, а вторая половина — военным оборудованием. Делились друг с другом едой, готовили на весь вагон... Все сложилось не совсем так, как планировалось, и Серафиме Васильевне со взрослыми дочерьми и младшим сыном пришлось снимать жилье в другом селе.

Но Нина и Ирина не оставили своего желания быть на передовой. Они каждую неделю, преодолевая 7 км по заснеженным дорогам (как мы помним, и кадры кинохроники об этом свидетельствуют, уже октябрь в 41-м был холодным и снежным), пешком ходили в районный военкомат. И добились своего. С 14 февраля 1942 г. они были признаны годными к строевой службе и мобилизованы Иса克林ским районным военным комиссариатом Куйбышевской области и зачислены в Полевой СЭГ (сортировочный эвакогоспиталь) 1072, где они до лета 1943 г. служили хирургическими медсестрами.

Госпиталь был прифронтовой, куда раненные бойцы поступали прямо с фронта. А он зимой 1941–1942 гг. проходил у самой Москвы. В госпиталь поступали раненые, сражавшиеся под Великими Луками и из Эстонской дивизии. Его разместили в здании гостиницы «Северная» в Марьиной роще. Штат госпиталя был укомплектован сестрами, в основном, за счет студенток московских вузов, которые оставили свои занятия для того, чтобы в тяжелую минуту помочь Родине. Основной задачей таких госпиталей было как можно более быстрое оказание сложной квалифицированной помощи и сохранение жизни максимальному числу бойцов. Первая помощь всегда оказывалась на поле боя, на передовой. Раненные с более серьезными травмами, лечение которых требовало времени и специальной помощи, перевозились с передовой в полевые эвакогоспитали, где необходимо было снять одежду с фронтовика (ее тут же отправляли в санобработку), как следует вымыть пострадавшего, одеть его во все чистое, при необходимости прооперировать или просто обработать раны и отправить дальше, в тыл для лечения.

Начальником хирургического отделения, куда направили сестер, была Анна Григорьевна Комарчева (1904–1990) – прекрасный хирург, сильная мужественная женщина. На основе накопленных знаний, после войны она защитила кандидатскую диссертацию (Комарчева, 1954). Уже через много лет после войны, мама встретила с ней на одной из встреч ветеранов. Было много воспоминаний. Мама в своих воспоминаниях (мы их распечатали дома на принтере) пишет, что

очень печальным для нее была встреча с первым раненым, умирающим от сепсиса, к которому Анна Григорьевна поставила ее. «Совсем еще молодой юноша – Коля Красавцев так печально несправедливо заканчивал свою жизнь. Он пытался что-то рассказывать совсем слабым, прерывающимся голосом о своей маме, о любимой сестре, о том, что он так и не поцеловался ни с одной девушкой и о многом другом. Я до сих пор вижу его ясные, чистые глаза, в которых собрана вся скорбь мира, и себя рядом на стуле со слезами на глазах, которые «лились в три ручья» по всей физиономии, и я их не могла остановить. Он доверительно держал в своей руке мою руку и продолжал все время говорить. Я прилежно пыталась слушать его невнятные слова, но тщетно. Впервые на моих глазах умирал человек, причем чистый, ни в чем не виновный. Эта смерть меня потрясла. Палатой служил большой зал гостиницы. Он всегда был полностью загружен «нетранспортабельными» больными – самыми тяжелыми, для которых дальнейшая эвакуация была опасна, и только что поступившими ранеными. Мест не хватало. Ранее поступившие раненые лежали на койках. Только что прибывших приходилось размещать на носилках, стоящих на полу между кроватями.

Так как раненые поступали практически круглые сутки, нам, медицинским работникам, спать приходилось очень мало. Операционная работала круглосуточно. Спали обычно по 4–5 часов в сутки. В начале войны, хоть об этом мало говорят, были налеты фашистов на Москву. В моей памяти остались такие бомбежки февраля 1942 года. Я до сих пор вижу десятки устремленных на меня взволнованных, скорбных глаз наших воинов. Я одна среди этого огромного зала на ногах. Все больные лежачие, и ты одна на виду у всех пытаешься как-то подбадривать, шутить, успокаивать. Но нельзя еще и еще раз не

**Анна Григорьевна Комарчева –
зав. хирургическим отделением
ПЭГ 1072. Фото с документа, до 1943 г.**

упомануть о наших чудесных русских людях. Были ребята, которые в самые критические моменты, когда чувствуешь, что самолет врага где-то здесь, рядом, отпустит какую-то шутку. Они помогали нам, сестрам удерживать атмосферу покоя, отвлекая от шума и треска за пределами нашего здания.

Первоначально был приказ всех раненых на носилках относить в подвал, в бомбоубежище. И мы вдвоем с другой сестрой носили 90-то килограммовых мужчин! А в зале не менее 20-ти кроватей и еще носилки!!! Этот приказ впоследствии отменили, т.к. одна из бомб угодила в подобный подвал, где лежали раненые.

<...>

Ужасным для меня делом было бесконечное прикуривание. Ни спичек, ни папирос не было. А для раненых курение было особым развлечением, и, я бы даже сказала, успокоительным средством. Наслюнявит он себе из попавшейся под руки бумажки «закрутку», как они ее называли, и просит сестру прикурить у счастливчика, который уже получил огонек. Спички расходовали очень бережно. Иногда от одной спички закуривала вся палата, а бывало, что сестре приходилось нести горящую закрутку и в соседнюю комнату. Сестре приходилось брать в рот наслюнявленную закрутку и закуривать у «счастливчика» а, потом, относить ее владельцу «закрутки». Хорошо, если счастливчик сознательный и сам прикурит для товарища, но часто сестре приходилось прикуривать самой. Были, конечно, случаи, когда «счастливчик» отдавал свою соску (как мы сестры называли эти самодельные папироски) сестре, и владелец новой закрутки от нее сам прикуривал. Но таких случаев было мало, не каждый «счастливчик», спокойно даже на время расставался со своей «соской». Ничего не попишешь! В нашем госпитале были только самые тяжелые больные, все лежачие. Поэтому помощника – ходячего больного, который помогал бы сестрам прикуривать, рядом не было. Приходилось, конечно, все делать нам».

Во время Великой Отечественной войны советские медики сделали немало выдающихся открытий, разработали множество зачастую простых методов борьбы с инфекциями, благодаря которым спасено было тысячи жизней. В своих воспоминаниях мама пишет и об этом. Одной из серьезных проблем была борьба с общим заражением крови, сепсисом¹⁹. К ним в госпиталь много раз приезжал профессор Арты-

¹⁹ По определению сепсис – это патологический процесс, в основе которого лежит реакция организма в виде системного воспаления на инфекцию различной природы (бактериальную, вирусную, грибковую), которая приводит к остро возникающей дисфункции всех органов.

нов²⁰. Он, как и другие врачи в разных госпиталях, предложил использовать раствор обычной поваренной соли (так называемый физиологический раствор) для внутривенного вливания. Соль нейтрализовала кислую среду воспаления и затормаживала процесс, помогая организму справиться с развивающейся инфекцией. Мама была свидетелем эксперимента, проведенного под руководством профессора Артынова в госпитале, когда созданная комиссия из известных ученых и медиков отобрала истории болезней двенадцати фронтовиков, больных сепсисом, считавшихся неизлечимыми. По определенной схеме им внутривенно вводили физиологический раствор. Проводилось наблюдение за пульсом, за изменением показателей анализов, проходили беседы с каждым из отобранных больных. У Артынова была толстая тетрадь, в которую записывались все показатели каждого из 12-ти отобранных больных и все наблюдения. Мама хорошо запомнила эту эпопею, за положительный результат которой «болели» все сотрудники госпиталя. Эксперимент закончился успешно. Из всех 12-ти обреченных умер только один пожилой больной. Врачи говорили о том, что подвело его сердце. Остальные одиннадцать выжили к общей радости всего коллектива.

Мама запомнила и много других эпизодов из ежедневной жизни ПЭГ 1072, но все их изложить здесь, конечно, невозможно. В сентябре 1943 г., уже после сражения на Курской дуге, всем студентам, пришедшим на фронт, рекомендовано было вернуться к учебе. И мама, и ее сестра Ира восстановились в ВУЗах.

После войны, в 1947 г. мама закончила Московский Архитектурный институт (МАРХИ)²¹. После окончания аспирантуры Академии архитектуры в 1964 г. в НИИ теории и истории архитектуры и строительной техники Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР защитила кандидатскую диссертацию «Укрупненные здания культурно-бытового назначения для строительства в колхозах и совхозах». Всю жизнь работала в нескольких архитектурных НИИ, имеет награды за проекты. После ухода на пенсию в конце 1970-х годов, она вместе с мужем заслуженным художником РСФСР, также участником войны Иваном Гавриловичем Першудчевым основное внимание уделяла военно-патриотической

²⁰ Мне, к сожалению, не удалось найти информации о нем и даже инициалов.

²¹ Когда дедушка служил в Одесском военном округе, в 1940 г. мама поступила в Одесский институт инженеров государственного и коммунального строительства. Но там она проучилась только один семестр, т.к. семья должна была в 1941 г. переехать в Москву, она перевелась в МАРХИ.

**Георгий Николаевич Карелин
на Мысхако (вырезка из фронтовой
газеты, которую он прислал
Нине Платоновой в 1942 г.)**

сохранилась у всех троих — Георгия Николаевича, моей мамы и Ирины Семеновны — на всю жизнь, в том числе она сохранялась и после перевода дедушки в Одесский военный округ и в Москву, и во время войны и после нее. Младшего сына Ирины Семеновны, родившегося в 1959 г., назвали именно в честь него Георгием/Юрой. Г.Н. Карелин после войны закончил архитектурный факультет Киевского государственного художественного института (ныне Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры – НАОМА).

В первые же дни войны он, как и другие его друзья по яхт-клубу, был призван в армию. Служил на флоте. Участвовал в боях за Севастополь, Одессу, Керчь, Новороссийск, в том числе в десанте Цезаря Кунникова на «Малую землю». Отличился там, в частности тем, что во время шторма заметил вражескую мину, которая то появлялась, то вновь скрывалась в волнах, и умело подорвал ее. Он писал маме, что вместе со своими боевыми друзьями находится в Мысхако, что его часть участвовала в боях в составе Черноморского флота, но, к сожа-

работе, организации встреч и выставок по истории Великой Отечественной войны, о подвигах героев, работе с учащимися. Долгие годы она была членом Правления Союза московских архитекторов (СМА), активным членом, председателем Совета ветеранов СМА, Московского комитета ветеранов войны. Мамы не стало 20 сентября 2015 г.

Когда С.П. Платонов служил в Киевском военном округе, и вся семья жила в Киеве, мама училась в киевской школе № 138 в одном классе с Георгием Николаевичем Карелиным. Они очень подружились и полюбили друг друга. Дядя Юра (как все в нашей семье называли его) увлек мою маму занятиями парусным спортом, греблей на байдарках и архитектурой. Эта дружба

лению, в основном, на суше. И прислал ей вырезку из газеты со своей фотографией, где он стоит, лихо заломив бескозырку, с ручным пулеметом Дегтярева наперевес. В детстве я все пыталась найти на карте таинственный «мыс Хако». Потом оказалось, что это одно слово и название поселка в Краснодарском крае около Новороссийска. Писал он из госпиталя, ничего не рассказывая о своем ранении. У нас дома сохранились фронтовые треугольнички от Георгия Николаевича. Несколько из них написано именно с Мысхако. Но судьба сложилась так, что мама вышла замуж не за Георгия Николаевича, а совсем за другого человека.

Георгий Николаевич очень хорошо писал: и акварелью, и маслом. Его друзья даже сожалели, что он не стал художником. Многие из его соучеников стали известными живописцами, графиками, скульпторами. Но он все же сменил архитектуру на занятия дизайном: работал «в мире машин» сначала в нескольких проектных институтах в Киеве, а потом в Киевском же филиале ВНИИТЭ – Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики. Его друзья в год кончины организовали в Киеве выставку его живописных работ и издали небольшой буклет (Карелин, 1981).

В 1946 г. на экраны Советского Союза вышел художественный фильм – спортивная комедия «Первая перчатка» (реж. А. Фролов), где главную роль сыграл Иван Переверзев, который по сценарию победил в боксерском соревновании тогдашнего чемпиона страны Юрия Рогова. Эту роль в картине сыграл реальный чемпион страны 1946 г. по боксу Анатолий Григорьевич Степанов (1920–2001) – мой отец. Так сложилось, что в этом же году моя мама отдыхала в том же крымском санатории Крыма, что и А.Г. Степанов. Оба они были молоды, хороши собой, и их встреча закончилась свадьбой. Брак, правда, продержался недолго: родители развелись в 1952 г.

Анатолий был средним сыном в семье, где было пять детей: две дочери и три сына. Их отец Григорий Игнатьевич Степанов (1883–1952), уроженец Могилевской области сам когда-то занимался борьбой, был железнодорожником, поэтому семье по долгу его службы приходилось часто переезжать по регионам России. Так, старший сын Виктор (1914–1970) родился в Чите, а Анатолий и младший Геннадий (1922–1989) — во Владивостоке. Их мать Александра Терентьевна (урожденная Стельмахович; 1888–1962) родилась в селе Черные грязи Могилевской области. В Чите Григорий Игнатьевич работал слесарем-электриком Главных железнодорожных мастерских (Тепловозоремонтный завод) города, откуда его перевели сначала во Владивосток, а незадолго до начала войны в Москву.

Анатолий Григорьевич Степанов. 1942 г.

младшему брату Геннадию. Анатолий был мастером спорта СССР, заслуженным тренером СССР, судьей всесоюзной категории. С 1951 г. на тренерской работе: главный тренер «Трудовых резервов» (1954–1970) и «Динамо» (1973–1981), главный тренер национальной сборной СССР (1970–1973).

Виктор Степанов тоже начал заниматься боксом еще в школьные годы, уже в 1934 г. выиграл первенство СССР. Окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, выступал за «Локомотив». С начала Великой Отечественной войны старший лейтенант Виктор Степанов воевал в железнодорожных войсках на Юго-Западном, Сталинградском и Степном фронтах. В 1942 г. был награжден медалью «За отвагу» за то, что 9 июля того же года взял в плен

Все три брата были боксерами в среднем, а затем в полутяжелом весе. Анатолий начал заниматься боксом в 1934 г. под руководством К.В. Градополова, создателя системы боевого бокса для РККА²². Во время войны принимал участие в боевых действиях в качестве стрелка-радиста на дальнем бомбардировщике. В 1945 г. выступал в составе команды ЦДКА²³ на чемпионате СССР, где стал серебряным призером. В 1946 г. на 12-м по счету чемпионате стал чемпионом страны, а в два следующих года опять завоевал серебро. Причем в 1948 г. в бою при судействе Виктора уступил первенство своему

²² РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

²³ ЦДКА – Центральный дом Красной армии.

эсэсовца. Также удостоен нескольких медалей, в том числе «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Находясь в действующих войсках, не прекращал тренировки, в 1943 г. был отозван с фронта и в 1944 г. на чемпионате СССР завоевал вторую золотую медаль. В течение 15 лет провел 148 боев, из которых 133 закончил победой. С 1948 по 1969 гг. был главным тренером команды Вооруженных сил СССР. Имел звания «Заслуженный мастер спорта», «Заслуженный тренер», «Выдающийся боксер», был судьей международной категории, возглавлял Всесо-

юзную коллегия судей по боксу. Автор нескольких научно-методических пособий по боксу и по судейству в нем. В частности, ему принадлежит изданная в Военном министерстве СССР «Программа-пособие по подготовке боксерских инструкторов в Советской Армии» (1952). Она стала вторым значимым изданием для армии и флота после выпущенной перед самой войной книги К.В. Градополова «Бокс» (1941).

Младший из братьев Геннадий – тоже ученик К.В. Градополова. Занимался с ним с 1936 г. В годы Великой Отечественной сражался сначала танкистом и был удостоен медали «За отвагу» (1943 г.), а потом оперативником СМЕРШа, обезвредившим четырех агентов германской разведки (<https://museum.dynamo.su/persony/nashi-geroi/geroi-sportsmeny/stepanov-gennadiy-grigorevich/>). Спортсмены и тренеры «Динамо» в составе отдельных мотострелковых бригад особого назначения (ОМСБОН) вели подрывную и диверсионную работу

Три брата Степановых на ринге в финале первенстве СССР по боксу.

Слева – Анатолий, справа – Геннадий, рефери – Виктор. 1948 г.

Три брата Степановых во время войны.

Слева – Геннадий, справа сверху – Анатолий, внизу – Виктор. 1942 г.

в тылу врага. Завершил свой боевой путь в Харбине. После войны в 1946 г., представляя ДСО²⁴ «Динамо», завоевал бронзовую награду чемпионата СССР. Дважды становился чемпионом страны (1948 и 1949 гг.). Мастер спорта СССР (1948), многие годы был тренером «Динамо», член тренерского коллектива национальной сборной СССР, заслуженный тренер РСФСР. Как и средний брат Анатолий, снимался в кино. В фильме по мотивам одноименного рассказа Джека Лондона «Мексиканец» (1955 г., реж. В. Каплуновский) он сыграл роль чемпиона Дэнни Уорда, которого побеждает юноша Филиппе Ривера/Хосе

²⁴ ДСО – добровольное спортивное общество.

В.Г. Степанов во время Великой Отечественной войны

Обложка пособия В.Г. Степанова «Организация и проведение соревнований по боксу в Советской Армии» (М., 1952)

Кадр из кинофильма «Мексиканец». Слева сидит Дэнни Уорд (его роль играет Геннадий Степанов), а справа – Филиппе Ривера (роль исполнял Олег Стриженов).

Фернандес (его сыграл Олег Стриженов), чтобы добыть финансовые средства для революционной армии, сражающейся против диктатора Диаса в ходе революции в Мексике (1910–1920 гг.). В 1974 г. по инициативе Читинской областной федерации бокса в Чите был проведен боксерский турнир памяти В.Г. Степанова. Эти соревнования стали традиционными и проводятся до сих пор под названием «Турнир «Забайкалье» на призы братьев Степановых». С 1996 г. соревнования получили официальный статус, т.е. с правом присвоения за победу на них мастерских званий. Участие в турнире принимают боксеры из других регионов России и стран ближнего зарубежья (Китай, Монголия, Казахстан).

Сестра мамы Ирина Семеновна, как уже отмечалось, зимой 1941/1942 г. ушла на фронт с третьего курса филологического факультета МГУ и прослужила в ПЭГ 1072 до сентября 1943 г., когда восстановилась в университете и, успешно закончив его, многие годы работала редактором в Профиздате. К сожалению, Ирина Семеновна

**Ирина Семеновна Платонова (в замужестве после войны – Денисова) –
хирургическая медсестра ПЭГ 1072. Весна 1942 г.**

никогда ни мне, ни своим сыновьям не рассказывала о госпитальном быте. По всей видимости, она не хотела делиться тяжелыми воспоминаниями, да и не раз говорила, что они с сестрой просто выполняли свой долг и не рисковали так, как те, кто был на передовой, как, например, ее муж – Виктор Тимофеевич Денисов. Медицинские навыки пригодились Ирине Семеновне и после ухода на пенсию, когда стало уже подводить здоровье. Последние годы своей жизни она работала медсестрой, а потом в регистратуре одной из московских больниц.

Ирина, отдыхая с подругой в Ялте летом 1948 г., познакомилась с будущим мужем Виктором Тимофеевичем Денисовым, когда он, по рекомендации врачей, долечивался после серьезных фронтовых ранений в санатории. Она обратила внимание на красивого статного фронтовика, когда тот прекрасно играл на пляже в волейбол. То ли целебная вода и воздух Черного моря, то ли вспыхнувшие между молодыми людьми чувства, способствовали тому, что ранее никак не хотевшие заживать раны, стали быстро затягиваться. В скором времени они поженились.

В.Т. Денисов (1921–1988) родился в Москве. Его отец был родом из села Денисовка на р. Яхроме в Калужской области. Во время гражданской войны Тимофей Денисов ушел с войсками Колчака на восток, и его след потерялся где-то в Харбине. Мать Виктора и второго сына Геннадия (род. 1923) Прасковья Алексеевна служила сначала в какой-то семье поварихой, а потом устроилась на московский завод «Каучук», где и проработала всю жизнь. После того, как Виктор закончил школу, Прасковья Алексеевна устроила его на свой завод, где он работал слесарем-ремонтником. Как началась война всем рабочим завода дали бронь, но в декабре 1941 г., когда началось наступление под Москвой, ремонтников стали снимать с должностей и всех, кто закончил 10 классов, направляли в разные военные училища. Виктора направили в Велико-Устюжское артиллерийское училище, где после краткого обучения в начале 1942 г. их выпустили лейтенантами и распределили на фронты. Виктор с несколькими своими друзьями попал на Волховский фронт. Его назначили командиром минометного взвода (батареи) 197 Гвардейского стрелкового полка, а его друга Василия — командиром артиллерийской батареи. Ехали они в эшелоне в сторону Тихвина, где должно было начаться наступление, семь дней.

Один из эпизодов пути на фронт. На одном полустанке эшелон остановился. Начальник станции сказал, что стоять будут около четырех часов, т. к. должен проследовать литерный поезд. Вдруг видят: к их вагону бежит человек. Все решили, что что-то случилось. Оказалось, нет. Это был председатель совхоза. Он стал объяснять, что жители со-

брали целый вагон дров, а отвезти его в село не могут, т. к. все паровозы обслуживают военные нужды. Председатель стал просить начальника поезда дать паровоз на два часа, чтобы отвезти дрова из леса на станцию. Конечно, все сопротивлялись, т. к. дать даже на время паровоз в военное время было большим нарушением. Председатель пообещал дать военному эшелону целый вагон-бочку спирта (800 л.), чем и уговорил командиров. Удача была на стороне военных: они успели заправить паровоз водой, транспортировать вагон с дровами по назначению, вернуться, прицепить вагон-бочку, еще раз залить воду в паровоз и, пропустив литерный состав, продолжить движение. Бочка со спиртом дала возможность всему составу менять ее содержимое на еду и достаточно бодро, «как короли» доехать до места назначения.

Поскольку Виктор прекрасно знал математику и мог быстро в уме рассчитать все необходимое для наведения орудий, его назначили корректировщиком трех минометных батарей дивизии. В подчинении у него была рация и несколько человек. Понятно, что минометчики шли в наступление вместе с пехотой, расчищая им путь вперед. Это было очень опасно, т. к. враг быстро вычислял орудия и старался их уничтожить. Виктор старался беречь бойцов: приблизительно за год боев в его батарее был убит только один человек. Ему повезло, старшиной батареи был опытный боец, который воевал не один месяц: он отступал ранее от Таллинна и теперь шел обратно.

Один из случаев в боях под Тихвином. В лесу, где находилась минометная батарея, была поляна, на которой сходились несколько просек. Поляна была нашей батареей пристреляна. По одной из просек ехала немецкая машина, а по второй — танк, который должен был эту машину прикрывать. Минометная батарея Виктора Денисова накрыла грузовик огнем, кузов которого, как оказалось, был полон немецких офицеров. Танк встал на позицию и стал целиться в минометчиков (в одной батарее 9 минометов). Все они открыли огонь по этому «Тигру», который в результате одной из мин был подбит.

Одним из весьма страшных эпизодов, который рассказывал Виктор Тимофеевич, был такой. Случилось это уже на Ленинградском фронте, с которым Волховский соединился в 1943 г., прорвав блокаду Ленинграда. Батарея заняла немецкий окоп, в котором было много убитых немецких и наших солдат. В окопе было очень много воды, связи с вышестоящим командованием не было, пищу им на батарею не подвозили. Поэтому минометчикам приходилось стоять и сидеть на трупах погибших. Они доставали из немецких вещмешков сухари и ели их. В одном из офицерских блиндажей ситуация была другой, которая произвела на наших бойцов сильное впечатление. Хлеб обыч-

**Слева-направо. Нина Степанова (урожд. Платонова), Семен Павлович Платонов, Сергей Семенович Платонов, Ирина Семеновна Денисова (урожд. Платонова) и Виктор Тимофеевич Денисов.
Село Красково Московской области. 1951 г.**

но нашим бойцам доставался совсем не свежим. Его приходилось, особенно зимой нередко пилить пилой или рубить топором. А в этом блиндаже они нашли булки, упакованные в специальные целлофановые пакеты, которые сохраняли хлеб мягким долгое время. Такой хлеб удалось попробовать всем впервые.

Немецкие офицерские блиндажи во многом отличались от наших: стены внутри у них были выложены не из обычной сосны, а из берез, конечно, вместо «катюш» – коптящих светильников, сделанных из известных ракетных снарядов, там были настоящие керосиновые лампы. Из продуктов там всегда были разнообразные галеты, печенье, рыбные консервы, шампанское, австрийский и швейцарский шоколад и многое другое.

Сильное, ужасное впечатление на бойцов, с которыми воевал Виктор Денисов, произвел Ленинград, в который они приехали для получения новых минометов уже после прорыва блокады. Конечно, они знали про блокаду, но то, что происходило в городе, когда люди умирали от голода прямо на улицах, когда тела жителей лежали просто на тротуарах и рядом с домами, они не могли себе представить. Вернувшись из города на позиции, они не могли сдержать свою нена-

Виктор Денисов (слева) и Георгий Карелин. Москва, начало 1950-х годов.

висть к фашистам и безжалостно относились к ним. Первоначально, после училища, к немцам относились как к врагам, но все же считали их людьми. После поездки в Ленинград отношение очень сильно поменялось.

Один из счастливых случаев. В 1943 г. во время боя, корректируя огонь батареи, Виктор Тимофеевич почувствовал сильнейший удар по спине. Обернувшись, он увидел крупный, еще дымящийся осколок снаряда, который острым концом воткнулся в землю. Виктор понял, что этот осколок ударил его тупым концом, что, скорее всего, спасло жизнь. Удар был настолько сильным, что потом в течение многих дней между лопаток все было синее и двигать руками приходилось с трудом.

Очень серьезное ранение Денисов получил летом 1944 г. под Нарвой. Наши войска форсировали одноименную реку. Часть бойцов уже переправилась на противоположный берег, но там оставался небольшой плацдарм, который фашисты яростно защищали. Минометчикам надо было этот плацдарм ликвидировать. Чтобы иметь возможность корректировать огонь батареи, В.Т. Денисов должен был встать на бруствер окопа. Плацдарм был уничтожен, но он получил множественные осколочные ранения в живот, грудь и руки. Травмы были столь

значительными, что сказывались на его здоровье всю жизнь. Был сильно поврежден локтевой сустав правой руки (образовалась так называемая контрактура), в результате чего нельзя было полностью разогнуть руку. Только благодаря умению военных хирургов, удалось спасти жизнь Виктору из-за повреждения внутренних органов. Ранение в живот было очень опасным. Спасло жизнь то, что перед атакой он ничего не ел, только выпил кружку молока. Несколько мелких осколков осталось в районе позвоночника на всю жизнь, т.к. удалять их было более опасно, чем оставить. В дни празднования 30-летия Победы на одной из тогда еще многолюдных площадок, где встречались ветераны в Москве, В.Т. Денисов встретил врача, которая сделала все, чтобы спасти его после того боя. Оба были несказанно рады встрече и тому, что оба имеют возможность отмечать такой юбилей Победы.

Сыновья Виктора Тимофеевича, мои двоюродные братья — уже упоминавшийся Юра (род. 1959) и старший Алексей (1950–2009) — рассказывали, что однажды более чем через 30 лет после войны во время мытья в бане они, натирая отцу спину, посильнее нажали на мочалку, и отец вздрогнул и даже не очень лестно отозвался о них, мол, «что вы там делаете?». На мочалке появилась кровь. Оказалось, что под воздействием пара и массажа спины, они выдернули один, совсем крохотный осколок, застрявший между позвонками. Тогда-то оба сына поняли, что такое осколочное ранение и что пришлось перенести и их отцу, да и очень многим участникам сражений. Этот осколок был совсем не единственным. Несколько их продолжало находиться в его позвоночнике до последних дней. Так что следы той войны живут в земле не только в местах боев, но и на современных некрополях.

Трагическое нередко находится рядом с забавным, как бы странно это не казалось. И военные травмы оставляют следы не только на телах, но и совершенно в других «измерениях». Опишу забавную ситуацию. Виктор Тимофеевич очень хорошо фотографировал. В том числе летом на даче делал художественные фотографии всех членов семьи, природы. В 1978 г., когда уже у меня родились сын и дочка (внучка Виктора Тимофеевича и Ирины Семеновны Саша родилась намного позже, поэтому эти малыши пользовались большим вниманием всех), он сделал немало их фотографий в разных ситуациях. В одном из эпизодов он усадил обоих детей на стульчики. Оба сидели как «оловянные солдатики». Тогда дядя Витя сказал: «Ну что вы так сидите? На фото же будет не интересно. Хотя бы “руки в боки” сделайте». И показал, как это можно осуществить. Известно, что маленькие дети стараются скопировать то, что им показывают, как можно более точно. И вот моя дочка, которой тогда было немногим более двух лет, дотошно воспро-

извела то, как согнул руку дедушка Витя: одна рука точно упиралась в талию, а вторая была полусогнута и до талии не дотягивалась...

Виктор Тимофеевич Денисов награжден тремя орденами «Красной звезды» (два – в феврале, один в июне 1944 г.), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда» (1943), «За Победу над Германией» и еще несколькими юбилейными.

Мама моей мамы Серафима Васильевна Платонова (урожденная Китаева) родилась в г. Городце Нижегородской губернии в старообрядческой семье, где было 9 детей: 7 мальчиков и две девочки. К сожалению, семьи смогли образовать только двое из них — бабушка и ее младший брат Константин. Остальные дети умерли или во младенчестве или в результате несчастных случаев: один погиб в Первую мировую войну, а еще один из оставшихся в живых – в 1941 г. Константин Васильевич Китаев (1911–1941) родился в Костроме, куда семья переехала в начале XX в. Как прошли его детские и юношеские годы информации практически нет. В семье сохранились только сообщения, что он отличился в Советско-Финляндской или Зимней войне (1939–1940), где был награжден орденом Красной Звезды. В 1934 г. у него родилась дочка Нина (в замужестве стала Бондаревой), но мать ее еще младенцем оставила на попечение отца, и ребенка воспитывала сестра Константина – Серафима вместе со своими тремя детьми. К сожалению, пути наших семей разошлись. Но известно, что у Нины с мужем Иваном было две дочери – Татьяна и Людмила. Бондаревы жили сначала в Омске, где Нина работала медсестрой, а затем – в Барнауле.

В июне 1941 г. Константин Васильевич служил старшиной 15-й роты Подольского пехотного училища (ППУ, переименованное 1 августа 1941 г. из Подольского стрелково-пулеметного училища). Начало войны курсанты и их командиры встретили в летних лагерях на берегах Оки близ Серпухова. В июне 1941 г. был проведен первый офицерский выпуск: в Красную армию было направлено 876 лейтенантов – командиров взводов. В этих лагерях уже в первые дни войны прошли сборы тысячи военнообязанных, которые после обучения были отправлены на Западный фронт.

Хорошо известны бои на подступах к Москве дивизии под командованием генерала И.В. Панфилова на Волоколамском направлении. Благодаря стойкости воинов, их бесстрашию и смелости им удалось не просто задержать, но и сорвать планировавшийся решающий бросок армии вермахта на Москву в ноябре 1941 г.

Но не менее тяжелая обстановка была и на Можайском направлении. К началу октября 1941 г., когда немецкие войска уже захватили

Как показали исследования в архивах целой группы исследователей (среди них – Галина Грин и Владимир Чернов – авторы книги о Детчинском секторе Малоярославецкого укрепрайона (2020)), командование РККА делало все возможное, чтобы препятствовать осуществлению плана «Тайфун». Кроме курсантов на ближних подступах к Москве на этом направлении героически сражались воины 312 стрелковой дивизии. Она было сформирована летом 1941 г. в Казахстане. Командиром ее был назначен полковник Александр Федорович Наумов (1897—1992) (Наумов, 2025). С августа по начало октября 1941 г. дивизия находилась в резерве Ставки Верховного главнокомандующего, а в начале октября вступила в бой с колес. Из 11 000 человек личного состава дивизия в боях под Москвой потеряла около 9500 человек и была официально расформирована 27 декабря 1941 г.

И именно там курсанты двух подольских училищ, пехотного и артиллерийского, героически проявили себя и во многом сыграли решающую роль в том, что и здесь планы захватчиков были разрушены. Как с грустью отмечено в одной из публикаций «на три с половиной тысячи почти мальчишек, принявших главное сражение в своей жизни в октябре 1941 года, осталось одно общее имя – «Подольские курсанты»». Немцы в тех боях потеряли около 100 танков и до 5000 солдат и офицеров (Подвиг «красных юнкеров», 2016).

События осени развивались так. Днем 5 октября 1941 г. от зам. командующего Московским военным округом по телефону в училище поступил приказ «Поднять по боевой тревоге одну из рот и направить ее в качестве передового отряда по маршруту Подольск — Малоярославец — Медынь — Мятлево с задачей: войти в соприкосновение с противником для ведения сдерживающих боев до занятия главными силами училища Ильинского рубежа» (Панков, Панков, 1980, с. 22). Главные силы курсантов были направлены для обороны района Ильинского и Детчино. Сохранилось несколько воспоминаний о тех суровых днях. Описать все героические поступки воинов здесь просто невозможно. Но главное заключается в том, что бойцы 312 стрелковой дивизии и курсанты двух училищ выиграли для всей Красной армии, для всей страны несколько бесценных дней, которые дали возможность скомплектовать в тылах максимально возможные части и доставить их на передовую. Так, Г. Грин и В. Чернов подчеркивают, что если со 2 по 8 октября немецкие наступательные планы осуществлялись (был замкнут Вяземский котел, в который попали войска Брянского, Западного и Резервного фронтов), то после 8 октября ни один такой план дня выполнен не был. Всего за три недели немецкое наступление на Москву было остановлено. На всех участках от р. Угра до

р. Нара, южнее Варшавского шоссе (а точнее – от поля боя «Стояния на Угре» 1480 г. до поля боя Тарутинского сражения 1812 г.) в октябре 1941 г. шли жестокие бои (Грин, Чернов, 2020). Сейчас в литературе описан практически каждый из этих дней.

Одним из показательных эпизодов героизма защитников Москвы был захват высоты 209,9 севернее с. Детчино. Здесь с воинами 1081 стрелкового полка 312 стрелковой дивизии тоже сражались курсанты Подольских пехотного и артиллерийского училищ.

На этом участке обороны немцы были остановлены в районе с. Таруново уже вечером 13 октября. Только 18 октября они окружили 1081 стрелковый полк 312 дивизии в Детчино, но еще целые сутки не могли войти в село. С 15 октября, чтобы окружить район Детчино, немцы стали обходить весь узел обороны, и им это почти удалось. В ночь на 16 октября была захвачена командная высота 209,9 («Маяк») в 5 км севернее Детчино. Высоту окружало несколько деревень: Васисово, Тимовка, Березовка, Михеево, Малахово, Савиново. С этой высоты и из захваченной в ночь на 15 октября дер. Малахово контролировались все дороги и населенные пункты в округе. Контроль над этой высотой определял, кто будет владеть всем Детчинским узлом обороны (Грин, Чернов, 2022).

О бое за высоту 209,9 в своих послевоенных воспоминаниях писали несколько бывших курсантов. Наступление 15-й роты ППУ началось 16 октября еще в темноте, после огневого налета, произведенного 76-мм пушками артиллерийской батареи курсантов Подольского артиллерийского училища (ПАУ). Нижний ярус немецких огневых точек высоты 209,9 можно было взять только атакой. Три взвода курсантов обходили высоту с трех сторон. Справа от высоты (от д. Михеево) – был лес, прямо – кустарник, со стороны Тимовки и Березовки – открытая местность. На выпавшем ночью снегу курсанты были видны, как на ладони. Прячась за кустарником, они подобрались к высоте. Бывший курсант С.В. Золотарев писал: «Мы получили приказ двигаться по направлению вот этого лесочка. Лес в то время был крайне редкий, поэтому далеко было видно. Когда выходили полем, здесь сопротивления мы не встретили. Но вот как только мы вышли и попали в лес, я никогда не помню такой стрельбы со стороны противника. Пули жужжали везде, в разных направлениях» (РГАКФД, Ф.1.№3233.1960 – цит. по: Грин, Чернов, 2022). Другой участник тех событий Т.М. Златкин продолжает: «... в метре от головы встают снежные фонтанчики. Они то слева, то справа. Ведем ответный огонь из винтовок. Автоматов у нас нет. Пулеметы где-то сзади. Все чаще слышим стоны раненных курсантов. Так долго продолжаться не может – нас перебьют как кро-

ликов. Что делать? Положение отчаянное...» (Государственный музей обороны Москвы, экспозиция, 1989 – цит. по: Грин, Чернов, 2022). И в этой обстановке, когда невозможно было поднять головы под немецким обстрелом, старшина Константин Китаев личным примером сумел поднять курсантов в атаку. С.В. Золотарев: «...Китаев Константин Васильевич, он был человек требовательный, а с другой стороны, всегда любил пошутить. Вот нужно ему, чтобы бросок был удачный, он все время [командовал]: «Пятнадцатая... краснознаменная... орденоносная...», – уж мы знали, что это значит, это он требует, чтобы мы душу вложили. И с громким «Ура!» здесь все кинулись... Атака заняла около

15 минут...». Т.М. Златкин: «... И вот в критический момент мы видим, как старшина К. Китаев поднимается во весь рост и с криком «Курсанты, вперед!» бежит вверх по склону. Мы бежим, стреляем, и в горячке боя не видим, как наш старшина падает, сраженный вражеской пулеметной очередью. С криком «Ура!», задыхаясь, достигаем вершины. Забрасываем гранатами продолжающих сопротивление фашистских солдат, но основные силы противника, отстреливаясь, отходят. Высота взята!» (Грин, Чернов, 2022).

Благодаря тому, что высота была отбита у немцев, Детчинский узел обороны продержался на 1,5 дня дольше, что в те дни дало дополнительное время для доставки резервов из отдаленных районов страны и перейти в наступление. За свой подвиг К.В. Китаев был представлен к ордену Ленина. Несмотря на то, что в воспоминаниях сослуживцев есть рассказы о захоронении старшины и других бойцов, погибших в том бою («Похоронен у большого дерева на окраине населенного пункта Васисово...» – так было записано в документах, чтобы не забыть, где искать однополчан...), пока могила их не найдена.

**Единственная сохранившаяся
фотография К.В. Китаева
(из его личного дела)**

Имеются данные, что на Ильинских рубежах навсегда остались около 2500 курсантов. По другим, из 3500 бойцов сводного полка выжил только каждый десятый (Подвиг «красных юнкеров», 2016).

Группе сотрудников ИЭА РАН, благодаря помощи Г.Я. Грин и В.А. Чернова, довелось своими ногами пройти по той земле, в которой до сих пор находят немалое число останков защитников Москвы, погибших в сражениях осени 1941 г. Энтузиасты-поисковики ежегодно на местах бывших боев, как они говорят, «поднимают» несколько сотен погибших, но не захороненных более 80 лет бойцов. Так, по инициативе педагога Панской школы-интерната Малоярославецкого района Калужской области Елены Николаевны Борисовой в 1994 г. был создан поисковый отряд «Беспокойные сердца». Благодаря отряду были найдены тысячи останков солдат, установлены имена десятков солдат по найденным медальонам, установлены родственники красноармейцев.

Когда в 1963 г. ушел из жизни С.П. Платонов, министерство обороны СССР выделило деньги на сооружение ему памятника. Мамина подруга архитектор Марина Ткачева познакомила ее с заслуженным скульптором РСФСР Иваном Гавриловичем Першудчевым (1915–1987). Он сделал замечательный портрет бабушки, а вместе они создали памятник, который и сейчас стоит на Новодевичьем кладбище. В 1967 г. Нина Семеновна и Иван Гаврилович поженились. Будучи оба участниками Великой Отечественной войны, в последующие годы они вместе провели много выставок, прославляющих ее героев, многократно ездили по военным частям в разных частях Советского Союза, где уже вместе создавали портреты защитников границ и других отличившихся воинов, проводили большую военно-патриотическую работу. Эту работу мама продолжала практически до самых последних своих дней. Она написала и издала на личные средства два издания книги о Героях войны, образы которых запечатлел Иван Гаврилович (Платонова, 2005, 2011).

Иван Гаврилович родился в с. Каменское Днепропетровской обл. Украины. Его отец был потомственным работником металлургического завода. С юности работал: сначала слесарем на заводе, где служил его отец, а затем помощником машиниста паровоза. В свободное время посещал студию изобразительного искусства при Дворце культуры металлургов. Затем окончил Днепропетровское художественное училище и поступил во Всероссийскую Академию художеств (Ленинградский институт живописи, архитектуры и скульптуры имени И.Е. Репина), где за блестящие успехи получал Сталинскую стипендию. В июне 1941 г. с товарищем по учебе Иосифом Богомольным Иван Першудчев работал над скульптурным оформлением нового железнодоро-

рожного вокзала в г. Саранск, где их и застало 22 июня.

Несмотря на имевшуюся у сталинского стипендиата бронь, Иван пошел добровольцем на фронт. Воевал рядовым под Москвой на Малоярославецком направлении. Был ранен под Нарофоминском. После подмосковного госпиталя был переведен на долечивание в Казань. Уже в стенах госпиталя Иван Гаврилович вновь обращается к искусству, создавая несколько пластических эскизов, в которых нашли отзвук события, участником которых он был. Однажды госпиталь с проверкой посетил начальник политуправления Воронежского фронта генерал-майор Сергей Савельевич Шатилов. Говоря о значимой силе искусства, Першудчев предложил политуправлению создать несколько скульптурных портретов героев фронта, отличившихся в сражениях, для намечавшейся выставки, посвященной 25-летию юбилею комсомола.

С.С. Шатилов, прекрасно понимавший роль искусства в воспитании воинов, особенно на фронте и организовавший при фронтовом Доме культуры оркестр со своим композитором, приглашал туда поэтов, писателей, журналистов, художников, горячо поддержал это предложение. Командование включило фронтового скульптора в состав войск Воронежского, а затем 1-го Украинского фронтов. От Дона до Эльбы прошел художник-боец. Он работал в тех же условиях, что и бойцы на фронте: на берегу только что форсированного Днепра, на аэродромах, где отдыхали между боевыми вылетами летчики И. Покрышкина и И. Кожедуба, в землянках, на ступенях горящего Рейхстага... Времени на долгую работу над портретом не было – шли упорные бои. Фронтовые портреты создавались нередко в один-два сеанса, в короткие свободные часы бойцов. Иван Гаврилович по просьбе командования снимал посмертную маску с генерала М.Ф. Ватутина в 1944 г. Уже в 1943 г. на 1-м Украинском фронте состоялась его первая персональная выставка, где было представлено несколько портретов комсомольцев, получивших в дни боев звание Героев Советского Союза. К концу войны им была создана целая галерея из 37 портретов героев – солдат, командиров, генералов. С 1947 по 1952 гг. он работал в Студии военных художников им. М.Б. Грекова.

Многие художники создавали свои рисунки, картины на фронте. Но только Иван Першудчев лепил скульптурные портреты во фронтовой обстановке. Это — уникальный случай в мировой истории. И многие из его как военных работ, так и тех, что были созданы уже в мирное время, вошли в золотой фонд мировой скульптуры. И в послевоенные годы, наряду с созданием монументальных памятников (в том числе советский военный мемориал в Шёнхольцерхайде, рай-

И.Г. Першудчев. Подмосковье в районе Нарофоминска, 1941 г.

он Панков в Берлине; Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях за освобождение Вены на центральном кладбище столицы Австрии; памятник Г.И. Котовскому в Кишиневе, памятники В.И. Ленину и Ф.Э. Дзержинскому в Днепропетровске и др.), он продолжал военную тематику. Портреты Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С.

Иван Першудчев за работой над портретом командира взвода разведчиков Любови Карцевой (погибла в ходе очередной разведки через несколько недель после этого дня). Курская дуга, 1943 г.

Конев, первого коменданта Берлина Н.Э. Берзарина украшали Музей в Карлсхорсте, пригороде Берлина, где была подписана капитуляция, когда он был открыт. Многие портреты хранятся в Третьяковской галерее, в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. В 1975 г. Ивану Гавриловичу было присвоено звание заслуженного художника РСФСР (Платонова, 2005, 2012).

И.Г. Першудчев награжден дважды Орденом Красной звезды (1945, 1946), медалью «За взятие Берлина», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

У Семена Павловича Платонова было две сестры: Наталья (род. 1920; по мужу Филатова) и Анна (род. 1918; по мужу Маркелова) и брат Иван (род. 1908). Муж Натальи Павловны Филатов Александр Федорович (1905–1949) был призван из Иса克林ского района и воевал в 1941–1942 гг. на подступах к Москве в Калужской области, был ранен в правую руку и комиссован. Работал в кузнице. Поскольку рука была сильно повреждена, он привязывал к ней молот, чтобы иметь возможность работать. Потом был председателем колхоза. Детали его боевого пути, к сожалению, пока мне не известны.

Муж Анны Павловны Василий Маркелов тоже был на фронте, так же, как и брат Иван Платонов. Оба они погибли, но сведений об обсто-

Иосиф Федорович Дубов. Казанджик. Туркменистан, 6 октября 1941 г.

Боевой путь И.Ф. Дубова в составе 221 стрелковой дивизии в 1940 – июне 1945 г.

ятельств их смерти и фронтах, где они воевали, к сожалению, найти мне пока не удалось.

Отец моего мужа Александра Иосифовича Дубова (1946–2021) Иосиф Федорович (1911–1976) был родом из села Карамышево одноименного района Калужской области²⁵. Он был призван в армию уже в 1939 г. и прошел три войны: Советско-Финскую (1939–1940), Великую Отечественную (1941–1945) и Вторую мировую (август – 2 сентября 1945). Он был призван в армию до 1939 г. и с самого начала военных действий на Советско-Финском фронте в ноябре 1939 г. принимал участие в боях. По окончании этой войны в марте 1940 г. часть, где служил Иосиф Федорович, перебросили (как я предполагаю, для защиты границы с Ираном, что в 1940 г. ввиду очень непростой политической ситуации, которая там складывалась) в г. Казанджик²⁶ (Туркмения) на переформирование. 31 мая 1940 г. приказом по 11 армии за № 0213 ему было присвоено звание старшины технической службы.

Уже летом 1941 г. часть была по железной дороге переведена че-

²⁵ Сердечно благодарю Владимира Иосифовича Дубова за бережно сохраненные материалы и рассказ о семьях Дубовых и Дементьевых.

²⁶ Современное название города – Берекет в Балканском велаяте на юго-западе страны.

**Боевой путь И.Ф. Дубова в составе 221 стрелковой дивизии
в июне – ноябре 1945 г.**

рез Астрахань, потом Калмыкию под Ростов-на-Дону. 25 июня был сформирован Южный фронт. Задача стояла: не допустить немцев на Кавказ, к нефтепромыслам, взять и освободить Ростов. Ростовская наступательная операция 17 ноября – 2 декабря 1941 г. стала первым масштабным успехом советских войск в зимнюю кампанию, который наряду с контрнаступлением под Москвой привел к остановке наступления вермахта. Командовал этим фронтом (с 5 октября по 24 декабря 1941) генерал-лейтенант Яков Тимофеевич Черевиченко (1894–1976), а затем (по 28 июля 1942) генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967).

После освобождения Ростова фронт на южном направлении временно стабилизировался. Более чем на полгода город стал прифронтовым, который постоянно обстреливался. В мае-июле 1942 г. ситуация на этой части стал опять осложняться. РККА вынуждена была оставить Донбасс и часть Ростовской области. 22 июля, несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск, немцы взяли Ростов в полукольцо. «Сопротивление советских войск так ошеломило нацистов, что они в письмах домой и послевоенных мемуарах много писали о «фанатичных частях НКВД» и «сражавшихся за каждый подвал русских», рассказал в беседе с RT заведующий научно-методическим

отделом Музея Победы Андрей Горбунов. В городе установили жестокий оккупационный режим. Нацисты расстреливали детей за то, что они прятали тяжелораненых красноармейцев. Во время посещения города командующим танковой армией фон Клейстом колонна военнопленных была уложена на дорогу, и по людям проехал танк (Князев, Комарова, 2023).

Часть, где служил Иосиф Федорович, после освобождения Ростова двинулась на Таганрог и остановилась у реки Миус, где простояли всю зиму в обороне. После начала немецкого наступления 1942 г. и сдачи Ростова, их 659 артиллерийский полк отступал обратно до Элисты, где они опять заняли оборону, которую держали всю зиму до весны 1943 г., не давая возможности вермахту доставить свои подкрепления к Сталинграду.

После разгрома немецких армий под Сталинградом, из Элисты тем же путем, что и в 1942 г., их 221 стрелковая дивизия стала двигаться на юг. Выбив нацистов из Ростова, в сентябре 1943 г. они в ходе Донбасской стратегической операции, в которой участвовали не только сухопутные войска, но и Азовская военная флотилия, освободили Мариуполь. За эту победу дивизии было присвоено почетное наименование «Мариупольская». В том же 1943 г. она участвовала в Мелитопольской наступательной операции (город был в оккупации около двух лет; освобожден 23 октября). Бои были такими ожесточенными, что историки их называли «малым Сталинградом». 20 октября 1943 г. Южный фронт был преобразован в 4-й Украинский фронт, в который вошла и дивизия, в которой воевал И.Ф. Дубов. С марта 1944 г. дивизия прорвалась к реке Южный Буг и приняла участие в освобождении Винницы (Проскуровско-Черновицкая операция). Затем дивизия была погружена в эшелоны и направлена через Нежин, Курск и Шлиссельбург на рубеж реки Свирь (к городу Ладейное поле), затем переброшена на Карельский перешеек, с июня 1944 г. участвовала в Выборгской операции. После окончания боевых действий с Финляндией находилась на границе, а к ноябрю 1944 г. передислоцирована к границе с Восточной Пруссией в районе оз. Выльштынец. Затем зимой 1945 г. она участвовала в боях за ряд хорошо укрепленных и сильно сопротивляющихся городов, а потом за Кенигсберг, не давая возможности группировке немцев с северо-запада проникнуть в город. Бои за Кенигсберг были очень тяжелыми, но устоять перед мощью советской армии, несмотря на все мощные укрепления города-крепости, немцы не смогли. Город был взят всего за несколько дней. Дивизия закончила боевые действия на побережье Балтийского моря и 1 мая 1945 г. и была выведена в резерв Ставки Верховного главнокомандования.

Сохранилась справка, выданная И.Ф. Дубову 12 марта 1945 г. и действительная по 1 июня 1945 г., которая подтверждает, что он состоит на военной службе в 650 артиллерийском полку 221 стрелковой Мариупольской, Краснознаменной, ордена Суворова дивизии в должности зав. артиллерийским складом. Поскольку части этой армии в то время находились в резерве, в справке есть интересное уточнение: «т. Дубову разрешено ношение личного оружия Револьвер “Наган” № Жа605». Есть и еще одна примечательная деталь. В апреле 1945 г. он был представлен к награждению Орденом Отечественной войны второй степени. В представлении говорится:

«Старшина Дубов, работая в артснабжении полка показал себя мужественным, стойким в боевой обстановке <... > За время наступательных боев с 12 по 17 апреля 1945 г. старшина Дубов по приказанию командования полка, в любых условиях, часто под жестоким артобстрелом, доставлял боеприпасы с арт ДОП²⁷а на огневые позиции батарей, точно к указанному времени, проявляя при этом мужество и находчивость, полностью сохранив от обстрела автомашины и боеприпасы, чем способствовал успешному выполнению боевой задачи.

т. Дубов проделал громадную работу по сбору и отправке в тыл стреляных гильз, за что 9 раз премирован командованием полка денежными премиями, т.к. сберег для страны огромное количество цветного металла».

Здесь стоит обратить внимание не только на то, за что бойца представили к награде. Характерен последний абзац, где говорится о том, что в то время большое внимание уделялось не только собственно военному снабжению, но и сбору цветного металла и отправке его в тыл на переработку. Более того, существовала даже специальная система поощрения такого, можно сказать, бережного отношения к металлу.

Но военные действия для 221 стрелковой дивизии и персонально для И.Ф. Дубова в Кенигсберге не завершились. В июне 1945 г. весь состав дивизии был переброшен на Восток. Они через Каунас, Вильно, Минск, Смоленск, Вязьму и Москву, далее на Казань, Курган, Омск, Новосибирск, Иркутск, Улан-Удэ и Читу на одно из самых тяжелых направлений Хингано-Мукденской операции. Они перешли горы Большого Хингана, вошли в Восточную Монголию. Там около двух недель боев у них не было. Только в середине августа их полк встретил одну из японских дивизий, которая пыталась выйти из окру-

²⁷ ДОП – дивизионный обменный пункт, предназначенный для передачи грузов в нижестоящее звено. Использовался как склад, место хранения боеприпасов, продовольствия и белья.

жения, и разбил ее. Имея богатейший опыт боев на Западе, это оказалось не очень сложно осуществить. Входили они на территорию Монголии через станцию Борзя, а выходили обратно в Даурию, где после окончания боевых операций для дивизии все было приготовлено для временного проживания. Только 18 ноября 1945 г. на эшелоне личный состав был отправлен домой. В военном эшелоне они доехали до Горького (ныне Нижний Новгород), а оттуда разъезжались по домам уже на обычных пассажирских поездах. 1 декабря 1945 г. Иосиф Федорович был в Москве. Он дважды награжден орденом Красной Звезды, дважды – орденом Отечественной войны, медалями «Славы», «За отвагу», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Японией»

**Екатерина Дементьева/Дубова.
г. Молотов (Пермь), 4 ноября 1942 г.**

Екатерина Васильевна, урожденная Дементьева (1916–2007), его жена родилась в д. Писарево Рузского района Московской области. До войны она помогала по дому в одной из семей, которая с началом войны эвакуировалась в г. Молотов (ныне Пермь). Там она получила профессию портнихи и работала на фабрике, где всю войну шила обмундирование. За трудовую доблесть была награждена медалью. В 1944 г. вместе с фабрикой она вернулась в Москву и работала у станции метро «Сокол» на одном из авиационных предприятий, главным конструктором и директором которого был П.О. Сухой. Она была портнихой, а в те годы на многих крупных предприятиях, подсобные хозяйства включали и свои швейные мастерские. Так сложилось, что жене П.О. Сухого очень понравилось мастерство Екатерины, и она постоянно заказывала у нее платья и пальто. Благодаря ходатайству П.О. Сухого, Екатерине выделили комнату в 8 кв. м в коммунальной квартире в районе Тушино, куда в декабре 1945 г. и приехал, вернувшись

Николай Дементьев. 1934 г.

была занята немцами. Как пересказывала Екатерина Васильевна слова матери, сначала никаких зверств они не чинили. Правда, очень боялись заразиться чем-то от местных жителей и, чтобы где-то самим находиться в холодное время осени-зимы 1941 г., выселяли их из домов. Кроме домов на участках построек фактически не было, поэтому местным жителям вне зависимости от возраста пришлось прятаться и жить в погребках, которые имел каждый из хозяев в деревне поодаль от дома, но тоже на берегу Рузы. Когда стало развиваться советское наступление в декабре 1941 г., ситуация резко изменилась и тогда начались поджоги домов. Отступая из Писаревки, дома в ней сожгли почти все: остались только печи и в буквальном смысле три дома, до которых огонь не успел добраться. Думаю, многие из нас знают эти ужасные фотографии сел на многих освобожденных территориях. Так, в современном доме Дементьевых, который был выстроен заново в 1946–1947 гг. усилиями всех детей, печь – та самая, что строили еще

с Дальневосточного фронта, Иосиф Федорович Дубов. В той комнате у них и родился в 1946 г. первый сын – Александр. В 1947 г. им удалось накопить некоторую сумму и купить одну треть деревянного дома с небольшим участком на ул. Каспийской напротив железнодорожной станции «Царицыно». Кроме шитья, Екатерина Васильевна очень любила заниматься садом и огородом, поэтому наличие своего участка земли было для них очень важно. Уже там родился второй сын – Владимир. Семья прожила в том доме до 1974 г., когда индивидуальные дома в районе стали сноситься и всех переселяли в новостройки Орехово-Борисово.

У Дементьевых перед войной был свой дом в д. Писарево, прямо на левом берегу р. Руза. В октябре 1941 г. деревня

деды, только не раз отремонтированная. Во время одной из многочисленных перестрелок при освобождении села погиб отец Екатерины Васильевны – Василий Дементьевич и еще две пожилые женщины из соседних домов. Поскольку была зима, а сил переносить всех на кладбище и копать могилы не было, их похоронили прямо рядом с домом. Уже через несколько лет после войны приблизительно в 1956 г. их останки перенесли на сельское кладбище.

Все годы с 1941 г. до 1947 г. бабушка Матрена, как и те жители села, которые не были на фронте и остались живы, жили в погребах или землянках, переноса там и холод, и

дожди и все другие погодные неприятности. Но они работали на своей земле, растили овощи, старались ухаживать за фруктовыми деревьями и, благодаря этому, выжили. А их родные или участвовали в боях или были на трудовом фронте. Победу ковали все.

В семье родителей Екатерины Васильевны Матрены Яковлевны (1885–1961) и Василия Дементьевича (1886–1941) было три дочери (Екатерина, Антонина и Мария) и три сына (Николай, Лев и Виктор). Николай Дементьев (1915–1939) был участником Советско-Финской войны и погиб там. Лев Васильевич (1926–1945) воевал в 17 штурмовом батальоне 399 стрелковой дивизии, которая тогда преследовала отступающих немцев в Восточной Пруссии. Он погиб 16 января 1945 г. и был захоронен в деревне Ляски в Польше. В 1946 г. проводилась эксгумация полевых захоронений воинов, павших в период с сентября 1944 по январь 1945 гг. в боях близ Макува. Останки перенесли на воинское кладбище в г. Манув-Мазовецки в 80 км к северу от Варшавы, где покоится прах более 15,5 тыс. советских бойцов. Имя Льва Дементьева – одно из всего 2849 похороненных там солдат и офицеров. Это кладбище – одно из самых больших из 508 захоронений советских воинов на территории Польши. На протяжении долгих пяти месяцев на

Лев Дементьев. 1941 г.

макувской земле шли ожесточенные позиционные бои, гибли тысячи солдат. Отсюда 14 января 1945 г. в 8 часов утра началось наступление Второго и Третьего Белорусских фронтов. За 100 дней они дошли до Балтики, освободили Кенигсберг, Гданьск, Гдыню и Щецин, подступив к Берлину с севера.

Площадь кладбища 3,5 га. На кладбище установлен обелиск в виде штыка. На обелиске установлена памятная доска с надписью: «Героическим солдатам Советской Армии – освободителям Польши, павшим в борьбе с гитлеровскими оккупантами» (<https://suhov077.livejournal.com/34893.html>; Город Макув Мазовецкий, без даты). Хочется верить, что эти могилы сохранены и в наши непростые дни, хотя уже в 2016 г. вандалы оскверняли памятник на этом кладбище (В Польше вандалы осквернили..., 2016)

К сожалению, начинаешь записывать то, что тебе рассказывают старшие, очень поздно. Полагаешься на память. Мало задаешь им вопросов, а от тяжелых воспоминаний о событиях военного времени они старались просто нас защищать, и сами почти никогда ими в присутствии детей не делились. Например, то, что выше написано о В.Т. Денисове, услышал и пересказал мне его сын Юра, который любил спрятаться под столом или в другом укромном месте, когда отец встречался с однополчанами, и они, выпив не по одной чарке, вспоминали свои военные годы. О том, что К.В. Китаев совершил подвиг при обороне Москвы, я узнала только когда вышла книга «Подвиг подольских курсантов» (Панков, Панков, 1980). Бабушка, сестра Константина Васильевича, раньше просто говорила, что «брат Костя погиб в 1941 г.», но купив ту небольшую книгу, рассказала мне и другим внукам о тех событиях. Кем был дедушка, и чем он занимался во время войны, тоже стало мне известно намного позже его ухода из жизни. Да, я знала, что он генерал, но мы жили в домах, где в каждой квартире жили семьи военнопленных. Да, он брал меня и двоюродного брата Алексея на Красную площадь на парады, и в старших классах я уже понимала, что стоять на трибуне рядом с Мавзолеем могли далеко не все желающие. Да, у него была служебная машина, которая пару раз, при возвращении с дачи, завозила сначала его на работу, а потом подвозила нас домой. Конечно, я понимала, что у многих моих одноклассников и друзей, которые были детьми дворников, уборщиц и даже инженеров, такого не было. Повторюсь: в те годы считалось, что каждая семья делала все, что могла, для общей Победы, что в каждой семье были свои герои — стояли ли они у станков, выращивали ли хлеб, добывали разведанные, были ли фотокорреспондентами или дипломатами. То есть героизм в нашей стране был именно массовым, за исключением,

конечно, той небольшой части, про которую в начале было сказано. В связи с этим, не могу не сказать, что сейчас, когда пишутся эти строки и идет Специальная военная операция, я с болью ощущаю отсутствие такого единства в России: одни высаживают в мегаполисе пальмы, ездят на Мальдивы, устраивают пышные застолья, а другие, которых ждут дома, в это время штурмуют очередной населенный пункт, находясь под постоянным прицелом дронов.

Но весь наш сборник и эта статья с небольшой частью историй наших семей, которая, конечно, могла бы быть намного более подробной, не о том. Они о необходимости сохранить память о героях не только среди родных, но и по возможности для других поколений. Пока мы помним героев, они живы!

Литература

- Бокс. Программа-пособие по подготовке инструкторов спорта в Советской Армии / сост. заслуженный мастер спорта капитан В.Г. Степанов. М.: Военное издательство, 1952. 167 с.
- В Польше вандалы осквернили памятник на кладбище советских солдат // <https://myseldon.com/ru/news/index/156489845>. 22 сентября 2016
- Город Макув Мазовецки. Военное советское кладбище // <https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=1941#close>
- Градополов К.В. Бокс. Пособие по обучению и тренировке. М.: Воениздат, 1941.
- Грин Г.Я., Чернов В.А. Октябрь 1941. Детчинский сектор Малоярославецкого укрепрайона. Хроника событий. М.: Юстицинформ, 2020. 432 с.
- Грин Г.Я., Чернов В.А. Старшина 15-й роты подольских курсантов Константин Китаев // Малоярославецкий край (газ.). 13 января 2022 г. С. 5.
- История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / пред. редколлегии П.М. Пospelов. В 6-ти томах. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960–1965.
- Карелин Г. Акварели. Рисунок. Каталог выставки. [Буклет]. Киев: Союз художников Украинской ССР, Союз архитекторов Украинской ССР, 1981.
- Князев С., Комарова Е. «Мужество, стойкость и героизм»: как Ростов-на-Дону дважды освобождали от нацистских оккупантов // <https://russian.rt.com/science/article/1109479-rostov-na-donu-osvobozhdenie> 14.02.2023
- Комарчева А.Г. Первичный сухожильный шов на пальцах, кисти и предплечья. Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата мед. наук. М.: б/и, 1954. 24 с.
- Курс истории военного искусства для военных училищ. Т. 1. Военное искус-

- ство с древнейших времен до конца Первой мировой войны 1914–1918 гг. / отв. ред. С.П. Платонов. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1955. 528 с.
- Наумов А.Ф. Статьи, записки, воспоминания / авт.-составитель Н.А. Прусаков. Калининград: Полиграфыч, 2025. 400 с.
- Панков Д.В., Панков Д.Д. Подвиг подольских курсантов. М.: Московский рабочий, 1980. 120 с.
- Платонов С.П. Краткий обзор военных действий // Военно-исторический журнал. 1964. №. 2. С. 14-24.
- Платонова Н.С. Герои Великой Отечественной войны в произведениях Ивана Першудчева. М.: Старый сад, 2005. 178 с.; 2 изд. М.: Старый сад, 2011. 200 с.
- Подвиг «красных юнкеров». Как подольские курсанты спасли Москву // История KRiOGеN. <http://rusmi.su/news/12-2016/news11083.html> 19 декабря 2016.
- Степанов Геннадий Григорьевич // <https://museum.dynamo.su/persony/nashi-geroi/geroi-sportsmeny/stepanov-gennadiy-grigorevich/>
- Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1975. 486 с.

А.Е. Загребин

МАКСИМ ИЛЬИЧ ИЛЬИН, ОФИЦЕР И УЧИТЕЛЬ

Рассказ о деде автора – М.И. Ильине (1913–1988). После окончания Можгинского педагогического техникума работал сельским учителем, в 1935–1938 гг. проходил срочную службу в пограничных войсках. Вернувшись к преподаванию, вскоре был призван в органы НКВД СССР. В годы Великой Отечественной войны воевал на Северо-Западном фронте, участвовал в ликвидации Демянского котла, был ранен. С 1943 г. служил в контрразведке «СМЕРШ», затем в Московском военном округе. Награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». После выхода в отставку в 1954 г. вернулся в Удмуртию, работал председателем сельсовета, учителем, директором детского дома. Для своих потомков остался образцом мужества и самоотверженного служения.

18 августа 1913 г. в крепкой удмуртской крестьянской семье с. Можга Елабужского уезда Вятской губернии (ныне с. Можга, Можгинского р-на Удмуртской Республики) родился третий сын – Максим.

Старшие братья Василий (1898 г.р.) и Иван (1902 г.р.) к тому времени уже окончили в родном селе церковно-приходскую школу и 2-х классное министерское училище и обучались далеко от дома в Кукарской учительской семинарии, в которой в те же годы учился удмуртский поэт-просветитель, фольклорист и этнограф Кузьма Павлович Чайников (Кузубай Герд) (см., например, Ермаков, 1996).

Детство Максим провел с родителями – Ильей Александровичем (Сандыр Илля) и Матреной Павловной (Матрон-апай, Юбера-кенак), и двумя сестрами, приучаясь к крестьянскому труду и обращению с лошадьми. Дед – Александр (Сандыр), а потом и отец были арендаторами земских подрядов на перевозку почты. В семье было заведено, что мужчины занимаются конями и полями, а женщины домашними делами и скотом. Но мать, умная и властная женщина, по сути, направлявшая весь строй жизни семьи и несмотря на мнение мужа, отдавала всех детей «в учение».

Детство Максима пришлось на время Гражданской войны, когда село, бывшее волостным центром и важным стратегическим пунктом, несколько раз переходило из рук в руки, от белых к красным. Об этом были его первые яркие воспоминания, когда приходилось скрывать-

**Учитель начальной школы М.И. Ильин (второй ряд, крайний слева)
с учениками и коллегой. с. Грахово Удмуртской АССР. Зима 1934 г.**

ся от обстрелов в подполье или погребах. Жить стало труднее и тревожнее, но мать снова нашла выход – приобретя большие весы, она стала «главным арбитром» честного торга на еженедельных базарах и Можгинских ярмарках.

В 1920 г. была создана удмуртская автономия – Вотская автономная область. В селе, ставшем уездным центром, народный комиссар просвещения Т.К. Борисов открыл первые удмуртские педагогические курсы (Загребин, 2016). В 1926 г. пожар уничтожил с. Можгу почти пол-

ностью. Уездные органы власти были переведены за несколько верст в пос. Сюгинского стекольного завода, переименованный в г. Красный. Новое название не прижилось и переехавшие погорельцы дали новому городу старое название – Можга (Загребин, 2003). Так появилось две Можги – село и город. Ильины заново отстроились на родовой земле. В семье говорили, что, если бы не пожар, наверняка их бы раскулачили и выслали. В годы НЭПа село возродилось, вновь заработали лавки, ремесленные мастерские, воскресный базар и ярмарки. Вновь открылся великолепный можгинский храм – церковь во славу иконы Казанской Божьей матери.

В 1929 г. Максим и его старшая сестра Анна (1911 г.р.) поступили в Педагогический техникум в г. Можга (Вичужанин, 2008). Через год их отчислили как «детей подкулачника» – началась коллективизация. Не выдержав разорения, умер отец. Целый год они поддерживали мать, оставшуюся дома с семилетней дочерью Екатериной. Максим – столяр и плотник, научился делать нехитрую мебель на продажу, Анна – рукодельница, вышивала и расписывала люрексом платки, меняя их на еду. Так, они выжили в голодные времена.

В 1931 г. брата и сестру восстановили на учебе в Педтехникуме. Учились тогда с применением «инновационных подходов», среди них был, так называемый, «бригадный метод», когда предмет, или зада-

Красноармеец М.И. Ильин. 15-й Заславский погранотряд НКВД. Белоруссия. 1936 г.

Сестра М.И. Ильина – Анна Ильинична в традиционной удмуртской женской одежде. Ижевск, 1940 г.

чу осваивали вместе, а докладывал – один, как правило, бригадир. Он же отвечал за «подтягивание» отстающих, не справлявшихся с заданиями, занимаясь с ними дополнительно. Таким избранным бригадиром был Максим Ильин, всегда уравновешенный и не тнявший «одеяло на себя».

В 1933 г., окончив обучение, М.И. Ильин отправился учительствовать в школу с. Грахово, затем были школы в с. Бемыж и с. Нынек. Кроме работы в школе, он как хороший наездник был непременно участником скачек, что обычно устраивали в удмуртских селах после завершения пахоты на празднике гырон быдтон (Удмурты, 1993, с. 218–219).

В 1935 г. молодого сельского учителя призвали на действительную военную службу, на западную границу СССР в Белорусский военный округ. В одном из ночных дозоров, конь пограничника споткнулся, и с тех пор красноармеец М.И. Ильин мог рассчитывать только на вставные челюсти.

В 1938 г. командиром отделения, он вернулся в родное село, вновь став учителем. Вскоре М.И. Ильин женился на дочери ветеринарного фельдшера и учительницы из с. Тыловыл-Пельга, студентке Можгинского педтехникума Зое Ивановне Тихонравовой. В следующем году у них родился сын Владимир, в будущем известный в Удмуртии врач-травматолог (Удмуртская Республика, 2019, с. 204–205). Очевидно, в том же 1939 г., обучаясь на курсах учителей «неполных средних школ» в г. Сарапул, он попадает в поле зрения органов госбезопасности.

**Старший лейтенант М.И. Ильин.
Март 1942 г.**

**Старший лейтенант М.И. Ильин.
Август 1944 г.**

В предвоенном 1940 г. М.И. Ильин – помощник оперуполномоченного ЭКО УГБ НКВД г. Ижевска. Жилье молодой семье предоставили в доме для комсостава, что на перекрестке улиц Советской и Свободы. В Ижевске уже жила самая близкая ему сестра – Анна, работавшая в Детском доме, основанном репрессированным по Делу «СОФИН»²⁸ К.П. Гердом (см., например, Куликов, 1997).

Осенью 1941 г. М.И. Ильин переводится оперуполномоченным в Граховский РО НКВД УАССР, исполняя обязанности районного военкома, с присвоением специального звания «сержант госбезопасности». В феврале 1942 г. его командировали в

г. Омск, где шло формирование новых воинских частей, в частности 147-й отдельной (курсантской) стрелковой бригады.

Война для М.И. Ильина началась с тяжелых апрельских боев 1942 г., когда их бригада прибыла на Северо-Западный фронт, на Лычковское направление (Новгородская обл.), для участия в операции по ликвидации Демянского котла. Кругом были раскисшие весенние дороги и топи с еще прошлогодними трупами, когда от одной позиции к другой добирались на лодках и плотках под огнем противника. Лето, осень и зима 1942/1943 гг. комбату Ильину, наверняка, запомнились навсегда.

²⁸ СОФИН – Союз освобождения финских народностей.

Старший лейтенант М.И. Ильин с коллегами. Белоруссия, 1944 г.

Весной 1943 г. было создано Главное управление контрразведки НКО СССР «СМЕРШ»²⁹, тогда же М.И. Ильин прибыл в отдел контрразведки 151-й стрелковой (Кустанайской) бригады Северо-Западного фронта. В боях за г. Старая Русса, он был ранен и после госпиталя получил отпуск, приехав в с. Можгу к матери, жене и сыну.

В 1944 г. старшего лейтенанта М.И. Ильина ждало повышение – перевод в УКР «СМЕРШ» Московского военного округа, а это значит – особо важные командировки, о которых мы пока ничего не знаем.

Основными задачами контрразведки были борьба со шпионской, диверсионной, террористической, а также иной подрывной деятельностью вражеских разведок в частях и учреждениях РККА и ВМФ, действия в прифронтовой зоне и в тылу.

9 мая 1945 г. окончилась Великая Отечественная война, но война для капитана М.И. Ильина не закончилась. Свидетельством тому медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», врученные ему уже в послевоенное время. В гарнизонах и на военных базах офицеры военной кон-

²⁹ СМЕРШ – сокращение от «смерть шпионам».

Капитан М.И. Ильин. 1947 г.

трразведки не находились более 3-х лет, таково было правило.

В органах военной контрразведки М.И. Ильин служил до выхода в отставку в 1954 г. Давали себя знать полученные ранения и обморожение ног. Семья, в которой было трое детей (в том числе младшая дочь, моя мама – Светлана Максимовна), приняла решение возвращаться на малую родину.

В Можге его ждала пожилая мать, желавшая по удмуртской традиции, передать дом и хозяйство младшему сыну. Не просто было начинать мирную жизнь в послевоенном селе. М.И. Ильин начал

работать председателем сельского совета и школьным учителем, а в 1963 г. стал директором Детского дома, открытого в Можге на базе дореволюционного Ольгинского детского приюта трудолюбия (Исторический очерк, 1910). После закрытия Можгинского детского дома, ветеран вернулся в сельскую школу и до выхода на пенсию работал учителем труда, черчения и рисования.

Человек многих талантов, начитанности и трудолюбия, он не провел в праздности ни одного дня, даже после ампутации ноги, отдавая все время дому и воспитанию внуков.

М.И. Ильин скончался 5 марта 1988 г. и похоронен на можгинском сельском кладбище рядом со своими родителями и родственниками.

Для своих детей и внуков, коллег и учеников Максим Ильич Ильин, пример мужества и самоотверженного служения.

Литература

Вичужанин А.Г. Нашей юности обитель: очерки к 90-летию Можгинского педагогического колледжа имени Т.К. Борисова. Ижевск: Удмуртия, 2008. 238 с.

Дети М.И. Ильина – Светлана, Владимир и Галина. Реутово. 1953 г.

М.И. Ильин с внуками Алексеем, Денисом и Максимом (Ижевск, 1983 г.)

- Ермаков Ф.К. Кузедбай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.
- Загребин А.Е. Модернизация в удмуртской деревне (1880–1920-е гг.): этнокультурный аспект // Расы и народы: Ежегодник. 2003. Вып. 29. С. 11–33.
- Загребин А.Е. Трокай Борисов и Кузедбай Герд – люди и символы удмуртской государственности // Бюллетень Научно-исследовательского Центра истории диаспор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / отв. ред.: О.В. Солопова. М., 2016. С. 12–18.
- Исторический очерк Ольгинского детского приюта трудолюбия в с. Можга Елабужского уезда Вятской губернии. 1899–1909 гг. СПб., 1910. 79 с.
- Куликов К.И. Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 338 с.
- Удмуртская Республика: Здравоохранение. Энциклопедия. Ижевск, 2019. С. 204–205.
- Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 218–219.

Е.П. Китов

ИСТОРИЯ СОЛДАТА (КИТОВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ)

Статья посвящена боевому пути солдата, начавшего войну на территории Белоруссии, когда проходил там срочную службу. Показан сложный боевой путь на войне человека, который прошел через окружение, плен, побег, партизанский отряд и штрафной батальон и окончил войну на территории Австрии. Николай Дмитриевич после войны закончил педагогический Институт и долгое время работал учителем на юге Средней Азии.

К ДЕДУШКЕ с бабушкой по отцовской линии мы ездили часто. Их город – Денау Сурхандарьинской области Узбекистана – находился всего в пятидесяти километрах от Турсунзаде в Таджикистане. Оба работали в школе, сначала жили в частном доме, а позже переехали в кооперативную квартиру.

Помню, как бабушка просила меня сорвать лавровый лист с дерева. Я удивлялся: ведь в магазине лавровый лист продается в пачках, а здесь можно было сорвать свежие листья прямо с ветки. Дедушка любил сидеть в кресле качалке, читать книги или газеты. В доме всегда царила веселая атмосфера, а он оставался невозмутимым, с легкой искоркой юмора в глазах. Он работал школьным учителем математики и физики.

Когда мы ездили на рыбалку, он показывал мне места, где находились памятники археологии. И про одно из них говорил: «Вот здесь очень много золота». Тогда я не понимал, а теперь знаю: мы проезжали мимо Дальверзинтепа – знаменитого городища. С 1967 г. его исследовала экспедиция Узбекской ССР под руководством Галины Анатольевны Пугаченковой. Именно там был найден знаменитый «дальверзинский клад» – золотые изделия, ставшие сенсацией археологии.

Перед каждым 9 мая из шкафа доставали дедовский пиджак, увешанный наградами. Однажды его накинули на меня – и я почувствовал, какой он тяжелый от количества наград.

Мой дед Китов Николай Дмитриевич родился в 1921 г. в городе Сердобске Пензенской области. Его родители вскоре переехали в Среднюю Азию, где работали на железной дороге. В Сурхандарьин-

**Китов Николай Дмитриевич. г. Денау, Узбекистан,
приблизительно 1970-е годы**

ском районе Узбекской ССР у них родилось семеро детей: Нюра, Екатерина, Александр, Иван, Владимир, Василий и Николай – мой дедушка.

Великую Отечественную войну он встретил на срочной службе под Бобруйском в Белоруссии. Первый бой принял 17 июля 1941 г. Его часть отступала на север вдоль Березины. Николай служил в 676 артиллерийском полку 232 стрелковой дивизии, затем был переведен во 2 дивизион, который вошел в состав 37 казачьей дивизии. С ней он

прошел тяжелые отступления: форсировал Днепр у Лоева, Десну под Черниговом, участвовал в боях за Бахмач и Прилуки, встречая группы войск, шедшие из Киева. В районе Оржицы шли бои за переправы через реку. В одном из сражений, оставшись без патронов, снарядов и припасов, его подразделение оказалось окружено. Николай, командир отделения, пытался вывести бойцов из леса небольшими группами. Сам он уходит с тремя товарищами, и тогда прорваться удалось лишь двоим. Пробираясь на восток в с. Вовчок он попал в немецкую облаву и оказался в лагере под Лубнами. Считая лагерь медленной мучительной позорной смертью, он с первых же дней искал возможность бежать. Ему удалось уйти во время этапа в Кировограде, где его гнали на работы в сельхоззавод. Болезнь – дизентерия – едва не лишила его жизни, но помощь людей из Ивановского совхоза Ровнянского района спасла его.

С первым теплом он собирался идти на восток, но вступил в диверсионную группу. После предательства, о котором их предупредила переводчица, Николай с двумя казахами пробирался дальше, надеясь выйти к партизанам или попасть на фронт. В Чигиринском районе его задержали полицаи. Николай сумел выдать себя за украинца из Бахмача, идущего домой из Николаева, куда его направляли на работы. Это помогло избежать подозрений. Некоторое время он находился в тюрьме, выполнял тяжелые работы. Позже познакомился с рабочими одного из предприятий, которые взяли его на поруки. Вместе с ними он оказался в селе Бужин, где вместе с товарищами занимался подпольной деятельностью: выпускал листовки, распространял сводки Совинформбюро, предупреждал население об облавах и помогал прятать молодежь от угона в Германию. Уже летом он с товарищами попытался перейти фронт, но потерпел неудачу, после чего они продолжили борьбу на месте.

В 1943 г. он ушел в Веремеевский партизанский отряд, с которым перешел фронт. С этого момента снова оказался в рядах Советской Армии – через штрафбат, где получил первую медаль «За отвагу». Его боевой путь пролегал от Полтавщины до австрийского города Эннс. Он участвовал в битвах за Днепр, в Корсунь Шевченковской, Умань Христиновской, Яско Кишиневской, Будапештской операциях. Сражался стрелком, радистом, артиллеристом в 69 й гвардейской стрелковой Звенигородской Краснознаменной и 5 й гвардейской воздушно десантной Звенигородской Краснознаменной ордена Суворова дивизиях.

За время службы получил одиннадцать благодарностей, был награжден орденом Славы III степени, двумя медалями «За отвагу», а также медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За Побе-

Китов Николай Дмитриевич и Кочкарёва Клавдия Федоровна
(дедушка и бабушка). г. Денау, Узбекистан, 1987 г.

ду над Германией». После войны служил в редакции газеты «За Отечество» при политотделе дивизии. Демобилизован в 1946 г. в звании старшего сержанта.

После войны Николай Дмитриевич вернулся в Среднюю Азию и женился на Клавдии Федоровне Кочкаревой (1925–2002). По документам они мордва, из среднего крестьянства села Славкино Барановского района Пензенской области. В 1928 г. семья, опасаясь раскулачивания, покинула родные места: сначала уехали в Сибирь, затем переехали в Среднюю Азию. Прадед работал на маслозаводе бухгалтером в Кагане близ Бухары. Затем он был призван в армию. Их эшелон попал под бомбежку, где Николай Дмитриевич был ранен и комиссован. Затем работал в пункте питания для проходящих эшелонов. Сначала жили на станции Каган, позже переехали в Денау Сурхандарьинского района Бухарской области Узбекской ССР, где прадед работал на автобазе, а затем главным бухгалтером Южно-Узбекской селекционной станции, которая относилась к Научно-исследовательскому институту садоводства, виноградарства и виноделия имени академика Р.Р. Шредера. В семье было семеро детей: Владимир, Михаил, Геннадий, Клавдия (моя бабушка), Тамара, Валерий и Ира.

Во всех семьях тогда были библиотеки. На дедовой полке стояла

«История Великой Отечественной войны» – двенадцать томов, где был отмечен весь его боевой путь. Сам он о войне рассказывал мало, лишь короткие эпизоды, и тех воспоминаний было совсем немного.

С особым уважением дед всегда вспоминал Украину – там прошел его боевой путь, там люди помогали ему выжить после окружения. Эти воспоминания были для него особенно дорогими. Он писал стихи и мечтал издать сборник. Стихи сохранились, но так и не были опубликованы.

Украине

Нигде я жизнь тебя не встретил
Так, как на берегах Днепра,
И все, чем я врагу ответил,
Тебе дарю, моя сестра!
Я видел все: Днепра теченье,
И круч его задумчив взор,
И дорогое песнопенье
И, словно песня, разговор.
Твоих степей, как жизнь, просторы,
Твоих лесов волшебных шум.
Твоих девиц, как светоч взоры,
Не может оценить мой ум.
Я знаю горькую годину...
С тобой делил я пополам
Тьму черных дней, огонь, руины
И боль души и сердца ран...
Теперь, когда опять я слышу
Твой сладкий девичий напев,
Мне нет, сестра, награды выше
Чем песнь, веселие и смех.

Австрия. Сентябрь 1945 г.

Я русский человек!

Я русский человек! И с гордостью достойной
Душа моя рождает этот стих,
И в этот славный век большой все превзойденный
Никто не превзошел высот моих.
Я русский человек! И земли Украины
Я защищал, как Волги берега.

Слева направо: Петр Китов (мой отец), Николай Китов (дед), Люда (дочь Михаила Кочкарёва, племянница деда), Ира Кочкарёва, Тамара Кочкарёва, Клавдия Кочкарёва (бабушка), Евгений Китов (дядя). г. Денау, Узбекистан, 1958 г.

Я русский человек! Памирские долины
 Мне дороги, как русские снега.
 Тебя, кого моя земля святыня
 Души порывами в далекие года.
 Я русский человек! Сквозь горы лет большие
 Я буду несть тебя, как нес всегда.

Лоосдорф, Австрия 1945 г.

И, конечно, всем моим бабушкам и дедушкам нравилась Средняя Азия. Здесь они прожили всю жизнь, вложив много сил в повышение уровня образования и ликвидацию безграмотности среди местного населения.

Николай Дмитриевич прожил долгую жизнь, оставив след не только в истории своей семьи, но и в истории страны. Он был частью поколения, которое вынесло тяжелые испытания и посвятило себя

мирному труду. Дедушка умер в городе Денау Республики Узбекистан в 1998 г. и был там похоронен. Бабушка позже переехала в Самару, где скончалась в 2002 г.

В чайхане

Подавай чайханщик чаю,
Чтобы не болела голова.
Видишь, нынче я опять скучаю,
Тихо движутся опять дела.
Заложи кок чаю, да покрепче,
Под тутовником я сладко буду пить,
Чтобы рисовалось все мне резче,
Чтобы в скуке мне не затужить.
Подошел с улыбкой в тибетейке
С черными усами с бородой...
Жарко – а он в ватной телогрейке
Но зато, как водится, босой.
Чайник с пиалой он поставил,
Руку близко он к груди прижал,
Взглядом что-то важное добавил,
В общем, к чаепитью вдохновлял.
Трижды я налил в пиалку чая,
Трижды вылил в чайник, а потом,
Позабыв про то, что я скучаю,
В чае утешенье я нашел.
И теперь, как только заскучаю
Здесь, в Байсуне, скучном мне краю,
Я кричу: «Чайханщик! Пару чаю!»,
Чтоб залить печаль иль грусть мою.

25 августа 1950 г.

В.В. Куфтерин, Р.В. Куфтерин

БОЕВОЙ ПУТЬ СТЕПАНА КУФТЕРИНА

Мемориальный очерк посвящен Степану Игнатьевичу Куфтерину (1917–2000) – герою и участнику Великой Отечественной войны, двоюродному деду авторов. Статья имеет информативный характер и освещает некоторые страницы персональной биографии Степана Куфтерина, а также боевой путь, пройденный им в составе 81-го стрелкового Краснознаменного полка 54-й Мазурской ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии на фронтах Великой Отечественной. Отдельное внимание уделено боевым наградам героя.

И, в полный рост в огне
Над смертью высясь,
Ты вдруг поймешь, не думая о ней,
Что от тебя от одного зависит
Исход войны, судьба земли твоей.
Лев Ошанин

ВЕЛИКАЯ Отечественная война 1941–1945 гг., вне всякого сомнения, в той или иной степени затронула каждую семью нашей страны. Не стала исключением и семья Куфтериных. При этом для близких участников и ветеранов Великой Отечественной, думается, особую важность представляет именно их индивидуальный вклад в великое дело общей Победы (что в известном смысле отражает предложенный эпиграф). Не меньший интерес и большую актуальность эти семейные истории представляют и с точки зрения социальной памяти в контексте консолидации общества перед лицом новых исторических испытаний, выпавших на долю нашей Родины.

Настоящий мемориальный очерк посвящен Степану Игнатьевичу Куфтерину (1917–2000) нашему двоюродному деду – герою и участнику Великой Отечественной войны. Отметим, что наш родной дед по отцовской линии, старший брат Степана Игнатьевича – Николай (1913–1990), не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Будучи малолетним, он не подлежал призыву по состоянию здоровья, а кроме того являлся цирковым артистом (иллюзионист-ма-

нипулятор), то есть относился к категории граждан, на которых распространялась обязанность трудиться на фронте идеологически³³. Он принимал активное участие в деятельности фронтовых творческих бригад – выездных театрально-концертных коллективов, выступавших в прифронтовых районах и военизированных учреждениях тыла (Фахретдинова, 2020). Эти коллективы стали уникальным явлением культуры XX века, а их основной задачей было поднятие боевого духа солдат и офицеров...

Возвращаясь к непосредственному герою нашего повествования, остановимся на том, что сохранили детские воспоминания авторов о

«дяде Степе», как мы его называли. Во-первых, настоящим праздником для нас было его появление в квартире своего старшего брата Николая. Любому мальчишке интересно потрогать-поиграть с медалями ветерана, посидеть у него на коленях, ощущая аромат крепких папирос, которые он почти непрерывно курил. «Дядя Степа» по нашим воспоминаниям всегда находился в приподнятом расположении духа.

**Степан Игнатьевич Куфтерин
(1917–2000). Уфа, послевоенные годы**

³³ В связи с малым ростом Николая Игнатьевича и его принадлежностью к творческой профессии вспоминаются строчки стихотворения Роберта Рождественского:
Сорок трудный год. Омский госпиталь.

Коридоры сухие и маркие.

*Шепчет старая нянечка: «Господи,
До чего же артисты маленькие!»*

Степан Куфтерин в молодые годы

Был лихим водителем, нещадно эксплуатируя свой желтый Москвич ИЖ-2125 «Комби». Возможность прокатиться «с ветерком» в машине, да еще с таким водителем, безусловно, была тогда для нас настоящим событием... Еще вспоминается огромное чучело головы лося в его квартире на улице Кирова в Уфе. «Дядя Степа» был страстным охотником и рыболовом. У нашего родного деда, при этом, имелась лишь одна страсть – рыбалка. Рассказов Степана Игнатьевича о войне мы, конечно же, не помним. Впрочем, представляется, что он и не особо распространялся на эту тему. Мы знали только, что он

прошел всю войну, был в разведке, воевал с немцами и финнами на Карельском фронте и имел высокие боевые награды. Тем интереснее и важнее для нас и для нашей семьи было попытаться «приоткрыть завесу» боевого прошлого нашего родственника с использованием всех возможных источников.

Степан Игнатьевич родился 25 марта 1917 г. в с. Калинники Бирского уезда Уфимской губернии (сейчас – Бирский район Республики Башкортостан) в семье Игнатия Егоровича и Лукерьи Спиридоновны Куфтериных. Он был их третьим ребенком после старшей сестры Евдокии (1911) и брата Николая (1913). Позднее в семье Куфтериных родилась еще одна дочь – Римма (1927). В 1930 г. Куфтерины, как представители довольно зажиточного крестьянства подверглись раскулачиванию и в полном составе были отправлены на спецпоселение в Кемеровскую область (Жертвы политического..., 2025). В 1932 г. семья Куфтериных была снята с учета и получила возможность вернуться в Башкирию.

На военную службу Степан Куфтерин был призван в июне 1940 г. Молотовским РВК Молотовского (сейчас – Советского) района г. Уфы³⁴. Службу он проходил в рядах 81-го стрелкового Краснознаменного полка 54-й Мазурской ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии (Куфтерин..., 2025). Начало войны дивизия красноармейца Куфтерина застала на участке Кемь – Ухта – Реболы, находясь в 100–250 км от границы. 81-й и 118-й полки 54-й дивизии прикрывали направление на Ухту (Калевала). Основной задачей 7-й армии, в оперативное подчинение которой входила дивизия, была оборона участка государственной границы протяженностью около 480 км (от Писто до Ристалахти), не допуск противника к Ладожскому озеру и обеспечение бесперебойной работы Кировской железной дороги (Карельский фронт..., 1984, с. 24). С 1 октября 1941 г. 54-я дивизия оперативно переподчиняется Кемской опергруппе и, по-прежнему, держит оборону на ухтинском направлении (Боевой состав..., 1963, с. 49). На 1 мая 1942 г. она входит в состав 26-й армии (Боевой состав..., 1966, с. 79), где находится до расформирования Карельского фронта 15 ноября 1944 г. после выхода Финляндии из Второй мировой войны (Боевой состав..., 1972, с. 8, 298; Боевой состав..., 1988, с. 307; Великая Отечественная..., 1985, с. 322–323). В ходе обороны Карелии в 1941–1944 гг. на этом направлении было сковано более 20 дивизий противника (армия «Норвегия» вермахта, Юго-Восточная и Карельская финские армии при поддержке 5-го флота люфтваффе и финских ВВС) (Великая Отечественная..., 1988, с. 212–213). Подразделение, в составе которого воевал Степан Игнатьевич, таким образом, с начала войны и до сентября 1944 г. вело преимущественно оборонительные и позиционные бои с финскими и частью немецких войск.

Свою первую медаль «За отвагу» Степан Игнатьевич получил летом 1944 г. С 21 июня по 9 августа 1944 г. войсками левого крыла Карельского фронта (7-я и 32-я армии) при поддержке Ладожской и Онежской флотилий была проведена Свирско-Петрозаводская наступательная операция против финских войск в Южной Карелии (Великая Отечественная..., 1985, с. 636; Великая Отечественная..., 1988, с. 410–411). Остальные армии фронта, в том числе 26-я, в состав которой, как упоминалось, входила 54-я стрелковая дивизия (Боевой состав..., 1988, с. 156, 185, 214), удерживали занимаемые рубежи в Карелии. До сентября 1944 г. 54-я дивизия (командующий генерал-майор С.П. Перков) в составе сравнительно малочисленной группировки держа-

³⁴ Оригинал документа находится в Центральном архиве Министерства обороны, Фонд: 6357, Опись: 63052, Ящик/дело: 1.

ла оборону на ухтинско-ругозерско-ребольском направлении, где ей противостояли части сил 6-й горнопехотной дивизии СС «Норд» (командующий обергруппенфюрер СС Ф.-В. Крюгер). При этом командование фронта и армий особое внимание уделяло тщательной разведке. В частности, с февраля по август 1944 г. в 26-й армии было захвачено 145 военнопленных, показавших, что противник готовит войска к отводу (Карельский фронт..., 1984, с. 232). В одной из разведывательных операций отличился и ефрейтор Степан Куфтерин.

В приказе 81-у Краснознаменному стрелковому полку 54-й стрелковой дивизии Карельского фронта от 9 августа 1944 г. № 029 говорится следующее: «От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю: Медалью «За Отвагу» 1. Автоматчика роты автоматчиков ефрейтора КУФТЕРИНА Степана Игнатьевича за то, что участвуя в разведоперации в тылу врага в составе разведотряда старшего лейтенанта Бочарова 11.7.44 г. смело действовал в захватывающей группе, убил одного немца, участвовал в поджоге автомашины противника и захвате ценных документов, проявив стойкость, мужество и отвагу...³⁵» (Куфтерин..., 2025).

Второй медалью «За отвагу» Степан Игнатьевич был награжден весной 1945 г. С января 1945 г. 54-я стрелковая дивизия в составе 31-й армии 3-го Белорусского фронта (Боевой состав..., 1990, с. 11) участвует в Восточно-Прусской стратегической операции (13 января – 25 апреля 1945 г.), имевшей целью разгром группировки противника в Восточной Пруссии и северной части Польши (3-я танковая, 4-я и 2-я полевые армии при поддержке 6-го воздушного флота люфтваффе) (Великая Отечественная..., 1985, с. 182; Великая Отечественная..., 1988, с. 108–109). 54-я стрелковая дивизия была введена в бой в районе Мазурских озер и, прорывая укрепленные рубежи противника, наступала через Растенбург. Отметим, что в ходе Восточно-Прусской операции 81-й стрелковый полк, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1945 г. был награжден орденом Александра Невского «за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городами Хайльсберг, Фридланд и проявленные при этом доблесть и мужество» (Сборник приказов..., 1967, с. 51–52). В одном из боев в Восточной Пруссии героизм проявил и Степан Куфтерин.

Из приказа по 81 Краснознаменному стрелковому полку 54-й стрелковой Краснознаменной дивизии от 9 апреля 1945 г. № 022: «От

³⁵ Оригинал документа находится в Центральном архиве Министерства обороны РФ, Фонд: 33, Опись: 690155, Ящик/дело: 5803.

Степан Игнатьевич Куфтерин в гостях у брата Н.И. Куфтерина.

Уфа, ул. Заводская, 182а. 1984 г.

Медали и знаки отличия: на правой стороне груди – знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», значок «Ударник коммунистического труда»; на левой стороне груди – медаль «За отвагу», знак «Ветеран Карельского фронта 1941–1945 гг.», юбилейная медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейная медаль «60 лет Вооруженных сил СССР», далее не определяется

имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю: Медалью «За Отвагу»: 3. Повозочного взвода снабжения 3-го стрелкового батальона ефрейтора КУФТЕРИНА Степана Игнатьевича за то, что в бою в Восточной Пруссии своевременно доставлял, иногда под огнем противника, боеприпасы и горячую пищу бойцам и офицерам непосредственно на огневые позиции подразделений. В бою 15.3.45 г., при отражении контратак противника убил до 15 немецких солдат и офицеров...³⁵» (Куфтерин..., 2025).

³⁶ Оригинал документа находится в Центральном архиве Министерства обороны РФ, Фонд: 33, Опись: 687572, Ящик/дело: 1471.

Следует отметить, что медаль «За отвагу» особо ценилась фронтовиками, поскольку вручалась исключительно за личную храбрость и героизм в бою, а не просто «за участие» в отличие от ряда других наград. Эта медаль, таким образом, являлась высшей медалью в наградной системе СССР. Согласно Положению о медали «За отвагу», награжденные ею «...должны подавать личный пример храбрости, мужества и отваги в борьбе с врагами Советского государства и служить образцом для других граждан при исполнении государственных обязанностей» (Колесников, Рожков, 1978, с. 50). Тот факт, что Степан Игнатьевич – кавалер двух медалей «За отвагу» безусловно, предмет семейной гордости в целом и пример безмерного уважения лично для нас.

На 1 мая 1945 г. 54-я стрелковая дивизия в составе 31-й армии действует на 1-м Украинском фронте (Боевой состав..., 1990, с. 160). Боевой путь она завершает в ходе Пражской операции 6–11 мая 1945 г., закончившейся уничтожением немецких группы армий «Центр», части группы армий «Юг», а также освобождением Чехословакии (Великая Отечественная..., 1985, с. 587; Великая Отечественная..., 1988, с. 379).

Свой орден Отечественной войны II степени Степан Игнатьевич получил 6 апреля 1985 г. (номер документа о награждении 84)³⁷. В этом году, указом Президиума Верховного Совета СССР, «в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» орден Отечественной войны получили все жившие на тот момент ветераны (Указ № 2019-XI, 1985). Согласно этому указу, орденом Отечественной войны II степени следует произвести награждение «...лиц, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии, партизанских формированиях или в подполье, если они не подлежат награждению орденом Отечественной войны I степени в соответствии с настоящим Указом» (Указ № 2019-XI, 1985). Среди других юбилейных наград Степана Игнатьевича, нами по фотографии были атрибутированы знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», юбилейные медали «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «60 лет Вооруженных сил СССР» (Колесников, Рожков, 1978, с. 80–81, 104–105).

В послевоенные годы Степан Игнатьевич трудился оператором котельной на Уфимском витаминном заводе (в 2004 г. переименован в ОАО «Фармстандарт-УфаВИТА») – одним из ведущих фармацевтиче-

³⁷ Оригинал документа находится в Центральном архиве Министерства обороны РФ, Раздел: Юбилейная картотека награжденных, шкаф 32, ящик 8.

ских предприятий страны. Также в его послужном списке работа в Пожарно-спасательной части № 2 Советского района города. Отметим, что за достижения в профессионально-трудовой деятельности С.И. Куфтерин был удостоен звания «Ударник коммунистического труда» с вручением соответствующего нагрудного знака. Все послевоенные годы, в том числе после выхода на пенсию, «дядя Степа», видимо, продолжал в душе оставаться лихим воином-разведчиком, которому не страшен ни свист вражеских пуль, ни любые жизненные невзгоды. Так, в весьма преклонном возрасте на своем отечественном хетчбэке, уже упоминавшемся Иж-2125 «Комби», Степан Игнатьевич попал в довольно серьезную аварию, при этом отделавшись лишь парой царапин и синяков (чего не скажешь о самом автомобиле)...

Последний раз мы виделись с «дядей Степой» на похоронах нашей бабушки Зои Петровны Красновой (1931–1997) в январе 1997 г. Сам Степан Игнатьевич Куфтерин ушел из жизни 11 апреля 2000 г. в возрасте 83 лет. Но какой яркой и насыщенной была эта жизнь! Жаль, что все пережитое им, в первую очередь, воспоминания о военном лихолетье, осталось лишь историей, которую теперь приходится воссоздавать по крупицам. Много ли среди нас тех, кто ценит наших стариков и их память пока они рядом?! В любом случае, вся наша небольшая семья бережно хранит воспоминания о таком замечательном человеке как Степан Игнатьевич и, безусловно, гордится им! Заканчивая этот очерк, немного перефразируем напрасно кажущийся легкомысленным интернет-мем: «Спасибо двоюродному деду за Победу!».

Литература

- Боевой состав Советской Армии. Ч. I (июнь – декабрь 1941 года) / Отв. ред. А.Н. Грылев. М.: [б.и.], 1963. 84 с.
- Боевой состав Советской Армии. Ч. II (январь – декабрь 1942 года) / Отв. ред. А.Н. Грылев. М.: Воениздат МО СССР, 1966. 264 с.
- Боевой состав Советской Армии. Ч. III (январь – декабрь 1943 г.) / Отв. ред. Г.Т. Завизион. М.: Воениздат МО СССР, 1972. 336 с.
- Боевой состав Советской Армии. Ч. IV (январь – декабрь 1944 г.) / Отв. ред. П.А. Жилин. М.: Воениздат, 1988. 376 с.
- Боевой состав Советской Армии. Ч. V (январь – сентябрь 1945 г.) / Отв. ред. М.А. Гареев. М.: Воениздат, 1990. 216 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945: Словарь-справочник / Под общ. ред. М.М. Кирьяна. М.: Политиздат, 1988. 559 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.

- Жертвы политического террора в СССР. <https://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения: 19.09.2025).
- Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк / Отв. ред. А.И. Бабин. М.: Наука, 1984. 360 с.
- Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1978. 311 с.
- Куфтерин Степан Игнатьевич: Альбом участника Великой Отечественной войны // Портал «Память народа». <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 18.01.2025).
- Сборник приказов РВСР, РВС СССР, НКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР частей, соединений и учреждений ВС СССР. Ч. II. 1945–1966 гг. М.: Управление делами МО СССР, 1967. 459 с.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года № 2019-XI «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».
- Фахретдинова И.И. Фронтовые концертные бригады в годы Великой Отечественной войны // *Colloquium–Journal / Art History*. 2020. № 8 (60). С. 5–6. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-11539>

Л.И. Миссонова

СКВОЗЬ ГОДЫ И РАССТОЯНИЯ: ВОЙНА, ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ ЕТ СЕТЕРА...

В публикации представлены страницы истории 2-го Томского артиллерийского училища, созданного во время войны для подготовки командных кадров для фронта, в частности отца автора – Миссонова Ивана Петровича. Учеба в этом училище заложила твердую основу всего жизненного пути его выпускников. Материал собран автором в архивах: в Центре документации новейшей истории Томской области Департамента по культуре Томской области (г. Томск), Центральном архиве Министерства обороны РФ (г. Подольск Московской области). Использован также семейный архив автора.

СТРАНИЦЫ истории 2-го Томского артиллерийского училища (далее – 2 ТАУ), созданного во время войны для подготовки командных кадров для фронта, наглядно раскрывают одну из многочисленных сторон военного времени страны и судеб людей. «В годы Великой Отечественной войны училище стало настоящей кузницей командных кадров для Советской Армии... В этот период оно выпустило 6561 офицера-артиллериста, которые принимали участие в боевых действиях на всех фронтах на всем протяжении войны...» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 6, л. 16; Оружие победы, 1985; Прочко, 1994, 1945; Жуков, 1971). Не выбираемая лично, а дарованная военным временем учеба в этом училище заложила твердую основу всего жизненного пути его выпускников, в частности, моего отца – Миссонова Ивана Петровича, которого именно училище привело в дальнейшем и в артиллерийскую академию (Военная инженерная... Академия, 1970).

В настоящей публикации представлен материал, собранный в архивах: Центральном архиве Министерства обороны РФ (г. Подольск Московской области), в Центре документации новейшей истории Томской области Департамента по культуре Томской области (г. Томск). Также использован семейный архив автора.

В июне 1941 г. Николай Дмитриевич Яковлев стал начальником Главного артиллерийского управления РККА и все годы Великой Отечественной войны возглавлял связь Ставки Верховного главноко-

мандующего (далее – ВГК) и Генерального штаба с наркоматами, заводами и др., осуществлявшими обеспечение фронтов вооружением и боеприпасами. Масштабность и значимость Главного артиллерийского управления и подготовки кадров для артиллерийской службы в годы войны очевидна (Яковлев, 1981). Обратимся к истории создания артиллерийского училища в Томске.

В январе 1920 г. «Приказом по гарнизону г. Томска и его окрестностей» началось формирование Томских артиллерийских командных курсов (далее – арткурсы). 14 марта 1920 г. Омские, Барнаульские и Томские «арткурсы» объединялись на базе томских курсов в «единые Первые артиллерийские курсы Сибири». А 31 декабря 1920 г. Первые сибирские арткурсы переименованы в 6-ю Томскую артиллерийскую школу и переведены на трехгодичный срок обучения. Арткурсы располагались в здании бывшей мужской гимназии. В феврале 1923 г. 6-ая Томская артиллерийская школа была переведена в г. Красноярск, слита с 15-ми арткурсами и переименована в 3-ю артиллерийскую Красноярскую школу, которая с 1924 г. стала называться Красноярской артиллерийской школой. В октябре 1926 г. «артшкола» была передислоцирована в г. Томск и получила название Томская артиллерийская школа. Далее в апреле 1937 г. Томская артшкола переименована в Томское артиллерийское училище. Приказом от 16 августа 1941 г. Томское артиллерийское училище переименовано в 1-е Томское артиллерийское училище и в соответствии с условиями военного времени переведено на сокращенный срок обучения (ЦДНИТО, ф. 9 [ТВВКУС], оп. 23 (1917 – 2000 гг.), 746 л., Предисловие, л. 3; здесь и далее – полное наименование архивов см. библиографию ниже). А в июле 1941 г. на базе «Томских артиллерийских курсов усовершенствования командного состава запаса повышенного типа» было сформировано 2-е Томское артучилище. По окончании Великой Отечественной войны «училище <...> объявлялось расформированным с 20 сентября 1945 г.». Начальниками училища были: Беяков Михаил Васильевич, полковник – с 11.07.1941 г. по 13.04.1943 г.; Леднев Иван Александрович, полковник (с апреля 1945 – генерал-майор артиллерии) – с 13.04.1943 по 28.08.1945 г.; Афанасьев Петр Игнатьевич, гв. полковник – с 28.08.1945 по 25.10.1945 (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35305, Предисловие, л. 2).

Благодаря тому, что в 1967 г. на базе училища был создан музей истории, одним из направлений работы которого стал розыск бывших выпускников училища, переписка с ними, сбор документов о прошлом важнейшего военного учебного заведения Сибири, в настоящее время имеется возможность изучить страницы истории военного времени в области подготовки военных кадров, и не только по документам, но

и эмоционально глубоким воспоминаниям, написанным (и переданным музеем) после войны выпускниками училища (примеры воспоминаний см. далее). После ликвидации училища документы музея были сданы в Томский областной краеведческий музей, а в 2001 г. часть из них поступила на обработку в научный архив ТОКМ (ЦДНИТО, ф. 9 [ТВВКУС], оп.23 (1917 – 2000 гг.), 746 л., Предисловие, л. 3).

Итак, 2-е Томское Артиллерийское училище, сформированное из кадров и переменного состава Томских Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава запаса пополнилось кандидатами в июле 1941 г. и «начало плановые занятия всего штатного состава с августа 1941 года» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 182). В начале формирования училище было укомплектовано частично оставленными слушателями названных выше курсов (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 184об.).

За первые пять месяцев (с 1 августа по 25 декабря 1941 г.) существования училища было подготовлено «командирами и выпущено в действующую Армию» 1065 курсантов, в т.ч. в звании лейтенанта 295 чел., младшего лейтенанта – 770 чел. Об интенсивности обучения и необходимости командных кадров фронту говорят даты выпусков в этот период: 25.08.41, 15.09.41, 12.11.41, 26.11.41, 04.12.41, 22.12.41. Кроме того, в ноябре (после трех месяцев обучения) «командировано на укомплектования частей действующей Армии курсантов, обучающихся в пушечных батареях 700 человек» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 183 об.).

По мере нарастания успехов Красной Армии (Великая Отечественная война., 1984) и необходимости роста квалификации конкретных специалистов срок обучения в училище увеличивался. Так, 19 октября 1943 г. заместитель командующего артиллерией Красной Армии генерал-полковник артиллерии Яковлев утверждает «Расчет учебного времени по предметам для подготовки командиров взводов в училищах дивизионной артиллерии» уже сроком на полтора года (еще весной 1943 г. срок был 12 месяцев) (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 6, л. 2).

По архивным сведениям, к примеру, «о комплектации курсантским составом 2 ТАУ в 1943 г.» находим такие данные: продолжительность обучения 7 месяцев (1 января – 25 июля 1943 г.) – 212 курсантов; продолжительность обучения 10 месяцев (1 февраля – 1 декабря 1943 г.) – 195 курсантов; продолжительность обучения 12 месяцев (1 марта 1943 г. – 1 марта 1944 г.) – 100 курсантов; продолжительность обучения 11 месяцев (1 апреля 1943 г. – 1 марта 1944 г.) – 150 курсантов; продолжительность обучения 18 месяцев (1 апреля 1943 г. – 1 октября 1944 г.) – 100 курсантов; продолжительность обучения 18 месяцев (1

августа 1943 г. – 1 февраля 1945 г.) – 240 курсантов; продолжительность обучения 18 месяцев (20 декабря 1943 г. – 1 июля 1945 г.) – 200 курсантов (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 30; о планировании с. 2).

Курсанты «в объеме пройденной программы, с задачами командира взвода», по окончании обучения, справляются», хотя, к примеру, «сильные морозы конца ноября и декабря 1941 г. при отсутствии теплого обмундирования и обуви «снизили практические полевые занятия по тактике» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 182 об.).

Обратим внимание на предметы, которые были в основе подготовки военного специалиста. По расчету часов по предметам для дивизионной противотанковой артиллерии (на конной тяге; срок обучения 12 месяцев) наибольшее число часов уделялось следующим предметам: артиллерии (в т.ч. стрельбе, материальной части, огневой службе, арттренажу), тактике, топографии, конной подготовке, политподготовке, связи, математике, военно-инженерной подготовке и др. (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 6, л. 35). По тактике для подготовки на командира батареи дивизионной артиллерии число основных предметов удваивалось, и детализация тем обучения предусматривала все возможные ситуации проведения военных действий (Там же, л. 36-37).

«Для отработки темы «Стрельба по танкам» в училище созданы подвижки – макеты танков, на коих производится практическое обучение и тренаж курсантов в стрельбе по подвижным целям параллельно и в артиллерийско-стрелковой подготовке и в огневой службе при обучении стрельбе прямой наводкой. <...> Недостаточно и по времени, и по целеустремленности, до получения указания, проводилось обучение курсантов вопросам дистанционной стрельбе <...> В изучении военно-инженерного дела, в порядке опыта Отечественной войны с германским фашизмом создан специальный военно-инженерный городок ...» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 183).

Судя по отчетам по боевой подготовке училища на 1943 учебный год, система обучения отличалась гибкостью и оперативной реакцией на нужды военного времени: «На основе директивных указаний по опыту Отечественной войны <...> отдельные темы предметного плана <...> частично изменяются и дополняются...» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 3).

Необходимо отдельно подчеркнуть, какое большое внимание уделялось рационализаторско-изобретательской деятельности (совершенно очевидно, что привитый интерес к этому у моего отца, например, проявлялся неоднократно и через много лет, уже в мирное

время: за выполнение особого рационализаторско-изобретательского задания он получил один из орденов Красной Звезды). 14 мая 1943 г. из Отдела боевой подготовки Штаба Сибирского военного округа по итогам «поверки отдельных частей округа по изобретательской и рационализаторской работе» было направлено письмо начальнику 2 ТАУ, где отмечено значительное увеличение количества «изобретателей и рационализаторов, внесших много ценных изобретений и рационализаторских предложений». Одновременно выражается обеспокоенность, замечены и некоторые «недостатки» «в работе по изобретательству», так, например, указывается, что «не везде еще налажен учет изобретательской работы в подразделениях» и «своевременное представление сведений» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 5, л. 17).

Из переписки 1 января 1943 г. : «Бойцы и командиры изыскивают новые средства вооруженной борьбы, подмечая недостатки в существующих средствах, предлагают конкретные меры, как их устранить, выдвигают новые остроумные приемы борьбы, применяемые практически в бою и в процессе подготовки кадров в частях и учебных заведениях <...> В ротах, батареях и им соответствующих – назначить организаторов по работе среди изобретателей и рационализаторов <...> Поступившие предложения от организатора или автора комиссия по изобретению в части рассматривает предложение и выносит свое решение не позднее чем через 10 дней со дня после поступления» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 5, л. 19).

Обращает на себя внимание факт пристального взгляда во время всех проверок на состояние коня и отношение к нему как к боевому другу (что, естественно воспитывалось поколениями в российской армии). «Обеспечению нормальных условий содержания лошадей мешает отсутствие на территории училища воды. Воду для водопоя приходится возить в бочках из водоразборных колонок городского квартала или из реки Томь, что отрывает большое количество курсантов от учебы. В том и другом случае источники воды находятся не ближе 1 километра, к тому же городской водопровод работает с перебоями. <...> В результате лошади не допаиваются. Несмотря на полную обеспеченность сеном (заготовленного силами училища) в течение всего зимнего периода, училище переживало и переживает перебои в снабжении объемистым фуражом из-за неподачи округом в срок вагонов. Зерновой фураж довольствующими организациями отпускается нерегулярно, с перебоями <...> сплошь и рядом были случаи и сейчас имеются, что в течение 2–3 суток вообще отсутствует корм лошадям. В 1943 г. училищем недополучено от складов НКО овса и комбикорма 41,7 тонны. Отпускаемый хлопчатый жмых лошади не едят. Все вме-

сте взятое, в условиях зимы и весны, создает большие трудности в содержании коня, что не может не отразиться на упитанности конского состава, его работоспособности и учебном процессе» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 14).

Неудовлетворительное состояние конского состава училища в разное время объясняется разными причинами, в том числе: «Плохим уходом за конем <...> Частично перебоями с кормом (сеном) по причинам несвоевременной доставки сена по железной дороге (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 31, л. 97 об.). 27 апреля 1943 г. издается Приказ начальника училища полковника Леднева («по результатам выводки лошадей, произведенной мною 25.4.43 г» отмечено неудовлетворительное состояние лошадей):

1. К 5 мая довести чистку лошадей до хорошего состояния.

2. Впредь до приведения лошадей в хорошее состояние:

- а/ с сего числа на всех уборках присутствовать всему командному составу, отвечающего за чистку лошадей начиная от командира конного взвода и кончая командиром дивизиона включительно, а также ветфельдшерам.

- б/ запрещаю всему комсоставу пользование лошадей для личных целей.

3. Нач. ветслужбы³⁸:

- а/ установить регулярный просмотр лошадей в подразделениях с целью своевременного выявления больных лошадей и немедленного принятия мер к их изоляции от здоровых.

- б/ Усилить контроль за ковкой лошадей и не позднее 10.5 довести ее до хорошего состояния. Предупреждаю, что в первой половине мая мною будет произведена повторная выводка лошадей и если в подразделениях окажутся снова грязные лошади – виновные будут преданы суду Рев. Трибунала³⁹» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 15, л. 256).

В каких условиях шло преподавание и достигались результаты учебы курсантов? Архивные записи гласят следующее.

«Дивизионные и батарейные расписания занятий, а также запись уроков курсантами производится на газетах. Из-за отсутствия цветных карандашей, обстановка на занятиях по тактике – ведется простыми карандашами <...> за отчетный год из округа поступлений бумаги не было» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 18). «Недостаток

³⁸ Начальнику ветеринарной службы.

³⁹ Имеется ввиду: военного трибунала (действующего в Красной Армии во время ведения боевых действий).

ощущается так же и в учебниках, в частности по артиллерии <...> Совершенно нет руководства по военно-инженерному делу в артиллерии. Правилами стрельбы – 42 г. училище обеспечено не полностью, имеется 650 экземпляров – потребность 950» (Там же). «Совершенно не обеспечено училище аэрофотоснимками из-за отсутствия фото-бумаги. Недостаток ощущается и в циркулях – измерителях» (Там же).

Обсуждение холода и его влияния на учебный процесс часто фигурируют на архивных страницах. Отмечаются факты обморожения: «Курсант <...> обморозил пальцы на ногах. По заключению начальника санитарной части обмораживание 2-й степени <...> он находится в госпитале <...> 25.1.43 г. в подразделении обнаружили, что курсант Ложкин начал хромать. Свою хромоту Ложкин объяснил болезнью пальца. Когда сняли сапоги, то было обнаружено обмораживание пальцев ног (правой и левой ноги) <...> выяснилось, что 18 и 19 января этот курсант работал на станции по выгрузке сена, где и обморозил ноги <...> расследование этого факта продолжается» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 31, л. 21).

«Форма одежды командира и курсанта нарушается. Большое количество командиров на службу являются в валеных сапогах <...>, находясь все время в помещении и непроводящих длительных полевых занятий <...> Шапки с опущенными ушами <...> когда кому вздумается, а не по приказу командиров подразделений. Шпоры, как неотъемлемая часть формы артиллериста, большинством командного и начальствующего состава не носят» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 15, л. 63). В результате издается Приказ начальника училища по Второму Томскому Артиллерийскому Училищу от 26 января 1943 г.: «...Опускать уши шапок разрешать на полевых занятиях при морозах свыше 15° и в расположении училища свыше 25° <...> От всего командного и начальствующего состава потребовать обязательного ношения шпор как на занятиях, так и в течение всего времени при ношении военной формы. Отсутствие шпор у командира рассматривать, как нежелание соблюдать традиционную форму артиллериста» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 15, л. 64). Нельзя не вспомнить, как спустя многие годы мой отец продолжал бережно хранить свои серебряные шпоры («прошедшие» с ним путь до Берлина) и очень тяжело переживал их случайную потерю в ходе переезда на новое место жительства.

Каковы были условия жизни курсантов?

«Общежития курсантов не казарменного типа. Все курсанты располагаются в комнатной системе на 2-х ярусных кроватях. По своим площадям и кубатуре помещения полностью не отвечают требова-

ниям УВС⁴⁰) (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 19); «Перебои в подаче электроэнергии со стороны городской электростанции очень часто срывают вечерние занятия и самоподготовку» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 18); «Большую трудность училище переживает в отсутствии воды и в перебоях в свете» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 19).

Училище испытывало большие трудности с обеспечением топливом (из письма Пом. Нач. Училища⁴¹ по МТО⁴² Начальнику КЭЧ⁴³ Томского района): «В результате отсутствия средств ... созданся перерасход ... и задолженность Асиновскому Лесопервалкомбинату⁴⁴ ... Ввиду создавшейся задолженности Асиновский Лесоперевалкомбинат отгрузку дров училищу прекратил. <...> Поскольку заготовка и обеспечение топливом в 1943/44 году была произведена исключительно училищем... считаю, что подобного рода финансирование направлено на срыв заготовки топлива. <...> В случае не перевода Вами указанных средств, заготовку дров производить самостоятельно не буду, о чем поставлю в известность Военный Совет СибВО» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 86, л. 327).

«Недостаточная обеспеченность училища вещевым имуществом, особенно в условиях зимы...» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 12). <...> При формировании училища все пребывающее пополнение получило обмундирование и обувь на 90 % второй категории и большинство реставрированное». (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 184об.). <...> Обеспеченность обмундированием по зимнему плану на 1944 г. вполне удовлетворительная. Обмундирование получено в январе текущего года, из б/у, но вполне пригодное для носки. Валенками училище обеспечено на 50%, теплыми брюками и фуфайками на 100 %. Вместо сапог весь курсантский состав удовлетворен довольствующим отделом округа ботинками. Ремонтный материал для обуви отпускается недостаточно. <...> Помощи училище со стороны Военного Совета Округа не получало» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 20).

При всех отмеченных недостатках в донесениях начальника училища полковника Леднева вывод всегда делается однозначно позитивный: «Училище, по своему размещению и непригодности

⁴⁰ УВС – Устав внутренней службы.

⁴¹ Помощнику Начальника Училища.

⁴² МТО – Материально-техническому обеспечению.

⁴³ КЭЧ – Квартирно-эксплуатационной части.

⁴⁴ Имеется ввиду: Асиновский лесоперевалочный комбинат.

жилых и особенно учебных помещений, не соответствует условиям обучения нормального артиллерийского училища. Требуется передислокация училища, так как в условиях гор. Томска, не имеется подходящего для училища помещения. <...> Училище по составу курсантов и офицерского состава за отчетный период имело и имеет крепкое политико-моральное состояние, удовлетворительную дисциплину и внутренний порядок. <...> Офицерский состав в своем большинстве сплочен для выполнения стоящих перед ним задач <...> по подготовке высококвалифицированных кадров командного состава артиллерии. <...> Выполняя приказ № 309 Народного Комиссара Обороны <...>, училище добьется несравненно высших результатов в 1944 году» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 24). Жилищные условия командного состава также не могли считаться удовлетворительными (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 18-19). Питание офицерского состава описывается так: «Питание производится в столовой. Для столовой отпускается 50% красноармейских пайков и 50 % пайков по нормам Военторга, последние Военторгом отпускаются плохого качества и нерегулярно. Кроме того, училищем добавляется из децентрализованных заготовок 500 грамм овощей и 150 грамм мяса или рыбы на порцию. Для обеспечения офицерского состава и семей фронтовиков училищем заготовлено 10 тонн неплановой рыбы и заготавливается охотой в Красноярском крае ежемесячно около 700–800 кг. Мяса (диких коз)» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, с. 19). По командировочному предписанию для заготовок продовольствия курсанты отправлялись на охоту (на это время их снимали с котлового довольствия) (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 15, л. 64).

Из Описи строений, находящихся на территории военного городка Томских Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава запаса (в документах использовано сокращение: КУКСЗ) «по состоянию на 24-е января 1941 года», узнаем, что корпуса №№ 1, 2, 3, 4 училища были построены в 1914 г. (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 147). В докладе Начальника Управления Артиллерийских военно-учебных заведений КА генерал-майора Курватова от 7.03.1944 г. «Командующему Артиллерией Красной Армии Главному маршалу артиллерии Воронову Н.Н.» (первый Главный маршал артиллерии, которого называли «Бог войны») «о результатах проверки» 2 ТАУ отмечалось, что «училище размещено в 6-ти корпусах, общежития курсантов не казарменного типа». «Учебный корпус деревянный, старый, для учебы непригодный, есть угроза обвала потолков...». И как всегда делался позитивный вывод: «При существующем руководстве, материальной обеспеченности и наличии крепкого сплоченного коллек-

тива офицерского состава училище вполне может готовить высококвалифицированных офицеров для артиллерийских частей Красной Армии» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 7, л. 36–37).

В различных документах постоянно фиксируется ситуация сложного «расквартирования»: «За время существования училища с 1 августа 1941 года в силу различных обстоятельств, оно переменило три раза свое расквартирование в г. Томске <...> В настоящее время училище размещено в трех местах на окраине г. Томска на площади, радиусом в один километр. Помещения, отведенные городом для размещения училища, не соответствуют полностью для казарменного размещения курсантов» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 184); «...в связи с новым перемещением училища с одного места на другое <...> объекты работы училища разбросаны по городу (общежитие в одном месте, конюшня в другом, столовая в третьем)». Эти обстоятельства с постоянными передвижениями курсантов не могли не способствовать нарушениям – «самовольным отлучкам» и проч. (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 188). Склад «амуниции артиллерийской» размещен был на территории бывшего Иоанно-Предтеченского женского монастыря.

2 ТАУ использовало ледник, как и в довоенное время, о чем свидетельствует, например, заключение договора, по которому гражданин Томска «обязуется произвести набивку училищу 30 куб. метров льда, причем произвести заготовку, перевозку транспортом училища в городок и закладку в ледник» (срок исполнения 22 марта 1944 г., оплата 600 рублей) (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 86, л. 40). Ледник был построен в 1937 г.: «Подвальное помещение, стены бревенчатые, пол деревянный, перекрытие деревянное, кровля земляная. Площадь пола 30 кв. метров» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 153).

Акцентируется внимание в документах на морально-политической атмосфере среди курсантов. В архивных документах война именуется как «Отечественная война» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 31, л. 1, 8, др.). «Успехи Красной Армии, сокрушительные удары нанесенные немецко-фашистским войскам под Москвой воодушевляют курсантов, командиров, укрепляют наступательный дух и готовность бить врага без передышки. Особенно заметен морально-политический подъем среди курсантов украинцев. В 3-м дивизионе, например, курсанты украинцы-киевляне горят желанием скорее принять участие в освобождении родной Украины. “Скорее бы досрочно выпустили бы, чтобы мы приняли участие в освобождении Киева” – такие разговоры идут сейчас среди курсантов» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 3, л. 196).

При высокой интенсивности учебного процесса курсанты привлекались и к сельско-хозяйственным работам. «В части помощи местным партийным организациям по хлебозаготовкам по линии училища проведена была следующая работа: в начале декабря [1942 г.] было послано в ряд колхозов сельского Томского района 45 человек курсантов и командиров как организаторов молотбы и хлебопоставок». Выражалась озабоченность трудностями передачи заработанного в фонд обороны: «В летне-осенний период училище оказало помощь колхозам по уборке урожая и сева озимых <...> начислено было за эту работу 5300 трудодней в 10 различных колхозах. Все заработанное осталось в колхозах. Начисленные трудодни являлись только показателем нашей работы в колхозах <...> Как сейчас быть, чтобы все заработанное передать в фонд обороны страны. Это связано с посылкой своего представителя в каждый колхоз с документами для производства исчисления <...> Это положение еще усложняется тем, что в ряде колхозов на трудодни распределяться не будет из-за недостатков фондов. Прошу указания – как быть» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 31, л. 8).

Существовали подсобные хозяйства училища «Юрга» и «Межаниново»: «Земля для посева отведена и разработан план посева отдельных культур. <...> Рабочей силой подобные хозяйства обеспечены полностью, проведены 2–3 дневные курсы с бригадами и звеньевыми к/бригад и по овощам агротехнические курсы. <...> В каждом подсобном хозяйстве имеется агроном. <...> Инвентарем и лошадьми обеспечены полностью» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35301, д. 31, л. 97об.).

Вот как описывается один из переездов в лагерь Юрга. 21 мая 1943 г. по утвержденному начальником училища полковником Ледневым «Плану перевозки 2 ТАУ из г. Томск в лагерь – Юрга» двумя эшелонами перевозится: «1-й эшелон – матчасть⁴⁵, аммуниция артиллерийская, имущество складов, отделов и служб, людской состав и конский состав, не могущий идти походом. <...> 2-й эшелон – конский состав, за исключением перечисленных в первом эшелоне, курсанты из расчета один на две лошади и по одной повозке на батарею для перевозки продфуража. <...> Время погрузки на баржу 25 мая 1943 года. <...> Время выступления походом в 5.00 25.5-43 г. <...> Переезд в лагерь произвести в течение трех суток. <...> К вечеру 24.5.-43г. все помещения должны быть приведены в полный порядок, вымыты, вычищены.

⁴⁵ Материально-техническое оснащение (например, оружие, средства связи).

С чердаков и печей должно быть все убрано, окна плотно закрыты. Имущество все сложено с расчетом производства ремонта» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 15, л. 306).

В лагере Юрга детально прорабатываются вопросы обеспечения водой как людей, так и лошадей. А для «противопожарной повозки с насосом, находящимся на противопожарном посту» предписывается установить круглосуточное «дежурство двух лошадей с имуницией [так в источнике – Л.М.] и одним ездовым от дежурной батареи. Дежурных лошадей на пастбище не выгонять, а содержать на конюшне в станках. Командирам дивизионов следить за своевременным выделением дежурных лошадей» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 15, л. 308).

Продумываются все детали пастбы (места водопоя и пастбы, способы вывода на пастбища, сопровождения и т.п.) (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 15, л. 309-310). «В целях улучшения упитанности конского состава, а вместе с тем и работоспособность», вспотевших лошадей выпускать только тогда, когда они просохнут, т.е. через 2 часа» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 15, л. 309).

Отдельной гордостью училища являлась физическая подготовка курсантов, разработанная и введенная еще в довоенный период. «Достижениями и успехами курсантов в области спорта училище во многом обязано т.н. «системе Переманова» которая была установлена в училище инструктором физической подготовки тов. Перемановым». «Тов. Переманов являлся инициатором и организатором многих лыжных переходов, в том числе и 1000 километрового (Томск – Новосибирск)». Грандиозный по своему размаху конно-лыжный 1071 км переход состоялся в 1935 г. (ЦДНИТО, ф. 9 [ТВВКУС], оп.23 (1917 – 2000 гг.), д. 18, л. 3). Из приказа по школе: «Право участвовать в 1000 км пробеге будет иметь каждый курсант, имеющий лучшие показатели в боевой и политической подготовке, примерный в дисциплине, активно участвующий в массо-физкультурной работе школы, считающий за честь участвовать в этом походе» (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 18, л. 1).

Бывали также и иные переходы, к примеру, конно-лыжный переход «в 250 километров пройден за 25 с половиной ходовых часов»: «Команда состоит из конно-лыжного взвода, пеше-лыжного взвода и санитарного конно-лыжного отделения, общим количеством 58 человек. Весь переход протяжением в 250 километров, совершен за 25 с половиной ходовых часов. Лыжники двигались со средней скоростью 9,8 километра в час. Всего переход занял 42 с половиной часа. Переход на отдельных участках протекал в трудных условиях. На участке Болотная – Ояш лыжников захватил буран. Сила ветра достигала 12 бал-

Страницы истории Томского артиллерийского училища: (четыре рис. сверху). Из воспоминаний генерал-лейтенанта артиллерии А.И. Нестеренко. 1000 километровый лыжный переход / Центр документации новейшей истории Томской области Департамента по культуре Томской области (г. Томск). Ф. 9. Оп. 23. Д. 18. Л. 26, 30, 36, 43; (рис. внизу) 1944 г., хранится в «Переписке горкома ВКП(б) с комитетом по физической культуре и спорту о подготовке лыжников и других спортсменов»/ ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 3. Д.393. Л. 22 об. (обрезан).

лов. Местами движению мешало отсутствие снега. В 80 километрах от Томска, близ села Проскокова участники перехода провели учебно-показательный бой <...> В порядке тренировки лыжники прошли в течение января и февраля около 900 километров...» (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 18, л. 11).

Многокилометровые лыжные тренировки курсантов в суровых сибирских условиях (мороз, пурга и т.п.) часто вспоминал мой отец. Однако любовь к лыжным походам он сохранил почти до 90-летнего возраста (ввел их в семейную традицию уже в Подмосковном Красногорске).

В Приказе Народного Комиссара Обороны СССР К.Е. Ворошилова (18 марта 1935 г., № 54, г. Москва) читаем: «Отряд ТАШ [Томской артиллерийской школы – Л.М.] в составе 30 пеших лыжников и 8 конно-лыжников, со станковым пулеметом на специальной установке с полным комплектом огнеприпасов и снаряжения прошел от Томска до Новосибирска 1071 км за 11,3 ходовых дней, имея всего две дневки. Средне-суточная норма ходового дня составила 94,7 км. Пробег проходил в трудных условиях, ввиду оттепелей отряд несколько переходов шел по ночам. Несмотря на это, отряд 21 февраля блестяще финишировал в Новосибирске. Техническая и медицинская проверка на финише показала вполне бодрое состояние личного состава, исправность оружия и снаряжения, отсутствие потертостей и отставших» (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 18, л. 10).

«Вот как рассказывает об этом походе один из его участников, выпускник 1935 г. тов. Безъязыков: «Путь был трудный. Предстояло преодолеть лесные массивы, крутые горы, бездорожье и суровые сибирские морозы. Временами на обрывистые горы забирались без лыж, но и с гор было спускаться не легче: лес, крутые повороты, овраги преграждали путь. Малейшая неосторожность могла стоить жизни. Уговор – отстающих не иметь!

Недалеко от села Косиха мы встретились с оттепелью. Глубокий снег стал рыхлым... Отряд пришел в село в назначенное время. Спать приходилось очень мало. В ночных условиях пробега несмотря на быстрый темп хода, при малейшей остановке лыжников одолевал сон. Обычно в этих условиях на помощь приходила песня, которую подхватывали все участники пробега и эхо раздавалось далеко в сибирской тайге.

Никакие трудности не могли остановить наш отряд...» (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 18, л. 7).

12 марта 1977 г. генерал-лейтенант артиллерии А.И. Нестеренко так вспоминал об участии в 1000 километровом лыжном переходе: «Физическая закалка оказывала неоценимую услугу в тяжелые годы Великой Отечеств. войны мне и всем участникам 1000-км пробега. Многие из них в годы войны были командирами частей и соединений» (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 18, л. 46).

Из письма лейтенанта В.И. Рубайло в школу (1936 г.): «Я, Пластин-

кин, Сапрыкин, Луговой, Кравцов, Егоров находимся в г. Оренбурге... “Сливками” считаются по физподготовке наши ребята. Однажды командир бригады сказал: “Большая хвала физруку Томской школы, что он выковал для армии таких орлов” <...> Конечно, мы гордимся этим...” (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 6, л. 10).

Народный комиссар боеприпасов, бывший начальник ТАУ Сергеев вспоминал: «Томское артиллерийское училище остается в моей памяти лучшей артиллерийской школой по воспитанию грамотных, волевых и физически красивых командиров Красной Армии» (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 6, л. 11).

В воспоминаниях «Один из многих» 1985 г. о 2 ТАУ выпускника 1943 г. П.Д. Ивашутина можно почерпнуть множество подробностей «юной жизни» военного времени (ЦДНИТО, ф. 9, оп.23, д. 10, 87 л.): «Занятия начались, как оно и бывает в армии, с изучения распорядка дня и основных требований. Зазвучали положения уставов, неизбежные, вечные. Все построения, движение по территории училища использовались для строевой подготовки, разучивания песен <...>. “Тут я впервые услышал:

О воин, службою живущий,
Читай устав на сон грядущий
И, ото сна восстав,
Читай усиленно устав”.

Это что-то старинное, взятое от старой, дореволюционной армии передавалось как шутка. Но она лишний раз подчеркивала важность и нужность уставов, была в ней своя мудрость» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 16). Ходили строем с песнями: «Наш взвод поет дружно. Неизменная «Священная война». Но как ее пели! Думается, что сердобольные старушки специально выходили на улицу послушать нас. И слушали, вытирая уголками косынок глаза. Начав одну песню, переходим на другую. «Марш артиллеристов», «Украина золотая», неизменна во всех поколениях «По долинам и по взгорьям», «Дан приказ ему на запад...» С особым чувством исполняем «Бородино». (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 22). Отметим, что и в 1960–70–80-е годы артиллерийское сообщество (в кругу моего отца) с удовольствием и вдохновением исполняло эти песни в дни празднования Дня Артиллерии и дня Великой Победы.

«О фронтовых делах шла речь на политинформациях и политзанятиях <...> мы не допускали себе и мысли, что может быть страшное поражение в войне. Видели ту силу, которая сосредоточена на фор-

мировании в наших лагерях. А сколько было по стране подобных баз подготовки! <...> Уверены, счета с фашистами будут сведены, но горько принимались известия о вынужденном отступлении» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 17). (1942 г.)

«Занятия длятся весь день <...> Отбой! Валишься и никаких сновидений. Не успеваешь сомкнуть глаз, как уже подъем. Так казалось <...>. Курсантский быт втягивал. Порой было тяжело до изнеможения. Но люди выносливые, могут переносить многое. Тем более, когда надо все перенести, перетерпеть. И мы тянули. Уставали, обессиливали и... крепили». (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 23). «Среди всех занятий самое болезненное, и в прямом и в переносном смысле, оказалось конное дело» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 23). «Материальная часть, которую стали изучать, старая. Но не видевшие другой, мы считали ее основной, стоящей на вооружении. <...> наша "родимая" 122-х миллиметровая гаубица образца 1909 года и модернизированная в 1930 году. Но как была она с цельным лафетом, и не раздвижными станинами, так и осталась. Остались деревянные колеса с железными ободами. Орудие рассчитано на конную тягу. К нему имелся передок, в котором закладывались лотки с боеприпасами. Небольшая гаубица и солидный калибр. <...> Итак, мы должны быть командирами огневых и взводов управления в артиллерийской батарее. Должны уметь с гаубицами занять огневую позицию, готовить данные для стрельбы различными способами, корректировать огонь и перемещаться на поле боя, поддерживая пехоту «огнем и колесами». И, конечно, уметь командовать, обучать и воспитывать подчиненных. Это в общем. Деталей много. На занятиях во всех случаях подчеркивалось: ты командир, принимай решение, командуй» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 25). «Мелочей в боевой службе не бывает» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 27).

«Наступил ноябрь <...> все больше говорят о 25-ой годовщине Октября <...> Праздник <...> До обеда день плотно занят <...> Торжественный обед. Впервые для нас такой. Немного отличается от обычного плотностью и еще тем, что с нами обедают командиры. Так, оказывается принято в армии. <...> Мы знали, что командный состав получает паек довольно скромный. Есть продуктовые карточки у членов семьи. Но в городских магазинах особенно не разгонишься, и большим семьям было трудновато. Курсанты их жалели, особенно не задумываясь над тем, что не так уж далек день, когда сами окажутся в таком же положении» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 28).

«А ноябрь был действительно радостным месяцем, полным событий. 19-го ноября по-другому загремело под Сталинградом. Началось

контрнаступление. Мощное, грозное. Вот она та неистощимая сила народа! Где, в какой стране возможно подобное чудо? Казалось, дошли до предела. С невероятным трудом остановили врага и вдруг совершается для всего мира невероятное» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 30). «Военная топография <...> ноги мерзнут, хоть кричи <...> Следующее занятие в классе по артстрелковой подготовке <...> Сидим одетыми, одет преподаватель. Иначе нельзя, замерзнем <...> Руки дубовые <...> Когда возвращаемся в свою комнату, то не можем произнести ни одного слова, губы трясутся, язык заостенел» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 31–32). «Сон, строй, занятия и еда <...> уход за лошадьми <...> Возможно наступил у нас переломный период? Бывает такой. Только эти месяцы оказались самыми трудными. Так мы вступаем в сибирскую зиму. Настоящую. Постучался ДЕКАБРЬ» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 32).

«Вот уже и ФЕВРАЛЬ, У всех только и разговоров – Сталинград <...> И мы словно именинники. Такая победа! <...> Мечталось самим принять участие в освобождении родных мест, вырвать из рук врага родных людей. <...> Нагрузка больше не возрастает. Предел. Скорее просто мы действительно втянулись, закалились и не видели перед собой трудностей» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 47).

«И наконец АПРЕЛЬ <...> Иногда насаждают мысли: подошли экзамены, а что дальше? К нам меняется отношение <...> УРА! МАЙ! <...> Экзамены почему-то не врезались в память. Очевидно потому, что слишком буднично они начались и прошли без особого напряжения, хотя и потели» (ЦДНИТО, ф. 9, оп. 23, д. 10, л. 51).

А что ожидало дальше выпускников? Война... жизнь... трагедии... любовь...

Из дневника воспоминаний инженера-полковника ГРАУ Миссонова Ивана Петровича:

«1941 г. Окончил 9 класс. Началась война <...> Поступил в 10 класс средней школы. 1942 г. Окончил 10 класс средней школы. Поступил в Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ).

9 января 1943 г. – 1.03.1943 г. Исполнилось 18 лет, в этот же день добровольно вступил в ряды Красной Армии (Новосибирский Заельцовский райвоенкомат). Направлен в 35 запасной артиллерийский полк – в подготовительную артиллерийскую батарею – курсант. Принял военную присягу. Отправлен во 2-е Томское артиллерийское учи-

лице – курсант. 1.03.1944 г. Окончил училище, присвоено первичное офицерское звание «Младший лейтенант» (ЦА МО РФ, ф. 60195, оп. 35302, д. 21, с. 13, 25, 36, 38 – Л.М.). Март 1944 г. Направлен в Гороховец под Нижним Новгородом – 41 учебный (запасной) артиллерийский офицерский корпус (Московского военного округа). Начало апреля 1944 г. Прошел специальный отбор. Направлен (как многие другие) в «Длительную заграничную командировку». Сбор – Сумы (Украина). В Сумах получил назначение – командир взвода огневой артиллерийской 4 батареи 2-го артиллерийского дивизиона 9 артиллерийского полка 2-й артиллерийской бригады 1-й Польской армии в СССР. Апрель–май 1944 г. Участие в формировании артиллерийской батареи (Сумская обл., Путивль – село Александровка). С утра до позднего вечера непрерывная боевая подготовка личного состава батареи. Начало июня 1944 г. Погрузили на железнодорожные платформы и вагоны, через Киев, на Запад в Первый Белорусский фронт (командовал фронтом К.К. Рокоссовский, потом в декабре его сменил маршал Г.К. Жуков, Рокоссовский возглавил Второй Белорусский фронт). Июнь 1944 г. (~ неделя). Первые огневые позиции и непрерывные тренировки – во втором эшелоне фронта. Июнь–июль 1944 г. Первые окопы, боевая жизнь, первые километры Польской Республики (после войны – Польская Народная Республика). Участие во взятии пригорода Варшавы – Прага. Август–сентябрь 1944 г. Боевая помощь Варшавскому восстанию. Там я прихватил пожизненное воспаление легких. Полежал несколько дней в землянке (что было исключительной редкостью за все время войны). Конец 1944 г. Немного севернее Варшавы, на восточном берегу реки Вислы – оборона, землянки «в три наката».

9.01.1945 г. В ночь на 9.01.1945 Отбой. Вскоре в пути (без зажженных фар), сидя рядом с водителем на минуту вспомнил – мне исполнилось 20 лет. 9.01–14.01. Занятие огневых позиций на берегу Вислы, недалеко от Варшавы (чуть южнее) Пулавский плацдарм. По ночам привозили тысячи снарядов. Здесь я попал под разрывы двух снарядов. Один надо мной – не придал значения, однако через несколько секунд второй снаряд разорвался в каких-то 15–20 метрах на земле – я мчался как шальной несколько минут. Потом снаряды стали рваться восточнее от меня в соседней 5-й артбатареи: вышла из строя гаубица, ранен старшина батареи. 5-я батарея была левее нашей метров на 50–100. 14.01.45 г. Началась мощная артиллерийская канонада. Тысячи орудий и «Катюш» обрушили уничтожающий удар на врага. Наша батарея в течение дня и до вечера обрушила 876 снарядов по врагу. Несколько суток ни минуты было не до сна. 17.01.45 г. В ночь с 17 на 18 января наш полк проехал по освобожденной, разрушенной фашиста-

Наша Артиллерийская батарея. Фронт. 1944 г. Семейный архив автора

ми, Варшаве. Январь–апрель 1945 г. В феврале-марте главные усилия Красной Армии направлялись против врага на территории Восточной Померании. (Восточная Померания – Польская Прибалтика). Были приняты решительные меры для разгрома Померанской группировки противника. Вместе с Советскими войсками была привлечена также 1-я армия Войска Польского. Нашей 2-й артиллерийской бригаде было присвоено название «Померанская» (за успехи в Померании). За участие во взятии городов Померании (Темпенбург, Фалькенбург, Драмбург) – приказом Верховного Главнокомандующего 4 марта 1945 года была объявлена благодарность. 11 февраля 1945 г. Также была объявлена благодарность за взятие ряда городов Восточной Померании (Златов, Ястров, Редериц, Фридланд Померанский). Март–апрель 1945 г. Пришлось непосредственно принять участие в боях за взятие портового города Колберг (Колобжег). Благодарность объявлена приказом Верховного Главнокомандующего от 18 марта 1945 года. В Москве был 12-ти кратный салют с 120 орудий. В Колберге несколько моих солдат были ранены. Особенно отличный наводчик получил тяжелое ранение осколком снаряда в коленную чашечку ноги. Довелось побывать

**Поручик Ян [польск., Иван] Миссонов.
Торунь, 1947 г.
Семейный архив автора**

в угрозе от разрывов нескольких снарядов (спас меня окоп немецкий, плюс ров). После взятия Колберга – несколько дней (неделя) – охрана берега (Кенигсберг восточнее) был еще у фашистов. Апрель 1945 г. Вперед на Запад. Форсирование Одера. Как только переехали на понтонах на берег, был налет одного самолета немецкого. К счастью, все остались живы и здоровы. Вскоре довелось участвовать в боях на Зеленовских высотах. Несколько эпизодов. Прибыли на рассвете на открытое место, впереди населенный пункт. Получил задание – выявить противника в поселке. Проехали 200–300 метров, остановка, быстро привели орудие к бою. И тут же впереди взрыв снаряда (недолет), вскоре перелет. Мгновенно отбой, проехали назад,

свернули с дороги. Орудие к бою. Вскоре приехала вся батарея, потом дивизион. Потом развернули весь полк. Ночью въехали в поселок, заняли боевые порядки на другой стороне поселка. Вначале еще не было нашей пехоты. Впереди противник. Снова вели огонь прямой наводкой по противнику. В один из моментов немцы засекли нас и вели стрельбу из пулемета. В один из моментов надо было перескочить от одного орудия к другому. И тут же просвистели пули. Проскочил – пули мимо... Днем надо было уничтожить немецкий пулемет. Принял решение – лично выполнить задачу – уничтожить пулемет противника. И «Ура»! Со второго снаряда – прямое попадание. Снова вперед на запад. Оказались северо-западнее Берлина. 26.04.45 – 2.05.45 г. К вечеру 26 апреля отбой и назад в сторону Берлина. Первая огневая позиция западнее перед Берлином. Несколько сот снарядов по Берлину... Смена огневых позиций. Где-то уже на территории Берлина – недолго. Третья огневая позиция совсем близко от Рейхстага, в сквере, справа впереди хорошо видны Бранденбургские ворота. Всего по Берлину

Перед парадом по случаю приезда министра обороны Польской Народной Республики маршала Роля-Жимерского, г. Торунь. 07.09.1947.
Семейный архив автора

наша батарея выпустила 500 снарядов. Замолкли все виды стрельбы в ночь с 1 на 2 мая. Только треск пожаров – все горело. 2 мая – 9 мая 1945 г. Отбой. Вперед на Запад. Последняя остановка в 30 км от Эльбы. Май–июнь 1945 г. Заняли отведенное место для временного расположения полка – западнее реки Одера, в районе реки, впадающей в Одер. Июль 1945 г. Марш по территории Польши. Полк расположился в гор. Влоцлавек. Сентябрь 1945 г. – декабрь 1947 г. Марш на новое место постоянного расположения – гор. Торунь, возле реки Висла. Получил звание подпоручика (польск., лейтенант), потом поручика (польск., старший лейтенант). Занимал должности – Старший на батарее, Командир батареи, Начальник штаба артиллерийского дивизиона.

1948–1953 гг. Отозван на родину – в Советский Союз. Хотел демобилизоваться и продолжить учебу в НИВИТ⁴⁶, начатую в 17-летнем возрасте (но мечте юности стать инженером железнодорожных мостов так и не суждено было состояться). Отказали. Назначен в Ураль-

⁴⁶ НИВИТ – Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта.

Иван Миссонов и Леонора Миссонова
(урожденная Салицкая)
г. Чебаркуль Челябинской области, 1950 г.
Семейный архив автора

ский военный округ на должность Начальника артиллерийской разведки дивизиона 1055 артиллерийского полка. 1950 г. 18 апреля. Поженились мы с Люсей (Салицкой Леонорой Казимировной). Получил я звание капитана. 1953–1958 г. Учеба в Военной артиллерийской инженерной академии им. Ф.Э.Дзержинского (ныне – имени Петра Великого) в Москве. 1958 г. ноябрь – 1981 г. сентябрь. Получил звание инженер-майора, назначен на продолжение военной службы в ГРАУ⁴⁷ (Военное представительство на Красногорском механическом заводе). Уволен в запас (по болезни) в звании полковника».

(Написано 6 мая 2015 г., ушел из жизни 29

ноября 2015 г.)

Иван Петрович Миссонов воевал под общим командованием маршала Рокоссовского и маршала Жукова. В 1950 г. ему довелось выполнить и личное распоряжение маршала Жукова, данное во время учений в Уральском военном округе.

Офицерский мундир полковника И.П. Миссонова насчитывает 37 наград, в том числе два отечественных ордена (третий орден, который должен был стать первым, затерялся на фронтовых дорогах еще до вручения), польские ордена и много дорогих отечественных и польских медалей за непосредственное участие в боевых действиях. Его

⁴⁷ ГРАУ – Главное ракетно-артиллерийское управление МО.

**Иван Миссонов и Леонора Миссонова (урожденная Салицкая):
66 лет вместе... г. Красногорск Московской области, 2010-е годы.
Семейный архив автора**

захоронение состоялось на Аллее Славы Троекуровского некрополя в Москве со всеми воинскими почестями...

Какая «странность» и «противоречивость» военного времени: никому не дано выбирать время рождения, при этом жизнь человека продолжается и на войне, и сразу после нее... Война приносит смерть и горе!.. Одновременно в результате жизненных разворотов случается, что и любовь приходит... создаются семьи и рождаются дети... Заметим, что в российской истории так было и в Первую мировую войну и ранее – в этом смысле история семьи бывает отражением отечественных войн (это касается и семейной истории Миссонова: любовь случилась и в Отечественную войну 1812 года; а Петр Гаврилович Миссонов был призван и воевал в составе Русского Экспедиционного

Корпуса во Франции в годы Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом; любимая после венчания молилась и ждала его возвращения на Родину 6 лет; а будущая любимая женщина моего отца в годы войны с 15 лет стояла у токарного станка и вытачивала артиллерийские снаряды). Для поколения, которому суждено было пройти по пути тяжких испытаний военных лет, характерно единое восприятие понятия Любви к Отчему дому, женщине, потомкам (Семье) и Отечеству... Да будет так!

Источники

ЦА МО РФ: Центральный архив Министерства обороны РФ (г. Подольск Московской области). Ф. 60195. 2-е Томское артиллерийское училище (11.07.1941 – 25.10.1945);

ЦДНИТО: Центр документации новейшей истории Томской области Департамента по культуре Томской области (г. Томск). Ф. 9. Научный архив Томского областного краеведческого музея;

Семейный архив автора (Л.И. Миссоновой).

Литература

Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 / Ред. Б.С. Тельпуховский. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. 560 с.

Военная инженерная орденов Ленина и Суворова Академия имени Ф.Э. Дзержинского. Очерк истории [В память столетия Академии. 1820-1970] / Ред. генерал-лейтенант Ф.П. Тонких. М.: ВДНХ, 1970. 407 с.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. [Советскому солдату посвящаю]. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1971. 704 с.

Оружие победы / Ред. В.Н. Новиков [при рецензировании Министерства оборонной промышленности СССР]. М.: Машиностроение, 1985. 304 с.

Прочко И.С. История развития артиллерии. С древнейших времен и до конца XIX века. СПб.: Полигон, 1994. [1-е изд. 1945 г.] 496 с.

Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981. 176 с.

В.В. Салтанова

БЕЛЫЙ ХАЛАТ В ЧЕРНОМ ДЫМУ. ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ БЕЛИЦКИХ И МИЛЬТЕРОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Воспоминания правнучки о Михаиле Осиповиче Белицком (1901 – февраль 1943) и его родных. Несмотря на проблемы со зрением, он выучился на санитар и ушел на фронт, служил в медсанбате. Погиб в Сталинградской битве: его последний подвиг описан в мемуарах И.И. Исакова – под огнем санитар Белицкий вытаскивал раненого командира. По архивным данным, скончался в инфекционном госпитале, вероятно, от сыпного тифа. Похоронен в братской могиле в Волгоградской области. Его фронтовое письмо 1943 г. сохранилось в семье как свидетельство любви к жене и сыновьям, особенно к младшему – Борису, ставшему впоследствии ученым-физиком.

От героев былых времен не осталось порой имен.
Те, кто приняли трудный бой, стали просто землей и травой.
Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним, мы в груди храним.

«Вечный огонь», Евгений Агранович

ОТ МОЕГО прадедушки Михаила Осиповича Белицкого, как и от многих солдат того тяжелого времени, остались лишь имя и два письма с фронта. Сегодня уже нет никого, кто мог бы вспомнить его живым, смеющимся или задумчивым. Я знаю о нем только из рассказов моего дедушки Бориса и могу поделиться лишь тем, что сохранилось в памяти.

Белицкий Михаил Осипович родился в 1901 г. Точных сведений о месте его рождения в семейных и военных архивах не сохранилось. Однако дедушка рассказывал, что корни прадедушки уходят в город Лида в Беларуси. Насколько это соответствует действительности, сказать трудно. В письмах с фронта Михаил Осипович иногда называл свою жену, Софью Марковну, «жиночка», слово, звучащее по-белорусски и, возможно, являющееся косвенным подтверждением этой версии.

**Миша Белицкий на трехколесном
велосипеде. г. Лида, Беларусь, 1906 г.
Фотоателье А.Ф. Глуйbermanъ.
Фото из семейного архива Белицких**

Разбирая архивы семейных фотографий, я нашла старинную фотокартонку, подписанную от руки, «Миша Белицкий, город Лида, фотоателье А.Ф. Глуйbermanъ». Если прадедушка не родился там, то как минимум его семья жила там какое-то время.

К сожалению, без документов и живой памяти родственников восстановить точную географию его жизни уже невозможно. Известно лишь, что она была широкой и сложной. Родившись в Беларуси, он жил и в Москве, и в Сибири, а погиб в Волгоградской области под Сталинградом.

Когда немецкие войска подошли слишком близко к столице, семья эвакуировалась по месту проживания их родственников в Иркутск,

где они жили по адресу улица Бабушкина, дом 1, в комнате № 3 на втором этаже. Этот небольшой деревянный дом стоит там и по сей день. Софья Марковна одна воспитывала двух сыновей - старшего Иосифа и младшего Бориса, которого в семье ласково называли Бобочкой.

Семья Софьи Марковны Белицкой (в девичестве – Мильтер) прожила непростую и во многом трагическую историю. Ее отец, мой прапрадед, Марк Мильтер, по воспоминаниям старших родственников, был обеспеченным коммерсантом. В семье хранятся воспоминания о том, что до революции 1917 г. ему принадлежали бильярдная и две кондитерские в Иркутске.

**Семья Мильтеров с друзьями в своем доме
(слева направо Реввека Мильтер, младший сын Костя на коленях, Марк
Мильтер, старший сын Аркадий, Соня Мильтер).
г. Иркутск, 1904 г. Фото из семейного архива Мильтеров**

Сохранившиеся фотографии семейного архива словно подтверждают эти рассказы – большой дом, множество книг, аккуратно одетые дети. На снимках моя прабабушка Соня – юная, хрупкая, с живым и задумчивым взглядом – катается на роликах и даже снимается в немом кино. Ее детство и юность проходили в атмосфере достатка и, казалось бы, уверенности в завтрашнем дне. Но впереди ее ждала совсем иная судьба.

После смены власти в 1917 г. практически все имущество семьи было конфисковано. От прежней жизни не осталось почти ничего. Единственное, что оставалось моему прапрадедушке – работать водовозом. В 1932 г. у него изъяли единственную лошадь, – ту самую, на которой он развозил воду по Иркутску. Без нее девяностолетнему Марку Мильтеру работать было более невозможно. По воспоминаниям старших, вернувшись домой после этого известия, мой прапрадед умер – вероятно, от разрыва сердца, не вынеся горя.

**Софья Мильтер (в замужестве Белицкая) на роликовых коньках.
г. Иркутск, 1912 г. Фото из семейного архива Мильтеров**

К тому времени его дочь Софья Марковна уже была замужем за моим прадедушкой Михаилом Осиповичем Белицким и жила в его доме под Москвой, на Клязьме. Узнав о смерти отца, она решила немедленно ехать к родным в Иркутск, несмотря на то, что находилась на последних сроках беременности.

До Иркутска, однако, она не доехала. Роды начались в дороге. Так 31 марта 1932 г., в маленьком сибирском городке Зима, появился на свет ее младший сын, мой дедушка, Борис Михайлович Белицкий.

Из рассказов бабушки я помню, что в начале войны Михаила Осиповича не взяли на фронт по состоянию здоровья.

У него был всего один видящий глаз, и к строевой службе он был признан негодным. Тогда он выучился на санитару и все равно ушел на фронт, в составе медсанбата, где служил до конца своей, к сожалению, недолгой, но по-настоящему героической жизни.

Прадедушка служил в 296-м медико-санитарном батальоне, подчиненном 292-й стрелковой дивизии. 292-я стрелковая дивизия второго формирования была создана в августе 1942 года на базе 74-й морской стрелковой бригады. В ее состав входили 1007-й, 1009-й и 1011-й стрелковые полки, 833-й артиллерийский полк, а также ряд отдельных подразделений: истребительно-противотанковый дивизион, саперный батальон, разведывательная рота и другие (Гуркин и др., 1966, с.171).

Дивизия находилась в действующей армии с 31 августа по 2 ноября 1942 г. В октябре того же года ее основные силы были практиче-

**Белицкий Михаил Осипович. Москва, 1937 г.
Фото из семейного архива Белицких**

ски полностью уничтожены в боях под Сталинградом. 2 ноября 1942 г. дивизия была официально расформирована. Лишь 833-й артиллерийский полк продолжил свой боевой путь. 6 ноября он был переформирован в 101-й гаубичный артиллерийский полк второго формирования и воевал до конца Великой Отечественной войны.

Мой прадедушка погиб при обороне Сталинграда. Одно из последних его боевых действий даже было отмечено в мемуарах Ивана Ивановича Исакова «Командиры мужают в боях» (Исаков, 1968). К началу Великой Отечественной войны Иван Исаков был кадровым офицером Красной Армии. В период тяжелейших оборонительных сражений на подступах к Сталинграду на батальон гвардии старшего лейтенанта Исакова легла задача исключительной важности. Бойцы его батальона не только захватили Мамаев курган – главную высоту в системе городской обороны, но и сумели удержать ее на протяжении нескольких критических дней.

Январь 1943 г. принес серьезные изменения в обстановку под Сталинградом. Батальону под командованием Исакова было приказано занять оборонительный рубеж, который до этого удерживал 42-й гвардейский полк. Этот полк в тот момент перебрасывали в район завода «Красный Октябрь» для формирования ударной группировки.

С занятых позиций открывался вид на хорошо известные символы Сталинградской битвы – разрушенную мельницу с пробитой трубой и легендарный дом Павлова. Из этого здания простреливалась практически вся прилегающая местность. Дом вошел в историю благодаря стойкой обороне гвардейцев: в нем были оборудованы как постоянные, так и скрытые огневые точки, задействовавшиеся лишь в критические моменты. Несколько пулеметных позиций выносились на расстояние 10–15 метров вперед и соединялись с домом системой подземных ходов, что позволяло быстро менять расположение станковых пулеметов и держать под контролем все подступы.

Впрочем, на этом участке батальон находился недолго. Вскоре подразделение было переброшено в район поселка при заводе «Красный Октябрь» и заняло позиции во втором эшелоне дивизии. Первый эшелон в это время составляли 42-й и 34-й полки.

В дальнейшем 39-му гвардейскому стрелковому полку также предстояло перейти к активным действиям и выдвинуться в первый эшелон наступления. К тому моменту батальон был сильно измотан: в его составе оставалось лишь две роты, из которых сформировали четыре штурмовые группы.

Наступление началось вечером 19 января 1943 г. Соприкосновение с противником произошло раньше намеченного времени, и под-

разделения сразу же попали под плотный огонь. Обстановка резко осложнилась, когда с фланга ударил пулемет: огонь велся из дома со скворечней, который, согласно данным разведки, считался штабом соседней части. На деле же здание оказалось занято немецкими войсками.

Несмотря на ожесточенные ночные бои и многочисленные рукопашные схватки, за ночь удалось продвинуться лишь на три улицы. Утром у командования возникли сомнения в достоверности докладов о положении батальона и занятии ключевого здания противником. Для уточнения обстановки офицерам пришлось под вражеским огнем лично пройти по переднему краю, сверяя улицы и позиции. Разведка роты захватила пленных, чьи документы подтвердили, что дом действительно находился в руках гитлеровцев. Окончательно сомнения были сняты после точного минометного удара по этому объекту.

Дальнейшие попытки выбить противника с занимаемых позиций сопровождались большими потерями. В результате разрывов собственных снарядов погибли два опытных офицера. Численность батальона стремительно сокращалась.

26 января 1943 г. произошло долгожданное соединение с частями Донского фронта, в результате которого окруженная группировка противника была рассечена. Однако, несмотря на безвыходное положение, немецкие подразделения продолжали отчаянно сопротивляться. В этих боях особенно проявил себя командир роты Медведев: оборудовав пулеметную точку, он уничтожил более сотни вражеских солдат, прежде чем получил тяжелое ранение. Его эвакуация под прицельным снайперским огнем стала отдельной, крайне опасной операцией, в которой и участвовал мой прадедущка, Михаил Осипович Белицкий: «Медведев уничтожил более ста неприятельских солдат и офицеров. Подступы к строению были завалены вражескими трупами. Но страхлась беда и с Медведевым. Когда он перезаряжал оружие, гитлеровцы обстреляли его. Пуля пробила навывлет грудь великана. Лейтенант Лопатко сообщил мне об этом по телефону. В трубке слышались выстрелы. Это продолжал вести огонь старшина роты Акимов.

- До вечера выдержит Медведев, если перевязать?
- Нет, не протянет, тяжелый.
- Посылаю волокушу.

Два санитары из полкового взвода санитаров-носильщиков, которым командовал лейтенант Иван Моисеевич Сутак, пробивались к Медведеву. Обрато волокушу тащили уже трое – санитарам помогал старшина. Когда до НП оставалось несколько метров, Ильин крикнул, чтобы бежали быстрее, здесь пристрелялся снайпер. И чуть ли не в

ту же секунду санитар Белицкий упал, а старшина Иван Игнатьевич Акимов с другим санитаром успели дотащить раненого до воронки и укрыться в ней.

– Эй, санитар, живой? – окликнули мы.

– Живой... Ранило в ноги.

– Можешь перевязаться?

– Перевязываюсь.

– Сейчас что-нибудь придумаем, чтобы тебя вытащить.

И придумали. Надели каску на палку, подняли над траншеей, немецкий снайпер стал стрелять по каске, а в это время Белицкого перетащили в траншею. Мы подошли к волокуше, на которой лежал Медведев. Лицо у него стало землистым, он замерз, ему было плохо» (Исаков, 1968).

За четыре дня до начала наступления, описанного в отрывке выше, прадедущка отправил домой свое последнее из сохранившихся писем. Фронтовое письмо от 15 января 1943 г. – это не просто весточка из прошлого, а история, в котором личная человеческая драма неотделима от судьбы страны.

Михаил Осипович, только что выписавшийся из госпиталя и вернувшийся на передовую, пишет жене Соне и детям в один из переломных моментов войны, в дни завершающего этапа Сталинградской битвы. В строках письма звучит уверенность в скорый разгром «проклятого фрица», но за этой внешней убежденностью скрывается иная, более глубокая правда о человеке на войне.

Письмо начинается вовсе не с рассказа о боях, а с тревоги за нарушенную связь. «Не знаю, Сонечка, чем объяснить, что ты от меня за последнее время получила только два письма я. Их написал штук семь». Уже здесь слышна его главная боль, как и боль любого солдата, – быть отрезанным от дома.

Тон письма двойственен. С одной стороны, в нем присутствуют обязательные для того времени и фронтовой цензуры патриотические формулы. Он пишет с гордостью, что жена «работает как патриот Родины», а старшего сына называет «будущим моряком-патриотом». Эти слова являются своего рода защитным ритуалом, каркасом, дозволенным для пересылки.

Но под этим внешним слоем проступает главное. Даже находясь на передовой, за тысячи километров от Иркутска, Михаил Осипович остается мужем и отцом, главой семьи. Он вникает в бытовые мелочи, с облегчением отмечает, что у родных теперь «тепло и светло». В письме ясно слышна его отеческая интонация, от ласкового обращения к старшему сыну «Осенька» к строгому, почти суровому обращению «Бориска» к младшему сыну, моему дедушке: «А ты Бориска подтя-

Софья Марковна Белицкая с сыновьями, Иосифом (слева) и Борисом (справа). Москва, 1958 г. Фото из семейного архива Белицких

нись, я все же думаю вернуться к вам, и тебе стыдно будет мне смотреть в глаза».

К сожалению, моему дедушке так и не довелось посмотреть отцу в глаза. Михаил Осипович не вернулся с фронта. Уже спустя годы, отправившись в Волгоградскую область на поиски места его гибели, дедушка нашел санитарку, находившуюся рядом с его отцом в последние минуты его жизни. Она вспоминала, что в бреду Михаил Осипович постоянно повторял: «Бобочка, Бобочка», так он ласково называл своего младшего сына. Оставшись на той войне, он не застал момента, когда «Бориска» сдержал обещание и подтянулся по учебе. Не дожил до времени, когда его сын стал кандидатом технических наук и работал в команде академика С.П. Королева над запуском в космос Юрия Гагарина.

Мой дедушка и его старший брат Иосиф были детьми войны. Они прошли через голодные и страшные военные годы, а затем – через не менее тяжелое послевоенное время. И все же до самых последних лет в них сохранялись живость ума, чувство юмора и удивительная семейственность, которые были внутренней опорой, помогавшей пережить

и разруху, и лишения, и все сопутствующие кошмары той эпохи.

Они росли прокаженными и шутниками в суровой и морозной Сибири, однако в Иркутске не остались. Со временем семья вернулась в родовое гнездо Белицких на Клязьме, где жила потом долгие годы. «Родовое гнездо» звучит гордо, но действительность была куда скромнее – поступать в Москву дедушка поехал в одних деревянных башмаках вместо галош, которые не мог себе позволить. В башмаках, которые собственноручно сколотил у себя во дворе.

Обладая явной склонностью к точным наукам с самого детства, Борис Михайлович поступил в Московский инженерно-физический институт и успешно его окончил. Свою жизнь он посвятил ядерной физике и обороне Родины. Работая с лучшими учеными страны, он не имел права говорить о многом из того, чем занимался. Но мы помним, как в период работы с Сергеем Павловичем Королевым он получил значительную дозу облучения. После этого он проходил лечение в Карловых Варах, сумел справиться с последствиями лучевой болезни и прожил еще многие десятилетия.

**Борис Белицкий и Сергей Королев в Карловых Варах.
Чехословакия, 1960-е годы**

**Борис Михайлович играет в волейбол.
г. Москва, середина 1960-х.
Фото из семейного архива Белицких**

Дедушка крайне редко рассказывал о своей профессиональной деятельности, но из тех воспоминаний, я знаю, что он работал на оборону СССР под руководством академика Михаила Кузьмича Янгеля, своего земляка из Иркутской области. Одним из его многочисленных проектов стала разработка межконтинентальной баллистической ракеты Р-36М «Воевода», одной из самых мощных в мире.

До конца дней дедушка сохранял ясность мышления и точность расчетов. Даже в возрасте 88 лет он продолжал учиться новому, интересовался технологиями и оставался удивительно собранным. И при этом его невозможно было назвать сухим технарем. Он был не только физи-

ком, запуская людей в космос, но и лириком, пишущим стихи. Он всегда был душой компании, путешественником, покорявшим горы, спортсменом и заботливым главой семейства, оберегающим своей любовью семью от тех тягот, которые пережил сам.

Дедушка всегда был молод душой, каждое утро, вне зависимости от погоды и самочувствия, он выходил делать зарядку на улице, еженедельно посещал бассейн, был за рулем до конца жизни. Каждую зиму он катался на лыжах, каждое лето играл в волейбол. До своих 70 лет дедушка катался на роликах, почти так же, как когда-то его мама, моя юная прабабушка Соня, запечатленная на фотографии иркутского фотоателье в роликовых коньках в 1912 г.

Но эта преемственность поколений прослеживается не только в образе жизни. Иногда мне кажется, что в судьбах прадеда и деда отразились две разные, но внутренне родственные линии служения стране. Михаил Осипович – санитар на передовой Сталинграда, вытаскивающий раненых из-под огня. Борис Михайлович – ученый, работающий над ракетами и космическими программами, обеспечивающими безопасность и технологическое будущее страны. Один держал в руках бинты и носилки, другой – формулы и расчеты. Но оба жили с одинаковым чувством ответственности.

Прадедущка защищал страну в окопах, дедушка – в лабораториях и конструкторских бюро, на ракетных полигонах и космодромах. Война для одного была оглушительной реальностью, для другого – тяжелой памятью детства, которая, возможно, и определила его путь. И в этом есть удивительная преемственность от отца к сыну, от оглушительной канонады и огня Сталинграда – к грохоту взлетающих в звездное небо ракет.

Когда я перечитываю письма прадеда, я думаю о том, что он не мог знать, каким станет его младший сын. Он не знал, что тот будет работать с академиком Королевым, участвовать в создании ракет и станет частью эпохи покорения космоса. Но в его словах — в требовательном «подтянись» и в нежном «Бобочка» — уже слышится вера в будущее. Вера в то, что жизнь продолжится, что дети вырастут, что страна будет жить дальше. И, возможно, именно эта вера и стала той невидимой нитью, которая связала фронтовое письмо 1943 г. с научными расчетами послевоенных десятилетий.

Однако самым выразительным в этом письме оказываются не слова, а умолчания.

«Сонечка у соседа, который живет напротив, так у тов. Софиева [неразборчиво], ты можешь узнать о нашей поездке. Когда он был ранен, я действительно заходил в ту школу, где он лежал, и помогал подбирать раненых, а через некоторое время уехали дальше. Очень жаль товарища Мидлера. Сонечка из госпиталя я выписался 9 января 43 и опять приступил к работе, сейчас чувствую себя хорошо, здоров».

Фронтовая реальность прорывается в текст обрывками и намеками. Упомянув, что заходил в школу, где лежал раненый сосед, Михаил Осипович тут же возвращается к бытовым подробностям. А короткая фраза «очень жаль товарища Мидлера» становится единственным, скупым памятником погибшему другу. Вся тяжесть утрат, кровь и ужас войны остаются за пределами письма, заслоненные заботами о дровах, свете и школьных успехах детей.

Финальные строки «Целую вас крепко-крепко, ваш папа. Жду от

Документ из архива Память народа. Отдел ВК по г. Раменское, Жуковский, Бронницы и Раменскому р-ну (<https://m.pamyat-naroda.ru>)

вас письма без задержки» звучат не как формальная концовка, а как самая важная просьба. В ожидании этих писем из нормальной, мирной жизни и заключалась та внутренняя сила, которая позволяла ему, несмотря ни на что, «все же думать вернуться».

Это письмо – не рассказ о героизме в высоком, парадном смысле. Это документ человеческого выживания, в котором долг перед Родиной неотделим от тоски по дому и мечты о тишине у родного очага.

Прадедущка был ранен в ноги, и долгое время в нашей семье считалось, что он умер именно от ран. Однако найденные и сравнительно недавно обнародованные архивные документы позволили мне по-новому взглянуть на обстоятельства его гибели и прийти к иным выводам.

В документах о смерти Михаила Осиповича причина смерти указана под грифом военной цензуры, поэтому на сканах военных документов, даже не видно истинную причину. Это вызывает вопросы: гибель от ранений в условиях Сталинградской битвы вряд ли требовала бы сокрытия. При этом в шапке документа указано, что он скончался не в полевом госпитале, а в инфекционном госпитале № 4190 в феврале 1943 г.

Особое значение имеет акт обследования медико-санитарного

батальона № 296 от 16 февраля 1943 г. бригадиром Северина, который до недавнего времени оставался засекреченным (ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 1575. Д. 6. Л. 8, 8 об.). В нем описывается тяжелая обстановка в медицинских частях: разруха, отсутствие четкой сортировки тифозных больных и незараженных раненых, фактический распад санитарного контроля. Документ фиксирует системный кризис в работе медсанбата в условиях крайнего напряжения после Сталинградской битвы. Нарушения носили не частный, а всеобъемлющий характер: отсутствовала сортировка поступающих, не функционировала баня, дезинфекционные камеры работали бесконтрольно. Все это создавало условия для возникновения вспышек сыпного тифа и массового распространения вшей.

Акт рисует картину войны на износ, когда при непрерывном потоке раненых, пленных и инфекционных больных госпиталь перестал справляться. Это свидетельство того, что даже на фоне стратегических побед тыловые медицинские подразделения могли находиться в состоянии, близком к коллапсу, где низкая дисциплина, человеческий фактор и конфликты умножали ужасы войны эпидемиями.

Учитывая засекреченность документов и совокупность обстоятельств, я могу предположить, что Михаил Осипович умер не от ранений, как мы считали ранее, а скорее всего от тифа. Точная дата его смерти остается неясной. В одном документе указано 10 февраля, в другом – 16-е февраля 1943 г. Это расхождение лишь подчеркивает

65519.

СТАТКАРТА на УМЕРШЕГО

Имя: Михаил Осипович

Фамилия: Белицкий

Дата смерти: 10 февраля 1943

Место смерти: г. Сталинград

Причина смерти: тиф

Возраст: 34 лет

Род занятий: бригадир

Образование: среднее

Служба: в Красной Армии

Звание: бригадир

Подпись: Художник

**Статкарта на умершего
Белицкого Михаила Осиповича.
Архив память народа**

6		10	2
Фамилия		Адрес	
Тип госпитализации (подчеркнуть): ППГ-1-й этаж, ППГ-2-й этаж, СГ, ИГ, ГЛМ, ИГ, фр. СГ, ВГ, Г ЛР, ИГ			
№ госпитализации		4190	
Имя		Фамилия	
Михаил		Осипов	
Год рождения		1901	
296 М.Б.		Отечество	
Семейная часть		Семейная часть	
Дата ранения для приказа		Дата поступления в армию	
10/12-47		9/12-43	
Дата смерти		Дата поступления в армию	
Датировка календарная		Датировка календарная	
Датировка календарная		Датировка календарная	

Статкарта на умершего
Белицкого Михаила Осиповича
Архив «Память народа»

фронт, несмотря на серьезные физические ограничения, переучился на санитаря и сознательно выбрал путь служения. Он не отступал перед трудностями и смертельной опасностью и учил этому своих сыновей.

Мой прадедушка погиб как герой, защищая свою страну. Он похоронен в братской могиле на хуторе Краснодонский, Иловлинского района в Волгоградской области. И пусть я не знаю точного места и даже точной даты его рождения, я точно знаю главное: он был настоящим героем, заботливым отцом и любящим мужем.

атмосферу разрухи и неразберихи того времени.

При этом обе даты выглядят символично. 10 февраля, спустя двадцать два года, родится его внучка Марина, моя мама. Она никогда не увидит своего деда, но будет знать, что он был героем. Если же датой смерти считать 16 февраля, символизм становится еще более пронзительным. Акт бригаврача датирован именно этим числом, словно подводя трагический итог. И именно 16-го числа, 16 декабря 2020 г., через семьдесят семь лет, в возрасте 88 лет после тяжелой болезни, уйдет из жизни его младший сын, его Бобочка.

Для меня прадедушка всегда был и остается личным героем нашей семьи. Он ушел на

Братская могила, Волгоградская область, Иловлинский район, хутор Краснодонский, Центральная улица, наши дни. Фото взято из Яндекс карт (<https://core-pht-proxy.maps.yandex.ru>)

Источники

ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 1575. Д. 6. Л. 8, 8 об. – Письмо бригаврача тов. Северина начальнику ФЭП № 73 по материалам обследования медсанбата № 296. 16 февраля 1943 г.

Архив семьи Белицких-Мильтеров.

Документ из архива «Память народа». Отдел ВК по г. Раменское, Жуковский, Бронницы и Раменскому р-ну (<https://pamyat-naroda.ru>) – дата обращения 11 января 2026.

Статкарта на умершего Белицкого Михаила Осиповича получена на сайте «Память народа» <https://pamyat-naroda.ru>

Литература

Боевой состав Советской Армии. Ч. II: январь-декабрь 1942 года / Разраб. В. В. Гуркин, К.А. Маланьин; отв. ред. полк. А.Н. Грылев / Военно-научное управление ГШ. М.: Воениздат, 1966. 264 с.

Исаков И. И. Командиры мужают в боях. М.: Воениздат, 1968. 286 с.

И.В. Севастьянов

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В МОЕЙ СЕМЬЕ В КОНТЕКСТЕ АВТОЭТНОГРАФИИ

Статья посвящена рассказам моих родственников об отдельных событиях Великой Отечественной войны, которые выпали на их судьбы и отразились в их воспоминаниях, которые мне пришлось услышать в разные периоды собственной жизни. В их фокусе оказались наступление гитлеровских войск на СССР в июне 1941 г., оккупация Белорусской ССР войсками интервентов, освобождение Белорусской ССР от гитлеровцев. Анализируется влияние этих воспоминаний на самого автора статьи в контексте восприятия им Великой Отечественной войны, как одного из главных событий отечественной истории XX в.

МОЯ семейная память о Великой Отечественной войне во многом, и даже по преимуществу, опирается на рассказы моих кровных родственников: двоюродной бабушки, Нинел Георгиевны Браговской, и моего деда по матери, Эдуарда Георгиевича Браговского, оказавшихся еще в самом начале войны под немецкой оккупацией на территории Белоруссии (в то время Белорусской ССР). Оба моих деда (и по матери, и по отцу) были на войне, но они как-то не любили рассказывать о своем военном боевом опыте. Кроме того, войну прошел мой прадед по матери, но его я живым не застал и лично от него ничего по этой теме узнать просто не мог. Тем не менее, мое восприятие событий Великой Отечественной как определенной вехи в истории страны в значительной степени определяется рассказами моих родственников.

Можно сказать, что основным сюжетом и рефреном в этих рассказах была тема оккупации и последующего освобождения от врага Советской земли. Как уже говорилось выше, в самом начале войны мои родственники, дедушка (1925 г.р.) и его сестра (1927 г.р.), оказались на территории Белоруссии, которая одной из первых оказалась под ударом гитлеровских войск.

Тут следует кратко рассказать, кто есть кто из моих родственников,

о которых пойдет речь в этом повествовании. Прадед мой, Браговский Георгий Константинович (1899 г.р.), был уроженцем Литвы (местечко Кроже, Росенского уезда, Ковенской губ. бывш. Российской Империи), по социальному происхождению, согласно его краткой автобиографии, «из разорившихся дворян», с польско-литовскими этническими корнями (см. подробнее портал «Память народа»). Воевал в Гражданскую в коннице Буденного, прошел советско-финскую войну, дослужился до звания майора Красной Армии. В Гражданскую также воевал в Закавказье в составе 11-й армии. Там же, в г. Ахалкалаки, встретил свою будущую жену, Шушаник Амазасповну Диатян, армянку из семьи купцов 2-й гильдии (надо сказать, что в своем паспорте она потом была записана как Сусанна Гавриловна, поскольку, по словам родственников, «ее настоящего имени отчества здесь все равно никто выговорить не мог»). Ее родители, как мне рассказывали, были против того, чтоб она выходила замуж за заезжего и никому из них не знакомого красноармейца, и потому приданного ей не досталось. По сути, мой прадед просто увез ее из родного гнезда, когда его подразделению был дан приказ покинуть Ахалкалаки. Тем не менее, они прожили вместе всю жизнь и у них было двое детей: это собственно мой родной дед по материнской линии и его сестра, моя двоюродная бабушка.

В 1920-е годы они жили в г. Тбилиси, куда прадед был направлен как военный, и там его семья жила довольно долго, до конца 1920-х годов. Как рассказывал мой дед, до шести лет он говорил только по-грузински, поскольку это был язык двора и, в значительной степени, его родственников со стороны матери. Когда деду было неполных семь, семья переехала в Москву, поскольку отец его был переведен по службе в другой военный округ. Тут мой дед начисто позабыл грузинский язык и заговорил по-русски, как он, я помню, сам неоднократно признавался в разговорах со мной.

Между тем, перед самым началом войны семья моего прадеда оказалась в Литве, в г. Вильнюсе, куда он был направлен как кадровый офицер Красной армии как раз в 1940 г. Здесь прадед, по словам моего деда, пережил вооруженное покушение. «Стрелял в него один литовец, я сам это видел» – в таких примерно кратких словах был его рассказ об этом событии (Личный архив Севастьянова, 2025).

Но в день начала войны, 22 июня 1941 г., прадед и его семья оказались порознь, поскольку Г.К. Браговский находился на военных сборах под Москвой. Семье прадеда пришлось спешно бежать из Литвы. Как рассказывала моя двоюродная бабушка, они в великой спешке сели на поезд, который двигался из Вильнюса в сторону Белоруссии. Но проехав какое-то время, поезд внезапно остановился, и все замер-

**Г.К. Браговский и его жена, урожденная Ш.А. Диатян.
Москва, послевоенные годы**

ли в тревожном ожидании. Оказалось, что поезд остановили немецкие военные. Вначале никто не понимал происходящего, но очень скоро оказалось, что гитлеровцы закрывают все выходы из вагонов, поскольку решили сжечь поезд вместе со всеми его пассажирами. По словам бабушки, им как-то удалось выскочить из вагона и кинуться бежать от горящего поезда, что, судя по всему, удалось и многим другим пассажирам, поскольку немцы начали стрельбу по толпе вырвавшихся наружу. В этой страшной кровавой кутерьме и суматохе

они потерялись. Дальше их судьбы во время войны складывались порознь. Привожу слова бабушки: «Тут мы и потерялись, мама куда-то пропала, а мы с братом оказались все же вместе, и дальше после всего произошедшего нам пришлось вдвоем идти пешком, плохо понимая, куда мы вообще движемся. Скажу только, что оказались мы вскоре в районе г. Новогрудок, и это уже была Беларусь». Помню из всех рассказов, что им сутками пришлось идти пешком под открытым небом – хорошо еще, что было лето. Помню еще отрывочный рассказ моего деда об одном эпизоде их перехода по территории Белоруссии: «Дошли мы как-то до одного хутора и попросились там на ночлег. А эти там стоят двое здоровых таких лба в безрукавках на меху, поляки, и нам они: идите, идите дальше, мол, нечего тут... Потом правда нас одна женщина оттуда догнала и говорит: Да ладно, ничего, заходите – я вас проведу; а то ведь завтра немцы придут и нас так же прогонят» (Личный архив Севастьянова, 2025 г.).

В конце концов, мой дед и его сестра дошли до Бобруйска, где им удалось осесть у одной местной белорусской «хозяйки», как обычно в разговорах они ее и называли, приютившей их, видимо, из жалости. Не могу сказать точно, были ли уже на тот момент немецкие войска в Бобруйске, или они заняли его уже потом. Но, во всяком случае, именно там они проведут большую часть времени, которое пришлось на оккупацию врагом Белорусской ССР.

Рассказы об ужасах оккупации были также довольно скупы. Но кое-что все-таки проговаривалось, и определенная картина у меня в сознании все же сложилась. Так, например, это была тема уничтожения гитлеровцами гражданского населения (прежде всего еврейского) и тема голода.

Как известно, до войны на территории Белоруссии жило большое количество еврейского населения. Преимущественно оно было городским. Естественно, Бобруйск тут не был исключением, и в нем было немало евреев. Так, по рассказам моих старших родственников, сразу после прихода немцев евреи Бобруйска тут же начали открывать частные парикмахерские, мастерские и прочие заведения похожего профиля, относящиеся к категории мелкого бизнеса. Но вскоре немцы начали устраивать в Бобруйске массовые облавы на людей с целью последующего уничтожения еврейского населения города. Моя двоюродная бабушка нередко вспоминала, как попала в одну из таких облав: «У стены уже стояла, а кругом немцы с автоматами и собаками. Хорошо наша хозяйка с рынка тогда шла и меня случайно увидела. Пошла рассказала на кухню, где я тогда работала. Шеф-повар приехал на мотоцикле и меня оттуда забрал. А случись иначе, неизвестно, что бы вообще со

мной было» – так рассказывала об этом бабушка. Тут надо пояснить, что в тот момент она работала на немецкой кухне, где ей, еще ребенку, приходилось делать самую грязную работу. Шеф-поваром на этой кухне был немец по имени Ганс, который, расхаживая по кухне, распевал известный советский шлягер 1930-х годов «Все выше и выше, и выше...», и половником над головой вертел, как добавляла к этому воспоминанию моя бабушка (Личный архив Севастьянова, 2025 г.).

Другим ужасом оккупации был голод. Согласно рассказу деда, как раз в оккупированном Бобруйске, он, по его собственным словам, был готов просто «лечь и умереть от голода. Хорошо тогда сестра пришла, принесла мне с кухни картофельных очисток, я как-то стал приходить в себя» – в таких примерно словах он вспоминал об этом эпизоде из своей жизни (Личный архив Севастьянова, 2025 г.). Были упоминания о тех, кто просто сдавался под гнетом невыносимых условий жизни и умирал от голода или терял всякую способность сопротивления обстоятельствам.

Гитлеровцы нередко проводили в Бобруйске показательные казни партизан и подпольщиков. Для этого на центральной площади сооружали виселицы, где приговоры и приводили в исполнение. Мой дед рассказывал, что однажды ходил смотреть на такую казнь: «Вот думал, пойду, посмотрю, а то когда-нибудь и меня как подпольщика туда также отправят. Так там доску у них из-под ног вытаскивали – и все. Все на веревках повисли. Это показательные расправы были» (Личный архив Севастьянова, 2025 г.).

Надо сказать, что в тот момент никто из них (я имею ввиду моего деда с его сестрой) ничего и не знал о судьбе их матери после того злополучного происшествия с поездом из Литвы. Между тем, как уже стало известно после окончания войны, она попала в партизанский отряд, который действовал на территории Белоруссии. По образованию она была врачом, и ее навыки пригодились тамошним партизанам. Уже после победы над фашистской Германией, она оказалась в восточной части этой страны, занятой войсками Красной Армии, в одном немецком городе. Там она случайно узнала, что комендантом этого города является майор с очень знакомыми ей именем и фамилией: Браговский Георгий Константинович. Как рассказывали у нас в семье, она тут же направилась в военную комендатуру и стала требовать встречи с ним: мол, я его жена и очень хочу его увидеть. Поскольку прадеда на тот момент на месте не оказалось, она попросила, чтобы ее оставили подождать в кабинете коменданта – бывшие там на тот момент военные согласились. Когда прадед вернулся, ему тут же доложили, что так-то и так – вас ваша жена ожидает в кабинете. Прадед сначала, как говорили, рассердился: «Какая жена!? У меня вся семья

**Чета Браговских с семьей друга-однополчанина.
Москва, послевоенные годы**

в войну погибла! Шпионку в штаб пустили!» Входит в кабинет, а там действительно она! Шушаник! Их общие эмоции, думаю, тут описать будет трудно.

Когда началось освобождение Красной Армией территории Белоруссии, мои родственники продолжали оставаться в Бобруйске. Но перед началом освобождения самого города им оттуда удалось бежать, поскольку, как рассказывала сестра моего деда, по Бобруйску и его окрестностям нещадно работали «Катюши», выбивая оттуда гитлеровских оккупантов.

Когда эта часть Белоруссии была освобождена, судьба моего деда могла бы вновь принять весьма драматический оборот, поскольку, как рассказывал он сам, его вначале хотели определить в «штрафбат». Сказался тот факт, что он, опять же независимо от своей воли, оказался в оккупации. Но все же провидению видимо было угодно распорядиться иначе, и, благодаря счастливому стечению обстоятельств, его оставили художником при воинской части, рисовать агитационные плакаты и портреты Сталина. Сыграло роль начальное художественное образование, полученное им еще до войны.

Следует сказать, что после окончания войны семья воссоединилась не сразу. Дети и их родители тогда еще не знали, где кто из них находится, и живы ли они вообще. Тем не менее, пройдя все бедствия и ужасы войны и оккупации, членам их семьи было суждено вновь увидеть друг друга, когда настало мирное время.

Что касается моего деда и его сестры, то сразу после окончания войны, они оказались в Москве, поскольку там, в доме, находящемся в Георгиевском переулке (это самый центр города), жили их родственники с материнской стороны. Вскоре в Москве оказались и их родители, мои прадед с прабабушкой. Поселились они тогда в коммуналке на улице Воровского, в районе Арбата (ныне это Поварская). Насколько я знаю, прадед после войны работал слесарем в здании Центрального Телеграфа (он ушел на войну майором и вернулся оттуда с тем же воинским званием). Он больше уже не состоял в компартии, откуда его исключили в 1937 г. из-за «дворянского происхождения», указанного в его автобиографии (Личный архив Севастьянова, 2025 г.). Прабабушка работала зубным врачом. Мой дед продолжил карьеру художника. Его сестра стала врачом-эпидемиологом.

Именно из ее рассказов, по большей части, я и узнал о том, как они все пережили эту войну. Прадеда своего я просто не застал живым и не мог ничего от него услышать. Поэтому о той части его биографии, которая пришлась на время войны, я почти ничего не знаю. Слышал только то, что он «несколько раз выходил из окружения». Был награжден орденом Отечественной войны 1 степени, медалью «За боевые заслуги», медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Еще, согласно семейным преданиям, было награждение орденом Красной Звезды, который вроде бы не дошел до него, поскольку прадед тогда находился в госпитале. Был у него и нагрудный знак «Гвардия». Большая часть его наград сейчас хранится в нашей семье.

Думаю, все эти семейные рассказы о Великой Отечественной не могли не породить у меня своеобразной рефлексии по поводу услышанного. Тем более, что эти рассказы сопровождали меня довольно заметный отрезок моей сознательной жизни.

Во-первых, могу сказать, что во многом это способствовало тому, что Великая Отечественная война стала восприниматься мной не только, как и судьбоносная точка в истории нашей семьи, но и как краеугольное событие в истории нашей страны XX века. Рассказы очевидцев, в отличие от сухого изложения на страницах учебников, всегда способствуют особому, можно сказать, живому восприятию событий прошлого, пусть даже сам не был им свидетелем.

Во-вторых, как мне кажется, результатом рефлексии памяти о Великой Отечественной, выраженной в семейных воспоминаниях о тех событиях, стало мое неприятие определенных идеологических построений, связанных с толкованием опыта той войны. Зная об ужасах оккупации от непосредственных свидетелей и участников тех событий, вряд ли впредь станешь рассуждать об этих вещах в том духе, что мол «ну победили бы немцы – пили бы сейчас “Баварское”» и т. п.

Как показывают последние исторические исследования специалистов по этой теме, война нацистской Германии против СССР была войной на уничтожение. И это касалось, в том числе, и гражданского населения, одним из способов уничтожения которого, было инициирование гитлеровцами голода на оккупированных ими территориях Советского Союза (Яковлев, 2024; Димблби, 2025). Не говоря уже о том, что определенные категории населения (в т.ч. этнические) подлежали полному истреблению. Все эти моменты по-своему находят себе подтверждения в воспоминаниях моих родственников о войне и оккупации. Их истории об этих событиях я знаю, по большей части из рассказов моей двоюродной бабушки, Браговской Нинел Георгиевны, видевшей все это вживую, как и мой дед, но куда чаще, чем он, возвращавшейся к своим воспоминаниям о прошедшем.

Литература

Личный архив И. Севастьянова, 2025

Память народа. <https://pamyat-naroda.ru/> - (дата обращения – 29.12.2025).

Димблби Д. Операция «Барбаросса». Начало конца нацистской Германии. М.:

Альпина нон-фикшн, 2025. 828 с.

Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб.: Питер, 2024. 480 с.

Х.М. Турьинская

МОГИЛЬНИКОВЫ И ВАНИНЫ – КРАСНОТУРЬИНСКИЕ И СЕРОВСКИЕ ВЕТЕРАНЫ

Статья посвящена рассказу о деде автора А.М. Могильникове (1921–2002), коренном уральце, потомке горнозаводских людей и его родных. Накануне войны Анатолий Максимович был призван на Дальний Восток, участвовал связистом в войне с Японией. Награжден орденом Отечественной войны, медалями. После войны работал механиком на Богословском алюминиевом заводе в Краснотурьинске. Его братья: Георгий погиб под Витебском, Василий прошел от Курской дуги до Берлина. Братья бабушки (Ванины) Владимир и Борис также пали на фронте, а их сестра Елизавета служила операционной медсестрой в эвакогоспитале. Автор выросла под опекой деда, который помог получить образование. Для нее он — пример скромного героя-победителя.

ХОТЕЛОСЬ бы рассказать о моем деде по материнской линии, русском советском человеке, фронтовике-ветеране Великой Отечественной войны Анатолии Максимовиче Могильникове и о других старших родственниках, русских советских людях, северноральцах, силами которых одержана Великая Победа – о краснотурьинских и серовских участниках войны.

Дедушка Анатолий Максимович родился в 1921 г. в Турьинских рудниках, в то время горняцком поселке. До революции поселок относился к Верхотурскому уезду Пермской губернии. С 1944 г. это Краснотурьинск, город областного подчинения в Свердловской области, промышленный, образовательный и культурный центр Северного Урала. Расположен город на реке Турье (правом притоке р. Сосьва), название которой – мансийского происхождения. Отсюда родом наши известные ученые А.С. Попов⁴⁸ и А.П. Карпинский⁴⁹. Численность населения

⁴⁸ Александр Степанович Попов (1859–1905) – один из изобретателей радио, русский ученый-физик и электротехник, автор работ по беспроволочной телеграфии и др.

⁴⁹ Александр Петрович Карпинский (1847–1936) – русский и советский геолог, палеонтолог, горный инженер, первый выборный президент АН СССР; его именем назван соседний с Краснотурьинском город Карпинск Свердловской области, в прошлом Богословск. При жизни носил почетный титул «Отца русской геологии».

города в последние десятилетия сокращается; своего максимума она достигала в конце советской эпохи, в 1987 г., и составляла свыше 67 тыс. чел. Расцвет Краснотурьинска пришелся на времена СССР, а при капитализме происходит его угасание, как и других моногородов в РФ. Помимо русских, украинцев, белорусов, татар, башкир и чувашей значительный процент населения города составляли советские немцы и их потомки, некоторые из них впоследствии уехали в Германию.

Накануне войны, в 1940 г., здесь на базе открытого в 1931 г. месторождения бокситов

начал строиться Богословский алюминиевый завод (БАЗ), давший первый алюминий в День Победы, 9 мая 1945 г. Завод и город превратились во всесоюзную комсомольскую стройку. БАЗ был и остается градообразующим предприятием Краснотурьинска. Город сравнивали с Ленинградом благодаря регулярной планировке, архитектуре новых зданий и «белым ночам», да и находится Краснотурьинск на той же широте, что и северная столица. Краснотурьинск может дать богатый и живой материал по истории и антропологии российского моногорода.

Дед называл местных коренных жителей «бурундуками». Выяснилось, что этот термин действительно употребляется в народе как самоназвание. В настоящее время созрел отдельный «культ» бурундука, появился локальный бренд, а миф о местных-коренных-бурундуках активно продвигается в городе. Открыт даже специальный «Бурундук-парк». Меня дед иногда также называл «бурундучкой», хотя я родилась в Москве. Но сам он был настоящим «уральским бурундуком», потомком

Анатолий Максимович Могильников.
г. Краснотурьинск, после войны

**Командир отделения автобронетанковых войск
Владимир Егорович Ванин. До 1943 г.**

местных представителей «сословия горнозаводских людей». Дедушкин отец Максим Семенович Могильников был горняком.

Еще перед началом Великой Отечественной войны дед был призван на действительную военную службу, оказался на Дальнем Востоке, и, когда война началась, был оставлен служить в том же регионе. Участвовал в войне с Японией на заключительном этапе Второй мировой войны, был связистом. В его рассказах о войне звучали такие географические названия, как Буйр-Нур («огромное озеро с прозрачной водой»), Чой-

**Елизавета Георгиевна Питателева.
г. Хадыженск Апшеронского района
Краснодарского края, 1980 г.**

балсан, Керулен. Речь шла о восточных районах Монголии и границе с Китаем. У деда было много боевых наград, среди которых орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За победу над Японией». Впоследствии орденские планки он заказывал в магазине «Военторг», когда приезжал к нам в Москву погостить. Там же покупал себе военные сорочки.

Когда Анатолий Максимович вернулся с войны, то сразу получил средне-техническое профессиональное образование, затем вплоть до выхода на заслуженный отдых проработал механиком в структурных подразделениях БАЗа, в том числе на вредном производстве. Вскоре после возвращения с войны дед женился на моей бабушке Октябрине Георгиевне Ваниной, 1925 г.р. Она была родом из соседнего города Серова (бывший Надеждинск), также крупного промышленного и культурного центра Свердловской области, где в настоящее время тоже наблюдается естественная убыль населения. У них родилась дочь Надежда (моя мама) и сын Борис. В послевоенной жизни моего деда был краткий период военной службы – уже в мирное время. В начале 1950-х он вместе

Бабушка, я и дедушка. г. Краснотурьинск, 1986 г.

с семьей жил в Советской Гавани (город в Хабаровском крае), где нес офицерскую службу. Был членом КПСС.

Дедушкин брат Георгий, средний из трех братьев, 1918 г.р., призван в 1938 г. На фронте был младшим офицером, комсомольцем и кандидатом в члены ВКПб, погиб под Витебском в марте 1944 г. Боевой путь дедушкиного старшего брата протянулся от Курской дуги до Берлина. Василий Максимович, 1916 г.р., участвовал в том числе в Берлинской наступательной операции, был заместителем командира батальона по политчасти, награжден орденами и медалями. После военной службы вернулся в Краснотурьинск. Был членом КПСС, работал в органах советской власти города.

Два бабушкиных брата – а всего в семье Ваниных было пятеро детей – воины-металлурги, служили и погибли на войне. Владимир, 1918 г.р., в первые месяцы войны оказался на Дальнем Востоке, а затем его перевели на запад. Убит в январе 1944 г. в Житомирской области. Борис, 1923 г.р., призван в 1943 г., погиб в Витебском районе в январе 1944 г. Сохранились их письма на имя матери – Татьяны Александровны Ваниной. Владимир сохраняет спокойствие, самообладание и в начале вой-

ны пишет, что в военное время необходимо соблюдать дисциплину, это – «основное в РККА⁵⁰». Никакой паники.

Из пятерых детей у моей прабабушки Ванихи остались трое. Моя бабушка и младший бабушкин брат Иван Егорович, 1928 г.р., находились в тылу по возрасту. Бабушкина старшая сестра Елизавета Георгиевна (впоследствии Питателева по мужу), 1920 г.р., уже во время войны состояла в ВКПб, была медицинской сестрой операционного отделения эвакуационного госпиталя, служила на Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах, получила медаль «За боевые заслуги». Благодарю

мою сестру Екатерину Филимонову, внучку Ивана Егоровича Ванина, за помощь в поиске информации о наших родных.

Бабушку Октябрину Георгиевну родные и близкие неофициально называли Татьяной Егоровной. Во время войны она работала на одном из местных предприятий, вместе с другими советскими людьми приближала Победу. После того, как перебралась в Краснотурьинск, работала «в швейной» (ателье). Моя мама училась и работала в Краснотурьинске, затем трудилась на заводе в Тольятти и, наконец, нашла работу «по лимиту» на ситценабивной фабрике в Москве. Дед для меня, «безотцовщины», был вместо отца. Он хлопотал, когда нужно было определить меня в детский сад в Краснотурьинске, когда мама в Москве заболела. Он снова хлопотал, чтобы меня взяли в «английскую спецшколу» по месту жительства в Москве. Авторитет ветерана войны и члена пар-

**Мама в период учебы в техникуме.
г. Краснотурьинск, начало 1960-х.**

⁵⁰ РККА – Рабоче-крестьянская красная армия.

тии в СССР был непререкаем. Потом дед искренне радовался, когда я поступила на истфак МГУ в 1994 г. Если бы не советский социализм и если бы не поддержка со стороны дедушки и бабушки, я бы не смогла получить образование.

Могильниковы вели подсобное хозяйство в «старой части» (старые деревянные дома с земельными участками в частном секторе) Красно-турьинска, впоследствии дед и бабушка стали жить в полученной от государства однокомнатной квартире в панельной «хрущевке» в Заречном районе, но продолжали ездить через весь город и заниматься огородом. Дед по молодости был футболистом, играл на трубе в оркестре. И уже будучи на пенсии, ходил в тайгу за грибами, ягодами, кедровыми шишками. Для сбора даров леса тогда использовали (и в наши дни используют) металлические пайвы (ср. сев.-рус. и финно-угорск. большие плетеные берестяные заплечные короба/пестери/пайбы на лямках). Любил рыбачить. Интересовался политикой, спортом, занимал активную жизненную позицию.

Дедушка Анатолий Максимович умер в 2002 г., пережив бабушку почти на шесть лет. Жалею, что слишком мало общалась с дедом, мало расспрашивала, особенно о военных годах. Надеюсь, этот короткий очерк поможет оставить в памяти поколения жизненный и боевой путь хотя бы некоторых славных и скромных героев-победителей, ветеранов Великой Отечественной войны советского народа.

А.А. Юрин, Е.А. Юрина

ПОЛКОВНИК АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЮРИН: ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГЕРОЙ НАШЕЙ СЕМЬИ

Данная статья – это дань памяти Герою Советского Союза полковнику Алексею Николаевичу Юрину. В работе собрана информация о его биографии, боевом пути и увековечении памяти. При написании работы были использованы документы и фотоматериалы из Фондов Трубчевского музея и планетария, статьи, монографии, публикации документов и литература, в которой мог упоминаться А.Н. Юрин, интернет-источники, а также семейный архив Юриных. В работе впервые были собраны воедино из разных источников биографические данные об А.Н. Юрине, а также изложены семейные предания и воспоминания, которые раньше не были нигде зафиксированы.

Ранние годы жизни и начало военной службы

Алексей Николаевич Юрин родился 5 (18) марта 1905 г. в городе Трубчевске, тогда Орловской губернии (ныне – Брянской области). О ранних годах жизни почти ничего не известно. Он был из рабочей семьи. Известно, что его мать работала прядильщицей на ткацкой фабрике, а отец рабочим на заводе. С 14 лет Алексей Николаевич сам начал трудиться (Старые фотографии о герое войны, 2019).

Трубчевск – один из древнейших русских городов, упомянут в «Слове о полку Игореве». Он разрушался во время монголо-татарского нашествия, попадал под власть Литовского княжества и Речи Посполитой, во времена Екатерины II был перестроен по Генеральному плану. В XVIII – XIX вв. здесь развивалась промышленность и торговля, но без железной дороги и удобных водных путей город так и не стал крупным промышленным центром. Сейчас в нем всего 14 тысяч жителей.

В начале XX в. Трубчевск был одним из тысяч маленьких городков. В годы Первой мировой войны он не был оккупирован противником, но фронт был недалеко. После Брестского мира, когда большая часть территории на западе России оказалась оккупированной немцами, Трубчевск стал фактически пограничным городом. В апреле 1918 г.

здесь разместился штаб 14 армии, воевавшей с армией Деникина. Все эти события не могли пройти мимо А.Н. Юрина. Оставшись круглым сиротой, в марте 1921 г. в возрасте 16 лет он вступил в Красную Армию (Мельников, 2018, с. 334).

А.Н. Юрин пытался поступить на Витебские пехотные курсы. Однако в силу возраста он не сразу был зачислен курсантом и выполнял различные поручения хозяйственной команды. Но уже через год он стал курсантом, а в 1923 г. поступил на Могилевские командные курсы. В сентябре 1923 г. он стал исполнять обязанности командира взвода в 18-м Курском стрелковом полку 6-й Орловской стрелковой дивизии Московского военного округа, а в 1925 г., в двадцатилетнем возрасте стал командиром стрелковой роты.

В 1926 г. А.Н. Юрин стал членом ВКП(б). В предвоенные годы он служил на Северном Кавказе в различных частях – в основном в 82-й Горно-стрелковой дивизии, и не переставал повышать свою квалификацию. В середине 1930-х годов он женился на Марии Григорьевне Грановской, у них родилось трое детей – Юрий, Олег и Владислав.

Когда в армии начались репрессии, оставшиеся в строю командиры, не успев освоить занимаемую должность, выдвигались на вышестоящую. Так получилось и с Алексеем Николаевичем: всего несколько месяцев пробыв исполняющим обязанности командира полка, капитан А.Н. Юрин был назначен на должность начальника штаба 76-й горнострелковой дивизии (Мельников, 2018, с. 334).

В ноябре 1937 г. А.Н. Юрин поступил в Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе. После заочного обучения вернулся в дивизию и стал начальником штаба 84 стрелкового полка. С июня 1938 г. исполнял должность командира 83 горнострелкового полка, с января 1939 г. – начальник штаба 76 горнострелкового полка Закавказского военного округа. С 14 мая 1940 г. майор А.Н. Юрин – начальник штаба 149 стрелковой дивизии 30 стрелкового корпуса Орловского военного округа.

Боевой путь и подвиги А.Н. Юрина в годы Великой Отечественной войны

В начале Великой Отечественной войны 149 дивизия вошла в 28-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В.Я. Качалова. С 21 июля дивизия участвовала в Смоленском сражении. В конце июля – начале августа 1941 г. ее части вели ожесточенные бои юго-восточнее Починки Смоленской обл. Алексей Николаевич попал с дивизией в окружение, но смог с группой бойцов вырваться из него (Цит. по: Мельников, 2018, с. 335).

В сентябре 1941 г. майор Юрин был направлен в Москву, где участвовал в формировании 4 дивизии народного ополчения Куйбышевского района Москвы, в которой он стал начальником штаба. Штаб формирования дивизии находился в Малом Козловском переулке, д. 3. Здесь располагалась школа № 310. Сейчас здесь школа № 1621 «Лаудер Эц-Хаим». На ней есть две мемориальные таблички, посвященные этому событию.

После преобразования 4 дивизии Народного ополчения в 110 стрелковую майор Юрин продолжал оставаться начальником ее штаба. Части дивизии в составе 31 армии Резервного фронта (под командованием генерал-майора В.А. Юшкевича) вели жесточайшие бои на Ржевском направлении. В начале октября дивизия была переброшена на Наро-фоминское направление, где вошла в 33 армию Западного фронта (под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова).

С самой лучшей стороны проявил себя А.Н. Юрин в дни наступления противника под Наро-Фоминском в начале декабря 1941 г. 1 декабря дивизия приняла на себя страшный удар врага и понесла большие потери. Майор Юрин не только командовал штабом дивизии, но и лично возглавлял контратаки. Он находился в 1287 стрелковом полку, в котором были убиты командир, комиссар и почти весь командный состав. Он привел в боевой порядок поредевшие подразделения, а утром 2 декабря организовал контратаку. Наступление противника было задержано. 5 декабря началось общее контрнаступление Красной Армии под Москвой. За этот бой майор Юрин был награжден орденом Красного Знамени (Мельников, 2018, с. 336).

**А.Н. Юрин (слева) с боевым товарищем.
1941–1942 г. Архив семьи Юриных**

**Делегация из Москвы на Западном фронте. 1942 г. (в центре А.Н. Юрин).
Фонды МБУК «Трубчевский музей и планетарий», б/н.**

До июня 1942 г. дивизия вела тяжелые бои в окружении в районе Вязьмы. В августе полковник А.Н. Юрин стал ее временным командиром, но в сентябре он был назначен заместителем командира 113 дивизии. С декабря 1942 г. исполнял должность зам. начальника штаба 33 армии Западного фронта, участвовал в планировании боевых действий армии в Ржевско-Вяземской и Смоленской наступательных операциях. Известно, что как минимум дважды к нему на фронт приезжала жена Мария Григорьевна, в том числе в составе делегации московских трудящихся, шефствовавших над дивизией. В трубчевском музее хранятся фронтовые фотографии, запечатлевшие бойцов дивизии и гостей из Москвы.

В апреле 1944 г. полковник А.Н. Юрин стал командиром 222-й стрелковой дивизии в составе 33 армии Второго Белорусского фронта. Под его командованием 222-я дивизия получила наименование Смоленской и была награждена Орденом Красного Знамени (Старые фотографии о герою войны, 2019).

В июне 1944 г. началась операция «Багратион» по освобождению Белоруссии. В общем наступлении Красной Армии, которое показывают на картах красными стрелками, есть и тоненькая стрелочка, которую сделала дивизия А.Н. Юрина. В ходе операции части 222 дивизии про-

рвали оборону противника на р. Проня и форсировали р. Днепр севернее Могилева. За время боев дивизия под командованием А.Н. Юрина уничтожила восемь танков, бронемашину, два десятка орудий, шесть минометов, 37 автомашин, большое количество живой силы противника. За высокое военное искусство и личное мужество в ходе этой операции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21.7.1944 г. А.Н. Юрину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через пять дней, 26 июля полковник А.Н. Юрин погиб во время артиллерийского обстрела при форсировании р. Неман в районе пос. Бальберишкис Пренайского района Литвы. Алексей Николаевич похоронен в Минске, на Военном кладбище.

В нашей семье хранится фотография, на которой А.Н. Юрин изображен со Звездой Героя Советского Союза. Однако эту Звезду он не мог успеть получить. Остается невыясненным: или Алексей Николаевич попросил у кого-то награду, чтобы послать снимок семье, или фото откорректировано с помощью фотомонтажа.

В нашем распоряжении есть статья трубчевского краеведа, долгие годы работавшего директором Трубчевского музея, В.А. Падина в газете «Знамя Октября». Точную дату публикации, к сожалению, сотрудники музея не смогли установить. В ней говорится, что полковник Юрин был представлен к званию генерал-майора. В более поздней статье сотрудников Трубчевского музея упоминается, что необходимые документы в военном Совете 33-й армии были подготовлены еще в феврале 1944 г. (Старые фотографии о герое войны, 2019). Возможно, при обращении

**Письмо Президиума Верховного Совета СССР М.Г. Грановской.
26 августа 1944 года. Фотокопия хранится
в архиве семьи Юриных**

**Мария Григорьевна Грановская,
вдова А.Н. Юрина, у обелиска на могиле мужа.
1970-е годы. Архив семьи Юриных**

лось найти его характеристику, написанную начальником политотдела 110-й дивизии в 1942 г.: «...Худощавая фигура, ...сухое, ангельского типа лицо, но стоит вступить с ним в беседу, лицо оживляется, а когда он рассказывает кому-нибудь об удачной боевой операции, на его лице появляется чисто русская улыбка, веселая и простая, весь его облик выражает удаль русского человека»⁵¹.

Он был настоящим солдатом. За несколько дней до гибели он пи-

в Архив Министерства обороны, нам удастся убедиться в этом. До генеральского звания А.Н. Юрин не дожил. Но в г. Трубчевске улица, на которой он родился, называется «Улица Генерала Юрина» (Падин, б/д).

Личность

Каким человеком был Алексей Николаевич Юрин? До войны, по воспоминаниям М.Г. Грановской, которые слышал ее внук, А.О. Юрин, Алексей Николаевич любил рисовать. Редкие свободные от службы часы он проводил на природе с мольбертом. Увлекался и конным спортом, имел много призов по джигитовке. Но во время войны все эти увлечения отошли на второй план. Все его мысли и действия были посвящены военному искусству. Нам уда-

⁵¹ Отрывок и фото документа опубликованы в открытом доступе на форуме «Поугорье. По следам 110-й стрелковой дивизии» в 2017 г. Цитируется с разрешения администраторов форума.

сал жене: «Я удовлетворен и горжусь тем, что также являюсь участником этой героической битвы и что мои труды <...> принесут пользу России» (Судьбы, сложенные в треугольник, б/д). В письме, которое послали сослуживцы вдове А.Н. Юрина, отмечалось: «Алексей Николаевич был прекрасным командиром <...>, закаленным в наступательных боях, волевым, инициативным и бесстрашным, хорошо знающим душу солдата. Алексей Николаевич не боялся опасности, он всегда сам лично бывал на самых ответственных участках боя» (Там же).

Тяжелые юные годы, конечно же, оставили отпечаток на его характере. Трезвый ум сочетался в нем с горячим темпераментом. Был он достаточно жестким человеком, требовавшим выполнять правила воинской дисциплины. Но при этом и сам служил примером для своих подчиненных, заботился о солдатах и следил, чтобы их обеспечивали качественным довольствием. Методы воспитания у него были простые, мужицкие. В начале 1980-х годов А.О. Юрин ходил со своим отцом 9 мая в Измайловский парк и встречался с ветеранами 222 дивизии. Один старый солдат рассказал ему такую историю. Он служил снабженцем в дивизии А.Н. Юрина. Однажды, когда он получил несвежие продукты, многие солдаты и офицеры получили расстройство желудка. «Захожу я к нему, а он дубинку строгаёт! Не успел я убежать, очень больно было... Навсегда я твоего дедушку запомнил!» (Устные воспоминания А.О. Юрина).

Так же он воспитывал и своих сыновей. А.О. Юрин слышал от своего отца, что приезжая домой, Алексей Николаевич первым делом порол сыновей. А потом выяснял, было ли за что пороть. И если было, то добавлял еще. А «наказывать» было за что – старшего сына, Юрия, несколько раз в Москве ловила милиция. Он пытался сбежать на фронт,

**Гвардии полковник А.Н. Юрин
со Звездой Героя Советского Союза.
Фотокопия, хранится в архиве семьи
Юриных. Литва, июль 1944 г.**

**Барнаул, ул. Юрина. Мемориальная доска в честь А.Н. Юрина.
Фото сделано Е. Колтыгиной (Барнаул) по просьбе Е. Юриной. 2021 г.**

чтобы помогать отцу воевать.

В семейном архиве хранится письмо, написанное рукой полковника Юрина 29 марта 1943 г. Оно адресовано секретарю Куйбышевского райкома ВКП(б) Надежде Михайловне Шаховой, которая непосредственно по партийной линии занималась формированием 4-й дивизии Народного ополчения (Подробнее о Н.М. Шаховой см.: Как формировалась 4 дивизия..., б/д). Из письма видно, как он любил свою бывшую дивизию, старался, чтобы ее сделали гвардейской, стремился помочь людям, которые его окружали. Письмо было передано не по официальной почте: на нем нет штампа военной цензуры, и само письмо сложено не обычным «фронтовым треугольником», а просто вчетверо. В мае 110-ю дивизию переформировали в 84-ю стрелковую дивизию, и тогда ей было присвоено звание Гвардейской.

Память

Имя Алексея Николаевича Юрина увековечено в Книге Памяти Брянской области. В городе Орле в честь А.Н. Юрина, как уроженца Орловской губернии, названа улица (Их именами названы..., б/д). В Бар-

**Правнук и внук А.Н. Юрина у его бюста на Алее Героев в г. Трубчевске.
Июнь 2019 г. Фото Е.А. Юриной**

науле есть улица Юрина (Кочетов, 1984), на ней есть мемориальная доска, посвященная ему. Мы не нашли документов, свидетельствующих о том, что А.Н. Юрин бывал в Барнауле, но из писем ясно, что в 1943–1944 гг. там проживала Мария Григорьевна с детьми (Судьбы, сложенные в треугольник, б/д). В городе Трубчевске есть Улица Генерала Юрина; на Аллее Героев ему установлен памятник. Его имя увековечено в Зале Славы в Музее Победы на Поклонной горе в г. Москве, а также в военном зале Краеведческого музея в Брянске.

Алексей Николаевич не дожил до Великой Победы, но своими подвигами он приближал ее, как миллионы наших соотечественников. В Трубчевском музее хранятся материалы о А.Н. Юрине. Связавшись с сотрудниками музея, мы получили от них копии фотографий и документов, которые в 1971 г. передала вдова героя Мария Григорьевна, а в 2015 г. – внучка А.Н. Юрина, Елена Владиславовна Юрина.

Летом 2019 г. мы совершили поездку в г. Трубчевск и посетили музей. Его сотрудники ознакомили нас с оригиналами некоторых документов, а также с экспозицией, на которой тоже представлена информация о Алексее Николаевиче. Недалеко от музея расположена Аллея Героев, на которой в 1985 г. в ознаменование 40-летия Победы были установлены памятники Героям Советского Союза – уроженцам города (Аллея Героев трубчан..., б/д).

Тихая зеленая улица, носящая имя Генерала Юрина, расположена на окраине города. Она застроена одноэтажными деревянными дома-

**Трубчевск. Один из домов на улице
Генерала Юрина. 2019 г.
Архив семьи Юриных**

ми, выглядит совсем по-сельски и заканчивается обрывом в овраг. Этот городской район называется Жучинская горка. Название, по одной из версий, хранит память о монгольском нашествии и улусе Джучи. Раньше улица называлась Монастырской, хотя монастырь, находившийся здесь, был закрыт еще при «секуляризации» в XVIII в. Дом, в котором родился Алексей Николаевич Юрин, не сохранился, и неизвестно, где именно он стоял. Город живет своей тихой размеренной жизнью и хранит память о героических страницах своей истории.

В ходе исследования нам удалось выявить и проанализировать документы из семейного архива, из собрания музея г. Трубчевска, архивные документы, опубликованные на разных сайтах, а также зафиксировать некоторые фрагменты истории нашей семьи. Эта работа помогла узнать и собрать воедино информацию о жизни, гибели и увековечения памяти Героя Советского Союза Алексея Юрина.

Источники и литература

Дмитриев О. Навечно в сердце народном // Брянский рабочий. 1976. 6 авг.

Книга Памяти. Брянская область. Брянск, 1995. Т. 10. С. 671.

Кочетов А.В. Их именами названы улицы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984. 191 с. Электронный ресурс: http://geroivoqna.blogspot.com/p/blog-page_28.html (дата обращения: 14 мая 2020 г.)

Мельников В.М. Наро-Фоминский прорыв. Неизвестные страницы битвы за Москву. М.: Вече, 2018. 448 с.

Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы / под ред. А.М. Пегова. М.: Московский рабочий, 1978. 408 с.

Падин В. Трубчевск. Тула: Приок. кн. изд-во, 1975. 237 с.

Падин В. Именем генерала Юрина // Знамя Октября. Трубчевск (без даты).

Юрин А.Н. // Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. М., 1988. Т. 2. С. 821.

Электронные ресурсы

Аллея Героев трубчан – Героев Советского Союза // Сайт Администрации Трубчевского района. <http://www.trubech.ru/index.php/turizm/2304-alleya-geroev-trubchan-geroev-sovetskogo-soyuza> (дата обращения: 18 марта 2020 г.)

Дивизии РККА в Великой отечественной войне. <http://divizia-rkka.ru/юрин-алексей-николаевич/> (дата обращения 14 марта 2020 г.)

Их именами названы улицы Орла. <http://www.orelvkartinkax.ru/famous.htm#yurina> (дата обращения: 14 марта 2020 г.)

Как формировалась 4 дивизия народного ополчения. Воспоминания Н.М. Шаховой. <http://moya-moskva.livejournal.com/4589591.html> (дата обращения 12

января 2020 г.)

Названы улицы их именами. URL: http://geroivoqna.blogspot.com/p/blog-page_28.html (дата обращения 14 марта 2020 г.)

Официальный сайт Трубчевского музея. <https://www.muzej-trubchevsk.ru/index.php/afisha/vystavki/item/403-85-let-so-dnya-uchrezhdeniya-zvaniya-geroj-sovetskogo-soyuza> (дата обращения: 20 декабря 2019 г.)

Память народа: поиск документов о Героях войны. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie27992235 (дата обращения: 20 декабря 2019 г.)

Старые фотографии о герое войны // Земля трубчевская. Сайт газеты Трубчевского района Брянской области. 8 мая 2019 г. <https://zempl-trub.ru/society/2019/05/08/starye-fotografii-o-geroe-vojny/> (дата обращения 14 марта 2020 г.)

Судьбы, сложенные в треугольник. Совместный проект Белорусского телеграфного агентства и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Письма А.Н. Юрина. <http://victorychronicle.belta.by/page9724374.html> (дата обращения 16 марта 2020 г.)

Форум «Поугорье»: По следам 110-й стрелковой дивизии. https://pougorec.kamrbb.ru/?x=read&razdel=27&tema=25&start=0#msg_numpage:1). Характеристика, подписанная начальником политотдела 110 дивизии, на комдива Юрина, октябрь 1942 г. Документ из архива ИРИ РАН. <http://i102.fastpic.ru/big/2017/1223/fd/08c06381673060879fdea467a1298cfd.jpg> 2). Штаб 110-й дивизии. Весна 1942. Фотография из архива ИРИ РАН. <https://picua.org/img/2018-06/25/42h4bv5samc71hiqzo5fqkw3n.jpg> (дата обращения 16 марта 2020 г.)

III

В ТЫЛУ ВРАГА

Н.И. Григулевич

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В АРГЕНТИНЕ (1942–1944)

Попугаев пестрых перья,
Океана мерный гул,
Но линкор немецкий «Шпее»
Здесь на рейде затонул.

И напомним, также страшен,
Бывшей мачты черный крест,
Что на шарике, на нашем,
Не бывает дальних мест...

Я иду по Уругваю...
Александр Городницкий

С конца 1930-х годов через порт столицы Аргентины Буэнос-Айрес, а оттуда через Испанию и Португалию фашисты вывозили стратегическое сырье (селитру) и продовольственные, а также другие ценные товары в фашистскую Германию. Перед резидентом советской разведки Артуром (Иосифом Григулевичем) были поставлены следующие задачи: создание и руководство резидентурой; организация боевой группы партизан, которые должны были уничтожать транспорты со стратегическими грузами, направлявшимися в Германию; подготовка кадров для конспиративной работы в Европе. За время существования группы подпольщиков-интернационалистов в Аргентине они провели ряд боевых операций. В результате фашисты перестали использовать порт Буэнос-Айреса для вывоза стратегических грузов из Латинской Америки в Германию.

ХОЧУ подчеркнуть, что дочерний взгляд не может претендовать на объективность по определению. И все же, все же... Кто были эти люди, которые много лет рисковали своей свободой и жизнью ради высоких идеалов (замечу в скобках, что заработать на жизнь они могли и менее опасными способами)? Так кем же они все-таки были? Фанатичными «агентами НКВД», бездумно выполнявшими

любой приказ или...? Попробуем в меру своих скромных сил ответить на этот, а также на некоторые другие вопросы.

Большинство знаменитых советских разведчиков стали известны благодаря своему провалу, который, зачастую, являлся следствием предательства. Моему отцу повезло, он не провалился и широкой известностью, прежде всего, обязан своим книгам, которые и по сию пору очень популярны. О том, что долгие годы он работал в разных странах разведчиком-нелегалом, многие догадывались, сам он кое-что рассказывал, но только в виде всяческих баек, сюжет которых каждый раз менялся до неузнаваемости. А на самом деле никто толком ничего не знал.

Кто же такие караимы?

Мой отец Иосиф Ромуальдович Григулевич (Юозас Григулявичюс) родился 5 мая 1913 г. в городе Вильно (теперь это Вильнюс) в Литве, в Российской империи. Его отец и мой дедушка Ромуальдас Григулявичюс был по образованию фармацевтом, что по тем временам свидетельствовало о неплохом образовании, и работал в аптеке. Мать – Надежда Яковлевна (в девичестве Лаврецкая) – домашняя хозяйка. Маленький Юзик был вторым сыном Надежды Яковлевны. От первого брака у нее был сын Андрей (Яков), единокровный брат моего отца.

Это была караимская семья, и на этом мы остановимся чуть подробнее. Дело в том, что в некоторых публикациях об отце пишут, что он был еврей. Я ничего против этого не имею, тем более, что, как он сам любил повторять: «Все хорошие люди были евреями – Иисус Христос, Карл Маркс, Иммануил Кант». Но, как говорится, «Сократ мне друг, но истина дороже». Итак, кто же такие эти загадочные караимы?

Древний народ, происхождение которого теряется в глубине веков. Караимы считаются отдаленными потомками половцев. На сегодняшний день известно лишь, что начало караимским племенам было положено предположительно в недрах хазарского каганата. По антропологическому типу и группам крови они относятся к тюркским народам, исповедуя свою религию караимизм, священной книгой которого является Ветхий Завет. Талмуд караимы не признают. Подчеркнем, что дискуссия об этногенезе караимского народа на сегодняшний день все еще продолжается (Тюркские народы Крыма, 2003, с. 16–29).

Крымские караимы специализировались на выращивании овощей и фруктов. Но главной для них культурой становится табак, который они не только успешно культивировали на благодатной крымской земле, но не менее успешно торговали им. По некоторым данным, до двух третей табачных магазинов и лавочек в дореволюционной Москве принадлежало караимам. Всем курильщикам хорошо знакомые

табачные фабрики «Ява» и «Дукат» также находились во владении караимских семей. Знаменитый дом «10-Бис» по Садовой улице, где расположена да, да, та самая «нехорошая квартира», куда по прибытии в Москву не замедлила вселиться нечистая сила, также принадлежал владельцам табачной мануфактуры «Дукат». Вот оказывается, откуда это все безобразия тянется!

Итак, мы можем заключить, что караимы вполне комфортно чувствовали себя в России. Это действительно было так, и причины для этого существовали вполне объективные, о которых мы когда-нибудь поговорим подробнее.

А теперь позвольте мне вернуться всего-то на 600 с лишним лет назад, в 1397 г., когда Великий князь литовский Витовт пригласил несколько десятков караимских семей покинуть родной благодатный Крымский край и переселиться в холодную Литву, в городок Тракай, где располагалась резиденция и неприступный замок князя.

С тех далеких времен караимы верой и правдой служили литовским князьям в качестве личной гвардии. Со своей стороны князья предоставили караимам ряд привилегий и не посягали на их образ жизни и религию. И до сих пор в Литве с большой любовью относятся к караимам, помогают восстанавливать караимские храмы – кенасы (закрытые при советской власти) и культурные центры, поддерживают караимскую общину. Ежегодно в Тракае, маленьком городке под Вильнюсом, где с давних пор компактно живут караимы, проводятся школы караимского языка (Григулевич, Петров-Дубинский, 2011, с. 163–169).

Дедушка

Мой дедушка Ромуальдас (Ромуальд) Еремеевич Григулевич был интеллигентным, скромным, неконфликтным человеком. Он очень любил природу, прогулки на свежем воздухе, рыбалку и прочие спортивные занятия. Особенно он увлекался птицами, которых под старость у него была целая коллекция.

Дедушка в молодости был настоящим красавцем, что легко проследить по нескольким чудом уцелевшим в нашей семье фотографиям. Высокий выпуклый лоб интеллигента и книжника, аристократический нос с горбинкой, живые карие глаза типичной для караимов миндалевидной формы, роскошная шевелюра, мягкая улыбка и самое главное – пышные усы, за которыми он тщательно ухаживал. Глядя на деда, который и в старости выглядел очень и очень достойно, несмотря на болезни и тяжелую финансовую ситуацию, в которой он оказался под конец жизни, можно легко пред-

Ромуальд Еремеевич Григулевич. г. Паневежис, 1910 г.

ставить себе, как моя бабушка без памяти влюбилась и сбежала к нему от своего мужа.

Бабушка

В семье моей бабушки Надежды (в девичестве – Лаврецкой) было пятеро сестер: Мария (Марьям), Надежда, Анна, Софья, Татьяна и два их сводных брата – Николай и Александр. Отец семейства Яков Лав-

рецкий рано скончался, и моя прабабка вышла замуж вторично. Но это отдельная история, к которой я когда-нибудь вернусь обязательно.

Моя бабушка Надежда была чуть ли не самая младшая и одна из самых красивых среди пяти сестер Лаврецких на выданье. Когда к ней посватался выгодный жених, молоденькую девушку, как это часто бывало в те времена, выдали замуж против ее воли за нелюбимого человека, к тому же намного старше ее. Промучившись с ним несколько лет, она познакомилась с Ромуальдом Григулевичем, и они решили объединить свои судьбы.

Казалось бы, теперь молодая семья может вздохнуть свободно и посвятить все время воспитанию детей. Но не тут-то было. В августе 1914 г. началась Первая мировая война, и мой дедушка отправляется на фронт. И вот тут-то и происходит событие, которое очень ярко характеризует мою бабушку, как женщину абсолютно бесстрашную и где-то даже авантюрную. Что, впрочем, впоследствии, неоднократно подтвердится.

Эта молодая привлекательная женщина не находит ничего лучше, как с годовалым ребенком (моим будущим отцом) на руках поехать в расположение действующей армии, чтобы провести своего ненаглядного мужа. По рассказам отца (разумеется, со слов бабушки, сам он навряд ли что-то запомнил), их поселили в какой-то казарме, где ночью к нему в рот залетела муха, и он поднял страшный крик, разбудив и

**Надежда Яковлевна Григулевич (Лаврецкая)
с младшим сыном Юзиком. г. Сумы, Харь-
ковская губерния, Российская империя,
1915–1916 г.?**

*На фото и сверху писатель Алексей Рафалович
от Юли Брандберг и Сумы, Харьковская губерния*

**Маленький Юзик на стуле с книгой.
г. Сумы, Харьковская губерния,
Российская империя, 1914 г.?**

переполошив всех присутствовавших там людей. Вот так, на фронтах Первой мировой, прошло боевое крещение будущего о разведчика.

Детство

В раннем детстве отец был совершенно очарователен. Большой выпуклый лобик под вьющимися кудряшками выдает будущего автора многочисленных книг. Пухлые ножки сложены по-турецки, маленькая ручка пытается удержать огромный том, вот-вот готовый выскользнуть на пол, мордашка опухла от слез. Юзик не хотел сниматься ни под каким видом, плакал и скандалил, тогда взрослые решили дать ему в руки книгу, и он немного успокоился.

До двух лет отец не ходил. Это была или родовая травма или что-то

другое. Отчаявшаяся бабушка повезла ребенка в Крым, на знаменитые целительные грязи. После этого он пошел, но до конца жизни ходить не очень любил и, несмотря на чрезвычайную свою активность, быстро уставал от всяческих гимнастик и физкультур.

Отец, как я уже упоминала, родился в Вильно (Вильнюсе). Но последовавшая вскоре Первая мировая война, сопровождавшаяся разрухой и голодом, вынудила молодую семью перекочевать на Украину, в город Сумы. Бабушка искренне считала, что на хлебной Украине им будет легче пережить тяготы военного времени. Там они жили с 1915 по 1920 годы.

На всю жизнь отец запомнил жуткие поезда, на которых им приходилось добираться на Украину, где, по мнению бабушки, было сытно и спокойно по сравнению с Литвой и можно было тихо пересидеть все ужасы смутного времени. Поезда эти тащились неимоверно долго, по дороге бабушке приходилось выходить за водой и пропитанием. Однажды она чуть не отстала от поезда. Маленький Юзик очень боялся, когда мама оставляла его одного, и громко плакал и кричал. Попутчики, как могли, утешали ребенка.

Когда же семья Григулевичей не без труда добралась-таки до славного городка Сумы, выяснилось, что попали они «из огня да в полымя». Сумы, как известно, находились в эпицентре гражданской войны на Украине, и каждые несколько дней их занимала очередная группировка синих, красных или зеленых «хлопців», предварительно подвергавших городок обстрелу из всех имеющихся у них на вооружении орудий. Я думаю, что лучше всего атмосферу тех далеких бурных лет удалось передать режиссеру Александру Аскольдову в знаменитом фильме «Комиссар», снятом в 1967 г. по мотивам рассказа Василия Гроссмана «В городе Бердичеве».

Заняв город Сумы, борцы за лучшее будущее человечества первым

**Будущий воин невидимого фронта.
г. Сумы, Харьковская губерния,
Российская империя, 1915-1916 г.?**

делом устремлялись в аптеку в поисках запасов спирта. Победу нужно было отпраздновать достойно. Мой дедушка, и в мирной-то жизни не отличавшийся боевитостью, обычно предусмотрительно вешал на аптеку большой замок и полагал за лучшее скрыться на время в ближайшем лесочке.

Чтобы выжить, бабушка занималась продажей спирта. Для этого металлические емкости запекались в буханки хлеба, чтобы при транспортировке их не конфисковали. Затем они заполнялись спиртом и бабушка везла их в Харьков на рынок. Учитывая количество промывавших на дорогах любителей легкой наживы, операция была крайне рискованной, и далеко не всегда она заканчивалась успешно. Но так как это был единственный способ не дать семье умереть с голоду, бабушке приходилось несмотря ни на что, продолжать это весьма рискованное занятие.

Паневежис, или книжные приключения маленького караима

В 1920 г. семья Григулевичей возвратилась в Литву и поселилась в маленьком городе Паневежисе, на родине отца, Ромуальда Григулевича. Они занимали половину крохотного домика на улице Мицкевича, каким-то чудом уцелевшего до нашего времени. Вторую половину дома занимала семья старообрядцев – отец, мать и маленький сын. Всю неделю отец старообрядческого семейства примерно трудился, а каждое воскресенье напивался и дико избивал свою благоверную. Она с криками: «Спасите, убивают!», металась по дому и, в конце концов, находила убежище на караимской половине домика. Поразившее до глубины души в этой истории маленького Юзика было то обстоятельство, что на следующий день в семье старообрядцев воцарялся мир и покой, правда, только до следующего воскресенья, когда все повторялось сначала. По воскресеньям же происходили знаменитые старообрядческие бои «стенка на стенку». Община, судя по сохранившемуся по сию пору кладбищу и старообрядческой церкви, была довольно большой и вполне мирно сосуществовала с караимской.

В детстве маленький Юзик часто болел и подолгу не вставал с постели. Тогда же он пристрастился к чтению. Но об этом лучше всего расскажет он сам, и я с удовольствием предоставляю ему слово (Григулевич-Лаврецкий, Рукопись), тем более что в этих воспоминаниях отца об отрочестве и юности читатель найдет ответы на многие вопросы, поймет, как формировался характер, совместивший в себе, казалось бы, несовместимые качества: борца-революционера с одной стороны, и ученого-книжника, с другой.

«В детстве, еще до того, как я стал учиться в гимназии, я очень часто болел. Корь, свинка, скарлатина, ангины и простуды, всевозможные лихорадки и прочие недомогания держали меня в постели неделями, а то и месяцами. Но нет худа без добра. Именно благодаря этому я пристрастился к чтению. Вначале отец ежедневно читал мне русские сказки, былины, а с пяти лет, овладев грамотой, я быстро превратился в пожирателя книг, в книжного алкоголика, наркомана, распутника и мистика.

Местом моего грехопадения стал славный город Паневежис, где мы поселились после Октябрьской революции. В местной литовской гимназии, где я проучился с первого по шестой класс, имелась, оставшаяся ей в наследство от бывшего тут до революции русского реального училища, прекрасная библиотека, насчитывавшая около двадцати тысяч томов. В ней оказалось более чем в достаточном количестве «отравы», чтобы на всю жизнь привить мне интерес не столько к себе самому (великий грех всех мещан и гнилых интеллигентов), сколько к окружающим меня братьям-человекам.

Жажда поглотить всю огромную библиотеку выработала во мне навыки быстрого чтения. В результате уже в тринадцать лет я ежедневно «глотал» по триста-четырееста страниц. Соколов⁵², работавший со мной, походя, информировал меня об авторе и давал оценку книге. Эта же библиотека получала и все литовские книги, которые я заносил в каталог и выдавал ученикам раз в неделю по субботам, когда библиотека наша открывалась для «публики».

Кроме школьной библиотеки я стал потребителем еще трех библиотек. Я получил допуск в подпольную библиотеку райкома компартии Литвы, которая хранилась дома у Рафаила Раецкого, и откуда я носил домой номера «Коммунистического интернационала», брошюры Маркса, Энгельса, Лафарга и других корифеев марксизма. Будучи в пятом классе, я стал членом подпольного бюро комсомола Литвы. Однажды ко мне домой пришел Каушпида, старый комсомолец, и приволок целый мешок с книгами – подпольную библиотеку нашей комсомольской организации, которая передавалась мне на хранение. Ее составил, если память мне не изменяет, поэт Казис Борута, учившийся до меня в паневежской гимназии. В ней кроме революционных новелл и стихов и всякой марксистской нелегалщины, были книги анархистов, идеалистов, социал-реформистов, которые я тут же хотел предать огню.

⁵² Соколов – преподаватель словесности в литовской гимназии (бывшее русское реальное училище) в которой учился отец. После Великой Отечественной войны он преподавал словесность в Вильнюсском университете, одном из старейших в Европе.

Однако Каушипидас меня отговорил от столь безрассудного акта, заявив, что коммунист должен знать, что и о чем пишут не только его друзья, но и враги. Эта идея показалась мне совершенно гениальной. «Врагов» я тоже оставил дома и читал их с не меньшим увлечением, чем друзей.

Теперь, вспоминая сорок пять лет спустя мою юность и Паневежис, я просто удивляюсь, какие алмазные россыпи книг имелись в этом, тогда заштатном местечке «сметоновской» Литвы, и какое огромное влияние оказывали эти «алмазы» на всех тех, кто с ними соприкасался. Когда в шестнадцать лет я покинул Паневежис и переехал в Вильнюс, мною уже было прочитано много сотен книг, от Гомера и Шекспира до Майн Рида, Буссенара, Льва Толстого, Чехова, Горького. Я уже прочитал отдельные работы Маркса, Ленина, и современных советских авторов – Гладкова, Серафимовича, Маяковского, Леонова. Я уже знал Гёте, Анатоля Франса, Сервантеса. Читал Чернышевского, Амудсена, и знаменитого голландского сексолога ван дер Вельде.

Достоевский, Ницше, Отто Вейнинггер, Шопенгауэр, Арцибашев – эти блюда я тоже испробовал. Я читал также Блаватскую, воспоминания генерала Краснова, Мережковского и прочую мистику. И у меня, конечно, в результате столь, как бы нравоучительно отметил любой уважающий себя педагог, неразборчивого «чтива», в голове образовалась бы кошмарная каша, если бы не то обстоятельство, что во время этих умопомрачительных приключений в книжном океане, я уже был комсомольцем-подпольщиком и прекрасно разбирался в том, кто был друг человечества, а кто – враг. Признаюсь, однако, что я немало поражался и скорбел по поводу того, что среди врагов были тоже талантливые бестии.

В Вильнюсе, в гимназии Витаута Диджио, куда я поступил в седьмой класс, я подружился с группой товарищей комсомольцев и коммунистов, интеллектуальный уровень которых значительно превосходил моих паневежских друзей. Здесь я окунулся в новые книжные миры, новые книжные бездны, о существовании которых если я доселе и знал, то только понаслышке.

Став вскоре членом литовской подпольной комсомольской организации, а затем и членом и одним из руководителей литовского бюро при вильнюсском обкоме Коммунистической партии Западной Белоруссии (Революционное движение ..., 1978, с. 8), я близко подружился с Ионасом Каросасом, учредителем и основателем не только этих двух организаций, но и подпольной марксистской библиотеки, в которой были книги на польском, русском, немецком и литовском языках, как беллетристика, так и политика, философия и история. Там были У.

Синклер, Драйзер, Маяковский, Горький, Маркс, Ленин («Государство и революция»), «История социализма» Бера, старый Каутский и превеликое множество интереснейших пропагандистских брошюр.

Через Йонаса Каросаса я попал в библиотеку им. Басанавичуса, директором которой тогда был большой фантаст, романтик и книголюб, переводчик сонетов Виктора Гюго на литовский язык Владас Шейка. Он привлекал мое внимание еще и тем, что когда-то учился в Париже, о котором рассказывал влюбленно и картинно.

Но Вильнюс заключал в себе еще и другую книжную сокровищницу, правда, менее для меня доступную, ибо я был всего лишь гимназистом и мог проникать туда только «зайцем» – библиотеку Вильнюсского университета, в которой наряду с древнейшими инкунабулами имелись и более ценные для меня произведения – советские книги и журналы.

И, наконец, четвертое книгохранилище находилось у меня дома – вернее, на квартире у моей тети Татьяны, где мы тогда жили. Это была библиотека покойного Малецкого⁵³, гахама (духовного главы) караимов, женатого на другой моей тете – Анне⁵⁴.

В его библиотеке было собрано огромное количество всевозможных философских и богословских трактатов, как на древних языках, так и на русском. Здесь я впервые познакомился с Платоном, Декартом, Спинозой, Фомой Аквинским, житием протопопа Аввакума⁵⁵. Прочел Библию, Коран, Талмуд. Малецкий, по-видимому, был человеком широких взглядов, ибо в его библиотеке были также Вольтер, Каутский и многие другие «ересиархи». Здесь я впервые заинтересовался проблемой истории религии.

Мне остается поведать еще об одной ценнейшей библиотеке, с которой судьба свела меня в Вильнюсе – а именно – тюремной. Попад в тюрьму на Лукишки (группу гимназистов вильнюсской гимназии арестовывали за революционную деятельность – НГ) в 1932 г., я, разумеется, сразу к ней приобщился. Однако выдавали нам книги микроскопическими дозами, по одной в неделю, а то и в десять дней. Выбора не было, приходилось брать, что давали.

⁵³ Малецкий Финеес Аронович, старший газзан Тракая (1892-1901) – НГ https://cyclowiki.org/wiki/Караимы_Литвы#Гахамы_Польшы_и_Литвы

⁵⁴ Это ошибка. Финеес (Феликс) Малецкий был женат на другой сестре моей бабушки – Марии Яковлевне (в девичестве – Лаврецкой). См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Малецкий,_Финеес_Аронович (20.10.2025)

⁵⁵ Неистовый протопоп Аввакум стал для атеиста Григулевича примером пламенного служения своему делу. Он часто перечитывал «Житие протопопа Аввакума». Когда его сотрудники или аспиранты жаловались на большую загруженность, он говорил: «А вот Аввакум и, сидя в яме, писал!».

Иосиф Григулевич. Мадрид, январь 1937 г.

Но, сидя на Лукишках, я все же имел и отличнейшее чтиво, которым меня время от времени снабжал Б. Унтулис, наш замечательный преподаватель истории и друг. Он прислал мне историю XIX века Кареева⁵⁶ и историю империализма Е. Тарле⁵⁷, обе книги были пропущены тюремной цензурой. Я их прочел раз по пять, чуть ли не вызубрил на память. Думаю, что эти две книги, обе блестяще написанные, привили мне вкус к истории, хотя тогда я мечтал только об одной профессии – профессии профессионального революционера-подпольщика. Я смотрю на полки моих книг и вспоминаю сонет Генри Лонгфелло:

*Как дряхлый рыцарь в дни средневековья,
Бессильный, немощный, глядел с тоской
На медный щит, на меч тяжелый свой,
Висящие всегда у изголовья,
И вспоминал с волнением и любовью*

⁵⁶ Кареев Н.И. Общий курс истории XIX века. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910.

⁵⁷ Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма, 1871–1919 гг. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

*То рыцарский турнир, то грозный бой, –
И память о былом, блеснув слезой,
В нем вспыхивала снова жаркой кровью.*

*Так я гляжу на полку старых книг,
Как на оружие времени бывшего...
Оно теперь уже не нужно мне.*

*Но облик юности из мглы возник,
И жизнь во мне неистовствует снова,
Хоть я бреду в туманном, смутном сне...»*

Архив семьи Н.И. Григулевич

Выйдя из тюрьмы в 1933 г., Иосиф эмигрирует сначала в Польшу, потом во Францию. Там он активно участвует во всех мероприятиях, которые проводили прогрессивно настроенные поляки-эмигранты, начинает сотрудничать с МОПРОм (Международной организацией помощи борцам революции). В 1934 г. уезжает в Аргентину, куда к тому времени эмигрировал его отец.

Испания

Гражданская война в Испании (1936–1939) в которой, кроме самих испанцев, принимали участие многие комбатанты из разных стран мира, по мнению некоторых историков, знаменует собой начало Второй мировой войны. Когда началась эта война, Иосиф Григулевич находился в Аргентине, куда приехал в 1934 г. как эмигрант из буржуазной Литвы. В 1936 г. ему было 23 года. Молодой человек, придерживавшийся левых взглядов, за которые успел отсидеть в тюрьме на родине, в Литве, принимает решение отправиться за океан добровольцем в воюющую Испанию на помощь республиканскому правительству.

Это, безусловно, был определивший всю его дальнейшую судьбу шаг. Именно там, в Испании, он столкнулся с фашизмом и навсегда возненавидел его. Борьба с «чумой XX века» станет главным смыслом его жизни на многие десятилетия. Единственные две страны, которые официально поддерживали борьбу испанских патриотов за свободу, были СССР и Мексика. На протяжении 1936–1939 гг. в Испанию прибыло около 5 тыс. добровольцев – поляков, белорусов, украинцев, литовцев, евреев (Революционный путь..., 1966, с. 365). Некоторые из них вошли в состав дивизии имени Ярослава Домбровского, которая героически сражалась с фашистами под Мадридом, Гвадалахарой, Са-

рагосой, принимала участие в наступлении республиканской армии на реке Эбро. По воспоминаниям И. Григулевича (Вильнюсское подполье..., 1966, с. 225), его, по прибытии в Испанию, как владевшего несколькими языками, прикомандировали к Пятому полку республиканской армии, которым командовал Энрике Листер⁵⁸ (1907–1994).

Аргентина

В годы второй мировой войны И.Р. Григулевич – в Аргентине, где ведет «свою войну» с гитлеровской Германией: организованная им группа антифашистов устраивала диверсии на судах, перевозивших селитру (необходимый компонент для изготовления взрывчатки), продовольствие и другие товары из Аргентины через Испанию в третий рейх. С конца 1930-х годов через порт Буэнос-Айреса фашисты вывозили стратегическое сырье (селитру) и продовольственные, а также другие ценные товары через Испанию, Португалию в фашистскую Германию.

Репрессии конца 1930-х в Советском Союзе широко затронули органы разведки и особенно сильно ударили по внешней, и, в частности, нелегальной разведке. В результате к началу Великой Отечественной войны на всю Латинскую Америку оставался единственный нелегальный разведчик – Иосиф Григулевич (агентурное имя – Артур), который был назначен резидентом советской разведки. В июне 1941 г. ему шел 29-й год. Артур получил приказ из центра организовать партизанский отряд и прервать важные для воюющего третьего рейха поставки. Перед ним были поставлены следующие задачи: создание и руководство резидентурой; организация боевой группы подпольщиков, которые должны были уничтожать транспорты со стратегическими грузами, направлявшимися в Германию; подготовка кадров для конспиративной работы в Европе.

Аргентина была раньше и продолжает быть страной европейской иммиграции. Ее гражданами становились выходцы из Италии, Испании, Украины, Белоруссии, Российской империи, других стран. В Аргентине также была большая немецкая колония (одна из самых значительных в Латинской Америке). В центре столицы располагался большой книжный магазин «Гёте», где продавалось много фашистской литературы. Он был взорван партизанами-подпольщиками. Это был первый и очень громкий акт возмездия. Следующим стал взрыв склада селитры (40 тыс. тонн) в порту Буэнос-Айреса. Это были пер-

⁵⁸ Единственный в XX в. военный, бывший генералом трех армий — испанской (республиканской), советской и югославской.

Ла Пас, Боливия, 1944 г.

вые задачи, успешно решенные членами боевого объединения партизан группы «Д» вдали от воюющей Родины. Надо было развивать и приумножить этот успех. Главная задача была – остановить перевозки важных грузов в воюющую против СССР Германию.

И. Григулевич набирал в боевую группу, прежде всего, проверенных людей, на которых можно было положиться, как на самого себя. Многие из них имели боевой опыт, полученный на фронтах Гражданской войны в Испании. Времени для длительной проверки каждого потенциального члена боевой группы «Д» в условиях начала Великой Отечественной войны не было. Пришлось полагаться на рекомендации надежных товарищей, членов Коммунистической партии Аргентины, ветеранов Гражданской войны в Испании, иммигрантов из европейских стран (в том числе из Белоруссии и Украины). Это был большой риск, но другого пути в тот момент не было. Иосиф (он же – Артур) подобрал надежных боевых товарищей, которые под его руководством приступили к выполнению задания.

Прежде всего, подпольщики должны были определиться, как будет организована боевая работа по уничтожению немецких траншпортов, которые с конца 1930-х перевозили стратегические грузы из портов Аргентины в Европу и, далее, в фашистскую Германию. Иосиф Григулевич, как классический гуманитарий, встал перед необходимостью наладить производство взрывных устройств и организовать серию актов саботажа во исполнение полученного им приказа Центра. Его любовь к чтению помогла ему справиться с нелегкой задачей. На книжных развалах Буэнос-Айреса он нашел когда-то прочитанную им книгу немецкого диверсанта времен Первой мировой войны Франца фон Ринтелена, боевой опыт которого как раз и был использован подпольщиками группы «Д».

Было принято решение о производстве кустарным способом зажигательных снарядов, которые взрывались, когда морской транспорт с грузами уже отходил от порта Буэнос-Айреса. Подпольщики разработали модель зажигательного снаряда. Были организованы мастерские по производству зажигалок, склады, где хранили готовую продукцию. Места эти нужно было периодически менять, замечая следы. Заместителем Артура по боевой работе стал Феликс Вержбицкий, который, наравне с другими подпольщиками, занимался тем, что начинял и изготавливал эти снаряды. Он был иммигрантом, в свое время его семья приехала в Аргентину из Западной Украины. Через несколько лет у него в руках взорвался этот снаряд, и он получил тяжелейшие ранения (потерял руку и ослеп), был арестован полицией и попал в тюрьму. Его удалось вызволить оттуда, и семья с тремя детьми уехала потом в

И.Р. Григулевич в московском парке с детьми, 1947 г.

СССР. Что касается остальных членов группы, они продолжали работать. Но в какой-то момент Центр предупредил, что враг уже идет по их следам, и нужно было сворачивать деятельность.

На судах, перевозивших стратегическое сырье для Германии, произошло большое количество пожаров. Имеется список этих судов – четырнадцать названий. Однако это не полный перечень. Названия некоторых транспортов, «обработанных» подпольщиками, они за давностью времени не могли припомнить. Два трансатлантических грузовых судна с 10 тыс. тонн селитры на борту каждого были потоплены. Это привело к тому, что фашисты перестали использовать порт Буэнос-Айреса для вывоза стратегических грузов из Латинской Америки в Германию. Немцы вынуждены были перенести часть транспортных операций в порт Монтевидео в Уругвае (Воробьев, 2014, с. 378). Параллельно боевой работе Артур налаживал работу резидентур в других странах Латинской Америки (Чили, Боливия, Уругвай, Бразилия).

Еще одну непростую задачу, поставленную Центром перед резидентом Артуром (вербовка и подготовка для последующего направления в Европу бойцов для участия в движении Сопротивления), тоже удалось выполнить. Благодаря завербованному И. Григулевичем начальнику полиции одного из районов Монтевидео, удалось снабдить

Лаура Араухо Агиляр (1916–1997)

несколько десятков патриотов разных национальностей надежными уругвайскими документами. Впоследствии они были переправлены в Европу и приняли участие, в частности, в организации движения Сопротивления «Маки» во Франции (Дороги войны, 2025, с. 99).

Москва

С 1947 по 1949 гг. Иосиф Григулевич вместе со своей женой Лау-

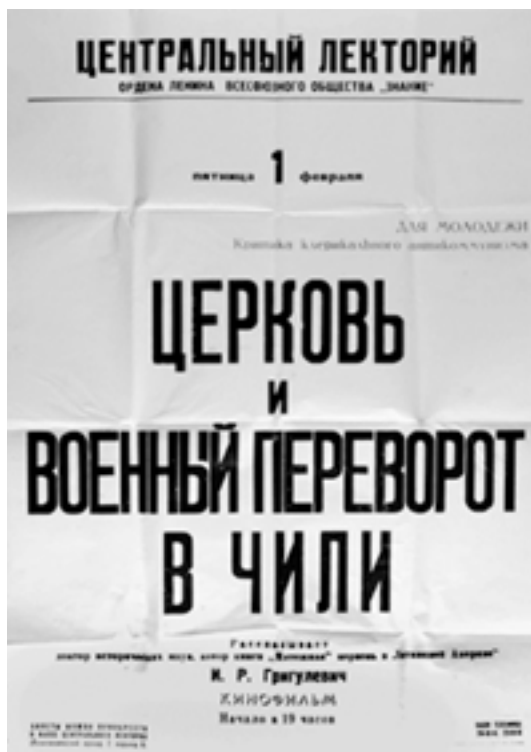

Синьорита Лаура Араухо Агиляр с учениками начальной школы в горах Пуэблы. Мексика, штат Пуэбла, сентябрь 1937 г.

рой находятся в Москве. Мама вспоминала, что когда они приехали в Москву, загорелые и хорошо одетые, люди оборачивались на них на улице. Это не удивительно, ведь в послевоенные 1947–1948 гг. в стране были голод и разруха. Есть фотография, на которой они гуляют в каком-то парке, а рядом – мальчишки, у которых можно пересчитать все ребра безо всякого рентгена. Жили они на конспиративной квартире, хозяйкой которой была тетя Маруся, простая деревенская женщина, которую потом, уже в 1954 г. мама разыскала. Она много лет приходила к нам, пекла пироги, мылась (в ее доме не было ванны) и очень

меня любила, хотя время от времени даже она не могла стерпеть моих детских шалостей. Отец всегда добродушно подшучивал над бедной тетей Марусей и обязательно спрашивал: «Ну, Маруся, как пенсия?». Родом она была из-под г. Малоярославца Калужской области, из очень бедной крестьянской семьи. Еще будучи маленькой девочкой, она была отдана в услужение, в няньки. Однажды она рассказала мне, что бедность была такая, что даже зимой приходилось ходить босиком, у молодой девушки не было даже белья.

Когда тетя Маруся совсем состарилась и уже не могла выходить из дома, мама посылала меня с продуктами и деньгами для нее. Жила она в старинном доме за бывшим Богоявленским храмом, главным собором когда-то Богоявленского монастыря⁵⁹ на теперь уже опять Никольской, а в те далекие 1970-е еще улице им. 25-летия Октября. Храм был обезглавлен⁶⁰ и в нем находилась какая-то контора или склад. В доме, где жила Маруся, мне запомнились старинные чугунные лестницы, сохранившиеся еще с тех времен, когда в этих зданиях находились монастырские кельи.

**Плакат о лекции И.Р. Григулевича
в Обществе «Знание». 1 февраля 1974 г.**

⁵⁹ Один из четырех древнейших монастырей Москвы. Основан в конце XII в. благоверным московским князем Даниилом Александровичем, младшим сыном Св. Александра Невского. В стенах обители в 1685 г. основана Славяно-греко-латинская академия – первая высшая школа России, которая со временем была преобразована в Московскую духовную академию.

⁶⁰ В 1941 г. рядом рухнул сбитый фашистский бомбардировщик, и взрывной волной уничтожило верхнюю часть собора.

Такие же лестницы можно видеть в здании Духовной академии в Троице Сергиевой Лавре. В 1990-е годы, когда храм уже был восстановлен, я попыталась зайти в с детства знакомый подъезд, но это оказалось невозможным – его занимала какая-то организация.

Но вернемся в 1947 г. В Москве свое свободное время отец проводил в библиотеках, а по вечерам родители ходили в театры, где пересматривали все спектакли. Отец был театралом с юности и даже писал в Вильнюсские газеты театральные рецензии. Однажды он не пошел на спектакль, который уже смотрел, а рецензию написал и, на его беду, ее напечатали. А спектакль был отменен – вышел конфуз. Мама яркой театралкой не была, а кроме того, она тогда еще не знала русского языка, поэтому не понимала, что же происходило на сцене. На ее просьбы, перевести ей содержание пьесы, отец отвечал, что не может оторваться от происходящего на сцене. Поэтому мама не полюбила знаменитый русский театр, а учить русский ей пришлось самостоятельно, уже в 1954 г., когда мы вернулись из Италии. Благо, у нас дома жили мои русские няни – вначале пожилая, строгая Фрося, которую я не помню, а видела ее только на фотографиях, а потом – молоденькая Зина, приехавшая в поисках работы из Ярославля, которая через несколько лет вышла замуж за нашего участкового дядю Сашу. Зина меня очень любила и терпела все мои «выкрутасы», которые мама никогда терпеть бы не стала. Мама тоже владела многими языками: английскому и латыни хорошо учили в мексиканской школе, французский и португальский она выучила сама, ну а итальянский – в Италии.

Мама была старшим ребенком в семье своих родителей, у которых было еще 11 детей. Она родилась в городе Агуас Кальентес, столице одноименного штата Мексиканской республики. Когда мой дедушка Хоакин Араухо, который работал инженером на американских железных дорогах в Мексике, умер в 42 года от воспаления легких (пенициллин изобрели много позже), моя бабушка Рафаэла осталась с 12 детьми на руках, младшие из которых были еще совсем маленькими. Моя мама, уже получившая специальность учительницы географии, пошла работать. Ее распределили в горный район штата Пуэбла, на северо-востоке от столицы Мехико, где она преподавала голодным и оборванным индейским детям. Правда, система образования в Мексике в 1930-е годы была одной из самых передовых в мире.

Тогдашний президент Мексики Ласаро Карденас был демократический, прогрессивных взглядов и взял за образец для школ Мексики систему образования, существовавшую в тогдашней Советской России, которая по праву считалась, да и была лучшей в мире. Мои родители встретились в Мексике и через несколько лет поженились.

Мама стала боевой подругой отца на всем протяжении его службы разведчиком нелегалом. Они были противоположными по характеру людьми. Отец всегда жизнерадостный и общительный. Мама – сдержанная, молчаливая, чтобы не сказать – замкнутая. Она была самым сильным человеком, которого я знала в своей жизни. Как свидетельствуют эксперты, именно благодаря ее выдержке и мужеству разведчикам-нелегалам несколько раз удалось избежать провала. Во время их миссии в Италии (1949–1953), маме пришлось десятки раз одной выезжать в другие страны Европы для проведения разведывательных мероприятий.

Закончив закордонную эпопею, в декабре 1953 г. наша семья вернулась в Советский Союз. Тут отцу пришлось поменять сферу деятельности на научную. В 1957 г. он опубликовал и защитил в качестве кандидатской диссертации монографию «Ватикан. Религия, финансы и политика». С 1960 г. он – сотрудник сектора народов Америки Института этнографии АН СССР, в котором проработал до конца жизни (1988). В 1965 г. он защитил в качестве докторской диссертации монографию «Культурная революция на Кубе». С 1970 г. – заведующий сектором религиоведения и зарубежной этнографии. Занимался историей католицизма и католической церкви, в том числе в странах Латинской Америки, а также различными вопросами истории и этнографии этих стран. Ответственный редактор ежегодников «Расы и народы» и «Религии мира». Его перу принадлежат несколько монографий, а также десятки книг научно-популярного характера (в т.ч. опубликованные под псевдонимом «И.Р. Лаврецкий» книги в серии «Жизнь замечательных людей», включая получившие немалую известность работы о Симоне Боливаре и Че Геваре). Руководил Главной редакцией издательства «Наука», публиковавшей на иностранных языках журнал «Общественные науки и современность». В 1979 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. Награжден орденами Красной Звезды, Дружбы народов, венесуэльским орденом Франсиско де Миранды (In memoriam). Отец много сил отдавал общественной деятельности, возглавляя Общества дружбы СССР с Кубой (в котором был заместителем Ю.А. Гагарина) и Венесуэлой. Когда 11 сентября 1973 г. случился фашистский путч в Чили, выступал с лекциями в различных учреждениях, в частности, на биофаке МГУ.

* * *

Надеюсь, что читатель смог составить представление, как в маленьких, заштатных по тем временам городках, каковым и являлся в

те годы Паневежис, шло формирование будущего профессионального революционера и разведчика. То, что такие люди, как Иосиф Григулевич, посвятили свою жизнь столь опасному и рискованному делу, говорит не только об их высочайшей силе духа и благородстве помыслов, но и о том, что цель их жизни – борьба с фашизмом и реакцией в мире – оправдывала любые потери на этом нелегком пути и придавала им силы даже в самые тяжелые минуты их жизни.

Источники

Архив семьи Н.И. Григулевич

Григулевич-Лаврецкий И.Р. Мои книжные приключения. Рукопись. Архив семьи Григулевичей – Лаврецких.

Малецкий Финеес Аронович, старший газзан Тракая (1892–1901) https://cyclowiki.org/wiki/Караимы_Литвы#Гахамы_Польшы_и_Литвы (дата обращения – 08.10.2025).

Энрике Листер Форхан https://ru.wikipedia.org/wiki/Листер,_Энрике (дата обращения – 07.11.2025).

In memoriam. Интернет-сайт ИЭА РАН. <https://iea-ras.ru/?p=1305> (дата обращения – 14.03.2026).

Литература

Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920–1939) / Под ред. Й. Каросаса, Р. Малюкявичюса (отв. ред.) и др. Вильнюс: Vaga, 1966. 398 с.

Воробьев Л.И. Вдали от линии фронта, в Южной Америке // История российской внешней разведки. Очерки в шести томах / Гл. ред. В.И. Трубников. Т. IV. 1941–1945 годы. М.: Международные отношения, 2014. 696 с.

Григулевич Н.И., Петров-Дубинский О.В. Летняя школа караимского языка. Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 163–169.

Григулевич-Лаврецкая Н.И. Иосиф Григулевич-Лаврецкий: разведчик, писатель, ученый: Воспоминания дочери // Караимские вести. 2012. № 3 (109) (май). С. 11.

Дороги войны. М.: Российское историческое общество, 2025. 352 с.

Кареев Н.И. Общий курс истории XIX века. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 661 с.

Революционное движение в Вильнюсском крае. 1920–1940. Документы и материалы / Сост. В. Канцявичюс и др. Вильнюс: Минтис, 1978. 447 с.

Революционный путь компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / ред. А.Н. Мацко, В.Е. Самутина. Минск: «Беларусь», 1966. 420 с.

Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма, 1871–1919 гг. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 511 с.

Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. Серия «Народы и культуры». М.: «Наука», 2003. 459 с.

Д.С. Сабинина

ПОБЕДУ КОВАЛИ НЕ ТОЛЬКО НА ПЕРЕДОВОЙ: РАЗВЕДКА, ДИВЕРСИОННАЯ ШКОЛА, ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА, РАДИОИГРЫ

В статье описывается история героя войны, разведчика-нелегала Якова Исааковича Серебрянского и его семьи. Путь из минского гетто подростка революционера лежал через годы боев Первой и Второй мировых войн, проживание в далеких Азиатских и Европейских странах, в США; от песков Палестины, через сугробы оккупированной Беларуси, до дворцов Вены. Всю жизнь его сопровождало и поддерживало чувство преданности Родине, новой, Советской Родине, как в санаториях Франции, с чемоданом денег в руках, так и в камере на Лубянке в Москве, с пером и чернилами, работавшего над учебником для будущих зарубежных резидентов. В тексте также приведены расшифровки аудиозаписей и фото из личного архива семьи Серебрянского. При их изучении, оживают некоторые исторические свидетельства жизни разведчика-нелегала, прокладываются мосты через время забвения, засекречивания любых упоминаний о работе советских специалистов недостижимого уровня профессионализма.

Посвящаю этот текст моему деду,
Анатолию Яковлевичу Серебрянскому,
всю жизнь кропотливо собиравшему
сведения о работе своего отца

В О ВРЕМЯ Великой Отечественной войны мои деды и бабушки были детьми. Некоторые из прадедов имели боевой опыт еще в Первую мировую. Для победы в Великой Отечественной они делали очень многое, и не только на передовой, но и на научном поприще, и в тылу врага, и на занятых фашистскими войсками территориях. Один из прадедов – разведчик-нелегал Яков Исаакович Серебрянский. Несколько лет назад в серии ЖЗЛ вышла очередная книга, посвященная жизни и работе Якова Исааковича. О нем и пойдет речь дальше.

Становление и революция

Двадцать второе июня сорок первого года майор госбезопасности Яков Исаакович Серебрянский встретил в тюрьме на Лубянке в камере смертников, ожидая исполнения приговора.

В 1937 г., как и многие сотрудники нелегальной разведки, он был отозван с резидентской работы во Франции в Москву. Яков Исаакович знал, что в службе разведки идут «чистки», но вернулся и в 1938 г. был арестован вместе с супругой. Расследование затянулось. В частности, как пишет историк разведки В.С. Антонов, в заключении под следствием в 1939 г., он писал учебник «Наставление для резидента по диверсии» (Антонов,

2020, с. 144). В итоге Серебрянский был обвинен в шпионаже в пользу английской и французской разведки и приговорен к высшей мере. Более того, приговор должен был быть исполнен уже 7 июля 1941 г., но был отложен на неопределенный срок. Его супруга была приговорена к 10 годам лагерей, но еще во время следствия, как рассказывала сыну, была отправлена в Карелию на лесоповал.

Многие сведения, связанные с биографией Серебрянского, до сих пор засекречены. Существуют две основные даты его рождения (кроме иностранных документов, в которых эти данные выбирались произвольно). Одна из них – 30 октября 1892 г. которую используют публицисты и историки разведки. Вторая фигурирует в документах

**Портрет Я.И. Серебрянского. 1920-е годы.
Фото из личного архива А.Я. Серебрянского**

**Копия аттестата Я.И. Серебрянского.
Личный архив А.Я. Серебрянского**

затем воевал также рядовым на Западном фронте во время Первой мировой войны в рядах 105 Оренбургского полка. Во время боевых действий в 1914 г. был ранен, долго лечился и демобилизован по ранению в 1915 г. То есть, Яков Исаакович имел опыт боевых действий. После демобилизации он поехал в Баку жить, работать и восстанавливать здоровье. Устроился там на газовый завод электромонтером. Так Серебрянский получил представления о функционировании крупных заводов, что в дальнейшем помогало ему в работе и создании учебных программ для резидентов внешней разведки. Затем он работал в про-

из Первого Минского реального училища и в справке из Национального исторического архива Беларуси. Там указано, что Яков Ицков Серебрянский родился 26 ноября 1891 г. Но мы, наследники, отмечаем 8 декабря, как он отмечал при жизни. Также известно, что Серебрянский родился в Минске в еврейской семье и вступил в партию эсеров, когда еще не кончил реального училища. Первый раз он был арестован в 15 лет за революционную деятельность, которую продолжил и после освобождения.

Перед Первой мировой войной Яков Серебрянский служил рядовым по призыву в Харькове (122 тамбовский полк), как следует из его регистрационного бланка члена ВКП(б)), и

⁶¹ Баксовет – Бакинский Совет – орган советской власти в Баку в 1917–1918 гг.

довольственным комитете и был начальником охраны продовольственных грузов Баксовета⁶¹.

В 1919 г. Яков Исаакович уехал в Персию, в город Решт, где в двадцатом году создавалась просуществовавшая всего несколько месяцев Гилянская Советская республика. Здесь Яков Серебрянский уже возглавлял подразделение Особого отдела Персидской Красной Армии, работал с Яковом Блюмкиным. Собственно, именно там, в Баку и в Реште, он познакомился со своей будущей женой, моей прабабушкой – Полиной Натановной Беленькой. Она также была из большой еврейской семьи, которая переехала в Баку, где ее отец управлял нефтяными приисками, а затем, в беспокойный революционный период – в Решт.

У Полины Натановны были сестры (Шеля, Роза, Инна) и братья (Марк, Семен, Борис, Илья, Михаил), которые очень сочувствовали революции, участвовали в революционной деятельности. Прадед Яков Исаакович в то время работал с ее братом Марком Натановичем Беленьким и сестрой Инной Натановной Беленькой, которая впоследствии тоже стала разведчиком-нелегалом. Когда закончилось неудачей создание Иранской республики, Яков Исаакович был вызван в Москву. Они уехали вместе с Полиной Натановной, поженившись по дороге в Саратове. В тот момент Полина Натановна, моя прабабушка, не работала еще в разведке, она еще не была вовлечена в деятель-

Копия регистрационного бланка члена ВКП(б). Личный архив А.Я. Серебрянского

Полина Натановна Беленькая. 1920-е годы.
Личный архив Я.И. Серебрянского

в штат Особого отдела ВЧК. В течение года переводился несколько раз в другие отделы, а в конце лета 1921 г. демобилизовался из центрального аппарата ВЧК и поступил в недавно созданный Московский электротехнический институт.

«Не успел Яков проучиться и одного семестра <...> как его арестовали бывшие коллеги. 2 декабря 1921 года Серебрянский зашел в гости к старому товарищу по правозсерской партии Д.М. Абезгаузу, где попал в засаду ВЧК. <....> 29 марта 1922 года <...> был освобожден <...> с лишением права работы в политических, розыскных и судебных

ность, которой посвятил себя ее супруг. Лейтенантом госбезопасности она стала позже, когда впервые была вызвана мужем в Париж в конце 1920-х. Дата ее рождения неизвестна, и никто, даже мой дед – ее сын, Анатолий Яковлевич Серебрянский, не мог вспомнить, чтоб она хоть когда-то отмечала день рождения. Интересно, что документ о браке восстанавливался через суд, т.к. в архивах был утерян. В нем нет даты рождения, как и на гробовой доске колумбария Донского кладбища Москвы. В 2025 г. мы не смогли найти и других документов, где указана дата рождения Полины Натановны.

В Москве в конце августа 1920 г. Яков Серебрянский был назначен

⁶² ИНО ОГПУ – Иностранный отдел Объединенного государственного политического управления.

ных органах, а также в Наркомате иностранных дел» (Линдер, Чуркин, 2011, с. 193). Устроившись работать в нефтетранспортный трест, Серебрянский к концу года был еще на несколько месяцев арестован по ложному обвинению во взятке. После освобождения в начале 1923 г. устроился работать в «Известия».

И именно с 1923 г. Яков Исакович перешел, под руководством Якова Блюмкина, в ИНО ОГПУ⁶². В последующие годы Серебрянскому было поручено организовать работу разведчиков-нелегалов – Школу и особую группу, «группу Яши» или «группу "Я"», как ее еще называли. Деятельность этой группы отличалась от обычной разведки тем, что государство не несло ответственность за судьбу сотрудников-нелегалов, и, по сути, не давало гарантий в помощи в случае провалов. Тем не менее, это была очень важная часть поддержки Советского государства до и во время Великой Отечественной войны. Одновременно Яков Исакович много работал и за рубежом, организовывал резидентуру.

Внешняя разведка и внутренняя школа

До 1937 г. Серебрянский создал резидентуры, как минимум, в шестнадцати странах: европейских и не только. В 1920-х годах он работал с Блюмкиным в Палестине, работал в Европе, в 1930-х даже в Китае и Японии. В тот период была заложена основа резидентуры в США, которая потом сыграла огромную роль в получении ядерных секретов. Все сведения, на самом деле, кратки и ограничены, т.к. очень многое до сих пор засекречено. В 1995 г. был период, когда открыли архивы. Дедушка Анатолий Яковлевич Серебрянский гордится, что успел что-то узнать, что-то сфотографировать, получить копии некоторых документов, но, по большому счету, добыть удалось ничтожно мало и возможность работать в этих спец. архивах быстро закрылась.

Мой дедушка, Анатолий Яковлевич Серебрянский, родился в 1933 г. в Москве. Почти все время он жил у сестер матери, поскольку его родители всегда были в «командировке». Он знает, что у него могла бы быть старшая сестра. Мать рассказывала, что в Париже (1928 г.) знакомый полицейский-городовой говорил: «Mangé, madame Le Banonne, mangé!» Она не могла есть, очень похудела и плохо выглядела, потеряв новорожденную дочь. Дедушка делал вывод, что в тот период их официальная фамилия в Париже была «Лебанон».

Я помню – говорит Анатолий Серебрянский – рассказ мамы моей, когда они вернулись из Франции, это задолго до войны. Их повели в большой-большой склад, где висели и лежали реквизированные вещи. И мама говорила, что они приехали, и у нее глаза разбежались. А по-

No. 3424041

Name.....BOROGHA Andrew.....

residing at.....195 E. 4th St. NYCity.....

Age 41.....years. Date of order of admission.....SEP 10 1931

Date certificate issued.....SEP 10 1931.....by the

U. S. District.....Court at.....New York City, New York.....

Petition No. 149883

Andrew Borogha
(Complete and true signature of holder)

Бланк натурализации в США. 1931 г. Личный архив А.Я. Серебрянского

мощник министра (тогда был министр Ягода) и помощник какой-то Петр? Помощник сказал – выбирайте себе любую одежду. Оденьтесь. То ли недостаточно шикарная одежда у них была, то ли как-то хотели вознаградить за работу. Не знаю, почему их туда повели⁶³.

Работа специальной диверсионной «группы «Я»» была так высоко оценена государством, что было принято решение о создании особой школы той же направленности. Из учебных групп и этой школы вышло много очень крупных разведчиков, героев войны и иностранных политических деятелей, так как школа была связана с Коминтерном⁶⁴.

Многим знакомы имена Вилли Фишера и Рудольфа Абеля, которые работали в разведке. В. Фишер во время американской командировки участвовал в работе над ядерной темой и назвался при аресте именем своего погибшего друга.

Мой дед, Анатолий Яковлевич, рассказывал:

Был еще целый ряд воспоминаний об отце в связи с вербовкой. Но что надо сказать: из группы отца, из школы отца вышло как мини-

⁶³ Здесь и далее курсивом выделен текст расшифровки аудиозаписей семейного архива Д.С. Сабининой. Запись от 12 марта 2025 г.

⁶⁴ Коминтерн – Коммунистический интернационал, III Интернационал – международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 гг. По формулировке Ленина – «союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах».

мум два министра: один Болгарии и один – Германии. Болгарский – Ванко Винаров (Иван Цолович Винаров с 1949 по 1964 гг. занимал должности помощника министра, министра путей сообщения и строительства, начальника Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ – Д.С.). У меня до сих пор есть книжка, которую отец подписал Ванко, но не пе-

редал, не успел. Я тоже не передал: когда я был в Болгарии, Ванко умер. Галина (это его жена) умерла, а сын в это время был в командировке в Москве, так что я никого не застал... Ванко мне ближе, потому что и он книжку написал, подписав для отца, и в Болгарии я был.

А второй – очень интересная личность сам по себе, Эрнст Волльвебер. Это вообще удивительный человек, антифашист, организатор колоссального совершенно антифашистского движения среди скандинавских моряков. С ним я не был лично знаком, и не было никаких связей. Он стал министром внутренних дел ГДР. Но его быстро оттуда прогнали, потому что он оказался не «по вкусу» тогдашней партийной ячейке команды Германии. Там тоже разные люди были.

Эрнст Волльвебер — с 1950 г. замминистра транспорта ГДР. В 1953 г. возглавил Министерство государственной безопасности ГДР. Занимал этот пост до 1957 г. В 1958 г. был обвинен в антипартийной деятельности и выведен из ЦК Компартии Германии.

Перед войной

Анатолий Яковлевич рассказывал дальше:

Вот фотография, где я маленький на руках у мамы на фоне гамака. Это на даче в Серебряном бору. Там дачу мы не снимали, это была государственная дача. На даче в Серебряном бору, как и в Москве на Гоголевском бульваре, родители очень много иностранцев принимали.

Когда Эрик, сват, дал почитать воспоминания своего дяди – Юрия Ломова, я неожиданно наткнулся у него на описание нашей дачи в Серебряном бору: «Один раз мы гуляли с папой около дачи, рядом на-

Паспорт, с которым Серебрянский приехал из СССР и натурализовался в США.

Личный архив А.Я. Серебрянского

**Полина Натановна Серебрянская с сыном
Анатолием. Серебряный бор. 1935 г.
Личный архив. А.Я. Серебрянского**

ного участка – Д.С.). Садился у крыльца в машину с отцом и водителем. Когда открывали ворота, я выходил. Позже дачи мы снимали, по Казанке, в основном, в Кратово. В Ильинке мы снимали потом, когда отец уже на пенсии был. В Кратово, например, тогда отец был после инфаркта. Ему запретили курить. Он не мог удержаться, прятался от мамы и покуривал. После 1938-го одно лето я проводил в Быково с Шелей, дядей Ильей, с моими братьями и сестрами, с Ирочкой и Сашей.

В то время, когда родители попали в заключение, чтобы не отдавать ребенка в детдом, его взяли сестры матери, Роза и Шеля. Они растили дедушку какое-то время, не отказались от него, сына шпионов и врагов народа. А родственники отца, у которого тоже были родные брат и сестра, почти не общались. Лишь двоюродный брат Арик⁶⁵, старший сын родной сестры отца – Мирры Исааковны, который был сильно взрослее моего деда, после войны нашел его и всю жизнь поддерживал связь. Он жил в Минске, в 1940 г. был призван на военную службу и попал в Ленинград. Он прошел всю войну с первого до последнего дня: от обороны Ленинграда до Победы, которую встречал в Будапеште и Вене. Но после войны долго учился в Москве: окончил Военно-юридическую академию и затем Военный институт иностранных языков. Владел многими европейскими языками, в том числе венгерским.

ходил в закрытый, служебный дом, где, кажется, останавливались иностранные работники Коминтерна. Нам встретились двое вышедших оттуда мужчин. <...> Я спросил у отца, кто это, и он ответил, что Ракоши – тогда новый лидер компартии Венгрии, и что он не верит этому человеку...» (Ломов-Оп-поков, 2013, с. 39).

В Серебряном бору я ездил «в Москву до ворот» (т.е. до ворот дач-

⁶⁵ Аркадий Тевелевич Лейзеров, профессор права (17 января 1922 – 12 марта 2007; г. Минск).

Шеля Натановна Бельенькая с невесткой Ниной Лордкипанидзе и племянником Георгием Бельеньким. Москва, вторая половина 1920-х годов

Еще перед войной в Москве жил некоторое время дед Исаак Израилевич Серебрянский. «Кабинетный дедушка», называл его маленький внук Толя. Деда, Исаака Израилевича, когда он приехал в Москву, поселили в кабинет отца, это стала его комната. После ареста младшего сына он переехал к старшему. Весной 1941 г. он резко решил вернуться домой в Минск. Брат Арик рассказал моему деду, как последний раз видели Исаака Израилевича. Большая часть семьи Серебрянских жила в одном доме в минском гетто. Когда в первые месяцы войны Минск был оккупирован, отряды СС периодически проводили «чистки»: врвались в дома и уводили всех, кого находили. Так или иначе, людям удавалось предупредить друг друга об очередной облаве. В доме была широкая входная дверь, которая открывалась вовнутрь. Открытая, она полностью перегородаживала и скрывала дверь в туалет. Вот в этом туалете и пряталась вся многочисленная семья от мала до велика. Расчет был на то, что небольшие отряды фашистов врвались в дома, не заботясь, чтоб закрыть за собою дверь. Не застав никого, они уходили. Пережив таким образом с десяток облав, еще осенью

1941 г., Исаак Израилевич заявил, что слишком стар, чтоб прятаться в собственном доме в туалете. В следующий раз он не скрылся, остался сидеть на кухне ... Его увели навсегда.

Других родственников со стороны отца мой дед нашел уже, наверное, в 1980-х годах. У его отца был старший брат Израиль Исаакович: его дочерей и внуков и нашел. А родственники мамы, тетушки, двоюродные сестры и братья вырастили его, несмотря на отсутствие родителей.

Мой дедушка, Анатолий Яковлевич, помнит, как в 1938 г. тетя Шеля сказала, что родители опять уехали в командировку. Он совершенно спокойно воспринял эту новость. Говорит, удивило лишь то, что мы переехали с Гоголевского бульвара из особняка, где внизу была (как предполагает дед) явочная квартира, а на втором этаже – жилые комнаты. Переехали в комнату в коммуналке на Тверском бульваре. И гости, помнит, совсем почти не приходили, это был сильный контраст по сравнению с предыдущей жизнью с родителями.

А вот еще фото – Шеля, Нина Лордкипанидзе с Гошей. Нина вышла замуж за Михаила – брата мамы. Это было в 1934 г. Его (Михаила Натановича Беленького – Д.С.) назначили начальником политуправления какой-то из железных дорог России (Управление дороги им. Кагановича г. Свердловск – Д.С.). Потом его разжаловали, посадили и расстреляли. Нину выгнали из партии, но не тронули (Шесть месяцев была под следствием – Д.С.): она писала покаянное письмо, где каялась в своей оппозиционной деятельности. Это такой смех, я сохранил полный текст. Потом ей позволили приехать в Москву, где она знала всех: Микояна, весь Кавказ, всю элиту. И она жила дальше здесь в Москве. У нее был сын Георгий Михайлович Беленький. Он стал врачом, доктором наук, профессором. Сильнейший специалист по венерическим болезням, по сифилису в СССР. До самой смерти был директором одной из больших венерических больниц в Москве. Долгое время работал в Институте повышения квалификации врачей. Он был очень красивый. Недавно нашли его фото под стеклом у тамошних женщин в институте. У него есть дочка Лена, это моя племянница, у нее есть сын. Сам Гоша, после ареста его отца, моего дяди Михаила, стал «сыном расстрелянного оппозиционера». Его тоже арестовали по 58 статье уже после войны. Он воевал, прошел всю войну, воевал хорошо, с орденами, молодец. В какой-то момент он приехал в Москву, и какая-то сволочь (сын кэзэбэшника из его же дома) посмотрел на него и сказал: «ты, жидовская морда, за сколько ты купил эти ордена?». Гоша ему вмазал как следует, очень сильно вмазал. Поднялся домой, и все рассказал матери. Нина говорит: немедленно собирайся и обратно на

фронт. Это было близко к концу войны. В тот же день его отправили.

Потом кончилась война и в 1948 г. его и арестовали. Я нашел упоминание об этом событии. Он до 1948 г. кончил медицинский институт. А упоминание – в книге некоего Дьякова, в его бытность в лагере: «Вчера к нам привезли молодого врача из Москвы, Георгия Беленького». И дальше о встрече с Гошкой. Значит, он просидел там до 1953 г., за это время подготовил материалы. А когда вышел, стал работать и очень быстро (в течение года или двух) защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Еще Гоша писал стихи. В этом альбоме у меня его стихи лагерные.

Из тех времен я помню, что играл тогда много на Тверском уже бульваре. И меня тетка определила в так называемую языковую группу, потому что попасть в детский сад было очень трудно. Группу вела немка, которая с самого начала войны исчезла, видимо ее интернировали. А изучали мы с этой немкой почему-то французский язык.

Война глазами ребенка

Когда началась война, тетушка моя работала бухгалтером в Наркомате [Народном комиссариате – Д.С.] сельского хозяйства. Вот она с этим министерством и уехала в эвакуацию. Ну, естественно, и меня с собой взяла. Но еще до отъезда я помню первые немецкие налеты. Помню, мы ходили через Тверской уже бульвар, там, где сейчас ТАСС, в те дома в подвал.

Эвакуация в Омск. Туда мы ехали в теплушках. Это товарный вагон, предназначенный для лошадей, например. Без окон, без всего. Но там же ехали люди. Потому что все нормальные вагоны, поезда, перевозили войска на запад. А мы ехали на восток. Это где-то в июле.

Когда мы приехали, нас поселили всех в каком-то сарае фактически. Я просто помню, как человек один шел домой и провалился в туалет. Ночью, в деревянный. Примерно такая была обстановка. Я не помню, чтоб было особенно холодно. Тетя Роза устроилась кассиршей куда-то, и поэтому у нас были какие-то дополнительные вкусности иногда. В частности, там я впервые попробовал сгущенку американскую. По-моему, там яичный порошок еще был.

В Омске я пошел в школу. Сам-то уже не помню, мне Валька (двоюродная сестра – Д.С.) рассказывала, как я ходил с чернильницей-непроливайкой в класс. Не было чернил в школе, и мы с собой носили чернила. В классе всякие дети учились. Помню, сосед по парте у меня был абсолютно лысый, постриженный. И я, значит, в какой-то момент полез его обнимать за плечи по-дружески. Потом оказалось, что это девица. Девочка. Да, тогда еще смешанные классы были.

Однажды тетю вызвали в НКВД. Я еще ничего не понимал, просто помню, что она со всеми попрощалась и взяла вещи, чемодан такой небольшой взяла. Потом вернулась очень взволнованная. Оказалось, родителей освободили, и они меня разыскивали.

Дальше приехала мама, всю войну с тех пор мама была рядом со мной. И нам дали отдельную комнату. А комната, куда мы переехали на короткое время, была в самом центре (Омска), возле здания НКВД. Кстати, когда я бывал потом в командировке в Омске, нашу первоначальную квартиру не нашел, я просто адреса не знал, мне потом сказали адрес. А комнату я нашел потом. Из эвакуации мы вернулись на поезде в самом конце 1941 г. Это уже был поезд, а не теплушка. Туда мы ехали же в теплушках. Чтoб вернуться, отец получал нам разрешение. Он в то время находился на лечении в госпитале в Москве. Освободили его в очень тяжелом состоянии, и он несколько месяцев пробыл в больнице.

Помню, мы приехали с мамой. Вдруг на вокзале стоит вот совершенно огромный мужчина в кожанке и в кепке. Отец улыбался, подхватил меня на руки и подбросил высоко-высоко. Я совершенно его не помнил. Ну, когда мне было 5 лет, что я мог запомнить? Но вот первое впечатление, что я лечу вверх, и меня подхватывают руки отца – это, конечно на всю жизнь. Я даже допускаю, что отец сбежал из больницы, чтобы нас встретить.

Потом мы ездили с мамой на Варсонофьевский переулок, в ведомственную больницу его навещать. Запомнилось, что по радио передавали об освобождении Наро-Фоминска и Белева. (То есть это было после 31 декабря 1941 г., т.к. Наро-Фоминск был освобожден 28 декабря, а Белев 31 – Д.С.).

Когда мы вернулись из эвакуации, мы жили в гостинице Москва. Оттуда помню всё пропитавший запах мази Вишневского. Мама вернулась из тюрьмы с довольно тяжелым ревматизмом. И ее лечили, время от времени обмазывая этой мазью. Ну, она потом встала на ноги, в конце концов. Там мы тоже регулярно спускались в бомбоубежища. Убежища прямо в гостинице в самом низу были. В моей памяти – весьма комфортабельные. Ну, гостиница Москва принимала, по сути дела, всех иностранцев, которые в Советский Союз тогда приезжали.

Иногда мы задерживались при сигналах тревоги, и я пару раз слышал взрывы. Но по Кремлю, вроде, ни разу не попадали. Вот однажды, я запомнил: выхожу из гостиницы, и мимо меня идет команда девушек в форме, которые несут эти баллоны защитные (азэростаты – Д.С.), которые поднимали против самолетов.

И буквально через полгода, очень быстро мы переехали. Нам дали

А.Я. Серебрянский у портрета отца в московском музее на Поклонной горе. Вторая половина 1990-х годов. Личный архив. А.Я. Серебрянского

квартиру на улице Горького. Сам процесс переезда я не помню, но мы очутились в новой квартире. И там уже жили до (последнего, в 1953 г. – Д.С.) ареста родителей. С квартирой еще вот что связано. Я помню, что нам не приходилось покупать ничего. Квартира была полностью меблирована и на всех этих шкафах, кроватях, столах была металлическая бляшка «спецотдел», что это не наше, а нам выдали.

Отец уезжал и приезжал. Но эти поездки не остались у меня в памяти, потому что даже когда он был в Москве, мы по времени с ним очень здорово расхodziлись. Он просыпался примерно в 10–11 утра. Я в это время был в школе. После этого он уезжал и очень редко приезжал обедать. В основном он обедал там. Приезжал домой спать где-то в 3–4 часа утра. Это именно во время войны. Потому что там же такой режим был – они сидели на работе, пока сидит министр. А министр сидит, пока Сталин сидит.

Первый год в Москве я не учился. Когда мы в декабре приехали, я в школу-то не пошел. Второй год у меня был брюшной тиф. Я проболел тяжело. А третий год я пошел в третий класс сразу. Я читал свободно и с удовольствием, считал все, как надо.

О судьбе деда мы узнали в 1942 г., когда Арик (брат, Аркадий Те-

велевич Лейзеров – Д.С.), прошедший с армией Минск, насколько мог, разузнал о судьбе родственников. Он приезжал к нам в Москву. Еще два моих двоюродных брата со стороны мамы: Алеша, сын маминой сестры Инны, и Юра, маминого брата Марка, погибли в 1941 и в 1942 годах. Алешу я с начала войны уже не видел. Старший, Юра, к тому времени кончил третий курс Биофака МГУ и ушел на фронт. Не призывали, а он сам ушел на фронт. Его сестра Таня была недолго с нами в эвакуации в Омске. Потом, значит, Юра оказался в партизанском отряде в Белоруссии. И оттуда он получил какое-то направление, командировку в Москву. Он приехал к нам, зашел к нам, побыл у нас. И мама моя дала ему с собой лук и чеснок. Потому что боялись цинги, и он сам сказал, что у них нехорошо с этим. В Белоруссии было мощнейшее партизанское движение.

Вот партизанское движение, об этом надо рассказать. Отец организовывал партизанское движение, в том числе в Беларуси. В музее на Поклонной горе есть большая его фотография. Я с бабушкой (с супругой, Эллой Алексеевной Серебрянской – Д.С.) ходил в музей на Поклонной горе. Мы пришли сами, я хотел сфотографировать портрет отца в музее, достал фотоаппарат, а мне говорят – «нельзя». Я тогда нашел администратора, объяснил, что это мой отец, и мне разрешили. Вот поэтому у нас есть эта фотография.

Лето я проводил на даче в Малаховке. Там было много иностранцев. Меня почему-то часто оставляли с ними. Помню высокого веселого Фрица и его друга. Однажды они собрались в кино, и меня, чтоб не оставлять одного, взяли с собой. В кино нас не пустили. Был фильм для взрослых, и с ребенком было не пройти, несмотря на все их обаяние. С ними же я первый раз стрелял из настоящего пистолета. Там стояли мишени у забора, и они дали мне попробовать. Это лето 1943 г., мне почти 10 лет было.

Как закончилась война, как я узнал о победе, не скажу сейчас. На Параде Победы на Красной Площади я не был, а отец был. Потом отец брал меня на все парады, когда был в силах, после войны. А на Парад Победы не взял, хотя мог бы, за что я очень обиделся на отца – я тогда был в пионерском лагере, и он почему-то решил не трогать меня, вместо того, чтоб туда приехать и меня с собой привезти.

Война майора Серебрянского

Майор госбезопасности П.А. Судоплатов, которому в самом начале войны было поручено возобновить диверсионно-разведывательную деятельность, не побоялся попросить амнистии не конкретно для Серебрянского, а для целой группы разведчиков-нелегалов, находя-

щихся в заключении, тех, с кем работал ранее, с кем прошел войну в Испании, другие войны и спецоперации. Он мог сам за это заплатить, но, тем не менее, он дважды писал служебную записку с просьбой об освобождении.

По одной из версий, список Судоплатова в июле 1941 г. показывал «хозяину» сам Л.П. Берия. Сталин, почти закончив встречу, как бы, между прочим, спросил: «А где тот эсер (имея в виду Я.И. Серебрянского – Д.С.)... Чем он занят?».

Когда Якова Исааковича и Полину Натановну Серебрянских освободили и восстановили в правах, был уже август 1941 г. Якову Исааковичу даже вернули Орден Ленина и Орден Красного знамени с орденскими документами. Это были уже новые ордена и документы с другими порядковыми номерами, т.к. предыдущие были пущены на переплавку после обвинения в госизмене.

Несмотря на плачевное состояние здоровья, Яков Исаакович сразу включился в работу. Первыми задачами стали организация диверсионно-разведывательных групп в тылу врага и диверсионного подполья на случай взятия Москвы. Проводилось минирование значимых объектов города и подготовка отдельных специалистов-диверсантов, готовых положить свою жизнь, но выполнять задания в ключевых точках обороны страны. Такой была, например, Анна Федоровна Камаева — молодая девушка 22 лет, по типуажу внешне разительно напоминавшая Еву Браун. Ее готовили для устранения Гитлера в Москве в случае взятия города. Было очевидно, что если миссия состоится, сама она не выживет.

В первой половине осени были сформированы войска особой группы, те, что станут диверсионным спецназом, которого не существовало ранее. Планы по его созданию оборвались в 1938 г. с арестом Серебрянского, уже собирающего подобные формирования, в том числе за рубежом.

Мой дед говорил: *«Мы никогда на своем веку не узнаем всего масштаба той огромной работы, которую отец (Я.И. Серебрянский – Д.С.) прodelывал во время Второй Мировой войны. Достоверно мы знаем о его неоспоримой роли в организации партизанских движений, как советских, так и иностранных.»*

Среди виртуозных операций того сурового периода, связанных с партизанским движением, есть две, ставшие хрестоматийными. Первая называлась “Монастырь”».

Эта операция началась в пору разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В изменившейся ситуации противнику требовалось больше информации о вооруженных силах и ресурсах СССР, более

глубокая разведывательная сеть, в том числе в тылу. Замысел НКВД состоял в предоставлении немецкой разведке каналов связи с якобы существующей в Москве в Новодевичьем монастыре (где в это время были жилые квартиры) антисоветской церковно-монархической организацией, для последующего дезинформирования врага.

Зимой 1942 г. за линию фронта перешел Александр Петрович Демьяненко, агент «Гейне». Он был из дворянского рода, вел богемный образ жизни, был знаком с артистами, бывал на скачках, даже держал лошадь на ипподроме. Еще до войны постарался быть замеченным военной разведкой и контрразведкой Третьего рейха, взят в разработку с псевдонимом «Макс». Он рассказал немецкому командованию об антисоветском объединении, которое желает выйти на связь. Перспектива агентской сети прямо в центре советской столицы показалась реальной, и агента «Гейне», снабженного деньгами и инструкциями переправили обратно в СССР. До самого конца войны передаваемые из Москвы сообщения не подвергались критике или разоблачению. Английские агенты, внедренные в Абвер, даже докладывали о нем Черчиллю, который, в свою очередь, в 1943 г., сообщил о шпионе Сталину. За годы войны в результате дезинформации удалось удержать крупные соединения немецких войск под Ржевом во время Сталинградской битвы, получить преимущество на южном направлении во время битв за Курск и Орел, задержав вражеские соединения севернее Курска сообщениями о готовящихся там прорывах для контрнаступления. Операция «Монастырь» за годы Великой Отечественной позволила разоблачить более 50 агентов Абвера и предателей только в Москве, получить 4 рации, коды и шифры, а также несколько миллионов рублей, переданных на поддержку якобы существующей в Новодевичьем монастыре монархической организации «Престол».

В ноябре 1945 г. Я.И. Серебрянский за участие в этой операции был удостоен второго Ордена Красного знамени.

Агента «Гейне», учитывая предыдущий оглушительный успех, решено было задействовать и в другой «радиоигре» – операции «Березина». До немецкого командования надо было донести информацию, о том, что в тылу Красной армии действуют остатки немецких войск. Что крупная немецкая часть, попавшая в окружение в районе реки Березины в Беларуси, потеряла связь с командованием и остро нуждается в продовольствии, медикаментах и оружии.

На роль командующего несуществующим немецким подразделением был выбран взятый в плен в 1944 г. и завербованный оберстлейтенант (подполковник) Г. Шерхорн, командующий полком тыловой охраны. Выбран он был не случайно, а как человек, наименее извест-

ный берлинскому командованию.

В Берлин соответствующая информация была передана, и помощь «окруженцам» одобрена, так как легенда имела под собою крепкое основание – в лесах Белоруссии действительно оставалось много небольших разрозненных отрядов. Г. Шерхорна, якобы взявшего на себя командование тысячным формированием, также проверяла германская контрразведка.

В итоге на близлежащий партизанский аэродром были налажены поставки продовольствия и вооружения, направлялись связные с радиооборудованием. Агентов перевербовывали и включали в радиоигру. В скором времени количество участников операции увеличилось, и в Берлин поступило сообщение о рассредоточении сил в целях конспирации. В игре было уже три канала связи, и поставки довольствия выросли.

Немецкое командование настолько было убеждено в реальном существовании находящейся в тылу Красной армии части, что регулярно присваивала личному составу очередные звания, представляло к наградам и поздравляло с праздниками.

И лишь 5 мая 1945 г. последняя шифрограмма оповестила о прекращении снабжения и окончании радиосвязи. За операцию «Березина» Я. Серебрянский повторно был награжден Орденом Ленина.

Соратники и ученики

А.Я. Серебрянский в разговоре со мной сказал *«Теперь что еще надо. Теперь последнее, что я хочу, чтоб ты рассказала более подробно. Ученики отца, кого он обучал, инструктировал, с кем работал лично, участвуя в вербовке агентов или крупных операциях, вот о ком надо обязательно упомянуть»*.

Румын Ференц Патаки, знакомый Серебрянского еще с начала 1920-х годов, коминтерновец. В августе 1943 г. он был заброшен с группой в Закарпатье, в тыл врага. Организовал партизанское движение, логистику, связь, добрался до Будапешта. Через год, в августе 1944 г. в Венгрии был схвачен и затем расстрелян там в тюрьме. Поле войны на месте расстрела ему воздвигли памятник. Орденом Красного Знамени награжден посмертно.

Константин Константинович Квашнин окончил с отличием Московский Электротехнический Институт Связи в 1937 г., и был принят в только что образованную аспирантуру. В том же году осенью его вызвали на Лубянку. Вызван он был, как оказалось, Я.И. Серебрянским, который после непродолжительного разговора предложил пройти специальную школу при органах госбезопасности. Константин Кон-

стантинович согласился. «Изучали языки, автовождение, подрывное дело, занимались стрелковой подготовкой, серией специальных дисциплин...» (Квашнин, 2002, с. 23). Проучиться довелось совсем не долго – в 1938 г., после ареста Серебрянского школа была расформирована. Однако ученики стали еще более востребованными специалистами. Квашнин занимался радиомониторингом, затем работал в специальном отделе оперативной техники.

Во второй год войны в 1942 г. Константин Квашнин, будучи прикомандированным к ОМСБОН⁶⁶, вновь был привлечен Серебрянским для оперативной работы. В 1943 г., проехав полмира, побывав и в Азии, и в Африке, Квашнин осуществлял взаимодействие между службами разведки СССР и Великобритании в Лондоне. В 1944 г. направлен в Югославию, в партизанский край, в советскую военную миссию при штабе Иосифа Броз Тито в качестве советника по диверсионной деятельности и офицера связи. Здесь сошлись интересы всех союзников: за влияние на будущего лидера Балкан боролись наравне с Советской, Английская и Американская миссии. Ставка Тито в городе Дрвар попала в окружение. Из окружения Тито вывести удалось. Курьезная история имела место во время этого опасного пути. В Британской миссии под видом журналиста присутствовал сын Черчилля, Рэндольф. Ему обещали выслать военные самолеты для эвакуации самого Тито, партизан и сотрудников миссий, но до места встречи нужно было выбираться по горным тропам, отрываясь от немецких преследователей. В некоторых воспоминаниях того времени Рэндольфа описывают как человека неуравновешенного и склонного к злоупотреблению спиртным. И вот самый опасный отвесный спуск в горах, на пути к выходу из окружения, необходимо было преодолевать в связках со специальным альпинистским снаряжением. Квашнин, к своему неудовольствию, оказался страхующим сына британского премьера. При начале спуска Рэндольф начал петь, и его никак не могли успокоить. Пришлось вырубить певца и спускать его отдельно на веревках, ведь отряды карателей шли по пятам, рассказывал Константин Константинович. Но в итоге цель была достигнута, и британские союзные летчики действительно перебросили всех вышедших из окружения в г. Бари.

После Победы в середине 1945 г. К. Квашнину предложили перейти на преподавательскую работу в Высшую разведывательную школу начальником кафедры оперативной техники. А закончив военную

⁶⁶ ОМСБОН НКВД СССР – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения Народного комиссариата внутренних дел Советского Союза.

службу, Константин Константинович стал инженером научно-исследовательской лаборатории радиовещания.

Юрий Антонович Колесников родился в Бессарабии, тогда, в начале прошлого века – Румынской территории. Молодой человек сталкивался с проявлением фашистских и антисемитских настроений, в частности, при поступлении в высшее учебное заведение. Он сразу начал сопротивляться, собрал единомышленников. В 1940 г., когда Бессарабия вошла в состав Одесской области, органы НКВД предложили Колесникову сотрудничество в борьбе со «шпионской организацией, состоявшей из бывших фашиствующих румынских офицеров» (Колесников, 1995, с. 4). Пройдя с успехом такую проверку, в первые годы войны Юрий Антонович оказался в качестве военного переводчика сначала в Москве, потом в Куйбышеве, куда эвакуировали правительство. Там он и повстречался в 1942 г. с Яковом Исааковичем Серебрянским. Оказалось, к перспективному молодому человеку давно присматривались, и ему было предложено пройти специальную школу в Уфе.

Впоследствии Колесников был направлен в ставку Ковпака. Многие славные подвиги совершали партизанские соединения. Дважды во время войны Колесников был представлен к званию Героя. При операции по переправке наших войск через Неман, силами одного его батальона удалось уберечь от взрыва мосты и избежать потерь. За это партизанские командиры представили Юрия Колесникова к званию Героя, и как оказалось, генерал Белорусского фронта подавал соответствующее прошение. В другой раз группа Колесникова, устранив немецкую охрану, получила в свое распоряжение три эшелона с танками, горючим и вооружением. Частично оружие было передано партизанам, а танки действующим частям Советской армии. Звезда Героя нашла его позже, по ходатайству Союза писателей: Юрий Антонович был членом Союза писателей более 40 лет, писал художественные произведения и исторические статьи. Гонорар, полученный от одной из своих книг о разведке «Среди богов» (2014), Колесников потратил на покупку ниши и перенесения праха Я.И. Серебрянского и его супруги П.Н. Серебрянской на второй этаж колумбария Донского кладбища в Москве.

А.Я. Серебрянский рассказывает:

Во время войны отличились и многие ученики отца. Например, был такой Николай Варсонофьевич Волков. Целая история связана с ним. Это были достаточно близкие родителям люди. В Париже они работали вместе. Николай женился на француженке Поллет, Поля ее звали.

Там еще отдельная история, я могу долго рассказывать. В общем,

он был руководителем партизанской группы, которая была заброшена в Словакию, когда уже кончалась война. Первоначально у него была группа в 15 человек. Кончилось тем, что эта группа постепенно разрослась до партизанской бригады, в которой уже было несколько тысяч человек. И он после войны был избран, точнее, получил звание почетного гражданина города Банска-Быстрица. Я нашел в интернете его биографию. В 1939 г. он был командирован в Китай. Там написано, задание дал ему руководитель группы, ныне арестованный Серебрянский.

Волковы бывали у нас. Мама эту Полетку очень любила. И совершенно случайно (я забыл почти о них) перебирал бумаги и нашел письмо. Коли, по-моему, уже в живых не было, тогда он умер, и они (кто-то из них) поздравительную открытку маме по поводу какого-то праздника отправили. И там телефон. Лет 20 назад, ориентировочно, я эту карточку нашел, взял и позвонил по этому телефону. Подошла женщина: «Здравствуйте» – «Здравствуйте». «Вам фамилия Серебрянский что-нибудь говорит?» Она говорит: «Господи, конечно, говорит!» Это Кира была, дочка Поллет и Коли. Она старше, помнила меня, но уверена была, что я родился в Париже. Она видела и знала отца. А потом я был у них на юбилее Поллет. Полина Ароновна (в России она стала Ароновна) была француженка, но еврейского происхождения. По-русски она говорила. В моей памяти она как черный галчонок, и все время курила. Была ли она эмигранткой первой волны, в первом поколении, я не знаю. Я только знаю, что отец перетащил их в Россию: и ее, и ее отца – деда Аарона. И что Аарон устроился слесарем на какой-то завод в Москве. Поллетт, уже в возрасте, пошла какую-то форточку открывать-закрывать, и воспаление легких – и нету. Когда умерла, ей 99 лет было. У Кире еще младший брат Борис есть, он доцент был в авиационном институте. Кира мне рассказывала, как мой отец присутствовал на похоронах ее деда Аарона. Вот она тоже была. Я, маленький, не был.

Про жемчуга... В Париже у отца до 1937 г. была фабрика по производству искусственного жемчуга. Кира рассказывала, что, когда отец уехал в Москву, он просил навести порядок там, на фабрике. Чисто такой, чисто технический порядок, подмести там и что еще. И потом, насколько я понял, поручили им организовать продажу этой фабрики. Единственное, что я могу тебе сказать: какие-нибудь ее, Поллет реакции: когда я спросил, вы помните фабрику жемчуга? Да, говорит. Помню, у нас было очень много искусственного жемчуга. Вот что она вспомнила в свои 90 с чем-то лет. Потом Муза, Муза Эйтингон сделала две фотографии отца и матери. Большие-большие. И эти

фото ламинировала. И я решил Поллетке подарить портрет мамы. Я пришел к ним, принес этот портрет. Она на него посмотрела: «Ух говорит, Поля!» Потом я потерял с ними связь. У них же была квартира на Остоженке. Потом они затеяли там ремонт. А теперь квартиры на Остоженке стоят как самолет. Просто они могли переехать, сдать, продать. И телефон потерялся.

Многие другие потрясающие личности, люди необычных судеб, соотечественники и иностранцы, со своими жизненными счастливыми или трагическими историями работали вместе с Серебрянским. Его круг общения и рабочих связей был невероятно широк. Так закончилась для Якова Исааковича военная глава его биографии.

Послевоенные годы

В 1946 г., после окончания войны, Яков Исаакович вынужден был уйти в отставку по просьбе своего непосредственного начальника П.А. Судоплатова. Министром государственной безопасности был назначен В.С. Абакумов, в 1938 г. ведший дело против Серебрянского. Стало понятно, что его могут в очередной раз отправить под следствие. Выйдя на пенсию по состоянию здоровья, Серебрянский работал с издательством «Иностранная литература», занимался переводами.

Но в марте 1953, после смерти Сталина он был вновь приглашен на работу в 9 отдел МВД, являющийся преемником 4 управления НКВД (НКГБ–МГБ⁶⁷). И в том же 1953 г., в ходе очередных перестановок в руководстве органов с приходом Н.С. Хрущева и следующих за ними «чисток», полковник госбезопасности Я.И. Серебрянский был арестован. Вновь всплыли обвинения по старым делам для обоих Серебрянских. Уже в четвертый раз попал в заключение, Яков Исаакович «умер на допросе» у следователя Царегородского. Остановилось, не выдержало сердце.

Полностью реабилитирован Яков Исаакович был усилиями жены и сына лишь в 1971 г. Сама Полина Натановна до 1956 г. пробывала в заключении. Реабилитирована лишь спустя 10 лет в 1966 г. В общественное информационное пространство упоминания о Серебрянском просочились гораздо позже – в 1990-х годах. Первым, обратившимся к судьбе Якова Серебрянского, был Юрий Антонович Колесников (Колесников, 1995). В 1995 г. в газете «Красная звезда» вышла его статья под названием «Я – из группы “Я”». Затем пошел уже шквал публикаций и фильмов.

Анатолий Серебрянский повторял, что отец бы крайне удивился,

⁶⁷ НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности; МГБ – Министерство государственной безопасности

узнав, что о его жизни и работе говорят вслух, обсуждают. Как и если б узнал, что потомки его сотрудников, соратников и его собственные встречаются вместе почтить память разведчиков-нелегалов на Донском кладбище в Москве, где многие из этих славных героев Родины нашли свое последнее пристанище.

Источники

Личный фотоархив и архив документов А.Я. Серебрянского.

Семейный архив Д.С. Сабининой.

Видеоархив Живые голоса 3.6.3, <https://youtu.be/coG4pGtKNuY?si=vORRKzVpOafriTH1> (дата обращения 01.02.2026).

Литература

Антонов В.С. Яков Серебрянский. М: Молодая гвардия, 2020. 295 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1795)

Линдер И.Б., Чуркин С.А. Диверсанты: легенда Лубянки – Яков Серебрянский. М.: РИПОЛ классик, 2011. 688 с.

Ломов-Оппок. Ю.Г. Незаменимые. М.: Литературная Россия, 2013. 264 с.

Квашнин К.К. Воспоминания Ветерана. М: ОАО «МинИн-Центр», 2002. 77 с.

Колесников Ю.А. Я – из группы «Я» // Красная звезда (газ.). 20.04.1995. С. 4.

Колесников Ю.А. Среди богов. Неизвестные страницы советской разведки. М.: Книжный мир, 2014. 848 с.

IV

**ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА,
ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!**

Е.П. Китов

**СРЕДИ ДАЛЕКИХ ГОР.
ВОЙНА, ШКОЛА И СУДЬБА:
ПУТЬ ОЛЬГИ ЕГОРОВНЫ ЛАВРЕНТЬЕВОЙ
(КОЛОДКИНОЙ)**

Статья посвящена работе учителя в Таджикистане во время Великой Отечественной войны. Молодую девушку из Ростовской области, отправили по распределению после окончания педагогического училища в дальний регион СССР на 2 года. Воспоминания, записанные автором статьи на основе многолетних семейных бесед, рассматриваются как источник по повседневной истории военного и раннего послевоенного времени, а также по становлению системы народного образования в Таджикистане. На материале личной биографии прослеживаются условия работы педагогов в сельской местности отдаленных районов на юге Средней Азии.

ЭТИ воспоминания – не просто личная хроника, а часть большой истории страны и семьи. Через судьбу одной молодой учительницы можно увидеть, как война и послевоенные годы изменяли жизнь людей, как складывалась система народного образования в Таджикистане, как формировались человеческие связи и судьбы. Они соединяют бытовые детали, трудовые будни и большие исторические события: от первых шагов в сельских школах до участия в съезде учителей, от радости Победы до переезда в новые места. Это свидетельство времени, когда каждое усилие педагога было направлено на общее благо, а личная стойкость становилась частью истории народа. Эти воспоминания — это результат долгих разговоров с бабушкой и вопросов на разные темы, по моей неоднократной просьбе она написала воспоминания о своей жизни и работе. Конечно, спустя годы, эта информация уже результат переживания и романтизации времени, когда она была молодая, но, тем не менее, даже в таком формате эти данные являются важным источником информации для понимания работы учителя в Таджикистане в годы Великой Отечественной войны.

Все мое детство прошло рядом с бабушкой по материнской линии

в городе Турсунзаде (современный Регар) в Таджикистане. Она жила вместе с нами и взяла на себя заботу о трех внуках по линии дочери: родители постоянно были заняты на работе – мама работала завучем, а отец сначала трудился на алюминиевом заводе, позже руководил кооперативами и строительной организацией.

Когда я однажды спросил ее, почему она решила уйти на пенсию, бабушка ответила: «Однажды нервы не выдержали, я хотела наказать ученика – и поняла, что пора уходить». В этих словах чувствовалась ее честность и строгость педагога, но дома она была совсем другой: доброй хранительницей тепла, гостеприимной хозяйкой и нашим защитником. Она умела сглаживать острые углы и не позволяла родителям слишком строго нас наказывать за детские шалости.

Я не помню, чтобы бабушка когда либо кричала на нас. Скорее она мягко отчитывала, объясняя, как поступать правильно. Помогая с уроками, она часто помогала дописывать мне сочинения или изложения (которые я писать не очень любил), настойчиво подводя к результату и итоговому тексту. Обсуждала прочитанные нами книги и беседовала на разные темы. Но главное – она делилась историями: о своем детстве на берегу Дона, о работе в Таджикистане, куда ее отправили молодой девушкой после окончания педучилища в семнадцать лет. В ее рассказах были истории о предках и многочисленных родственниках, разбросанных по территории огромной страны. Одни переселились в район кыргызского Иссык Куля еще по столыпинской реформе – мы навещали их и сохраняли связь. Другие нашли новый дом в Средней Азии уже в предвоенные и послевоенные годы.

Бабушка была связующим звеном между родственниками, жив-

На стр. 312: 3 класс «Б» Константиновского педагогического училища Ростовской области. Фотографировались после школьного собрания по окончании учебного 1940-1941 гг. 31 мая 1941 г. Слева направо: нижний ряд Живагин Андрей, Быкадорова Валя, Запорожцева Юлия, Алексеева Пана, Московкина Стеша, Плакунова Мотя. Следующий ряд (педколлектив): Николай Федорович Антонов (завуч), Ольга Демьяновна Надолинная, Иван Федорович Дергязов, Николай Николаевич Маринаки, Петр Гаврилович Ермаков, Дмитрий Петрович Храмов (классный руководитель), Софья Федоровна Репнова (директор), Александра Григорьевна Шиндлер, Ольга Ивановна Штейнингер, Михаил Данилович Яицкий, Александр Васильевич Галкин, Василий Георгиевич Юдин. Следующий ряд слева направо: Кочанова Таня, Высоцкая Люба, Ивашуткина Домочка, Овчарова Шура, Исаева Нюся, Оськин Владимир (староста), Соколова Нюся, Баранников Вася, Курносова Шура, Колодкина Оля, Рыжкина Зоя, Селиванова Поля, Богородская Куляша (Лина), Попова Валя. Верхний ряд: Горин Петр, Пономарев Арефий, Аникеева Зоя, Зоя (?), Забурунная Клава и Сазонов Николай

Семья: Георгий Иванович Колодкин с женой Татьяной Васильевной и детьми: (слева направо) Иван, Алексей, Ольга, Степан, Евдокия (Таджикистан).

Кзыл-Мазар, Таджикистан, конец 40-х годов

левые командиры или их близкие родственники в годы гражданской войны.

Моя бабушка по маминой линии – Лаврентьева (Колодкина) Ольга Егоровна – родилась 7 августа 1923 г. в селе Большая Казинка Павловского района Воронежской области. Ее отец, Егор (Георгий) Иванович Колодкин, происходил из потомственных кузнецов, работавших на несколько сел. Он прошел три войны. В Первую мировую служил вместе с братом Тимофеем, который дослужился до младшего офицера и погиб у него на руках от немецкой пули в Германии. В Гражданскую воевал разведчиком на стороне красных, а затем прошел и всю Великую Отечественную.

Мать, Татьяна Васильевна Лебедева, происходила из казенной⁶⁸ деревни. Ее отец был отставным младшим офицером, а мать – сиротой. Родители были грамотными и жили в селе Кулаковка, через Дон от Казинки. В семье росло шестеро детей: Оля, Степан, Алексей, Мария⁶⁹, Иван и Евдокия. Жизнь была нелегкой: отец работал кузнецом, затем на мельнице – сначала в Казинке, потом в Павловске. Позднее семья вернулась обратно в Казинку, но трудности заставили их переехать в

шими от Украины до Дальнего Востока и до юга Средней Азии. Каждое лето мы ездили в Россию, навещали ее друзей и наших родственников. Меня всегда удивляло, что в городе ее знали многие и относились с почтением. Среди ее учеников были и руководители города, и по-

⁶⁸ Казенные (также государственные) деревни — поселения особого сословия крестьянства в Российской империи XVIII–XIX веков. Крестьяне жили на государственных землях и платили подати в казну, не имели статус крепостных.

⁶⁹ Мария трагически погибла ребенком.

Ростовскую область, в станицу Камышевскую, где, по словам бабушки, казаки жили более зажиточно.

В июне 1941 г. Ольга окончила педучилище в станице Константиновской (ныне город Константиновск Ростовской области). По распределению ей предложили несколько направлений: Ростовскую область, Таджикистан, Красноярский край и Дальний Восток. «Захотелось экзотики», – вспоминала она, и выбрала Таджикистан, куда Министерство просвещения запросило 120 учителей.

Известие о войне застало ее дома: отец пришел с работы и сообщил новость. На семейном совете решили, что поехать нужно. Так в июле 1941 г. она получила направление на работу в Таджикистан сроком на два года.

Из Константиновского училища туда отправили пять девушек: Мотю Плакунову (Косолапкину), Полину Селиванову (Морозову), Шуру Любимову, Юлю Запорожцеву и Ольгу Колодкину (Лаврентьеву). Юля в итоге не поехала. В Ростове-на-Дону в облоно⁷⁰ им выдали направление и выдали по 660 рублей; подъемные и командировочные должны были получить на месте.

Из Ростова они отправились пассажирским поездом до Пензы, а дальше – в товарном вагоне. Дорога до Сталинабада заняла 14 суток. По пути Ольга заболела, но подруги и соседи не выдали ее при проверках по поиску больных, ухаживали и лечили, кто то делился лекарствами. Выехали 1 августа, а 4 го ей исполнилось 18 лет. 14 августа они прибыли в Сталинабад (Душанбе).

Через десять дней всех прибывших распределили по областям. Ольгу направили в Куляб, а затем в Кангурт. Везде звучали рыдания и плач – мобилизованных отправляли на фронт. Кангуртский роно⁷¹ распределил учителей по школам в кишлаках. Ольга попала в начальную школу в четырех километрах от райцентра, а также должна была работать во второй школе – в горном кишлаке, в пяти километрах от первого. Эти школы относились к колхозу имени Крупской.

Воспоминания Колодкиной (Лаврентьевой) Ольги Егоровны

До первого кишлака, в долине, я доехала на попутной бричке 31 августа. На окраине кишлака протекал большой арык, стояло глинобитное односкатное здание с двумя отделениями и двумя входами: в первом – почтовое отделение, во втором – классная комната. Возница сказал: «Это мактаб!» Я уже знала три слова: мактаб, муаллим, салом – школа, учительница, здравствуй.

⁷⁰ Облоно – Областной отдел народного образования.

⁷¹ Роно – Районный отдел народного образования.

Из почтового отделения вышел улыбчивый парень, о чем то говорил с возницей, потом сказал мне: «Идем к председателю». Он сносно говорил по русски, помог донести чемодан и привел меня во двор.

Во дворе, на домотканом паласе, сидела женщина с ребенком на руках, рядом еще двое ребятишек. Она пила чай и, ополоснув ту же пиалу, налила его мне. У меня было несколько кусочков сахара – я отдала их детям. Я нехотя выпила чай. Мухи жужжали, и мне стало очень тоскливо.

Женщина все о чем то говорила и повторяла: «раис, раис», а я ждала какую то Раису. Потом узнала, что «раис» – это председатель. Пришел мужчина – председатель колхоза. Он определил меня на квартиру к бригадиру.

Меня встретили бригадир (он тоже немного понимал русский) и старик. Пригласили в дом, где была пустая комната с одним окном недалеко от двери. Ни стола, ни табуретки. Половина комнаты была выше другой на пятнадцать сантиметров. Высшая часть покрыта самотканым паласом, вдоль стен расстелены узкие ватные длинные одеяла – курпачи. Это была комната для гостей.

Потом пришла жена бригадира Ситора. Оказалась моей ровесницей и учительницей третьего класса. В первой половине комнаты была круглая яма, накрытая крышкой. Это печка, где пекут лепешки и зимой греются. Яма была хорошо утрамбованная и отштукатуренная, лепешки прилепляли по бокам. Зимой на неё ставили столик – сандал, накрывали толстым одеялом и садились вокруг: ноги под одеяло, а в печке – раскаленные угли.

Вечером мы ужинали на полу. Ели шурпу одной ложкой по кругу – пять человек. Мне налили в тарелку и дали отдельную ложку. Лепешки были вкусные. Потом я узнала, что плов у них едят руками.

Вечером мы сидели около дома, и я получила первый урок таджикского языка. Моей первой учительницей стала Ситора. Она показывала на предметы и называла их по таджикски, а я – по русски. С утра – уроки. Послезавтра – другой кишлак. Так началась моя педагогическая деятельность.

В первый день я знакомилась с учениками. Девочки – великовозрастные, третьего четвертого классов, мальчики – по возрасту. Девочки в свободных платьях с длинными рукавами, все в украшениях – на груди, в ушах и даже в носу. Учителя я в первый день не видела. Дети по русски ничего не знали, только «учитэл» и «ишак». Книг почти ни у кого не было. Второклассников пришлось учить и читать, и писать.

На второй день я пошла во второй кишлак. Поднялась в гору, на-

шла школу. Учитель встретил меня. Так я начала учить детей таджиков и узбеков русскому языку, а многих – и грамоте.

Вскоре познакомилась с Ирой Ведерниковой, учительницей из соседнего кишлака. У нее была отдельная комнатка в доме вдовы. Ира приехала из Сталинабада (после смерти И.В. Сталина город стал называться Душанбе). У меня комнаты не было, и Ира предложила жить вместе. Я перешла к ней. У меня была подушка, простынь и пальто. В кишлаке купила ватное одеяло за 150 рублей, и мы вдвоем спали на одной узкой кровати.

Нас было семь девушек – четверо из Ростова и трое сталинабадских. В четверг после уроков все собирались у нас. А в выходные (базарные дни), которые приходились на пятницу, мы шли в Кангурт на базар, закупали продукты.

Я заболела малярией – меня трясло через день, всегда в одно и то же время. Болезнь измучила меня так, что я ходила с палочкой. А к ноябрю я не могла поднять ноги, и меня отвезли в больницу, где я пролежала месяц. На выписку за мной пришла Ира. Мы пошли домой по первому снегу. Дома, как и во всем кишлаке, не было ни печки, ни обогревателей. Мы сделали углубление в земляном полу и разводили костер. От дыма спасались, лежа на земле. Потом грелись и пили чай.

Первое полугодие 1941–42 года я проработала в двух начальных школах. С 1 января 1942 г. на полтора года меня перевели в семилетнюю школу в кишлак Олчаблак. Там я жила при школе с тремя учительницами татарками. У меня было 36 часов в неделю: шесть классов по шесть часов. Проверяющие ставили мои уроки в пример.

Мы по-прежнему держались стайкой – девушки из Ростова и Сталинабада, ходили друг к другу в гости. По четвергам после уроков я традиционно шла к Ире. Она жила недалеко – подняться в гору, пройти немного и спуститься в ущелье. В пятницу мы ходили в Кангурт на базар за продуктами на неделю.

Жилось нелегко – в голоде и холоде. Однажды мы даже решились бежать на фронт – обговорили день и время встречи. Но нас внезапно вызвали в военкомат. Военком тактично объяснил, что знает о наших планах, но мы здесь нужнее, поскольку кроме работы в школе учили допризывников русскому языку. Это, как мы считали, была наша обязанность, но чуть позднее узнали, что за нас кто-то получал деньги, а мы делали это из чувства долга.

Кто нас выдал, мы так и не узнали, хоть и подозревали двоих из нашей компании. Второй побег тоже не удался. За нами установили контроль. В школе вместе с Ирой работали два парня – Расулов Шаркор и Махмудов Султан. Хорошие, порядочные ребята. Султан был завучем.

Иногда мы покупали свиное сало. Продукты держали в шкафчике в толстой глинобитной стене. Однажды заметили: сала осталось только половина. Позвали сыновей хозяйки – оба сказали, что ничего не видели. Потом пришли Шариф и Султан, принесли горячих лепешек. Мы обрадовались. Я спросила: едят ли они свинину? Они ответили: «Нет, не кушали, когда ее нет!» Мы рассмеялись. Ребята попросили пожарить картошку на сале. Картошки не было. «Мы знаем, где ее взять», – сказали они. Недалеко находилось колхозное поле, куда мы вечером пошли и набили карманы. Вечером пожарили картошку на сале. Оказалось, мы не воровали – у ребят было разрешение председателя. Они пошутили над нами.

Иногда по выходным, когда приходили девочки, мы ходили в кино в Кангурте. Отец мой уже был на фронте, я часто получала от него письма и писала еще чаще. Из дома писал Степа, вскоре он тоже ушел на фронт – ему еще не было восемнадцати. Воевал он в казачьей кавалерии.

В декабре 1941 г. я получила от папы письмо с фронта. Мы с Ирой прочитали, порадовались, что у него все нормально, поплакали (у нее отец рано умер), потом стали петь песни – «Бьется в тесной печурке огонь» и другие. Мне очень хотелось домой – «экзотикой» я уже насытилась.

В это время пришли Султан с Шарифом, принесли гостинцы: орехи и айву. Шариф все рассказывал, что айва очень полезная, а Султан молчал. Потом Шариф упомянул, что Султан получил письмо от родителей – они жили в Ленинабаде. Султан просил разрешения жениться на русской девушке, и в письме было согласие и приглашение приехать. И тогда Султан сделал мне предложение: «Выходи за меня замуж!» Мы с Ирой удивились. Султан отдал письмо Ире, которая за несколько лет выучила таджикский. Она его прочитала и подтвердила: там действительно согласие. Но шла война, и я, как и другие девушки из Ростова, мечтала быстрее попасть домой. О замужестве я не думала и отказала. В январе 1942 г. Султан добровольцем ушел в армию и служил в Иране.

Однажды в марте после уроков я пошла к Ире. Мы сходили в Кангурт на базар, а по возвращении в дверях нас встретила Соня Дашкина: «Нас, кажется, обворовали». Оказалось – не показалось, действительно обворовали. Украли деньги, сломали и опустошили чемодан – я осталась, в чем была. Спасибо хоть документы остались.

Я просила директора найти мне квартиру – и это сделали. Война, в магазинах ничего нет, на базаре все дорого. Мне дали направление в магазин, где я купила материал на три платья. Предложили туфли, но они были не моего размера, и я отказалась. Девочки отругали: «Ты могла бы их продать и купить себе...»

Следствие вел начальник милиции Ризоев. Через год нашли вора. Им оказалась учительница из кишлака Шаршар. С ней была связана наша сожительница: она пришла в гости, а перед рассветом с огромными узлами ушла.

Нас вызвали в милицию и привели в большую комнату: посреди лежал огромный ворох ворованных вещей. Нам сказали: «Ищите свои вещи и берите, что понравится вам!» Я ответила, что чужого мне не надо.

Увидев свои вещи, я расплакалась. Ризоев удивился и сказал: «Ну вот, потеряла – не плакала, а нашла – заплакала». Я ответила: «Это папа мне покупал, это мама шила и вышила». Мне показалось, будто я получила из дома весточку. Дашкина потом говорила, что Ризоев тоже со слезами отвернулся к шкафу, а потом повернулся и повторил: «Ну вот, потеряла – не плакала, а нашла – заплакала».

Учебный год закончился. Отпуска учителям не дали, а отпускные выдали только наполовину, объясняя, что после войны будет компенсация. Конечно, ничего так и не было. Учителя работали в колхозах, а я заведовала детскими яслями. Прошел год вдали от родных – я скучала, особенно по младшей сестренке Дуняше.

В Олчаблаке я проработала еще год. В марте 1943 г., во время похода с учащимися, познакомилась с белорусской девушкой Надей Дорох. Она работала военруком в школе, где в первый год работала Ира, которая теперь находилась в кишлаке Пушкин. После похода Надя осталась у меня.

Она рассказывала о своей жизни, о начале войны, о том, как ей пришлось бежать и, как осталась, даже без документов. Я подарила ей свое платье и туфли – она ходила в рваных сапогах и легком пальто. Мы прожили вместе полгода.

Летом 1943 г. я впервые заболела ангиной. До этого даже не знала, что это за болезнь. Температура была высокая, глотать я не могла. Надя с трудом поила меня молоком с ложечки. В кишлаке не было медпункта. Когда я немного поправилась, ее перевели в Кангурт военруком, и я осталась одна. Вскоре, во время эпидемии, она заболела тифом и умерла. Надя была очень хорошим человеком.

Однажды ко мне пришли старшая сестра Иры Мария с приятельницей. Они принесли вещи, чтобы обменять их на продукты, и остались ночевать. Я только недавно получила хорошую комнату с двумя окнами у узбеков на окраине кишлака. Жилища там назывались кибитками. Моя кибитка стояла у скалы – это была мехмонхона, комната для гостей. Между стеной и скалой был небольшой проход. Дворик был обмазан глиной. Спала я в этом дворике: кровать стояла у стенки. Летом там все спали во дворах. Мы постелили постель на троих прямо на полу дворика.

Рано утром я проснулась – надо было бежать за молоком. У нашей постели и около кровати оказался конский помет. Мы очень удивились. Я побежала на ферму (мне давали по литру молока бесплатно). Навстречу ехали милиционеры, впереди начальник. Остановились, и начальник спросил: «Как дела, ничего не случилось?» Я ответила, что все хорошо. Он снова повторил: «Ничего ничего не случилось?»

Позже на базаре мне рассказали: в кишлаке были басмачи, человек двенадцать. Басмачами называли дезертиров, уклонившихся от армии. Они прятались в горах и грабили жителей кишлаков. Они обвязывали копыта своих лошадей тряпками, поэтому передвигались бесшумно. Лошадей оставляли на окраине, а сами пробирались по кишлаку и забрали хорошую сбрую (у многих жителей были свои лошади). Они избili молодую женщину Гульбогор, добываясь, где находится секретарь сельсовета. Все удивились, почему нас не тронули.

Еще до этого ученики и их родители предупреждали меня: не ночуй дома, ходи то к одним, то к другим. Я не соглашалась. Оказалось, басмачи часто посещали этот кишлак. Когда я рассказала это гостям, они засобирались домой, и я пошла вместе с ними.

Сразу побежала в районо и заявила, что в Олчаблаке работать не буду – там уже знали о случившемся. Мне ответили, что в семилетних школах вакансий нет, есть только две начальные школы в сторону Сарыхосора. А там недалеко работала Ира.

Я согласилась, и мы снова оказались рядом: три месяца жили вместе, а потом я перешла в один из кишлаков. Мне дали более цивилизованную комнату – чистую, с двумя окнами и чугунной двухкомфорочной печкой. Но пол все равно оставался земляным (вообще у всех учителей в домах полы были земляные).

Под Новый 1944 г. Ира пришла ко мне – жилье у меня было лучше. Но жить у меня она не могла: дорога шла через ущелье – нужно было спуститься, подняться, пройти и снова спуститься в кишлак; а у нее больная нога, она инвалид детства, моложе меня примерно на полгода. Мы приготовили ужин, натопили печку (дров было вдоволь), попели. Печка была полна жаром. Вдруг Ира сказала: «Надо трубу закрывать». Я этого никогда не делала. Труба выходила в стене – снаружи, во дворе, ее можно было достать. Мы нашли тряпки, намочили, и Ира сама вышла закрыть – мне не доверила. Решили погадать: загадали суженых ряженных и «замкнулись». Ира повесила замок на длинные косы, а я – на пояс. Легли и уснули.

Я проснулась от того что мне стало плохо, в голове шумело «ш ш ш...». Разбудила Иру. Она ворчала: «Не буди, спать хочу!» Я сказала: «Мы угорели». Она не поверила. Я попыталась встать открыть дверь

– упала. Ира поднялась – тоже упала. Кое как доползли до двери, еле отодвинули засовы, распахнули – впустили морозный воздух. Лежали у порога, наверное, час: замерзли, почему то смеялись, потом взобрались на кровать.

Утром хозяйка вышла из своей половины и испугалась; ругала нас, что не позвали. Так мы встретили Новый 1944 год – чуть не погибнув.

Свет у меня поначалу был такой: тарелочка, разрезанная картошка, в картошке дырочка, протянут фитилек, на тарелке хлопковое масло. Потом я усовершенствовала: купила литр керосина, нашла пузырек, вырезала железную крышку, сделала посередине дырочку и пропустила фитилек. При таком свете я писала поурочные планы и проверяла тетради. Ко мне приходили таджички с книгой «Як хазору як шаб» («Тысяча и одна ночь»), просили читать, а сами сидели и пряли.

В конце учебного года пришел приказ: перевести меня в районо школьным инспектором. Я удивилась и испугалась: проработала всего три года, да еще в сельской школе – какой из меня инспектор? Я пошла к заведующему районо Маматдинову. Я говорила, что не могу согласиться: опыта мало, учиться надо в институте, хочу уехать домой – нас ведь посылали в Таджикистан на два года. В кабинете находилась его жена Марьям, которая жила в этом же здании, и они вдвоем уговаривали меня, обещая в конце войны помочь уехать. Особенно старалась Марьям. В итоге они уговорили меня. Я все надеялась: война скоро кончится, и я поеду домой.

Мне дали комнату в школе. Школа и военкомат находились в одном здании: половина – школа, половина – военкомат. Шел 1944 г., конец 1943–1944 учебного года. Мне определили «микрорайон», где было четыре школы.

Мне поручили раздавать отпускные облигации госзайма и хлебные карточки. Многие учителя оставляли свои карточки у меня. Подруги постоянно были рядом. Хлеба хватало, базар был поблизости, и по тем временам мы питались неплохо. За короткий срок я работала с двумя школами в двух кишлаках: в одной шел ремонт, в другой только собирались открывать занятия. Транспорта не было (кроме ишаков) – ходила пешком. По Кангурту я ходила в банк, в районо, домой с портфелем, полным денег. Почему то совсем не думала, что меня могут ограбить. Сейчас, на склоне лет, это кажется странным. Но Бог милował – ничего со мной не случилось.

Заведующий районо дал список учителей, награжденных значком «Отличник народного образования». В списке была и моя фамилия – я ее зачеркнула и переписала список заново.

Был один неприятный эпизод, но быстро выяснилось: два дирек-

тора школ (не из моего микрорайона) получили отпускные деньги и не расписались. У меня в кассе не сошлись суммы, я проверяла ведомости и обнаружила «пропажу». Пришлось сказать Маматдинову. Он их вызвал – они посмеялись и сказали, что пошутили. В ведомости расписались и добавили: «Не будь такой доверчивой!»

Проработала я три месяца и все таки упростила заведующего отпустить меня – надо было получать высшее образование. На моем заявлении написали резолюцию: «Освободить...». Я уже радовалась, думала поехать домой учиться, мечтала после войны снова жить в Ростове. Но в тот день в районо приехал инспектор облоно Абдурахмонов. Узнав о моем освобождении, он отменил решение. Спросил: «Это вы составляли годовой отчет по районо?» Я ответила: «Да». Он позвонил заведующему облоно Мансурову, и меня перевели в Кзыл Мазарский район – в среднюю школу в Танапчи.

Ехали мы на лошадях два дня. На второй день, поднявшись на небольшую гору, я остановилась и увидела картину, будто знакомую. Но я здесь никогда не была. Потом вспомнила: я это видела во сне. Надо было спускаться в долину, где я проработала семь лет: три с половиной года в Танапчи и три с половиной – в Кзыл Мазаре.

Первые два дня я жила у директора школы Ашурова Кудрата Рахимовича. Он показал школу: большое здание европейского типа (не мазанка, как раньше). Я заметила, что квартира директора в этом же здании пустует. При школе был госинтернат – там жили школьники 7–10 классов из кишлаков.

Меня познакомили с учительницей русского языка Толстой Екатериной Семеновной, моей ровесницей из-под Курска. Она жила у старушки узбечки. Я стала просить директора разрешить мне жить с Катей в квартире при школе. Катя согласилась, и нам разрешили. Она проработала там три года.

Мне дали седьмой класс, два восьмых, два девярых и один десятый – всего 36 часов в неделю русского языка и литературы. Жили мы при школе. Вокруг – помещения для учителей, завуча с семьей, учеников, воспитателей, повара. Школу и хозяйство охранял сторож. При школе был участок с огородом и деревьями, а также участок в поле – бахча.

Не все родители хотели отправлять детей учиться. Учителя мужчины, работники райкома партии и райисполкома ездили по кишлакам, уговаривали и обязывали получать среднее образование. Классы были большие – по 35–40 человек. В интернате жили учащиеся 7–11 классов, мальчики и девочки. Мне дали классное руководство в 8 м таджикском классе. Дисциплина была хорошая, нарушений почти не было – разве что некоторые мальчики убегали, но их возвращали.

5 лет самостоятельной жизни. Танапчинская средняя школа.
Таджикская ССР, Куляб, Кзыл-Мазар. 31 мая 1946 г.

**Директор школы кишлака Танапчи
Кзыл-Мазарского района
Таджикистана К.Р. Ашуров и его жена. 1948 г.**

Учителей и воспитателей обязывали дежурить ночью в помещении, где спали мальчики, по два часа. Мы с Катей решили дежурить вдвоем – получилось по четыре часа. Обычно сидели на подоконнике, тихо разговаривали; дети спали на постелях на полу. Во втором полугодии побегов стало меньше.

Приходилось заниматься после уроков, потому что времени на занятиях не хватало. Учебников не было – многое приходилось записывать. Хорошо, что мы жили при школе. По литературе я доставала дополнительный материал в библиотеке в Кзыл Мазаре.

9 мая мы с Катей (Лолахон и Каттахон, как нас, а иногда и мы себя, называли) во дворе варили вареники с творогом. Вдруг по дороге подъехала легковая машина, остановилась напротив школы. Из нее вышел второй секретарь обкома партии Сулейманова, побежал к нам и закричал: «Девочки, война кончилась, конец войне!» Мы обрадовались, запрыгали, обнимаясь. Пригласили его на вареники, но он ответил: «Нет, не могу с вами, спешу обрадовать жителей» – и поехал в поле.

Очень часто к нам в школу приезжали проверяющие из Куляба и Сталинабада. Почти всегда директор вел их на мои уроки. Однажды приехала представитель ЦК партии Таджикистана Елена Алексеевна Соколова из школьного отдела. Был понедельник, многие ученики еще не вернулись в интернат после выходных. Она хотела зайти на урок русского языка в 9 м классе. Директор предупредил: «Объединены учащиеся двух классов – 8 го и 9 го, не удивляйтесь, проводите урок по плану 9 го класса». Урок Соколовой понравился, она побывала и в других классах.

В июне 1945 г. меня вызвали в районо и дали направление на Второй съезд учителей Таджикской ССР. Съезд продолжался целый месяц и проходил в театре оперы и балета. Недалеко от него мы жили в школе (для тех, у кого не было знакомых в городе). На съезде мне вручили

значок «Отличник народного просвещения». Питались мы в столовой бесплатно, ходили на экскурсии в театр. Запомнились балет «Лебединое озеро» и таджикская опера «Восстание Восе». Я была вместе с Екатериной Георгиевной, пожилой учительницей из Кангурта (когда работала там, мы жили в соседних комнатах в школе).

По окончании съезда учителей русского языка и литературы в национальных классах нас пригласили на прием к первому секретарю ЦК КПСС товарищу Б. Гафурову. Мы ждали его в зале ЦК партии. В зал вошла Соколова Е.А., увидела меня, подошла, мы поздоровались. Она обрадовалась, что я попала на съезд, взяла меня за руку и пригласила идти с ней: «Олечка, ты не против, что я так называю? В школе ты была Ольга Георгиевна, а здесь как дочка для меня!» Она водила меня по кабинетам, представляла как отличного педагога, рассказывала про мои уроки. Мне было немного неудобно. Потом завела в свой кабинет, дала номер телефона и убеждала, что мне обязательно надо получить высшее образование. Направила к ректору.

На приеме у ректора Сталинабадского государственного педагогического института он сказал, что надо оформить документы и 1 сентября выйти на занятия.

Впоследствии Ольга Егоровна окончила ТГПУ. Ей помогли сделать вызов для семьи в Таджикистан после демобилизации отца Георгия (Егора) и брата Степана⁷². Мама Татьяна с тремя детьми пережила оккупацию в Ростовской области, и вся семья без потерь соединилась уже в Таджикистане. Позже она вышла замуж за Виктора Ивановича Лаврентьева⁷³ (1919 г.р.), родом из Соль Илецка Оренбургской области. До войны он жил в Денау Сурхандарьинского округа Бухарской области Узбекской ССР, прошел войну и вернулся в Среднюю Азию. У них родились двое детей: Наташа (моя мама) и Сергей. Впоследствии дедушка и бабушка разошлись, но так и не развелись. Виктор Иванович жил в районе «татарки» в Алма-Ате (Республика Казахстан), где и умер в 1990-х.

Бабушка осталась в Таджикистане аж до 1995 г., пережив еще одну войну, уже гражданскую, как она всегда говорила большую часть жизни: «поднимать народное просвещение». Сестра ее жила в Саратовской области, а братья и их семьи переехали в Россию (Иван – на Украину) в сложные годы 1990 х.

Бабушка тяжело переживала переезд в Россию. Она понимала, что уезжать надо: троих внуков (Егора, Екатерину и Евгения) нужно

⁷² Степан работал в прокуратуре г. Куляб.

⁷³ Его отец Иван Александрович был фельдшером, участвовал в борьбе с тифом в Поволжье, затем был отправлен во время борьбы с басмачеством на юг Средней Азии.

Виктор и Ольга Лаврентьевы с детьми Натальей и Сергеем. с. Шахринау
Гиссарского района, Таджикистан, 1955 г.

было поднимать, а в условиях развала Советского Союза в современном Таджикистане это было сложно. Сын и его двое детей (Виталий и Иван) уже жили в Саратовской области. В 1995 г. нам с отцом стала угрожать опасность, и мы спешно уехали в Россию. Мама, бабушка, братишка и сестренка поехали пассажирским поездом, а мы с отцом – с вещами в товарном (ехали десять дней) в Саратовскую область. Я тогда и позже часто вспоминал, как бабушка рассказывала, что они ехали в товарном поезде в Таджикистан в 1941 г.

В 2000 г. мы прогуливались с ней по улице, впереди шли два таджика. Она окликнула их: «Эй бачаҳо, каме истед – меҳоҳам бо шумо сухбат кунам» (Ребята, подождите, я хочу с вами поговорить). Они удивились, увидев русскую бабушку в платочке, и подбежали к ней. Она поговорила с ними на таджикском, после чего они долго приглашали ее в гости, называя почтительно «муаллима». После разговора она стояла со слезами на глазах и сказала: «Как будто дома побывала».

Она часто вспоминала, что серьезно болела – сначала малярией, потом бруцеллезом во время работы в кишлаках. Говорила, что это были профессиональные заболевания. Ее пытались лечить: привозили лекарства, делали прививки, периодически брали анализы. Со временем болезни отступили.

По окончании Великой Отечественной войны Ольга Егоровна была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовое отличие», а также знаком «Отличник народного просвещения». Умерла и похоронена в городе Балашове Саратовской области 29 сентября 2009 г.

Надо отметить, что работа педагогов в условиях Таджикистана тех лет была сопряжена с множеством трудностей. Молодых девушек, едва достигших восемнадцати лет, отправляли в кишлаки обучать русскому языку и грамоте. Они не знали местных языков, традиций и обычаев, и всему приходилось учиться на месте – в процессе повседневной жизни. Материально техническая база была крайне слабой: не хватало тетрадей, учебников, элементарных средств обучения. Родители часто не хотели отпускать детей в школу, особенно девочек, и учителям приходилось уговаривать, а порой и настойчиво добиваться, чтобы дети учились. На занятия приходили не только школьники, но и взрослые.

Педагогические кадры формировались в тяжелых условиях, но именно это закаляло характер и давало опыт, который невозможно было получить иначе. По словам бабушки, это было время сложное, но вместе с тем удивительно интересное: годы испытаний стали годами становления, когда труд учителя воспринимался как служение и как вклад в будущее народа.

О.Л. Милова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЕЙ МИЛОВЫХ И ГРАВВЕ В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1940–1950-Е ГОДЫ)

Данная статья посвящена военной повседневности двух ветвей семьи автора – Миловых (по линии отца) и Гравве (по линии матери). Кратко характеризуется история этих семей. На основе документов и устных «семейных хроник» описаны ключевые события периода 1941–1945 гг. в жизни старшего и младшего поколений Миловых и Гравве. Особое внимание автор уделяет особенностям работы военного завода им. И.И. Лепсе после эвакуации в г. Киров. Завершает статью рассказ о жизни этих семей в послевоенные годы.

В ПОСЛЕДНИЕ десятилетия в социально-гуманитарных науках заметным явлением стало обращение к проблемам исторической памяти. Одним из источников исторической памяти выступает личный опыт, в том числе документированный – это источники мемуарного характера, а также семейные хроники в виде «устных историй».

В данной статье предпринята попытка зафиксировать память о военной повседневности двух ветвей моей семьи – Миловых и Гравве. Поставленная задача потребовала, хотя и кратко, рассказать об истории семей моих отца и матери, о предыдущих поколениях.

Прежде чем писать о жизни семьи моего отца, Леонида Васильевича Милова (1929–2007), во время Великой Отечественной войны, хотелось бы немного рассказать о его корнях, его дедушках и бабушках. К сожалению, подробными сведениями о них я не располагаю: сохранившиеся документы датируются 1920–1930-ми годами и более поздним временем, а к дореволюционному периоду относятся лишь несколько фотографий в семейном архиве. В основном я использовала «воспоминания во второй степени», то есть рассказы отца, его матери, других родственников, услышанные мною и оставшиеся уже в моей собственной памяти, своеобразные устные «семейные хроники».

Родители моего отца, Леонида Васильевича Милова, вышли из крестьянских семей. Отец его, Василий Васильевич (1897–1974), был

родом из деревни Высоки Кашинского уезда Тверской губернии. В семье его родителей, Василия Андреевича и Евдокии Петровны Миловых, было пятеро детей – три дочери и двое сыновей; Василий Васильевич был старшим сыном. Он родился в 1897 г., получил начальное образование, скорее всего, на родине.

Мне точно неизвестно, в каком году семья Миловых переехала в Тифлис, где мой прадед, вероятно, поступил на службу. Василий учился в «Тифлисской 2-й мужской Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича гимназии» с 1 сентября 1910 по 24 апреля 1915 г., окончил полный восьмиклассный курс (сохранилась нотариально заверенная рукописная копия «Аттестата зрелости» за № 600 об окончании этой гимназии). О жизни в Грузии дед подробно не рассказывал, в моей памяти сохранились лишь пара бытовых зарисовок и шуточный стишок, который был посвящен учителю немецкого языка.

Затем Василий Милов учился в Петроградском Государственном Университете на историко-филологическом факультете (с сентября 1915 по апрель 1917 г.). О жизни Василия Васильевича в годы революции и Гражданской войны мы практически ничего не знаем, он об этом не рассказывал даже сыну. В начале 1920-х годов он уже жил в Москве, в 1923 г. работал в Организационном отделе Московского союза потребительских обществ (Семейный архив О.Л. Миловой).

В 1920-е годы дед написал (сам и в соавторстве) несколько работ о преимуществах новой советской кооперации: первая его брошюра под названием «Комсомол в строительстве рабочей кооперации: формы и методы кооперативной работы молодежи» вышла в 1926 г. в издательстве Моспотребсоюза «Город и деревня».

В 1930-е годы В.В. Милов продолжил образование – с марта 1931 по октябрь 1934 г. прошел курс обучения в Высшем педагогическом институте Центросоюза, защитил дипломный проект по теме «Планирование и нормирование товарных запасов в розничном торговом предприятии». Ему была присвоена квалификация «преподаватель по курсу планирования советской торговли в кооперативных техниках» (Семейный архив О.Л. Миловой).

Мать, Олимпиада Николаевна Парфентьева (1904–1983), моя бабушка (родные и друзья ее звали Лилей), стала младшим ребенком в семье, брат Виктор был старше ее на девять лет, а сестра Вера – на шесть. Родители ее, Николай Иванович и Ольга Алексеевна Парфентьевы (девичья фамилия матери Шарикова) являлись уроженцами деревни Никиткино Угличского уезда Ярославской губернии. Годы раннего детства она провела вместе с семьей в Санкт-Петербурге, где

ее отец служил в одной из часовых мастерских Павла Буре, старшая сестра училась в гимназии. Бабушка рано осиротела – сначала лишилась матери (она умерла в тридцать с небольшим лет), затем умер и отец, ему было около сорока. Старшие дети остались в Петербурге, а Лилю, которой было всего шесть, забрали на родину, в Никиткино, в семью дяди, Александра Алексеевича Шарикова. Он и его жена, также Александра, растили ее вместе со своими детьми. Лиля выполняла всю работу по дому в крестьянской семье, зачастую тяжелую, особенно для нее, поскольку с детства страдала болезнью сердца. Бабушка имела лишь начальное образование, что не помешало ей впоследствии стать мудрой, житейски сметливой, чрезвычайно уважающей и ценящей знания и культуру женщиной.

В 16 лет Лиля Парфентьева перебралась из деревни в город – сначала в Углич, затем в Подмоскowie, жила в семье брата на ст. Лосиноостровской, работала уборщицей в местной больнице. Позднее ей удалось устроиться лоточницей на одно из предприятий «Моссельпрома» в Москве. Это обстоятельство и стало поворотным моментом в ее судьбе: Лиля стояла со своим товаром на Неглинной улице, а Василий, возвращаясь с работы, частенько покупал у нее папиросы – так они и познакомились. Он был старше на семь лет, первая его жена к тому времени умерла. Соединившись, будущие родители Леонида Васильевича снимали угол в комнате у старичков на Неглинной, затем переехали в комнату, которую получил Василий Васильевич, в большой коммунальной квартире на улице Машкова, в доме 17, на пятом этаже, вблизи Чистых прудов. Это место стало московской «малой родиной» моего отца, где он прожил тридцать один год.

28 июля 1929 г. в семье Миловых родился сын, оказавшийся единственным, которого назвали Леонидом. Бабушка занималась семьей, воспитывала сына, она уже рассталась с прежней работой, но, закончив курсы чертежниц, работала на дому.

Второй «малой родиной» моего отца стал Углич, где жила Вера, старшая сестра его матери, вышедшая замуж за угличанина Николая Лобарева. В первый раз Лёню привезли туда летом 1930 г., и каждое лето до войны Миловы жили в Угличе на ул. Крестьянской, д. 4 (Василий Васильевич Милов приезжал во время отпуска). Небольшой деревянный двухэтажный дом⁷⁴ был разделен на две квартиры – Лобаревы жили на втором этаже (они съехались с разных мест в эту квартиру; кроме Николая, Веры и их двух дочерей, там жили старшие Лобаревы, а также их младший сын с женой). Помимо Углича до войны Лёня, став

⁷⁴ Этот дом сохранился до сих пор – в настоящее время д. 4 по ул. Шаркова.

постарше, приезжал еще и в Никиткино, в деревню к тете Шуре Шариковой, вырастившей его маму. В деревне Лёня жил одной жизнью со своими родными – крестьянской жизнью, выполняя посильную для своего возраста работу. Часто он приходил к пастухам: гонял с ними скотину, научился плести из пеньковых веревок пастушескую плетть, ходил с ребятами в ночное. Очень важно, что, живя в Никиткине летом, он из года в год наблюдал крестьянские труды и заботы, в чем-то участвуя, и эта жизнь становилась для него не просто привычной, но и родной. Неслучайно одним из направлений его научной деятельности стало аграрное развитие России XVII–XVIII вв.

Мне не запомнились какие-либо подробности о первых школьных годах моего отца, но о военном времени он рассказывал не однажды, сначала мне, дочери, а затем и внучке. В последний раз он вспоминал эти события, будучи уже тяжело болен – меньше, чем за три месяца до своей кончины.

Как рассказывал Л.В. Милов, война застала его с матерью в Угличе. Решение об отъезде приняли в октябре, в самое тревожное для Москвы время. Собрались и вдвоем (семья Лобаревых оставалась в Угличе) сели на самый последний в навигацию речной трамвайчик, который довез их до Рыбинского моря. Затем они пересели на теплоход «Ленин», разместились внизу, возле машинного отделения, где и ютились всю дорогу. Лёне запомнился ехавший в трюме «полуразвалившийся» цирк – замученные, худые животные. На «Ленине» добрались до Казани, хотели плыть дальше по Каме, но Кама встала. Тогда из Казани на этом же теплоходе отправились вверх по Волге до Нижнего, там бабушка Лиля совершила, по словам папы, невероятное – достала билеты до Кирова.

Добрались до Кирова, зимовали там (удивительно, что мои будущие родители – еще не зная о существовании друг друга, оба провели первую военную зиму в Кирове), остановились в семье Сметаниных – Ивана Минеевича и Павлы Степановны (дяди Вани и тети Пали), давних друзей семьи Миловых. Они занимали две комнаты в доме с коридорной системой – типа общежития. В задней комнате жило семь человек: дети Сметаниных, Рита и Слава, сестра тети Пали с дочкой и с матерью, приехавшие тоже «в эвакуацию», и Лёня с мамой. Спали они вдвоем на сундучке, стоявшем между двумя шкафами. Лёня, которому было двенадцать с половиной лет, начал ходить в школу, но часто падал в обморок от голода, и вскоре школьные занятия пришлось прекратить (учились в помещении сапожной мастерской, писали между строк на газетной бумаге). По его словам, он сидел у книжного шкафа всю зиму и читал классическую литературу – это были его «универ-

Лёня Милов перед Великой Отечественной войной. Май 1941 г.

вых, на Крестьянской. Тетя Вера, которая в то время работала в райисполкоме, двенадцать лет была членом горсовета, в военное время занималась эвакуированными, пешком ходила по району по двадцать километров. В большой до войны семье Лобаревых в то время оставались женщины и лишь один мужчина – дед Иван, свекор В.Н. Лобаревой⁷⁵. Он был «трудяга», как характеризовал его Леонид Васильевич:

ситеты» зимы 1941–1942 гг. Мама его работала тогда чертежницей, приезжала с завода поздно, а Лёня ждал до часа ночи, когда она вернется и привезет пирог с горохом. Он его съедал и засыпал.

Весной 1942 г. отправились обратно, ехали несколько дней на поезде до Ярославля, папа сидел в багажном отделении. За стенкой все дни и ночи напролет буквально «выл» от голода мальчик: «кушать хочу, кушать хочу, кушать хочу» – и так без конца... В Ярославле, на вокзале, стоял эшелон с эвакуированными из Ленинграда – они запомнились ему навсегда. Бабушка Лиля нашла машину до Углича, отдала за это коврик и свое кольцо.

Приехали в Углич, остановились у Лобаре-

⁷⁵ Младший сын Лобаревых, Владимир Иванович, пошел на фронт с собакой, овчаркой Сильвой, которую вырастили еще до войны. Они вместе погибли на фронте. От него пришло только одно письмо – с описанием страшного боя вокруг...

Семья Сметаниных. Киров, начало 1940-х годов.

каждый вечер после работы шел косить сено корове (сохранить корову в военное время было большой удачей). Вскоре Лобаревым пришлось потесниться – подселили эвакуированных, заняв одну из комнат, и деду Ивану сделали постель внизу «на проходе» (у входа в квартиру). На первом этаже и до, и во время войны жила семья Молочковых (с их сыном Колей Леня дружил), а Лобаревы занимали внизу еще маленькую кухню с русской печью. Семья вела хозяйство, кормили скотину, обрабатывали огород.

Зиму 1942–1943 гг. Лёня с мамой провели в Угличе, отец его с осени 1941 г. был на фронте, служил не на передовой, а в интендантской службе, поскольку был немолод и до войны болел туберкулезом костей. Лёня учился в школе, находившейся недалеко от дома Лобаревых на Крестьянской, на территории не действовавшего Богоявленского монастыря, что на Ростовской улице. Занятия шли в бывших кельях, освещение было слабое. Учился он в ту зиму не очень прилежно, по его словам, «пятый класс кончил, хотя и хулиганил». Однако в со-

В.В. Милов. Москва. 2 сентября 1942 г.

Семья Миловых. Москва. 1947–1948 гг.

хранившемся табеле за 5 класс Угличской средней школы № 2 стоят оценки «хорошо» и «отлично», в том числе и за поведение (Семейный архив О.Л. Миловой).

Постоянным занятием в эту зиму для Лёни, кроме учебы, была ловля рыбы на Волге. Многие жители занимались этим промыслом, спасавшем их семьи – делали лунки во льду, ловили рыбу, вытаскивая ее из-под льда специальной сеткой, называвшейся «паук» (рыбы в Волге в ту зиму было очень много, она вся собиралась подо льдом). Папа вспоминал, что ему, тринадцатилетнему парню, было тяжело вытаскивать сетку, лежа на льду, особенно под конец, когда ее уже надо было «вырвать» из воды, «сам весь трещал...» Один раз провалился в прорубь, к счастью, его вытащил какой-то мужчина. Эту рыбу потом замораживали, ею питалась вся семья, ее меняли на что-нибудь другое. Так Леня стал кормильцем семьи. Потом, по его словам, он лет десять не мог есть рыбу, хотя впоследствии, я это прекрасно помню, рыбу всегда любил и сам готовил.

Каким-то образом через знакомых бабушка узнала, что производится набор учеников в хореографическую школу Ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева. Лёня, который уже несколько лет занимался танцами в кружке городского Дома пионеров (он находился недалеко от их дома, в переулке Стопани⁷⁶), в мае съездил в Москву на просмотр, затем вернулся в Углич. Летом 1943 г. Лёня жил не только в Угличе, но и в Никиткино, у своей родни. Лиля Николаевна списалась с женщиной-комендантом своего дома на ул. Машкова, и та обещала ей открыть комнату (видимо, опечатанную) при условии, что бабушка будет работать в доме истопником. Она согласилась, несмотря на то, что у нее было больное сердце. Уехала в Москву одна, устроилась, получила рабочую карточку. Осенью мама вызвала сына письмом – нужно было ехать, его приняли! Отправили его из Углича в конце навигации, на теплоходе, в каюте судового механика⁷⁷, который согласился провезти подростка «нелегально» – только так можно было попасть в Москву, так как въезд в столицу был закрыт (папа вспоминал, что днем он, скорчившись, прятался в багажном ящике). Он сошел на берег недалеко от Северного речного вокзала: теплоход остановился в отдалении от основного причала, Лёня пошел по тропинке и через некоторое время увидел фигуру матери, которая бежала к нему с высокого берега...

Так началась другая, взрослая жизнь, наполненная напряженным

⁷⁶ Ныне – переулок Огородной слободы.

⁷⁷ Он был мужем их дальней родственницы, т. е. не был случайным человеком.

трудом: он учился в двух школах, общеобразовательной и танцевальной. После уроков в обычной школе он ехал на ст. метро «Маяковская», в классы моисеевского ансамбля, которые, как и сейчас, располагались на верхних этажах здания филармонии – Концертного зала им. П.И. Чайковского. Там шли занятия с педагогами-репетиторами, балетный класс, класс народного танца. Кроме того, учеников обучали игре на народных инструментах – Лёня научился играть на балалайке и на домре. Ежедневный упорный труд, физическое напряжение, умение концентрироваться, «собираться» и «выкладываться» – вот чего добивались от них преподаватели. После танцевальных занятий он возвращался домой, там его ждала вареная картошка⁷⁸, которую оставляла мама – она вечерами работала в котельной. Он ужинал и садился за уроки, занимался до часу ночи, до половины второго. И так изо дня в день, из недели в неделю. Именно эта «школа жизни», эта закалка, эта выучка – умение напрягаться и достигать концентрации всех усилий (и физических, и эмоциональных), умение управлять собой, своим организмом – пригодились ему впоследствии и дали возможность сделать многое в науке.

Продолжу рассказ о Василии Васильевиче Милове. Согласно сведениям из Учетно-послужной картотеки (Память народа. Учетно-послужная картотека...), он поступил на военную службу в октябре 1941 г. в звании ст. лейтенанта интендантской службы (но выписался из квартиры, как указано в документе, 12 ноября «в РККА»). Служил в 1158 стрелковом полку 352 стрелковой дивизии, боевой путь которого закончился 11 мая 1945 г. в Польше, недалеко от г. Легница. Однако дедушка всегда говорил, что он закончил войну в Вене, это подтверждается собственноручными подписями на его фотографиях: «Австрия, г. Вена, 29 июля 1945 г.» и др. (сохранилось значительное количество открыток того времени с видами Вены, на каждой из них рукой деда написано название достопримечательности). Окончание службы в этом документе датировано 25 октября 1945 г. В «Выписке из домовой книги» имеется запись о том, что он прибыл «из РККА 28 декабря 1945 г.» (Семейный архив О.Л. Миловой).

В.В. Милов был награжден Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» как и все, воевавшие в

⁷⁸ Надо сказать, что с поступлением в школу Ансамбля народного танца папа до какой-то степени стал сам себя обеспечивать: все ученики получали так называемые энэровские (научных работников) карточки, по которым они получали больше хлеба, чем по иждивенческим. Кроме того, их прикрепили к магазину, где можно было получить дополнительные продукты. Ученики, числясь во вспомогательном составе ансамбля, даже получали небольшую зарплату.

действующей армии. На сайте «Память народа» имеется документ, в котором зафиксировано награждение моего деда, служившего казначеем и имевшим звание ст. лейтенанта интендантской службы в числе 31 чел. личного состава «860-х Стационарных авто-ремонтных мастерских»⁷⁹. Документ датирован 16 сентября 1945 г., заверен гербовой печатью 860 САРМ, на которой, в частности, указано «2 Возд[ушная] Армия» (Память народа. Акт на вручение медалей...). Вероятно, он закончил военную службу в этом подразделении. С возвращением отца, этой великой радостью, жизнь семьи Миловых стала налаживаться – Василий Васильевич устроился на работу, и Лиля Николаевна смогла уйти из котельной. Время, как известно, было еще трудное. Много лет после окончания войны и до ухода на пенсию мой дед трудился в Госплане СССР (к сожалению, мне неизвестно, когда именно он начал там работать), в доме номер 1 по ул. Охотный ряд (сейчас – здание Госдумы). Помню, когда вся семья жила еще вместе на ул. Машкова, мы с бабушкой иногда ходили к метро «Красные ворота» встречать его после работы.

Ушел на пенсию В.В. Милов в июле 1961 г., из Отдела товарооборота Госплана, получил приветственный «Адрес» от коллектива, написанный каллиграфическим почерком, с 53 подписями сотрудников (Семейный архив О.Л. Миловой). Одиннадцать лет, начиная с 1964 г., мы проводили лето с Василием Васильевичем и Лилей Николаевной в Подмосковье на даче (сначала на съемной, затем на «своей», которой пользуемся до сих пор и где спустя годы выросли мои дочь и внучка). Самые теплые воспоминания связаны у меня с этими годами...

* * *

Семья Гравве, так же как и семья Миловых, начало Великой Отечественной войны встретила в Москве. Владимир Александрович Гравве, мой дед по материнской линии, работал на заводе № 266 – Московском электромоторном заводе им. Лепсе – с 20 сентября 1930 г., в должности начальника отдела. Так указано в справке с его места работы от 18.10.1945 (Семейный архив О.Л. Миловой).

Московский электромоторный завод № 1 был образован на базе ремонтных мастерских, полностью вступил в строй в 1927 г. В ноябре 1929 г. ему было присвоено имя И.И. Лепсе⁸⁰, возглавлявшего в 1920-

⁷⁹ «Стационарные авто-ремонтные мастерские» – сокращенно САРМ.

⁸⁰ Лепсе Иван Иванович (1889–1929) – латыш, профсоюзный деятель, революционер. Член ЦК РКП(б) – ВКП(б) с 1924 г., член Оргбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) с 1924 г., член Президиума ВЦСПС с 1924 г., ВСНХ СССР – с 1926 г.

Семья Гравве в Германии. 1935–1936 гг.

е годы Всесоюзный профессиональный союз металлистов. С 1935 по март 1939 г. завод находился в ведении Главэнергопрома Наркомата тяжелой промышленности Союза ССР. По приказу Наркомата авиационной промышленности (НКАП) № 51с от 10.03.1939 г. был передан во 2ГУ (2 Главное Управление) НКАП (позже – 4ГУ) с присвоением наименования завод № 266 им. Лепсе. Располагался за Семеновской заставой, на Ткацкой и Мочальской (ныне ул. Ибрагимова) улицах.

Начинал завод с производства электромоторов малой мощности. После 1932 г. приступили к разработке и производству флюгерных и авиамоторных генераторов и других приборов. С 1935 по 1941 гг. прошли реконструкция и расширение предприятия. В предвоенные годы завод был практически единственным в НКАП по разработке и производству электрооборудования для самолетов. К 1940 г. им было оснащено 322 типа самолетов. С конца 1939 г. началось освоение вы-

пуска механизмов дистанционного управления. Создан автомат пикирования для Пе-2, автоматы управления аэродинамическими поверхностями (Сайт «Оборон-пром»).

Теперь познакомлю читателя с биографией Владимира Александровича. Он родился в 1907 г., 24 июня по новому стилю. В «Военном билете офицера запаса» в качестве места рождения указан г. Батуми (по сведениям родственницы, его, шестилетнего, привезла в Батуми мать, Мария Александровна), воспитывался он матерью и отчимом, В.М. Селивановым. Получил среднее образование – семь классов, в 1924 г. окончил автомеханический техникум (Семейный архив О.Л. Миловой).

Скорее всего, техникум дед окончил уже в Москве, куда переехал, начав самостоятельную жизнь. Стал работать механиком (трудовой стаж шел с 1925 г.), занимался спортом в обществе «Строитель», где познакомился со своей будущей женой, Зинаидой Александровой. В 1927 г. стал членом ВКП(б). Думается, что начинал он свою работу на заводе № 266 с низших должностей, и лишь через несколько лет стал начальником отдела. Тем более что в 1934 г. он был командирован на работу в Германию, в Торговое представительство СССР.

Уехал Владимир Александрович Гравве вместе с семьей, женой и дочерью Ириной, моей мамой (родилась в 1931 г.) из Москвы, вероятно, в конце августа или в начале осени 1934 г. В «Трудовом списке» моей бабушки имеется запись об увольнении по собственному желанию в связи с отъездом из Москвы, датированная 5 июля 1934 г. Но на фотографии, подаренной «бабушкой Паней»⁸¹ на память внучке Ирочке, стоит дата 22 августа 1934 г. Жили в Берлине. Когда семья обустроила быт, Зинаида Ивановна Гравве вышла на работу в торгпредство в середине декабря 1934 г., согласно справке с места работы от 9.12.1938 (Семейный архив О.Л. Миловой). Дед занимался закупкой электрооборудования для нашей страны в Германии, приобрел мотоцикл с коляской (он имел права международного образца на управление мотоциклом, документ сохранился), ездил на нем в командировки в некоторые близлежащие европейские страны. Осталось довольно много фотографий в семейном архиве, рассказывающих об их жизни в Германии.

В 1938 г. В.А. Гравве поехал в Москву, в отпуск, один, семья осталась (в мае 1937 г. у него родился сын Владимир). Ему, так же как и его другу и коллеге, приехавшему в отпуск, Сергею Моросанову (работал

⁸¹ «Бабушка Паня» – Прасковья Николаевна Александрова (урожд. Махова), моя прабабушка по материнской линии.

в торгпредстве, в Гамбурге), запретили покидать СССР, запретили работать, забрали партийный билет. Они были вызваны в НКВД, провели там некоторое время (не знаю точно, сколько), но их отпустили. Это, безусловно, редчайший случай – мы знаем, как в эти годы репрессировали, в том числе по ложным обвинениям, большинство сотрудников внешнеторговых организаций, сотрудников Коминтерна и проч. Арестовывали советских граждан даже за получение писем и посылок от родственников, живущих за границей.

Бабушка вместе с детьми возвратилась в Москву сама, видимо, в конце декабря 1938 г. Жили снова на Бауманской (быв. Немецкой) улице, в двух маленьких комнатах в квартире 2 дома № 27 (ныне № 53 стр. 4), на втором этаже. Жили с родителями З.И. Гравве, ее сестрой Антониной и их бабушкой.

Через полгода, или несколько позже, в 1939 г. В.А. Гравве снова стал работать на заводе № 266. В 1940 г. он являлся начальником цеха № 42, эти сведения содержатся в воспоминаниях Карена Тиграновича Шермазанова, инженера-механика, работавшего на этом предприятии с 1930 г. и возглавлявшего различные цеха завода, а с июля 1939 г. занявшего пост начальника производства завода (Рашковский, 2015). В этом же году дед окончил два курса Промакадемии, согласно информации в военном билете (Семейный архив О.Л. Миловой). Учился без отрыва от производства, поскольку еще в начале 1930-х годов на предприятии был открыт филиал Промакадемии.

Хотелось бы рассказать и о бабушке, Зинаиде Ивановне Гравве, в девичестве Александровой. Родилась она в Москве, 1 октября 1911 г. по новому стилю. Была старшей дочерью в семье, через два года родилась Антонина, а еще через два года – Александра. Отец ее в советское время работал в организации, занимавшейся речными перевозками (к сожалению, точное название мне неизвестно), мать вела домашнее хозяйство. Информацию о бабушке с 1929 по середину 1934 г. можно почерпнуть из «Трудового списка Гравве З.И.»: получила среднее образование, в возрасте семнадцати с половиной лет начала работать счетчицей (с апреля 1929 г.), состояла в профсоюзе металлистов, занималась спортом в обществе «Строитель» (об этом свидетельствуют подписи на фотографиях из семейного архива). После рождения дочери в конце марта 1931 г., используя все виды отпусков, она уволилась; через некоторое время снова вышла на работу, уже в другую организацию, но через полтора года попала под сокращение штатов. Восемь месяцев была без работы, в октябре 1933 г. поступила в Московский городской комитет союза электриков на должность статистика (Семейный архив О.Л. Миловой).

После возвращения из Германии в декабре 1938 г., Зинаида Ивановна уже в феврале следующего года устроилась на должность бухгалтер в Наркомат внешней торговли, располагавшийся тогда у Ильинских ворот. Возможно, как было отмечено выше, ее муж еще не имел разрешения возобновить работу, в связи с проверками органов НКВД.

22 июня 1941 г. семья находилась под Москвой, на даче в Кратово – бабушкин отец, Иван Александрович Александров, незадолго до войны приобрел половину участка и полдома в дачном поселке Кратово. Не помню, чтобы в семье вспоминали подробно именно эти дни. Но уже 25 июля в Трудовой книжке Зинаиды Ивановны появилась запись: «Освобождена от работы в связи с переездом в другую местность. Распоряжение начальника отдела от 24/VII-41 г.» Однако, в ближайшие месяцы переезд (эвакуация) не состоялся по каким-то причинам. Бабушка не работала около трех месяцев, дед еще не эвакуировался со своим заводом. И, видимо, чтобы не было у З.И. Гравве перерыва в стаже, в записи в Трудовой книжке месяц июль был исправлен на месяц октябрь: VII X. «Исправленному октябрь месяц верить. /подпись/ /круглая печать НКВТ/ 21/X-41 г.». То есть исправления свидетельствуют о том, что 21 октября семья еще оставалась в Москве.

Воспользуюсь воспоминаниями одного из руководящих работников завода № 266 Александра Ивановича Зенина (с 1933 г. возглавлял комсомольскую организацию завода, с 1936 г. стал секретарем парткома завода – О.М.), чтобы дать представление об обстановке в Москве в октябре 1941 г. «...Наступил октябрь месяц. Это был для нас тяжелый период. В это время шла массовая эвакуация в Киров оборудования и рабочих. Готовился к эвакуации и наш опытный цех. <...> Демонтаж мы закончили в кратчайший срок и вывезли все хозяйство на железнодорожную ветку, проходящую по территории завода, для погрузки в вагоны.

Но проходит день, два, а вагонов нет. Поздно вечером с 15 на 16 октября, прихожу на площадку проверить состояние дел, как вдруг слышу окрик: “Стой. Кто здесь? – Это был Дикарев (директор завода – О.М.). – Вагоны ждешь? – Да, нет, говорю, вагонов, наверно, совсем не будет – Так ты что, все знаешь? – Знаю кое-что, Иван Андреевич”. Я в этот день был проинформирован о положении дел в Москве. Тогда он мне рассказал, что сегодня на завод под большим секретом завезено три тонны взрывчатки и что Прудников сейчас занимается минированием важнейших объектов завода, подготавливая их к взрыву. А взрывать будем после телефонного звонка из Наркомата и двух контрольных из райкома⁸² партии и НКВД. Придя в штаб, мы увидели,

что там уже находятся все члены парткома⁸³, предзавкома⁸⁴ Лобанов, начальник первого отдела Тихомиров, главный энергетик Оганезов, главный инженер Шермазанов, главный механик Гуревич и начальник мобилизационного отдела Прудников.

“Товарищ Начальник объекта. Ваш приказ о минировании объектов согласно утвержденного Вами плана, выполнен”, – доложил Прудников. Приняв рапорт, Дикарев распределил всех присутствующих по объектам для их взрыва. Мне было приказано взрывать трансформаторную подстанцию. Присутствующий при этом офицер-сапер, инструктировал нас, как это надо делать. И мы стали ждать.

<...> Это было ожидание того страшного момента, когда должно было взлететь на воздух, то, что многие годы мы создавали своими собственными руками.

Со вздохом облегчения, мы встретили наступающее утро 16 октября. Страхное не случилось. В этот день на заводе был проведен митинг, на котором Дикарев доложил о положении дел в Москве и призвал всех рабочих любыми средствами передвижения направляться в город Киров...» (Рашковский, 2015).

А о том, что случилось с семьей Гравве в конце октября, я узнала от моей мамы, Ирины Владимировны. Она вспоминала, что бабушка вместе с детьми должна была ехать в эвакуацию в г. Куйбышев (ныне Самара – О.М.). «Мы уже сидели в вагоне, вместе с вещами, и вдруг влетает папа и говорит: “Зина, ты никуда не едешь! Где ваши вещи? Я на машине, бери ребят, поедem вместе с заводом в Киров!” Он, оказывается, приехал на заводском грузовике и успел до отхода поезда. Похватали вещи, выбежали, сели в машину. А потом уехали в Киров...».

Мама всегда отмечала, что по приезде в Киров, они, как и другие семьи инженерно-технических работников завода, «жили в поселке Кутшо». Звучало название необычно, но мне не пришло в голову поискать этот поселок на карте, ведь столько лет прошло... И только некоторое время назад, во время очередной попытки поиска информации о заводе им. Лепсе после эвакуации в Киров – мне посчастливилось не просто найти это название, а понять, что оно означает.

Итак, в 1931 г. в г. Вятка была основана фабрика учебных пособий, преобразованная через три года в комбинат учебно-технического школьного оборудования – КУТШО. В октябре 1940 г. КУТШО был передан в Наркомат авиации СССР для налаживания на нем про-

⁸² Районного комитета партии.

⁸³ Партийного комитета.

⁸⁴ Предзавкома – председатель заводского комитета профсоюзной организации.

изводства электрооборудования для авиации. В декабре 1940 г. был утвержден Устав агрегатного завода (№ 461 НКАП). Его директором был назначен С.Л. Маневич, бывший начальник цеха московского завода № 266, началось сотрудничество двух предприятий. После 22 июня 1941 г. по решению ГКО (Государственного комитета обороны) началась эвакуация промышленности. По приказам № 660сс от 9 июля и № 1057сс от 10 октября 1941 г. был эвакуирован Московский электромоторный завод им. Лепсе. Часть инженеров-электриков завода № 266 и эшелон с рабочими и их семьями прибыли в Киров еще в июле-августе, эвакуация осуществлялась в несколько этапов. Эта информация была опубликована известным вятским краеведом А.Л. Рашковским (Рашковский, 2012).

Основная эвакуация проводилась в конце октября – начале ноября 1941 г. Рашковский отмечает, что «в связи с поступлением 16 октября 1941 г. специального указания о срочном форсировании работ по вывозу оборудования, часть документации была уничтожена, а погрузка проводилась с учетом максимального уплотнения вагонов <...> Это создало трудности при приемке оборудования в месте прибытия». В справке В.М. Самойловича, уполномоченного 4ГУ НКАП, от 14 ноября 1941 г., в частности, указано, что с завода № 266 им. Лепсе первый эшелон прибыл в Киров 1 ноября, второй эшелон – 4 ноября и третий эшелон прибыл 13 ноября 1941 г. (всего прибыло 104 вагонов оборудования, материалов и оснастки, а также 11 вагонов людей общим количеством 443 чел., в том числе 200 рабочих и ИТР⁸⁵ и 243 членов их семей) (Рашковский, 2012).

На базе Кировского завода № 461 разместились два московских предприятия – завод имени Лепсе и завод имени Дзержинского. 5 ноября 1941 г. было принято решение об объединении трех предприятий в одно с сохранением имени И.И. Лепсе. Директором был назначен Иван Андреевич Дикарев. Вот как вспоминает это время А.И. Зенин, который был назначен 5 ноября заместителем директора завода № 266 в Кирове: «...Наш эшелон, под завывание сирен воздушной тревоги и канонады зенитных батарей отбыл от перрона Ярославского вокзала в Киров. ... Ночью 14 ноября наш эшелон прибыл в Киров и был подан на ветку КУТШО.

15[-го] началось расселение приехавших рабочих и инженерно-технических работников. И здесь надо отдать должное кировчанам. К встрече эвакуированных они подготовились хорошо. В Наркомате мне говорили, что надо быть готовым к тому, что часть людей придется поселять в землянки. Но руководство завода в лице директора

⁸⁵ ИТР – инженерно-технические работники.

завода Головчинова, секретаря парткома Трапезникова и председателя завкома Ковязина сумели организовать дело так, что все приехавшие из Москвы были расселены на первых порах хотя и тесно, но в домах и бараках, в тепле» (Рашковский, 2015).

Так или иначе, семья Гравве прибыла к 15 ноября с эшелоном в Киров – в справке, выданной В.А. Гравве в апреле 1947 г. с места работы (в связи с переводом на другой московский номерной завод, № 25), указывалось, что он «Действительно работал на заводе № 266 в качестве начальника отдела с 15 ноября 1941 г. по 15 октября 1945 г.» (Семейный архив О.Л. Миловой.).

Вместе с семьями сотрудников завода бабушка с детьми – дочери не было еще 11 лет, а сыну, Володе, было четыре с половиной года – жила в доме (или бараке), скорее всего, деревянном, в поселке КУТ-ШО. Почему я написала «бабушка с детьми» – потому что, по рассказам, Владимир Александрович почти все время проводил на заводе, ночевал там же. Приходил домой на несколько часов по воскресеньям. Ирину устроили в школу, сохранился интересный документ: «Свидетельство об обучении Ирины Гравве в 15 начальной школе г. Кирова, Сталинского района» (Семейный архив О.Л. Миловой). Он выполнен на бланке с грифом Наркомата просвещения РСФСР (в виде грамоты) и содержит сведения о том, что И. Гравве «окончила полный курс этой школы и обнаружила при отличном поведении следующие знания: по русскому языку – хорошо, по арифметике – хорошо, по естествознанию – хорошо, по географии – хорошо, по истории – отлично». Документ датирован 25 мая 1942 г., подписан заведующей школой А. Сычевой и учителем Е. Копыловой, заверен круглой печатью начальной школы № 15 Кировского края. Мама окончила 4 класс.

В полном составе семья прожила в Кирове немногим более года, вероятно, в декабре 1942 г. З.И. Гравве с сыном вернулась в Москву, где оставались ее родители и бабушка. В «Выписке из домовой книги» по адресу Бауманская ул., д. 27 (по старой нумерации) запрошенной мной несколько лет назад, указана дата регистрации З.И. Гравве в квартире 2 «4 января 1943 г.» Ирина же осталась еще на два-три месяца в Кирове, продолжала учиться, самостоятельно вела хозяйство (конечно, ей помогали соседки, жены заводчан, жившие рядом). Вспоминала мама, как они с ребятами ходили за елкой, в мороз (вероятно, лес был недалеко). Как видела отца лишь по воскресеньям, скучала по маме и брату, как трудно было готовить самой.

В первые месяцы после эвакуации завода в Киров, как вспоминал А.И. Зенин, «... когда еще были некоторые запасы продовольствия и предметов первой необходимости, все трудности, вызванные осо-

З.И. Гравве. На обороте надпись: «Дорогой Вовка. Не забывай. Москва. 31/VIII-43 г.»

рый в содружестве с производственными цехами в 1943 году выпускал тарелки двух видов, стаканы, ложки, вилки, ножи, мыло, спички, репродукторы. Удовлетворив свои потребности этими изделиями, мы снабжали ими и госпитали, находящиеся в городе Кирове. А через некоторое время наша продукция появилась и в магазинах города» (Рашковский, 2015).

Большое значение имело решение задачи варки собственного мыла на заводе: «После первой неудачной варки, наши специалисты из химической лаборатории Полякова, дали свои рекомендации, по которым и шла варка <...> И надо сказать, мыло получалось неплохое. За первые 4 месяца 1943 г., было сварено 3 тонны <...> Каждый приходящий помыться, получал в бане вместе с талоном и 200 г мыла, причем бесплатно» (Рашковский, 2015).

бым положением, как-то сглаживались. <...> Но к концу 1942 г. вопросы быта, питания, снабжения всем необходимым, стали обостряться. В столовой не хватало тарелок, стаканов, вилок, ложек. Не было мыла, спичек и т. д.». Тогда Зенин и Шермазанов разработали план мероприятий по созданию цеха ширпотреба, штамповочный цех должен был изготавливать ложки и вилки, цех пластмасс – пластмассовые тарелки и стаканы. На заседании парткома завода, при поддержке секретаря парторганизации завода Н.Ф. Трапезникова эти предложения были утверждены. «Неплохо развернул работы по выпуску изделий наш цех ширпотреба, кото-

В.А. Гравве. Киров. 1943 г. На обороте надпись: «Дорогой Зиночке от Кировского, но самого близкого человека Вовки».

Важной проблемой оставался вопрос питания. «Хотя продовольственные карточки и отоваривались, но, тем не менее, для людей, которые, не отходили от станка по 12–15 часов, а иногда и сутками, одних карточек было недостаточно». Встала задача получить для завода такое подсобное хозяйство, которое могло бы значительно улучшить снабжение рабочих и ИТР продуктами питания и, в первую очередь, детские учреждения. Партийный комитет предприятия в этом вопросе проявил оперативность, и с помощью Самойловича как представителя Наркомата, находящегося на заводе, и обкома⁸⁶ партии добились решения ГОКО⁸⁷ о передаче заводу для организации подсобного хозяйства совхоза «Боровское» в Котельническом районе. Руководящих специалистов этого хозяйства удалось удержать, неимоверные усилия по организации весенних работ увенчались успехом. «Осенью 1943 г. завод получил из “Боровского” 500 тонн капусты, 500 тонн картофеля, 30 тонн огурцов, 10 тонн помидоров, 1 тонну масла и 300 кг меда. Это уже была ощутимая помощь, и мы получили возможность улучшить питание в детских учреждениях и отпускать обеды передовикам производства по спецталонам за счет подсобного хозяйства» (Рашковский, 2015).

И это только часть жизненно важных вопросов для рабочих и ИТР завода, которые решались. Серьезнейшей задачей было выполнение плана по выпуску продукции для самолетостроения. С помощью вновь обученной молодежи, прибывшей из области, как вспоминал К.Т. Шермазанов, «коллектив завода, начиная с марта месяца 1942 г., из месяца в месяц стал уверенно выполнять и перевыполнять план, как в объеме производства, так и по номенклатуре. За обеспечение самолетных и моторных заводов электрооборудованием, к ноябрьским праздникам 1942 г. коллективу завода присудили первое место и знамя Государственного комитета обороны» (Рашковский, 2015). И девять месяцев завод № 266 им. Лепсе держал это переходящее Красное знамя.

В 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденами и медалями большая группа рабочих, инженерно-технических работников и руководителей завода. Дед получил свой первый орден Трудового Красного Знамени. В июле 1943 г., приказом по заводу от 15 июля, В.А. Гравве был назначен начальником

⁸⁶ Областного комитета партии.

⁸⁷ ГОКО или ГКО – Государственный комитет обороны – чрезвычайный высший государственный орган в СССР, действовавший в 1941–1945 гг. в условиях военного времени.

отдела технического контроля завода и освобожден от обязанностей начальника цеха 42 (ГАКО⁸⁸, ф. Р-2194, оп. 5, д. 96, л. 52. Цит. по: Рашковский, 2012).

Вернусь к рассказу своей мамы – теперь о том, как она уезжала из Кирова в Москву. Это произошло, как я уже упоминала, через два-три месяца после отъезда Зинаиды Ивановны с Вовой, в конце февраля или в марте. Такое решение было принято, но сложность состояла в том, что дед не мог отлучиться с завода и сопровождать дочку. В это время уже начинали отправляться эшелоны с завода из Кирова в Москву. В 1942 г., в связи с резким увеличением плана, как упоминалось выше, удалось обучить значительное число молодых рабочих, в основном, девушек. К.Т. Шермазанов вспоминал, что «...примерно через четыре-пять месяцев, основная масса кировской рабочей молодежи достигла выполнения норм и стала обгонять квалифицированных московских рабочих. Появилась возможность резвакуации освободившихся рабочих в Москву» (Рашковский, 2015). Кроме того, в Москве оставался филиал завода № 266, иногда туда перевозили оборудование из Кирова. То есть железнодорожное сообщение между кировским заводом им. Лепсе и Москвой существовало.

Мама вспоминала, что их отправили вдвоем с девочкой, примерно ее возраста, посадили в вагон-теплушку, где посредине была устроена печка-буржуйка. Их постарались тепло одеть (было очень холодно, еще лежал снег), постелили на пол какие-то матрацы или маты и дали что-то типа ватных одеял или ватников – накрыться сверху. Ехали одни, несколько дней. Конечно, их не оставили без еды и кипятка, кто-то заходил в их вагон, приносил кипяток. То есть ехали почти «незаконно».

Москва была во время войны закрытым городом, поэтому без пропуска – а у девочек его не было, конечно, выйти на конечной станции было нереально. И вот, родителями (а также кем-то из руководства завода, без поддержки «сверху» подобную отправку нельзя было организовать) был осуществлен такой план – когда эшелон еще не доехал до станции назначения, за девочками пришли, забрали и доставили домой. Как это было возможно, не знаю – как договаривались предварительно, вероятно, по телефону? Безусловно, номер поезда был известен – да, но, ведь, могло что-то не сработать!!!

Первое впечатление мамы, когда она попала домой – это младший брат, Вовочка, очень тепло одетый, с красными ручками, а из трещин на пальчиках сочится лимфа – настолько холодно было в квартире,

⁸⁸ ГАКО – Государственный архив Кировской области.

В.А. Гравве. Германия. 1945 г.

что у него потрескалась кожа на пальцах...

Ирина Гравве снова жила с родными в доме на Бауманской улице, окончила школу № 353, носившую имя А.С. Пушкина, в 1948 г., с серебряной медалью (школа находилась на ул. Бауманская, д. 40, по новой нумерации. В 2019 г. была закрыта, школьное здание в настоящее время относится к школе № 345, корп. 2). В этом же году поступила на исторический факультет МГУ.

Как у большинства ребят того времени, их отцы находились вдали от семей – в действующей армии или, как в случае с моим дедом, на трудовом фронте, в другом городе. Конечно, отец приезжал в Москву на короткое время, командировки были, но

воссоединились Гравве только после Победы, в конце 1945 г. (в «Выписке из домоводной книги» имеются сведения о том, что В.А. Гравве «прибыл из Кирова» 2 ноября 1945 г.).

Расскажу об одном эпизоде из жизни деда, относящемся к 1945 г. Когда мы пересматривали старые фотографии, мама, давая мне пояснения, всегда говорила, показывая снимки, где ее отец запечатлен в военной форме, что он в конце войны был командирован на территорию Германии, поскольку за те несколько лет, когда он работал при советском торгпредстве в Берлине, очень хорошо познакомился с немецкими промышленными предприятиями. Много лет я воспринимала это как данность, позже разглядела погоны майора и считала, что после

нескольких лет работы деда на заводе им. Лепсе в Кирове он был призван в армию и командирован в Германию. Но четыре года назад, перед серьезной операцией, дядя передал мне личные документы своего отца. Знакомясь с ними, я, к своему удивлению, увидела, что, оказывается, В.А. Гравве не проходил срочной службы (в соответствующем разделе «Военного билета» была отметка «не служил») и не участвовал в Великой Отечественной войне (в данном разделе не было никаких записей)! Через некоторое время в нашем разговоре дядя подтвердил, что у его отца не было офицерского звания, а майорская форма в той самой командировке имела «представительское» значение. Самое интересное произошло несколько месяцев назад, когда я в очередной раз разбирала вещи в опустевшей квартире семьи Гравве на Октябрьском поле (Владимир Владимирович, мой дядя, скончался в 2023 г.). В самом неожиданном (и неподходящем) месте я нашла пакет, в котором, вместе с фотографией бабушкиной сестры Антонины 1935 г., лежало несколько пожелтевших листков с машинописным текстом. Два из них являются «Удостоверениями», выданными «майору Гравве В.А.». Первый документ представляет собой машинописный подлинник со штампом «НКО СССР. Штаб 2 Воздушной Армии. Служба тыла», датирован 7 марта 1945 г. В нем говорится, что «предъявитель сего майор Гравве В.А. следует по территории, занятой войсками I Украинского фронта для выполнения специального задания...» и предписывается «...оказывать содействие в выполняемом им задании, предоставлять охрану, жилье, питание и ГСМ для заправки автотранспорта». Подписано удостоверение заместителем командующего 2 Воздушной Армии по тылу генерал-лейтенантом авиации Рябцевым, заверено круглой гербовой печатью (Семейный архив О.Л. Миловой).

Второй документ представляет заполненную машинописную форму, к сожалению, с плохим качеством машинописи. Имеется штамп «НКО СССР. Управление 1-го Украинского фронта. Отдел организационный», датирован 20 мая 1945 г. Текст более пространный, чем в первом случае, содержание схоже. Хотелось бы привести начало документа, которое конкретизирует цель спецзадания. «Предъявитель сего майор Гравве В.А. в соответствии с постановлением ГОКО № 7431 от 31.1.45 г. производит работу по учету и использованию промышленных предприятий на территории ПЕРВОГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА». Срок действия удостоверения – 1 августа 1945 г. Подписано начальником тыла 1 Украинского фронта генерал-лейтенантом Анисимовым (если мне удалось правильно разобрать машинопись) и начальником штаба тыла полковником Ремизовым, заверено круглой гербовой печатью (Семейный архив О.Л. Миловой).

Таким образом, неожиданно открывшиеся мне документы объяснили то, каким образом имевший «бронь» и не служивший в армии мой дед оказался весной 1945 г. снова в Германии и запечатлен на фотграфиях в офицерской форме майора.

После войны, в октябре 1945 г., В.А. Гравве был переведен на вновь организованный завод № 25 Наркомата авиационной промышленности, при котором было создано опытное конструкторское бюро (22.X 1945 г. назначен начальником производства завода). Основной задачей завода № 25 являлась разработка и серийное производство самолетного электрооборудования, систем и установок стрелково-пушечного вооружения самолетов. В 1954 г. он был передан в Министерство среднего машиностроения, в атомную отрасль. Дед работал на нем до июня 1962 г., до ухода на пенсию. Через год он скончался от тяжелой болезни, ему было 55 лет. Заслуги его получили признание: в 1945 г. он был награжден орденом Отечественной войны II степени, в 1949 г. – вторым орденом Трудового Красного Знамени, а через пять лет был награжден орденом «Знак Почета».

Бабушка, З.И. Гравве, в ноябре 1944 г. вернулась на работу в Наркомвнешторг, старшим бухгалтером. Затем после преобразования организации в Министерство в 1953 г. работала ст. контролером Отдела загранучреждений, до ухода на пенсию в октябре 1971 г.

Прожили они с дедом в счастливом браке тридцать три года, и ровно столько же Зинаида Ивановна прожила без него, ушла из жизни в 1996 г. Она всегда оставалась энергичной, заботливой, неутомимой труженицей, обустроивала дачный участок и дом вместе с семьей дочери и сыном. Их трудами мы пользуемся до сих пор.

* * *

Хотелось бы в заключение рассказать о судьбах младшего «военного поколения». После окончания хореографической школы Л.В. Милов был зачислен в Государственный Ансамбль народного танца Союза ССР «в качестве артиста балета» – первая запись в его Трудовой книжке датирована 3 мая 1948 г. (Семейный архив О.Л. Миловой). В том же году отец поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ. В Ансамбле он проработал всего год, получил серьезную травму, грозившую стать хронической, и уволился по собственному желанию. В сентябре 1949 г. он перешел на II курс очного отделения, окончил его в 1953 г., затем учился в аспирантуре.

После окончания аспирантуры Л.В. Милов несколько лет работал в Институте славяноведения АН СССР, в июле 1960 г. перешел в МГУ

Сидят: В.А. Гравве, Ирина, Володя. 1947 г.

на исторический факультет, где прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой истории России до начала XIX века. Московский университет стал основным местом его работы до конца жизни (хотя ему пришлось на десять лет перейти в Институт истории АН СССР – с 1966 по 1976 гг., он не порывал связи с университетом, работая по совместительству). В 1958 г. защитил кандидатскую, а через пятнадцать лет – докторскую диссертацию.

В 1990 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 2000 г. – академиком РАН. В том же году его монография «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998) была удостоена Государственной премии РФ.

Ирина Гравве, окончив школу с серебряной медалью, также поступила в 1948 г. на исторический факультет МГУ, на дневное отделение, и через год, будучи старостой курса, познакомилась с Лёней Миловым. Их дружба получила продолжение, в апреле 1953 г. они создали семью.

Мама также окончила аспирантуру, но не смогла сразу защититься – помешали обстоятельства (кандидатскую диссертацию защитила в 1973 г.). После того как трудности, связанные с рождением дочери, были преодолены, долго не могла найти работу. Обратилась за помощью в Московский горком комсомола, вскоре была принята на должность лектора в Центральный музей В.И. Ленина. В феврале 1964 г. перешла на преподавательскую работу в Московский инженерно-строительный институт, где проработала 42 года, из них 21 заведовала кафедрой – сначала научного коммунизма, затем политологии и социологии. И.В. Милова была опытным педагогом, прекрасным лектором. Ее аудиторией были не только студенты МИСИ–МГСУ, но и коллективы предприятий по всей стране – она много лет ездила с лекциями по линии общества «Знание», добралась до Дивногорска и Братска. Оставила преподавательскую работу в начале 2007 г., за полтора года до кончины⁸⁹.

И еще несколько строк о младшем брате мамы, В.В. Гравве. Он окончил школу в 1954 г., тогда же поступил в Московский энергетический институт на электромеханический факультет. По распределению в 1960 г. был принят на работу на Государственный союзный завод № 699 (п/я № 426), который через три года был переименован в «Московский завод «Машиноаппарат»». В 2002 г. это предприятие было преобразовано в ОАО «Машиноаппарат».

Во время Великой Отечественной войны завод (был основан в 1942 г.) производил электрохимические взрыватели мин замедленного дей-

⁸⁹ И.В. Милова скончалась в июле 2008 г.

ствия с регулировкой времени момента взрыва. После войны производство было переориентировано на разработку и серийный выпуск бортового электрооборудования для ракетно-космических систем.

Владимир Владимирович проработал на заводе более 47 лет, его трудовой путь начался с должности инженера-конструктора. Спустя годы он стал начальником отдела, а с 2003 г. стал директором небольшого коммерческого предприятия «ООО МЭЛМА», основанного на базе «Машиноаппарата». Был награжден орденом «Знак Почета». Оформив пенсию в 1997 г., продолжил работу, завершил трудовой путь в 2008 г.

Таким образом, поколение «детей войны» достойно продолжило традиции отцов и матерей, укрепляя и развивая восстановленную после Великой Отечественной войны страну. Честный самоотверженный труд, приоритет общего над личным, тревога и боль за страну, проходившую «горнило» кардинальных перемен в 1990-е годы – вот качества, присущие этому поколению.

Источники

Оборон-пром. Предприятия № 251–300. Страница 17 (<https://oboron-prom.ru/page,17,predpriyatiya-251-300.html> – дата обращения 16.10.2025).

Память народа. Акт на вручение медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 16 сент. 1945 г. (https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1535804829/ – дата обращения 26.10.2025).

Память народа. Учетно-послужная картотека (https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer10208598/ – дата обращения 26.10.2025).

Рашковский А. Из истории эвакуации и работы завода им. И.И. Лепсе в годы войны. 23.05.2012. (<https://blogs.7iskusstv.com/?p=14049> – дата обращения 16.10.2025).

Рашковский А. Созидание в предвоенные и военные годы на примере завода № 266. 28.11.2015. (<https://rodnaya-vyatka.ru/blog/3633/101548> – дата обращения 16.10.2025).

Семейный архив О.Л. Миловой.

А.А. Примов

ДЕД БИСЯ, БАБА МИЛЯ И ДРУГИЕ НАШИ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ

Автор делится некоторыми фактами из жизни последнего свидетеля военного поколения в его семье – И.В. Сезиной (1930–2023), эвакуированной из Ростова-на-Дону в Ташкент с «Ростсельмашем». Она – бабушка супруги со стороны матери. Ее муж М.В. Сезин, офицер-артиллерист, прошел Курскую битву, был дважды ранен, спасал ногу от ампутации; после войны стал преподавателем философии и художником. Фронтовой медсестрой была и Э.Ф. Еришова, бабушка супруги со стороны отца, которая в 16 лет ушла добровольцем на фронт. Ее муж Е.И. Еришов дослужился до полковника, но генеральское звание не получил из-за распада СССР. Со стороны самого автора на фронте воевали дед Пирмухаммад (кузнец и повар), дядя Аллаваргян (шофер, получивший ранение), а также двоюродный дед Раим Рахметов, который после гибели русского друга Николая взял его имя и жил с ним всю жизнь. Эта история увековечена в телефильме.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ написать что-то про своих предков в сборник о Победителях застало врасплох. Такие ситуации всегда неожиданны. Одно дело – читать о других, и совсем другое – писать о своих. Помним, чтим, гордимся. Рассказываем детям, чтобы им было, что поведать своим. Но о чем рассказываем? О том, что их предки были на войне, защищали Родину, добывали Победу, проявляли героизм. Вот, пожалуй, и все. Сейчас бы расспросить их самих, узнать подробности, да поздно уже.

Последняя в нашей семье из того поколения, которое застало войну, – Ирина Викторовна Сезина, в девичестве Рыкалёва. Она родилась в 1930 г. в Ростове-на-Дону, а умерла в 2023 г. в Ташкенте в возрасте 93 лет, пережив своего мужа, многих подруг и ровесниц, и даже пандемию коронавируса. Дети называли ее баба Пуся или баба Пу. Взрослые обращались к ней – Рина Викторовна. Это бабушка супруги со стороны матери. В «хлебный город» она попала в 1941 г. вместе с эвакуированным «Ростсельмашем», монтажом и запуском которого в столице Узбекистана руководил ее отец Виктор Николаевич Рыкалёв. Жили они недалеко, в соседней махалле (квартале). Баба Рина вспо-

минала, что завод начал выпускать снаряды под открытым небом сразу после запуска станков на новом месте: фронт ждать не мог. А крышу подводили потом, в процессе работы. Благо, зимой тут нет сильных морозов. После войны многие эвакуированные специалисты уехали обратно, а Рыкалёвым понравилось в Узбекистане: хороший климат, приветливые люди, овощи-фрукты круглый год. Так здесь и остались. Папа был одним из руководителей «Узбектекстильмаша», который вырос из эвакуированного «Ростсельмаша», а мама занималась домом и детьми. Виктор Николаевич умер очень рано, в 1974 г., ему было 68 лет. Похоронен недалеко от православного храма на Домбрабадском кладбище в Ташкенте.

После школы Ирина Рыкалёва поступила в Среднеазиатский государственный университет (САГУ), который располагался в Ташкенте, на филологический факультет. Тогда среди студентов было много фронтовиков. Они были намного старше вчерашних школьников, некоторые годились им в отцы. Многие – с последствиями ранений, некоторые ходили в военных гимнастерках и носили на груди боевые ордена и медали. Михаил Сезин выделялся яркой внешностью, самостоятельностью и уверенностью. Офицер-фронтовик был старостой группы и опекал юную Ирину. Забота переросла в любовь и вскоре молодые поженились. Это родители моей тещи Аллы Михайловны.

Михаил Васильевич был старше Ирины Викторовны на восемь лет. Он родился 11 октября 1923 г. в селе Сиделькино Куйбышевской (ныне Самарской) области. Сейчас моя супруга с кем-то переписывается в Сиделькино, там помнят Сезиных, есть даже дальние родственники. Потом семью деда моей супруги Сезина раскулачили и сослали в Арысь в Южном Казахстане. Оттуда его и призвали в сентябре 1941 г. в армию – сначала на курсы артиллеристов, а после присвоения офицерского звания в декабре 1941 г. отправили на фронт. Назначили командиром артиллерийского взвода 1060-го стрелкового полка 264-й стрелковой дивизии. Эта дивизия формировалась трижды – в июне 1941 г. под Полтавой; в мае 1942 г. – в Звенигороде на базе 17 стрелковой бригады, участвовавшей зимой 1941-1942 гг. в контрнаступлении под Москвой; в июле 1943 г. – на Дальнем Востоке. В начале сентября 1941-го она попала в окружение в Киевском котле, понесла существенные потери и была официально расформирована 19 сентября того же года.

Младший лейтенант Михаил Сезин служил в 264-й дивизии второго формирования. Весной и летом 1942 г. дивизия в составе 3-й танковой армии Западного фронта участвовала в нескольких наступательных операциях. Первое ранение дед Бися, как называли его внуки,

Михаил Васильевич Сезин. На лацканах пиджака медаль «За отвагу» и медаль ветерана 1-й Гвардейской Краснознамённой танковой армии (ГвКТА). Портрет работы художника Петра Балабанова. 1988 г.

получил 28 августа 1942 г. в районе Козельска. После лечения в госпитале уже в звании лейтенанта с января по июль 1943 г. командовал истребительно-противотанковой артиллерийской батареей 200-й танковой бригады 1-й гвардейской танковой армии. Участвовал в Курской битве, награжден медалью «За отвагу». Был тяжело ранен в ногу и контужен на Курской дуге, у него началась газовая гангрена, и дед, как он сам рассказывал, спал с револьвером, чтобы ему не отрезали ногу. Тогда кто-то из военных хирургов придумал методику надсечек кожи, и ногу удалось спасти. Но в ней навсегда остались осколки. Пока он лежал без сознания, какая-то «сердобольная» медсестра написала его родителям, что так, мол, и так, ваш сын умирает в госпитале. Мать прочла и умерла на месте, ей было 43 года. После этого ранения война для деда Биси закончилась. Долгое лечение, а в 1945 г., как оценка заслуг, медаль «За победу над Германией».

Вернулся в Казахстан, несколько лет трудился в разных организациях. Но тяга к знаниям, к науке перевесила, и он поехал учиться в Ташкент, который тогда был одним из главных научных и культурных центров советской Средней Азии. Об этом периоде мы уже рассказывали.

Сезин Михаил Васильевич

1942 — Информация из донесений о безвозвратных потерях

№	Фамилия, имя, отчество	Дата рождения	Место рождения	Служба	Дата гибели	Место гибели	Причина гибели	Степень	Звание	Награды
1	Сезин Михаил Васильевич	...	...	...	...	...	...	...	...	...
2	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
3	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
4	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
5	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
6	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
7	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
8	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
9	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
10	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
11	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
12	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
13	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
14	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
15	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
16	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
17	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
18	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
19	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
20	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
21	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
22	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
23	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
24	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
25	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
26	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
27	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
28	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
29	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
30	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
31	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
32	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
33	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
34	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
35	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
36	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
37	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
38	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
39	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
40	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
41	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
42	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
43	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
44	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
45	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
46	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
47	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
48	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
49	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
50	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
51	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
52	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
53	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
54	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
55	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
56	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
57	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
58	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
59	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
60	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
61	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
62	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
63	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
64	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
65	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
66	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
67	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
68	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
69	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
70	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
71	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
72	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
73	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
74	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
75	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
76	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
77	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
78	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
79	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
80	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
81	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
82	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
83	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
84	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
85	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
86	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
87	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
88	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
89	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
90	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
91	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
92	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
93	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
94	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
95	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
96	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
97	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
98	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
99	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
100	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...

Оригинал документа находится в Центральном архиве Министерства обороны РФ (доступен для посещения гражданами РФ). Фонд: 58. Опись: 818883. Вышел: 1608

Информация из донесений о безвозвратных потерях за 1942 г. по 1062 стрелковому полку 264 стрелковой дивизии. С портала «Память народа»

После университета их с супругой распределили учительствовать в отдаленный кишлак в Кашкадарьинскую область Узбекистана. Рина Викторовна преподавала русский язык в национальных классах. Михаил Васильевич знал узбекский язык и вел несколько предметов. Сегодня такие населенные пункты имеют неплохую транспортную доступность, телефонную связь, в них есть магазинчики с необходимым ассортиментом продуктов, промтоваров и одежды. Но в начале 1950-х годов это была глушь, где люди вели натуральное хозяйство: молоко, яйца, мясо – все было свое. У всех во дворах стояли тандыры⁹⁰, хозяйки сами пекли хлеб. Молодая учительница, выросшая в крупных городах – сначала в Ростове-на-Дону, потом – в Ташкенте – так и не научилась печь хлеб в тандыре. Местные жители поддерживали семью учителей: то лепешкой горячей угостят, то курицу принесут, то еще как-то облегчат их быт. Школа обеспечивала дровами для печки и очага. За основными продуктами – хлебом, крупами, макаронами, мясом – приходилось ходить пешком за несколько километров в соседний поселок, где были магазин-сельпо и базарчик.

Когда вернулись в Ташкент, Рина Викторовна стала преподавать русский язык в узбекской школе. Да так всю жизнь и проработала на этой ниве, подготовив несколько учебно-методических пособий и научив русскому языку не одну тысячу учеников из числа представителей коренного населения. Ее до последних дней навещали бывшие ученики, приглашали на свои торжества, приносили подарки и гостинцы. Ей было 90, а им по 50-60-70 лет, но они с таким же пиететом, как и в школьные годы, относились к своей любимой учительнице, открывшей им чудный мир языка Пушкина, Толстого и других гениев мысли.

Михаил Васильевич преподавал в разных вузах Ташкента философию и латынь, был доцентом кафедры общеуниверситетских дисциплин ТашГУ имени Ленина. Мне не довелось у него поучиться, в нашей группе читали лекции другие преподаватели с их кафедры, мы ни разу не общались, хотя и ходили по одним коридорам и галереям уникального по архитектуре нового корпуса Ташкентского университета. Тогда я и не предполагал, что войду в их семью в качестве зятя. Михаил Васильевич состоял в ветеранских организациях, выступал с рассказами о подвигах советских воинов по линии общества «Знание», вел, как раньше говорили, активную общественную деятельность. И оставался всегда обычным человеком. Дружил с доцентом Алякринским (имя-отчество, к сожалению, забыл), заслуженным художником Узбекистана Петром Николаевичем Балабановым. Иногда мог пропустить

⁹⁰ Тандыр – специальная печь для выпечки лепешек.

чарочку-другую с друзьями-фронтовиками. В какой-то момент увлекся рисованием и живописью, стал писать картины, организовал большую выставку в Союзе художников Узбекистана. Дома и у родственников осталось считанное количество картин, остальные несколько десятков работ деда Биси разлетелись в начале 1990-х по всему миру вместе с их новыми владельцами. Сейчас они висят в домах бывших ташкентцев в России, Греции, Израиле, США, Германии, Канаде... После смерти мужа Рина

Эмилия Фёдоровна Ершова.
Фото сделано примерно в 1985 г.

Викторовна картины не продавала, а просто раздавала родственникам, друзьям и знакомым. Нам на память остался красочный буклет, выпущенный к выставке Союзом художников. В нем есть практически все его работы. Дети иногда рассматривают его, мне кажется, они испытывают гордость. Один из правнуков, Алишер, неплохо рисует, видимо, в деда Бисю...

На фронте был не только Михаил Васильевич. В самом начале войны ушла добровольцем в действующую армию и бабушка супруги со стороны отца Эмилия Федоровна Ершова (в девичестве Сантуледи, ее отец происходил из советских греков). В семье использовали другое слово – убежала. Семейная легенда передает эту загадочную историю

так. В начале октября 1941 г. во время эвакуации оборонявших город войск и гражданских из Одессы на Крымский полуостров 16-летняя Эмилия с несколькими такими же девчонками-оторвами попросились на фронт. Может быть, они приписали себе пару лет, но, как бы то ни было, военные взяли их с собой, так она оказалась на войне. Ее мама – баба Таня, которая чего только не пережила в поисках сведений о пропавшей дочери, узнала о том, что та жива и здорова, из письма Эмилии с фронта.

Баба Миля особых подвигов не совершила, но каждодневный труд фронтовой медсестры – это и есть подвиг и героизм. У нее тоже есть награды. В начале пятидесятых Эмилия Федоровна вышла замуж за молодого выпускника военного училища Егора Ивановича Ершова. Он был на три года младше, 1928 г.р., поэтому, на фронт не попал, работал всю войну в колхозе родного села Лютое Орловской области. Они объездили полстраны.

Мой тесть Валерий Егорович родился в Костроме. Первым местом службы в Средней Азии был Ош (Киргизия), потом Чирчик (Узбекистан), а затем их перевели в Ташкент. Ершovy жили рядом со штабом ТуркВО (Туркестанского военного округа – А.П.) в «генеральском» доме с толстыми стенами и высокими потолками, занимая там просторную квартиру улучшенной планировки с «приусадебным участком». У них получилось, как в известном фильме: выйдя замуж за лейтенанта, баба Миля со временем почти стала генеральшей. Я слышал такую версию. Полковника Ершова, который занимал важную интендантскую позицию в штабе ТуркВО, незадолго до развала Союза назначили на генеральскую должность. Уже подготовленный указ о присвоении высшего офицерского звания Егору Ивановичу так и не был издан: единая страна рушилась на глазах. После развала Союза он ушел в отставку и, как и многие опытные старшие офицеры, оказывал методическую и консультативную помощь в становлении вооруженных сил Республики Узбекистан.

Интересно сложилась карьера Эмилии Федоровны. Родившись и прожив до войны в Одессе, она знала несколько иностранных языков, что, видимо, послужило одним из оснований для приглашения ее на работу в органы КГБ СССР. Наверное, сыграло свою роль и фронтовое прошлое. Проработав всю жизнь в этом грозном ведомстве, баба Миля дослужилась до определенных чинов и стала основателем династии чекистов с общей выслугой в органах госбезопасности почти в сто лет. Но, несмотря на суровые профессии и должности, это были очень интеллигентные и нежно любящие друг друга люди, которые дарили тепло своих сердец детям и внукам. Дед Жора и баба Миля

никогда не отрывались от земли, у них было развитое чувство юмора, напрочь отсутствовал снобизм, которым сейчас подчас разит за версту даже от только заступивших на должность молодых людей. Уже будучи довольно пожилыми людьми, на пенсии, они смотрели телевизор, прижавшись друг к другу на диване как юные влюбленные. Баба Миля называла деда Жоржем, иногда – Жорой. «Мой Жорж», – говорила она. Это была Семья с большой буквы, в которой царили лад и взаимопонимание. Такими они и запомнились всем, кто их знал...

На фронте были и родственники с моей стороны: дедушка Пирмухаммад, его старший брат Саид и дядя Аллаваргян. Подробностей об их службе не знаю, но дед и дядя вернулись с фронта, а Саид-ата без вести пропал. Родственники писали в разные организации, но безрезультатно. У деда Саида остался сын Уктам, который стал известным музыкантом, а вот его детям таких талантов не досталось. Мы с ними в детстве прекрасно ладили, ездили друг к другу в гости, вместе ходили в кино, играли в разные игры...

Дедушка Пирмухаммад, которого называли Пирим-бува, был кузнецом, после войны работал на учебно-производственной базе сельхозтехникума. Дома была кузня, к нам приводили коней, и дед их подковывал собственноручно выкованными подковами. Он изготавливал на продажу серпы-ураки, кетмени (тыпки – А.П.), национальные хорезмские лопаты и другой необходимый в быту инвентарь. Нам, детям, он делал маленькие лопаточки-бельча. Когда перешел в мостоотряд, иногда брал меня с собой на работу и катал на катере по Амударье. Выйдя на пенсию, дед стал садовником и озеленил территории нескольких предприятий в столице пустынной Каракалпакии – Нукусе: АвтоВАЗтехобслуживания, автобазы №24, что-то еще. Пожилые нукусцы до сих пор помнят, кто высадил эти деревья, спасающие от зноя в летнюю жару. Тогда же у него проявился талант повара: дедушку приглашали готовить плов и другие блюда в огромных казанах на разных торжествах. В те годы не было кулинарных телепередач и люди, которые хотели научиться профессионально готовить, записывались к нему в подмастерья и некоторое время сопровождали, перенимая опыт.

Как-то я поинтересовался у деда, где он научился так хорошо готовить. И услышал любопытную историю. В ранней юности, лет в тринадцать-четырнадцать, он был вынужден уйти на заработки, чтобы помогать семье. Подался в город Хиву, тогда столицу Хивинского (Хорезмского, как говорят местные) ханства, где устроился истопником в главную мечеть. Прямо в молельном зале был вделан в пол огромный казан, который всегда кипел. Когда бы вы ни пришли в мечеть, в нем

всегда варилась еда, которую раздавали прихожанам и социально уязвимым слоям населения – сырым и убогим, а также дервишам. Служители культа объясняли этот феномен, естественно, чудом. Многие, наверное, верили, а те, кто знал природу этого «чуда», помалкивали. Объяснение было простое: за стеной располагался вход в скрытый от посторонних глаз ход, который вел к очагу под казаном, куда мальчишки-истопники подносили дрова и поддерживали огонь. В свободное от основной работы время дед помогал поварам и учился у них секретам кулинарии. А на пенсии он походил учеником у своего друга и освежил познания в кулинарии...

Дядя Аллаваргян вернулся с ранением правого предплечья. Он жил в кишлаке, работал в колхозе, выучился водить машину и стал шофером. Водил тяжелые грузовики, что кажется невозможным сейчас, но после войны, видимо, делали скидку фронтовикам-инвалидам. Руль он держал одной рукой – левой, правой лишь помогал. За свою шоферскую жизнь дядя не попал ни в одну серьезную аварию.

Он отличался гостеприимством, и супруга была подстать – такая же приветливая. Здороваясь, дядя протягивал правую руку, но, поскольку она была короче, то похлопывал вашу руку и левой. Я любил подолгу гостить на каникулах у них в кишлаке. Набегавшись с мальчишками и вымотавшись за день, вечером все вместе ужинали на айване, который выходил в огромный сад, в котором росли абрикосы, виноград и что-то еще, я уже не помню.

Потом он стал завгаром, отвечал за бесперебойную работу всего колхозного транспорта. Дядя Аллаваргян прожил долгую и счастливую жизнь. Воспитал двоих детей – дочь и сына, у которых уже растут свои внуки. Перед выходом на пенсию приобрел автомашину Москвич-412, на которой приезжал к нам в гости с сельскими гостинцами – овощами и фруктами со своего участка. Мы, четверо детей мал мала меньше, оставшиеся сиротами после смерти отца, радовались визитам родственников и их гостинцам, которые, чего скрывать, были хорошим подспорьем.

Дядя застал эпоху иномарок, купил себе корейский микроавтобус и возил людей и грузы. Руль иномарки, по привычке, крутил одной рукой, поддерживая другой. Гаишники никогда не останавливали этого большого могучего человека, фронтовика, который всегда приветливо кивал им головой, проезжая мимо. Он был одним из тех, к кому неприменимо слово старик. Умер дядя Аллаваргян лет пятнадцать назад, в конце 2000-х, в возрасте 85 лет...

Бабушкин двоюродный брат Рахметов Раим тоже прошел войну. На фронте у него был однополчанин Николай, фамилию не помню, с

которым они подружились и договорились взять имя друга, если одного из них сразит пуля. В бою под Воронежем погиб Николай. Раим-ата обратился к командиру с просьбой поменять имя в документах. Написал письмо матери друга, рассказал об их договоренности, получил от нее благословение. И стал Николаем. Так и прожил всю жизнь узбекский воин Раим с именем русского воина Николая.

В мирное время Николай-ата работал в колхозе. В середине 1980-х, когда на селе стали внедряться передовые методы хозяйствования, он одним из первых взял в подряд несколько гектаров земли и стал выращивать хлопок. У меня до сих пор где-то хранится черно-белый снимок, сделанный на его плантации: летом среди кустов хлопчатника стоит Николай-ата в зимней шапке. Не удивляйтесь, тогда многие пожилые люди в низовьях Амударьи носили такие шапки: местных аналогов повседневных головных уборов промышленность не выпускала, а наиболее подходящей заменой оказались знакомые многим людям старшего поколения легкие ушанки с кожаным верхом. Да, были тубетейки с белым узором, но они не являются характерными для северо-западных регионов республики. Сейчас частные ателье и народные умельцы изготавливают головные уборы разных видов на все сезоны. Но дед Николай запомнился мне именно таким – в шапке-ушанке.

В 2015 г. Николая-ата включили в список почетных гостей на Парад в Москве в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Мы здесь готовились к встрече, продумывая маршруты, по которым проведем гостей после официальных мероприятий, а они там, в Элликалинском районе Каркалпакии с одним из сыновей и моим двоюродным братом Батыром Машариповым собирались в дальнюю дорогу. Дед Николай и другие родственники с бабушкиной стороны жили в знаменитом месте – Гульдурсун. Я в детстве часто там бывал, мы с братом облазили все закоулки Большого и Малого Гульдурсуна. Эта крепость известна всем археологам и историкам. Там, на Гульдурсун-кале и окрестностях производила археологические раскопки Хорезмская экспедиция С.П. Толстова, где ученый впервые опробовал метод аэрофотосъемки. Эта античная крепость была частью «оазиса Пятидесяти крепостей» на территории Каракалпакии и Хорезма. Именно поэтому новый район, образованный на землях древнего орошения в середине 70-х годов, назвали Элликала (Пятьдесят крепостей)...

Но деду Коле не суждено было побывать на Параде Победы и посидеть на трибуне у Кремлевской стены: он занемог, поездку отменили и вскоре Николай-ата тихо скончался в окружении многочисленных потомков – детей, внуков, правнуков и праправнуков, не дожив самую малость до ста лет. Все это время вместе с ним жило имя его друга Ни-

колая. Эту историю не раз пересказывали в СМИ, сняли телефильм. Название фильма, к сожалению, мне не запомнилось. Его сняли в Узбекистане, показали по телевидению. Мои троюродные дядьки, которые носят узбекские имена, по отчеству – Николаевичи. Нить памяти не оборвалась. Она, похоже, крепкая. Как и дружба, скрепленная кровью...

Благодарю свою супругу Елену и маму Бекпашу Матьякубовну Маткаримову за память и очень нужные подсказки при работе над этим текстом.

А.Н. Ямсков

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ МОИХ СТАРШИХ РОДСТВЕННИКОВ

Очерк посвящен кратким биографиям родителей автора, бывших подростками в годы Великой Отечественной войны, и их семей и близких родственников преимущественно накануне, в годы и сразу после той войны. В основу данного текста положены воспоминания о давних неформальных разговорах автора с родителями и другими старшими родственниками о важных или особенно им запомнившихся событиях в их жизни в те годы, а также некоторые бумаги и документы из семейного архива. В центре внимания находятся социальные аспекты событий военной поры на примере судеб старших родственников, а также то, как все пережитое ими в военную пору повлияло на их дальнейшую жизнь.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ принять участие в подготовке сборника, посвященного событиям Великой Отечественной войны, первоначально вызвало у меня замешательство – ведь я никогда не изучал историю или культуру населения в ту эпоху, а мои отец и оба деда не попали на войну по возрасту: отец был тогда слишком молод, а дедушки – наоборот, стары. Однако после недолгих размышлений пришло осознание того, что именно жизненный опыт, полученный отцом и мамой во время Великой Отечественной войны и сразу после нее, во многом предопределил их дальнейшие судьбы и даже то, как они меня воспитали, и какие ценности мне привили.

Поэтому я попытаюсь рассказать об основных событиях в жизни моих родителей, встретивших и переживших Великую Отечественную войну подростками, и как те события военной поры повлияли на их дальнейшие судьбы. А также и о том, как пережили войну их родители, мои бабушки и деды, и некоторые другие близкие родственники. Так что этот текст – попытка краткого изложения истории жизни моих родителей и семей, в которых они выросли, но только, увы, выполненное *post factum* и на основе моих собственных случайно сохранившихся воспоминаний об их рассказах, ибо ничего подобного этому очерку я ранее писать не планировал и специально данные сведения от родственников при их жизни не собирал.

К сожалению, мой очерк весьма неполон, ведь в его основу легло то, что по какой-то причине запомнилось мне со слов мамы, когда она в 2000-е годы уже в весьма преклонном возрасте часто гуляла в моем сопровождении по нашему кварталу и любила во время прогулок рассказывать о событиях из своей молодости. Даже о семье моего отца и его биографии я в основном знаю и пишу ниже со слов мамы. Кроме того, сказанное ниже отражает и мои немногие собственные воспоминания о тех родственниках, кого я видел лично, и о рассказах, услышанных от них или о них на семейных праздничных застольях.

Так что получилась довольно сложная и, признаться, не самая надежная с точки зрения точности передачи информации цепочка воспоминаний – ниже я написал в основном о том, что запомнил из рассказанного мне мамой. Причем лишь часть ее слов описывала пережитые ею лично события, а часть основывалась на том, что она сама много лет назад слышала от своих родителей, от моего отца или его родителей. Таким образом, я лишь воспроизвожу ниже часть того, что мне запомнилось и что показалось наиболее важным и интересным. Но с другой стороны, данный текст подкрепляют некоторые документы и бумаги из семейного архива: письма, грамоты и трудовые книжки родителей, авторские свидетельства и статьи отца, учебник и журнал со статьями мамы. Особо выделяю черновик автобиографии мамы – хотя он без даты, но судя по контексту, относится к периоду, когда она оканчивала школу или поступала в институт во второй половине 1940-х годов.

Следует также уточнить, что значительная часть приведенных ниже сведений и гораздо больше фотографий из семейного архива ранее уже публиковались в Интернете, на канале Яндекс-Дзен «Московские истории» журналистки Марии Кронгауз, в кратких очерках об отце и маме и их родителях (Старые фотографии: Инженер ..., 2023; Старые фотографии: Моя мама ..., 2023). Я очень признателен М.А. Кронгауз за эти и многие другие публикации моих кратких рассказов в «Московских историях». Там я с 2021 г. выступаю под псевдонимом «Адъюнкт-профессор», который отчасти отражает реальность – с 2003 г. имею ученое звание «доцент», а в Российской Империи этот термин пришел на смену «адъюнкт-профессору» во второй половине XIX в. Своего настоящего имени я там не скрывал и в ряде случаев прямо его указывал, но этим псевдонимом пользуюсь для того, чтобы разделить научные публикации, подписанные полным именем, и высказывания в Интернете, часто остро полемические, под данным псевдонимом.

М.А. Кронгауз на своем канале о Москве и москвичах публикует краткие рассказы читателей. Иногда она выбирает заинтересовавший

ее развернутый комментарий к одной из прошлых публикаций и вместе с читателем, автором того комментария, превращает его в самостоятельный новый рассказ, а иногда давние читатели сами присылают свои короткие рассказы с просьбой их подправить и опубликовать. При этом она всегда выступает как редактор-составитель и отчасти соавтор публикуемых на канале «Московские истории» текстов. Например, в случае с моими рассказами она провела их серьезную редакторскую правку и сокращения, разбила на разделы и дала общие заголовки и подзаголовки (Старые фотографии: Инженер ..., 2023; Старые фотографии: Моя мама ..., 2023). В ряде иных случаев она меняла очередность разделов, подбирала и добавляла фотоиллюстрации к другим моим текстам. В 2025 г. ею была подготовлена книга из таких рассказов для издательства «Бомбора», которое является подразделением издательской фирмы «ЭКСМО», посвященным документальной прозе (Кронгауз, 2025). В эту книгу вошли некоторые фотографии и отрывки из моих текстов о маме (Кронгауз, 2025, с. 87-90, фотоиллюстрации на вклейке между с. 160 и с.161; см. также – Таганка: Мы жили ..., 2023), а также ряд других рассказов о моем детстве и юности (Кронгауз, 2025, с. 98-99, 118-120, 244, 280-281, 282-283).

Однако в данном очерке я использую только отрывки из своих оригинальных текстов, которые когда-то высылал М. Кронгауз для последующего редактирования, сокращения и публикации на ее Интернет-канале «Московские истории».

Наконец, еще одно предварительное уточнение – о возрастных когортах мужского населения СССР, которые преимущественно были мобилизованы во время Великой Отечественной войны. Стоит сказать об этом подробнее, ведь оба моих дедушки, родившиеся в конце XIX в., под мобилизацию не попали, прежде всего, из-за возраста.

Первоначально Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. были призваны лица 1905–1918 гг. рождения, а мужчины 1919–1922 гг. рождения на момент начала войны уже находились на срочной военной службе, либо имели отсрочки от призыва. В 1942 г. призвали родившихся в 1923 г., а потом и практически всех мужчин 1924 г. рождения. Первое время практически не призывали работавших на железных дорогах, но с 1942 г. их тоже стали частично призывать в армию. С начала войны регулярно проводили периодические перерегистрации в тылу всех военнообязанных мужчин и выявляли тех, кто восстановился после ранений или болезней либо перестал работать на забронированных от призыва рабочих местах – всех таких лиц моложе 45 лет также мобилизовывали (Таржанов, 2024, с. 176–177). Тем не менее, несмотря на огромные массы людей, призванных в

Моя мама, Нина Александровна Ямскова, студентка Факультета иностранных языков Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина. Вторая половина 1940-х годов

мамы я узнал большинство сведений, ставших основой этого очерка, а во-вторых, ее близкие родственники принимали или пытались принять прямое участие в той войне или попадали в оккупацию, как она сама.

Дежины

Моя мама, Нина Александровна Ямскова, в девичестве Дежина (1929–2013), родилась на Таганке в семье Александра Григорьевича Де-

Красную армию в самые первые дни войны, когда ее численность практически удвоилась уже к 1 июля 1941 г., Германия с союзниками непосредственно на фронте имели общее численное преимущество над СССР как в июне 1941 г. (4,2 млн чел. против 2,9 млн чел.), так и позднее. Только к ноябрю 1942 г. СССР почти достиг паритета в численности личного состава войск на фронте с Германией, соответственно 6,12 млн чел. и 6,14 млн чел., а в дальнейшем Красная армия уже численно превосходила Вермахт с его союзниками, вплоть до почти двукратного превосходства в январе 1945 г. (Купеев, 2020, с. 167).

Рассказ о судьбах моих близких родственников в годы Великой Отечественной войны стоит начать с мамы и ее семьи, поскольку, во-первых, именно от

жина (1892–1944) и Александры Григорьевны Дежиной, в девичестве Барановой (1900–1973), приехавших в Москву в начале 1920-х годов из Епифанского уезда Тульской губернии.

Дед Александр Григорьевич Дежин родился в крестьянской семье в большом селе Сокольники (ныне – микрорайон г. Новомосковска Тульской области), но что-то случилось с его родителями, и с раннего детства он жил у родственников, уездных мещан. Александр Григорьевич был призван в армию в годы Первой мировой войны и воевал, а после войны женился и стал нэпманом. В частности, они с бабушкой одно время арендовали яблоневые сады в Епифанском уезде и нанимали охрану, потом сборщиков урожая, и затем продавали урожай антоновских яблок. Но вскоре, уже в начале 1920-х годов, они переехали в Москву на Таганку, где жили в утепленном помещении на чердаке, приписанном к коммунальной квартире на верхнем этаже (Таганка: Мы жили..., 2023; см.

**Александра Григорьевна Дежина и Александр Григорьевич Дежин с сыном Владимиром.
Конец 1920-х годов**

также: Кронгауз, 2025, с. 87-90). Дед работал продавцом в магазине скобяных товаров и торгового оборудования на Балчуге.

В начале Великой Отечественной войны А.Г. Дежину было уже 49 лет, и к тому же он был серьезно болен, о чем знал. Осенью 1941 г. в письме дочери, моей будущей маме, он сообщил, что уходит добровольцем в московское ополчение, так как смертельно болен, но пока скрывает это, поскольку хочет успеть сделать что-то полезное на фронте, либо просто погибнуть в боях, а не умереть дома от рака. Но в ополчение его не взяли – после медицинского осмотра деда положили в больницу в Москве, а оттуда отправили домой, где он умер в начале 1944 г.

В этой печальной истории деда по материнской линии меня всегда удивляло то, что даже в самый тяжелый период войны, когда вражеские войска стояли буквально у окраин Москвы, в самой Москве, по крайней мере, часть советского военно-административного аппарата продолжала работать эффективно и точно по правилам. Ведь даже добровольца с опытом боевых действий в годы Первой мировой войны, моего деда, причем пришедшего из-за своего солидного возраста в московское ополчение, а не в Красную армию, сначала отправили на серьезный медосмотр, а после выявления у него тяжелого заболевания – комиссовали и госпитализировали, не пустив на фронт.

Бабушка Александра Григорьевна Дежина, в девичестве Баранова, родилась и выросла на хуторе своего отца, недалеко от восточных окраин современного г. Кимовска в Тульской области. Это примерно в 10–15 км от Сокольников. Родители моей мамы развелись вскоре после ее рождения, и бабушка всю оставшуюся жизнь прожила под девичьей фамилией Баранова. После недолгого пребывания вместе с мужем в нэпманах, она потом всю жизнь работала портнихой-надомницей и после войны шила на дому женские платья, будучи членом артели или кооператива «Э.Х.М.» (возможно, это аббревиатура от названия «Экспериментальные художественные модели»).

У отца бабушки, Григория Баранова, были свой большой каменный дом и хозяйственные постройки, пашня, много скота. В 1980-е годы мама с родственницей-москвичкой даже съездили к нашим дальним родственникам в город Кимовск и посмотрели на этот уцелевший дом, в котором сразу после войны были то правление колхоза, то детский садик. Когда бабушка Шура приехала со мной в первый раз на лето в Шубино, откуда был родом мой отец, то после первой прогулки по деревне и ее окрестностям она пренебрежительно заявила: «Тоже мне, колхоз. Да у моего отца земли было больше» (Лето в деревне: за нами ..., 2021).

Григория Баранова раскулачили сразу после установления Советской: изъяли землю и часть скота, но не тронули дом, и оставили такой же надел пашни, как и другим крестьянам. У него было шесть дочерей (включая мою бабушку) и три сына, и почти все они разъехались в 1920-е – 1930-е годы. Старший сын, оставшийся дома, был арестован во время коллективизации и сгинул в лагерях, младший сын погиб на Великой Отечественной войне, а средний – уехал в Москву. Старшая дочь Марфа до революции успела окончить фельдшерские курсы и потом работала фельдшером в селе Клекотки бывшего Епифанского уезда (сейчас – в Рязанской области), примерно в 20 км от их хутора. А вот моя бабушка Шура и ее младшие братья и сестры смогли получить только начальное образование.

Когда началась Великая Отечественная война, бабушка с сыном-старшеклассником Володей и дочерью-подростком Ниной, моей будущей мамой, уехала в село Клекотки, к старшей сестре фельдшеру Марфе Григорьевне Рудневой (в девичестве Барановой). Там они пережили почти всю войну, в том числе попали на пару месяцев в оккупацию в ноябре–декабре 1941 г.

В самом селе немцев или полицаев не было, но они стояли недалеко, на одноименной железнодорожной станции Клекотки. Как с гордостью рассказывала мама, деревенский староста однажды принес бабушке белую материю и потребовал сшить из нее маскхалаты для немцев. Бабушка просто от него отвернулась и ничего не ответила, ткань не взяла и ничего не пошила.

Впрочем, полноценной оккупации с новыми органами власти и полицией в Клекотках не было, но вот старосту местных жителей выбрать заставили. По рассказам бабушки, сельчане уговорили быть старостой, а точнее – назвали приехавшим немцам и их помощникам в качестве старосты, одного из сотрудников правления колхоза. Тот очень не хотел этого назначения и прямо говорил, что его обрекают на смерть после возвращения Советской власти, но старостой его все равно утвердили. После произошедшего вскоре освобождения Клекотков этого человека действительно арестовали и увезли, и более он в родное село не возвращался, а что с ним случилось, для жителей осталось неизвестным.

В конце войны бабушка с сыном уехали домой в Москву, а моя будущая мама осталась жить у тети Марфы, чтобы доучиться до окончания деревенской школы в Клекотках.

Бабушка жила с нами и поэтому именно она в основном воспитывала меня в детстве и в подростковом возрасте. Вспоминая её сейчас, могу отметить, что у нее было очень сильно развито «социальное

чутье», если так можно выразиться. Например, именно по ее инициативе, ни она сама, ни ее дочь, моя мама, никогда не писали в многочисленных в советские годы анкетах, что они побывали в оккупации во время войны или что происходят из семьи кулака царских времен. Они обе всегда писали, что их отец или дед был крестьянином-середняком, что, видимо, существенно помогло маме получить хорошее образование.

Еще одна особенность биографии бабушки наглядно отражает проблемы и ошибки в статистическом учете населения даже центральных губерний страны или Москвы в первые годы Советской власти, после массовых миграций времен Гражданской войны и сразу после нее. По документам, бабушка родилась в 1900 г., но в действительности – в последние годы XIX в. Когда она впервые оформляла себе в Москве паспорт, то просто уменьшила возраст на несколько лет, желая казаться более молодой. Но примерно также поступили и некоторые ее сестры, тоже переехавшие в Москву или другие города – в итоге по записям в их паспортах получалось, что они родились в одной семье, но с интервалами всего в несколько месяцев, что стало предметом частых шуток родственников.

Дядя Владимир Александрович Дежин (1925–2007), старший брат мамы, был призван в армию в конце войны, 12 августа 1944 г. Высокий и сильный, с хорошим школьным московским образованием, он был направлен в десантники, и его долго готовили, а потом уже он сам был инструктором и готовил других десантников на военном полигоне под Москвой. Воевать ему довелось лишь с Японией в 1945 г., но ту войну он прошел с начала и до конца в составе десантных войск. Поэтому его имя, как ветерана войны, и дата призыва в Красную армию есть в Информационной системе «Память народа» Министерства Обороны Российской Федерации (<https://pamyat-naroda.ru/>). Там же указано, что в 1985 г. он был награжден юбилейным Орденом Отечественной войны II степени, поскольку находился в Красной армии с 1944 г.

В 1960-е – начале 1970-х годов у нас дома иногда собирались гости, родственники по материнской линии. Мама особенно любила приглашать одну из младших сестер моей бабушки, Любовь Григорьевну Никуличкину. Муж последней, Серафим Никуличкин, прошел всю Великую Отечественную войну, а потом еще воевал и с Японией. Он и дядя Володя как-то вместе вспоминали при мне, тогда подростке, о войне в Маньчжурии, а точнее – о тамошних русских деревнях эмигрантов из СССР и их жителях. Надо сказать, что буквально все мужья родственников бабушки, ее сестер и племянницы, которые нас посещали в те годы, прошли через фронт – Борис, Александр, вышеупомянутый

Серафим. Других мужчин, кроме моего отца и дяди Володи, ветерана войны с Японией, в тех застольях и не было.

После демобилизации дядя Володя работал художником в московских кинотеатрах и рисовал афиши к фильмам, а на досуге любил и умел писать натюрморты и среднерусские пейзажи. Рад, что некоторые его картины украшают мою квартиру до сего дня.

Дядя Володя женился примерно в то же время, что и мои родители, и они, будучи близки по возрасту, дружили семьями в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда все жили по соседству, на Таганке. Его супруга Валентина Николаевна Дежина (1930–1996 гг.), моя тетя Ляля, происходила из известной и когда-то богатой московской купеческой семьи Горяиновых, но после революции их потомки жили очень бедно. Тетя Ляля образования получить не смогла и работала то ли медсестрой-сиделкой, то ли санитаркой в больнице-интернате для детей-инвалидов. Их сын Кирилл, мой единственный двоюродный брат, младше меня на примерно 5 лет, долго не мог определиться в жизни, но в итоге закончил технический институт и стал специалистом по фотоаппаратуре. Как и его отец, он тоже увлекался фотографией и хорошо снимал. В 1990-е годы Кирилл некоторое время был православным священником и служил в церкви на южных окраинах Москвы.

Вспоминая старших родственников по материнской линии, потомков вышедшего из крестьянской общины на свой отдельный хутор столыпинского кулака Григория Баранова, я вижу определенное тяготение многих из них к другим так называемым «бывшим» и их детям. Так, в конце войны бабушка и ее сестра Марфа устроили мою маму, тогда подростка, на квартиру в соседнем рязанском райцентре Горлово и тем самым доверили ее на пару лет не кому-нибудь, а «Жандарнику» – бывшему дореволюционному жандарму. Дядя Володя женился на девушке из рода купцов Горяиновых. Никто из детей бабушки не состоял в КПСС, а моя мама по идейным соображениям даже не вступала в комсомол, хотя и окончила институт. То есть определенная оппозиционность Советской власти долгое время сохранялась и среди части представителей простого народа, то есть некоторых потомков богатых крестьян, а не только дворян, купцов, священников или дореволюционной интеллигенции.

Впрочем, не стоит и переоценивать степень такой стихийной народной «оппозиционности». Например, моя мама, получившая советское образование в школе и институте, приобрела и соответствующее мировоззрение. Так, однажды она довольно резко высказалась при мне и, видимо, именно для меня, о «кулацких заблуждениях» ее матери, моей бабушки Шуры. Та как раз вспоминала о том, что жившие и

работавшие на хуторе ее отца крестьяне-бедняки, уходившие домой на праздники на несколько дней, потом возвращались почти сразу, задолго до возобновления работы в будни. И бабушка считала, что такое поведение работников доказывало, как хорошо им жилось на хуторе ее отца. А мама объяснила, что это неправда: батраки возвращались раньше времени на хутор лишь для того, чтобы дома на них не тратили зря еду, которой не хватало их семьям. Ведь работать в дни православных праздников они не могли ни на себя, ни на хозяина, и поэтому у себя дома в такие дни были вынуждены только отдыхать. Вот они и возвращались раньше времени на хутор, отдыхать и питаться там, за счет нанявшего их хозяина. А праздничных дней с запретом работы в поле и по хозяйству у русских крестьян было много. Так, в соседних Орловской губернии таких дней насчитывалось около 130 в год, в Курской – примерно 140–145 дней (Чуркин, 2009, с. 380). С другой стороны, по обычаям той местности, северной части Епифанского уезда, хозяин хутора Григорий Баранов, его семья с тогда еще совсем молодой моей будущей бабушкой Шурой и все наемные работники ели всегда все вместе, за одним столом и, естественно, из одного котла, а в страду хозяин и его работники вместе работали в поле.

Мама Нина Александровна Ямскова, в девичестве Дежина, родилась и жила в Москве. Когда началась Великая Отечественная война, бабушка увезла сына Володю и ее в село Клекотки Рязанской области, к старшей сестре Марфе Григорьевне Рудневой, которая работала там фельдшером. Маме тогда было всего 12 лет. Там и в соседнем Горлове она прожила всю войну и первые послевоенные годы.

В Клекотках моя мама попала на пару месяцев в оккупацию в ноябре-декабре 1941 г., и с этим событием связана одна трагикомическая история. Когда наши отступавшие части прошли через Клекотки, а жители попрятались от обстрелов в погребах на огородах, двенадцатилетняя Нина убежала на соседнюю железнодорожную станцию Клекотки, примерно в 1,5–2 км от села, посмотреть на немецких солдат и танки и, как она потом мне рассказывала, «увидеть историю своими глазами». А родственники, после мучительных переживаний о том, где она и что с ней стало, не только серьезно ее отругали после возвращения домой, но потом долго и обидно подшучивали над ней, говоря, что она «ходила встречать немцев».

В декабре 1941 г. через Клекотки прошли отступавшие немецкие части, и в селе и его окрестностях они вынужденно бросили много застрявших тогда в снегах или сломавшихся на сильном морозе грузовиков и мотоциклов. Мама потом удивлялась, почему после освобождения Клекотков никто из наших военных или гражданских властей

не собрал ту немецкую технику, и она потом ржавела несколько лет в полях и у дорог, потеряв какую-либо ценность еще до того, когда ее все же убрали.

В конце войны, когда моя бабушка с сыном Володей вернулись домой в Москву, мама осталась в Клеветках у тети Марфы, чтобы окончить школу-семилетку в этом селе. Дочь Марфы Татьяна Руднева, почти ровесница моей мамы, стала ее лучшей подругой, и потом они всегда поддерживали отношения, даже когда Татьяна переехала после войны учиться и жить в Рязань, где стала врачом. Потом моя мама училась в 8–9 классах в школе в соседнем большом селе Горлово, в то время – центре Горловского района Рязанской области, где она жила на съемной квартире у знакомых, у «Жандарика». Так односельчане прозвали бывшего жандарма царских времен, после революции вернувшегося в родные места.

Там, в Горлово, она застала послевоенный голод 1946–1947 гг., когда женщины в деревнях буквально плакали из-за невозможности досыта накормить своих детей. Смертей непосредственно от голода тогда в этих северных окраинах Черноземной России не было, но умерли многие ослабленные болезнями дети и старики в семьях голодавших колхозников. Маму и семью ее тети-фельдшера голод не затронул, но после увиденного моя мама долго была убежденной антисталинисткой и даже никогда не вступала в комсомол, не то, что в партию. Впрочем, реальные социальные последствия победы в России «демократов»-антисталинистов в 1990-е годы быстро и бесповоротно превратили ее в горячую поклонницу И.В. Сталина и КПРФ.

Вернувшись в Москву, мама еще год отучилась в школе, и в 1948 г. поступила на Факультет иностранных языков Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина (в 1960 г. он был объединен с МГПИ им. В.И. Ленина). Она окончила институт в 1952 г. по специальности «немецкий язык». То, что несколько лет она проучилась в сельских школах, в итоге ей даже помогло. На первых курсах у нее была плохая успеваемость, и некоторые преподаватели поднимали вопрос об ее отчислении, но партийное руководство института из числа коммунистов-выдвиженцев 1920-х годов всегда шло ей навстречу как «человеку из народа», учившемуся ранее на селе. Потом она подтянула свою успеваемость и успешно закончила обучение. Думаю, в МГПИ им. В.П. Потёмкина тогда не ошиблись, дав маме окончить институт – она ведь не только всю жизнь проработала по специальности, но и написала и опубликовала учебное пособие и статью в журнале, посвященные преподаванию немецкого языка (Ямскова, 1976; 1979). Я уже кратко описывал основные этапы биографии

мамы (Старые фотографии: Моя мама ..., 2023), поэтому более не буду повторяться.

Великая Отечественная война, вызвавшая бегство моей бабушки с детьми из Москвы, от безработицы и нищеты, в деревню к родственникам, дала моей будущей маме возможность несколько лет прожить среди колхозников или обитателей маленького сельского райцентра на Рязанщине. Тогда она полностью окунулась в жизнь простого народа, приняла эту жизнь, и впоследствии никогда не демонстрировала какого-либо снобизма либо высокомерия по отношению к деревенским или другим «простым» людям. А ведь она стала в итоге преподавателем немецкого языка, в том числе работала в вузе в середине 1950-х или на Курсах по подготовке и повышению квалификации Управления высотных домов и гостиниц г. Москвы, которые в 1960-е годы проходили в основном в гостинице «Украина» (подробнее: Старые фотографии: Моя мама ..., 2023). Более того, мама на всю жизнь полюбила деревенский быт, долго мечтала о садовом участке в сельской местности и была просто счастлива, когда они с моим отцом купили в конце «перестройки» дом в соседней с Шубино деревне. У нас в московской квартире мы часто читали писателей-«деревенщиков» и собирали их книги. Когда я учился в старших классах, она и отец вывозили меня «знакомиться с историческими центрами Руси». Так, мы ездили в Киев и потом на месяц в село Келеберда на Днепре в Полтавской области после моего 8 класса, и на лето в село Остров в Новгородской области после 9 класса (в сам Новгород тогда попасть, увы, не смогли). Хочется думать, что я многое унаследовал от мамы в этом отношении.

Но еще более важным оказалось другое следствие жизни моей мамы подростком во время Великой Отечественной войны в семье ее тети-фельдшера. Видимо, именно от тети Марфы она получила понимание нужности и важности хорошего профессионального образования, а потому даже подростком упорно училась в школе, живя ради этого одна среди чужих людей в Горлове. Потом не менее старательно училась в Москве в институте, невзирая на все проблемы и неудачи первых лет в вузе. Вот эта тяга к образованию – наверное, главное, что смогли дать мне мама и отец, а они оба приобрели это качество именно во время Великой Отечественной войны и во многом из-за того, что война резко нарушила обычное течение их жизни и тем самым сделала получение хорошего образования особенно важным и понятным средством для того, чтобы изменить свою судьбу к лучшему.

Наконец, благодаря маме я еще подростком-старшеклассником сделал главный шаг к тому, чтобы окончательно разобраться в своей

**Николай Сергеевич Ямсков и Нина Александровна Ямскова, в девичестве
Дежина. Начало 1960-х годов**

национально-государственной и этнической идентичности. Эту поучительную историю тоже стоит пересказать, хотя она и не относится к теме очерка.

Однажды мама расстроенной вернулась домой из школы № 877 в рабочем районе Бирюлево, на юге Москвы, где она с 1972 г. и до выхода на пенсию преподавала немецкий язык, и с возмущением рассказала мне случай на ее уроке. В 6 или 7 классе шел урок немецкого языка, и мальчишка лет 12-14 по заданию учительницы переводил устно текст с немецкого на русский язык. Но вот он дошел до слова «Russland» и на мгновение замолк. Мама машинально ему подсказала: «Россия». Мальчишка, чтобы показать, что он тоже знает перевод, сразу же воскликнул: «Да, я знаю, это то, что при царе было!». Мама озадаченно спросила: «А что же сейчас?». И мальчишка безапелляционно ответил: «А сейчас – Советский Союз!». Лишь после этой истории, наглядно отразивший общее направление воспитания и образования школьников в позднем СССР, то есть приоритет «советского» над «русским» либо их смешение вплоть до вытеснения всего «русского» «советским», я тоже окончательно осознал, что русский и советский – явления разного порядка, которые не надо смешивать. И еще я понял тогда, что Россия и русские – это не только то, что «при царе было», но и то, что существует и должно существовать в составе СССР.

Ямсковы

Мой отец, Николай Сергеевич Ямсков (1928–1993), родился и вырос в деревне Шубино Загорского (ныне Сергиево-Посадского) района Московской области, в семье Сергея Васильевича Ямскова (конец 1890-х – конец 1950-х годов) и Евдокии Сергеевны Ямсковой, в девичестве Мигачевой (1900–1984).

Ямсковы – одна из двух основных фамилий коренных жителей деревни Шубино, а Мигачевы жили в соседних Арсаках, расстояние между которыми около 7 км. До советских административно-территориальных реформ Арсаки и Шубино были небольшими деревнями «казенных» (государственных) крестьян Александровского уезда Владимирской губернии (Список населенных мест..., 1863, с. 41). Сейчас Арсаки – село и железнодорожная станция в Александровском районе Владимирской области.

Дед Сергей Васильевич Ямсков родился в небогатой крестьянской семье в Шубино и всю жизнь прожил в своей избе на самом краю этой деревни (подробнее: Лето в деревне: за нами..., 2021; см. также: Кронгауз, 2025, с. 280–281). Там он окончил местную школу. До коллективизации был крестьянином, но в колхоз не пошел, а подался в рабо-

чие на соседнюю Ярославскую железную дорогу, проходящую всего в полутора километрах по прямой от Шубино. Впоследствии напротив Шубино для дачников устроили станцию «90 км», между Бужаниново и Арсаками.

Будучи человеком ответственным и трудолюбивым, все 1930-е годы он периодически проходил курсы повышения квалификации, получал повышения по службе – вначале до бригадира рабочих, а потом и мастера путевого участка, кем и работал в годы Великой Отечественной войны и после войны. По возрасту и к тому же занимая должность инженера на железной дороге и поэтому, имея бронь, дед на войну не попал, но бомбежки на рабочем месте несколько раз испытал. Он умер вскоре после моего рождения, в конце 1950-х годов, в возрасте около 60 лет.

Конечно, деда вряд ли можно назвать настоящим инженером, несмотря на должность в последние годы работы, которая предполагала наличие минимум среднего специального технического образования. Но он явно имел тягу к образованию и даже собрал небольшую библиотеку. Из его деревенского дома мне потом малограмотная бабушка Дуня передала книги Лондона, Киплинга, Шульца (об индейцах) и т.д. Но главное в том, что он передал это стремление к образованию своим сыновьям – старшему Николаю, моему будущему отцу, о котором я расскажу подробнее, и младшему Анатолию.

Анатолий Сергеевич Ямсков, мой дядя, во время войны был школьником, а потом окончил военное училище, стал офицером Советской армии и служил в Московской области. Однако вскоре после начала службы он попал в дорожную аварию и погиб, это случилось за год или два до моего рождения – меня назвали в его честь.

Младший брат деда, Степан Васильевич Ямсков (1914–1991), тоже родился в Шубино и прошел всю Великую Отечественную войну, получил серьезное ранение. Его имя, как ветерана войны, дата мобилизации в 1941 г., и день начала службы в войсках (9.11.1942 г.) есть в Информационной системе «Память народа» Министерства Обороны Российской Федерации (<https://pamyat-naroda.ru/>). Там же указано, что он был награжден Орденом Славы III степени и Орденом Отечественной войны I степени.

Я помню, как он с женой Клавдией Сергеевной Ямсковой (1915–1989), в девичестве Рудневой, иногда приезжал в гости к моим родителям. Бывали у нас дома и все трое его сыновей, старший из которых, Михаил, окончил военное училище в Казани и был офицером Советской армии. Именно С.В. Ямсков сыграл определяющую роль в судьбе моих родителей, так как они познакомились именно в их с Клавдией

Евдокия Сергеевна Ямскова, в девичестве Мигачёва, и Сергей Васильевич Ямсков. Первая половина – середина 1950-х годов

доме в Москве. Отец пришел как родственник к своему дяде Степану, а моя мама – как дальняя родственница Клавдии Рудневой, ведь она прожила все военные годы в доме Рудневых в Клекотках у своей тети Марфы, вышедшей замуж за одного из местных Рудневых. Насколько я знаю, были и еще браки между Ямсковыми из Шубино и Рудневыми из Клекотков. То есть в середине XX в. в Москве среди выходцев из деревень все еще вполне существовала практика знакомить своих родственников с потенциальными брачными партнерами.

Бабушка Евдокия Сергеевна Ямскова, в девичестве Мигачева, родилась в крестьянской семье в Арсаках и вышла замуж в соседнее Шубино. Всю жизнь она проработала в местном колхозе обычной колхозницей, в том числе и в годы войны, была малограмотной. В конце ее жизни деревню Шубино объявили «неперспективной», так как к ней нельзя было проехать иначе, чем по проселкам и форсируя вброд мелкие речки или ручьи. Шубино полностью разрушили в 1970-е годы, а бабушку и других немногих жителей переселили в квартиры в многоэтажке в большом соседнем селе и железнодорожной станции Бужаниново. Но потом на месте Шубино организовали дачные участки, существующие и поныне.

В молодости бабушке Дуне пришлось пережить трагедию. Во время эпидемии гриппа-«испанки» умерли ее родители и несколько младших братьев и сестер, а выжили только она и самые старшие, которые

к тому времени уже жили отдельно или уехали в Струнино. Парадоксом той смертоносной эпидемии 1918–1919 гг. стали очень неравномерные уровни заболеваемости и смертности по разным губерниям, и Владимирская губерния оказалась в числе наиболее пострадавших: там переболело около 6% населения, тогда как в Московской – всего 1,25%, а в Петроградской – 0,6% (Морозова и др., 2021, с. 116).

Отец Николай Сергеевич Ямсков родился и почти до конца Великой Отечественной войны жил в деревне Шубино. Во время войны ему пришлось оставить школу и подростком работать в колхозе. За свой труд на весеннем севе 1944 г. он в 15 лет получил грамоту Загорского райкома ВКП(б) и Исполкома (подробнее: Старые фотографии: Инженер..., 2023).

Потом отец уехал в г. Краснозаводск, расположенный в 10 км от Шубино, и там окончил вечернюю семилетнюю среднюю школу рабочей молодежи в 1946 г. Ему приходилось одновременно учиться в этой школе и работать днем на грузовике с двигателем, дополненным газогенератором. На таких автомобилях всегда вместе работали шофер и его помощник, часто – подросток, который периодически закладывал деревянные чурки строго определенного размера в газогенератор. Вот таким помощником шофера и был мой отец, обязанностью которого было также заранее отсортировать эти чурки, обрубая их точно по нужному размеру (подробнее: Старые фотографии: Инженер..., 2023).

После вечерней школы, в 1946–1950 гг. отец учился в Краснозаводском химико-технологическом техникуме и с отличием его закончил, получив направление в профильный институт. В Москве он учился в 1950–1955 гг. в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева (с 1992 г. – Российский химико-технологический университет) и жил в общежитии института. Отец стал физико-химиком, специалистом по тугоплавким композитным материалам.

В 1955 г., в год окончания института, отец познакомился с моей будущей мамой. Они расписались и сыграли скромную свадьбу на Рождество в 1956 г., так что у нас дома всегда отмечали 7 января.

Отец после института работал в «закрытом» опытно-конструкторском предприятии – Подольском НИТИ (Научно-исследовательском технологическом институте; ранее просто «Почтовый ящик № 12»), впоследствии ставшем НПО «Луч». Одно время он был там исполняющим обязанности заведующего лабораторией. Об его с коллегами работах в 1960-е годы сказано в книге, посвященной истории этого предприятия (НИИ НПО «Луч», 2004, с. 30, 78, 226). Стоит отметить, что в 1960-е годы там развернулись исследования, в том числе и по ядерным ракетным двигателям, в которых участвовал мой отец (НИИ

НПО «Луч», 2004, с. 13, 28–30). Много лет спустя в нашей стране уже другими предприятиями была создана стратегическая крылатая ракета «Буревестник» (SSC-X-9 Skyfall, по кодификации НАТО) с неограниченной дальностью действия, способная благодаря ядерному двигателю находиться в полете несколько месяцев (Буревестник..., 2024).

С такой биографией мой отец, что вполне естественно, был очень просоветски настроенным человеком и с 1960 г. состоял в КПСС. Партийные взносы он принципиально платил, уже будучи пенсионером, до октября 1991 г. включительно, то есть то тех пор, когда 6 ноября 1991 г. КПСС на территории России была официально распущена Б. Ельциным. Но он никогда не работал на партийных должностях и совсем не стремился к этому, а всегда был инженером. В быту эти его убеждения почти не проявлялись – например, он не возражал, чтобы мама и бабушка меня крестили вскоре после рождения, хотя сам в этом не участвовал. Правда, в начале «перестройки» мы с мамой часто с ним спорили из-за его скептицизма в отношении М. Горбачева и всего того, что тот затеял, ну а потом, уже в 1990-е годы, сами наглядно убедились в его правоте. Кстати говоря, обе мои бабушки были верующими и периодически ходили в церковь. Меня ребенком бабушка Шура даже водила к причастию в Москве. Отец и мама к церкви относились индифферентно, и мама только после смерти отца иногда ездила в церковь поставить свечи за упокой души его и других родственников. Однако похоронить себя и отца, и мама просили под крестом и с отпеванием, как крещеных в детстве.

Отражением основных итогов работы моего отца и его коллег стали разного рода авторские свидетельства (патенты) или свидетельства об изобретениях и рационализаторских предложениях. Некоторые из них потом попали в базу российской «Научной электронной библиотеки» (подробнее: Старые фотографии: Инженер..., 2023). Небольшая часть их исследований была представлена в научных статьях, на русском и английском языках (Функе и др., 1969; Funke et al, 1969). Смысл этих работ был в создании особо тугоплавких соединений металлов и неметаллов, которые используются для покрытия испытывающих чрезвычайно высокие тепловые воздействия внутренних поверхностей ядерных реакторов, ракетных двигателей и т.п.

Парадоксальным подтверждением реальной значимости работ моего отца и его сослуживцев стало то, что в 1970 г. Научный отдел Центрального Разведывательного Управления США включил перевод описания одного из их исследований в обзор научных достижений советских ученых (Consolidated Translation..., 1970, p. 264). По истечении определенного времени, такие аналитические научные обзоры ЦРУ

рассекречиваются и публикуются в Интернете.

Вот так, условно говоря, выйдя из родной деревенской избы с грамотой за работу колхозником в годы Великой Отечественной войны, Николай Сергеевич Ямсков дошел до позиции инженера-исследователя и заведующего лабораторией, труды которого упоминаются в базе данных Научной электронной библиотеки современной России и в документах Научного отдела ЦРУ США.

Обращаясь сейчас к биографиям отца и деда по отцовской линии, я вижу, прежде всего, то, какой мощный социальный лифт обеспечила Советская власть в середине XX в. для всех тех, кто хотел и мог много и хорошо учиться и работать.

Как и в случае с мамой, Великая Отечественная война резко прервала обычную траекторию жизни отца. Для него как деревенского подростка намечалась обычная линия: «школа – работа в колхозе» или «школа – переезд на работу в город». Но война заставила отца особенно высоко ценить возможность учиться и активно стремиться к этому, ведь она лишила его этой возможности, вынудив оставить школу и начать работать в колхозе в подростковом возрасте. Только в самом конце войны и сразу после ее окончания он получил шанс вернуться к учебе и действительно сделал это, но уже с удвоенной энергией и желанием, что в итоге радикально изменило его судьбу.

* * *

Великая Отечественная война стала самым драматичным событием в истории СССР, а безоговорочная победа в ней – самым великим историческим достижением нашей страны. Поэтому события, прямо или косвенно связанные с той войной, оказали определяющее влияние на последующие судьбы почти всех людей, живших в те годы, в том числе и на судьбы моих родителей, дедов и бабушек.

Я постарался рассказать о важнейших событиях тех лет в жизни моих отца и матери, определивших их цели и мировоззрение, которое, надеюсь, они отчасти передали мне. Подготовка этого очерка стала для меня попыткой отдать дань памяти близким людям, благодаря которым я появился на свет в конце 1956 г. и которые, что главное, воспитали меня.

Для читателей этот очерк может стать еще одним рассказом о реалиях жизни и судьбах обычных советских людей накануне, в годы и сразу после Великой Отечественной войны, ведь из множества таких частных историй складывается описание общей социальной истории нашей страны и народа в середине XX в.

Литература

- «Буревестник» (стратегическая ядерная крылатая ракета) // Большая российская энциклопедия. 21.03.2024 г.: <https://bigenc.ru/c/burevestnik-strategicheskaja-iadernaia-krylataia-raketa-4e6bad?v=10052040>
- Кронгауз М.А. Московские истории: Жизнь, быт и досуг советской эпохи устами жителей столицы. М.: Эксмо, 2025, 288 с.
- Купеев А.И. Роль мобилизации в истории Великой Отечественной войны // Известия Российской военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № 54. С. 166-171.
- Лето в деревне: «За нами на станцию Бужаниново присылали телегу // Московские истории (Дзен-канал М.А. Кронгауз). 9.08.2021 г. https://dzen.ru/a/YQke6_DWzHAg8Yo
- Морозова О.М., Трошина Т.И., Морозова Е.Н., Морозов А.Н. Пандемия испанки 1918 года в России. Вопросы сто лет спустя // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2021. Том 98. № 1. С. 113-124.
- НИИ НПО «Луч». Дела и люди / глав. ред. И.И. Федик. М.: Типография «Новости». 2004. 456 с. https://elibrb.bibliotom.ru/text/npoluch_2004/p0/ (дата обращения 25.08.2025 г.).
- Список населенных мест по сведениям 1859 г. Вып. 6: Владимирская губерния / Ред. М. Раевский. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. 1863. 283 с. <http://elibrb.shpl.ru/ru/nodes/16016-vyp-6-vladimirskaya-guberniya-po-svedeniyam-1859-goda-1863> (дата обращения 25.08.2025 г.).
- Старые фотографии: Инженер-исследователь с грамотой за работу в колхозе // Московские истории (Дзен-канал М.А. Кронгауз). 6.11.2023 г. https://dzen.ru/a/ZUJGRQuDX2sd3bMX?referrer_clid=1400&
- Старые фотографии: «Моя мама – умница и красавица» // Московские истории (Дзен-канал М.А. Кронгауз). 7.11.2023 г. https://dzen.ru/a/ZUJFk2oDw-aZd3r?referrer_clid=1400&
- Таганка: Мы жили на чердаке, сама квартира находилась этажом ниже // Московские истории (Дзен-канал М.А. Кронгауз). 30.10.2023 г. https://dzen.ru/a/ZTtkjpAyHUugMrhL?referrer_clid=1400&
- Таржанов Н.В. Проблема мобилизации трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны (на примере железнодорожного транспорта СССР) // Вестник СНО Донецкого Национального Университета. 2024. Т. 3: Экономика. Вып. 16. С. 175–179.
- Функе В.Ф., Клементьев А.А., Косухин В.В., Тютюнников А.И., Ямсков Н.С. Осаждение карбидов тугоплавких металлов из газовой среды // Порошковая металлургия. 1969. № 12. С. 39–45.
- Чуркин М.К. Праздники и производственный цикл в русской деревне европейских губерний России и Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №1 (23). С. 380–385.
- Ямскова Н.А. Обучение немецкому языку по специальности «Гостиничное хозяйство». Методические указания для учащихся средних специаль-

ных учебных заведений. М.: Учебно-методический кабинет по среднему специальному образованию, Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. 1976. 167 с.

Ямскова Н.А. Изучение лексики в V–VI классах с помощью игры в картинки // Иностранные языки в школе. 1979. № 2. С. 46–48.

Consolidated Translation Survey. Foreign Documents Division, Central Intelligence Agency, 1970. https://books.google.ru/books?id=kl8qAAAAAMAAJ&source=gb_s_navlinks_s (дата обращения – 27.10.2023 г.).

Funke V.F., Klement'ev A.A., Kosukhin V.V., Tyutyunnikov A.I., Yamskov N.S. Deposition of carbides of refractory metals from a gaseous medium // Powder Metallurgy and Metal Ceramics. 1969. Vol. 8. Pp. 985–989. <https://doi.org/10.1007/BF00802026>

ABSTRACTS

Demidov Sergej M.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIVES OF GENERATIONS

The author, who belongs to the «children of war» generation, shares his memories of the beginning of the Great Patriotic War, when he was a five-year-old boy in Podolsk. His father, Major Engineer Mikhail Demidov, served as a teacher at an artillery school. In the autumn of 1941, the entire school participated in the defense of the Ilyinskie lines near Moscow. Later, the family was evacuated to Kyrgyzstan and then to Bukhara. The author describes the hardships of the war, the loss of his younger brother, and the fates of his relatives on the front lines and in the underground, emphasizing the importance of preserving the memory of the war for future generations.

Dubova Nadezhda A.

MATERIALS FROM THE STARITSA ARCHIVE IN THE TVER REGION ABOUT THE OCCUPATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article provides a brief description of the military situation that developed in the autumn of 1941 and the winter of 1942 on the outskirts of Kalinin (now Tver). It also presents materials from the Staritsa District Archive about the destruction caused by the German fascists during the occupation of the region.

Dubova Nadezhda A.

ONE FAMILY AMONG MILLIONS: MY RELATIVES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

A brief account of several families related by kinship, friendship, and marriage, each of which contributed to the Victory: the Platonovs, Stepanovs, Dubovs, Dementyevs, Denisovs, Pershudchevs, and Karelinas. Some served as surgical nurses in a field hospital, saving the wounded, while others went through three wars: the Finnish War, the Great Patriotic War, and the Japanese War. They worked in the General Staff of the Red Army, served in the railway, tank, and artillery forces, and in SMERSH, capturing the images of heroes on the front lines.

Grigulevich Nadezhda I.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN A SMALL RUSSIAN TOWN: ACCORDING TO THE MEMOIRS OF OLD-TIMERS

The author has collected a large array of interviews with residents during long-term expeditions to various regions of Russia. The life stories of long-term residents and their family members serve as authentic documents that complement and reveal new aspects of Russian history across different historical epochs. Testimonies about the lives of our citizens during the most difficult and tragic periods not only enrich the academic history of our country but are also especially valuable for educating the younger generation of Russia.

Grigulevich Nadezhda I.

INTERNATIONALIST PARTISAN

DETACHMENT IN ARGENTINA (1942–1944)

Since the late 1930s, the fascists had been exporting strategic raw materials (nitrate), food products, and other valuable goods to Nazi Germany through the port of Buenos Aires, Argentina, and then via Spain and Portugal. The author's future father, Joseph Grigulevich, received an order from the Center to disrupt these critical supplies to the war strained Third Reich. The Soviet intelligence resident known as Arthur (Joseph Grigulevich) was tasked with the following: to establish and run a residency, to organize a guerrilla unit capable of destroying strategic cargo transports bound for Germany; and training personnel for clandestine operations in Europe. During the existence of this internationalist underground fighter group in Argentina, they carried out a series of combat operations. As a result, the Nazis ceased using the port of Buenos Aires to transport strategic cargo from Latin America to Germany.

Kitov Egor P.

THE SOLDIER'S STORY

(NIKOLAI DMITRIEVICH KITOV)

The article examines the combat trajectory of a soldier who entered the Great Patriotic War (1941–1945) while serving in compulsory military service on the territory of Belarus. It analyzes the complex wartime experience of a man who endured encirclement, captivity, escape, service in a partisan detachment, and assignment to a penal battalion, and who concluded the war on the territory of Austria. Following the war, Nikolai Dmitriev-

ich graduated from a pedagogical institute and worked for many years as a schoolteacher in the southern regions of Central Asia.

Kitov Egor P.

AMONG THE FAR MOUNTAINS: WAR,
TEACHING, AND DESTINY —
THE LIFE COURSE OF OLGA YEGOROVNA LAVRENTYEVA
(KOLODKINA)

The article examines the work of a schoolteacher in Tajikistan during the Great Patriotic War (1941–1945). A young woman from Rostov Oblast was assigned, upon graduating from a teacher-training college, to a remote region of the USSR for a two-year placement. The recollections, recorded by the author on the basis of many years of family conversations, are treated as a source for the history of everyday life in wartime and the early post-war period, as well as for the formation of the public education system in Tajikistan. Through the lens of a personal biography, the article traces the working and living conditions of educators in rural communities of remote districts in the southern part of Central Asia.

Kufterin Vladimir V., Kufterin Ruslan V.

COMBAT PATH OF STEPAN KUFTERIN

The memorial essay is dedicated to the authors' granduncle Stepan Kufterin (1917–2000), the Great Patriotic War hero and participant. The article highlights the biography of Stepan Kufterin, as well as his military service on the Eastern Front in World War II as a serviceman of the 81st Red Banner Rifle Regiment of the 54th Rifle Division. A special focus is on the military awards of the hero.

Milova Olga L.

THE DAILY LIVES OF THE MILOVS AND GRAVVE
FAMILIES DURING THE WAR AND AFTER (1940s–1950s)

This article is devoted to the military everyday life of two branches of the author's family: the Milovs (on the father's side) and the Gravve (on the mother's side). It provides a brief overview of the history of these families. Based on documents and oral «family chronicles,» the article describes the key events of the 1941–1945 period in the lives of the older and younger generations of the Milovs and Gravve families. The author pays special attention to the work of the I.I. Lepse Military Factory after its evacuation to

Kirov. The article concludes with a description of the lives of these families in the post-war years.

Missonova Liudmila I.

THROUGH THE YEARS AND DISTANCES: WAR,
LIFE, LOVE, ET CETERA...

The publication presents the pages of the history of the 2nd Tomsk Artillery School, which was established during the war to train command personnel for the front, including the author's father, Ivan Petrovich Missonov. Studying at this school laid a solid foundation for the entire life path of its graduates. The material was collected by the author in the archives: the Center for Documentation of the Contemporary History of the Tomsk Region of the Department of Culture of the Tomsk Region (Tomsk), the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Podolsk, Moscow Region). The author's family archive was also used.

Primov Azat A.

GRANDFATHER BISYA, GRANDMOTHER MILYA,
AND OUR OTHER GRANDPARENTS

The author shares some facts from the life of the last witness of the military generation in his family, I.V. Sezina (1930–2023), who was evacuated from Rostov-on-Don to Tashkent with Rostselmash. She is his wife's maternal grandmother. Her husband M.V. Sezin, an artillery officer, fought in the Battle of Kursk, was wounded twice, saved his leg from amputation. After the war he became a philosophy teacher and an artist. E.F. Ershova, the author's wife's paternal grandmother, who volunteered to join the front at the age of 16, was also a front-line nurse. Her husband, E.I. Ershov, reached the rank of colonel, but did not receive a general's rank due to the collapse of the Soviet Union. On the author's own side, his grandfather, Pirmukhammad (a blacksmith and cook), his uncle, Allavargyan (a wounded driver), and his great-uncle, Raim Rakhmetov, who took his friend Nikolai's name after his death and lived with it throughout his life. This story has been immortalized in a TV movie.

Sabinina Darya S.

VICTORY WAS FORGED NOT ONLY
ON THE FRONT LINES: INTELLIGENCE,
SABOTAGE SCHOOL, GUERRILLA WARFARE,
AND RADIO GAMES.

This article recounts the story of the underground intelligence operative and war hero – Yakov Serebriansky, and his family. His path as a young revolutionary began in the Minsk ghetto and took him through the battles of World Wars I and II. He worked in distant Asian and European countries and the United States, traveling from the sands of Palestine to the snowdrifts of occupied Belarus and the palaces of Vienna. Throughout his life, whether he was in the resort of France with a suitcase full of money or in prison at Lubyanka in Moscow, where he worked on a textbook for future foreign agents, he was sustained by his loyalty to his country – a newborn Soviet homeland. The text includes transcripts of audio recordings and photos from the Serebryansky family archive. These evidences of the past built the bridges across the time of silence when any mention of Soviet underground intelligence specialist's achievements was prohibited.

Saltanova Veronika V.

A WHITE ROBE IN THE BLACK SMOKE: MEMORIES
OF THE BELITSKY AND MILTER FAMILIES
DURING THE WAR YEARS

This article presents the memories of the great-granddaughter of Mikhail Osipovich Belitsky (1901 – February 1943) and his family. Despite his vision problems, he trained as a medical orderly and went off to the front, serving in a medical battalion. He died during the Battle of Stalingrad. His final heroic act is described in the memoirs of I.I. Isakov: Mikhail pulled a wounded commander out of the line of fire. However, according to archival records, he died in an infectious disease hospital, most likely from typhus. He was buried in a mass grave in the Volgograd region. A front-line letter from 1943 has been preserved in the family as a testament to his love for his wife and sons — especially his youngest son, Boris, who later became a physicist.

Sevastyanov Ivan V.

THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN MY FAMILY IN THE CONTEXT OF AUTOETHNOGRAPHY.

The article is dedicated to the memory of my relatives about certain events of the Great Patriotic War, which affected their lives and was reflected in their memories, which I had to hear at different times in my own life. The focus of their memories was the attack of Hitler's troops on the USSR in June 1941, the occupation of the Byelorussian SSR by the invading forces, and the liberation of the Byelorussian SSR from the Nazis. The article analyzes the impact of these memories on the author himself in the context

of his perception of the Great Patriotic War as one of the most significant events in Russian history in the 20th century.

Sliskova Valeriya V., Gladyreva Elina D.
SCHOLARS AT THE GREAT PATRIOTIC WAR:
ETHNOGRAPHERS AND ANTHROPOLOGISTS
AT THE FRONT AND IN THE BACK IN 1941–1945.

The article deals with the history of soviet scholars who were at the front or in the back of the Great Patriotic War in 1941–1945. The authors study the biographies of the ethnographers and anthropologists who would work in the Institute of Ethnography of Soviet Academy of Sciences. They are Sergej P. Tolstov, Vadim V. Pokhshishevskii, Kirill V. Tchistov, Solomon I. Bruk, Yurij A. Rapoport, Michail S. Lapirov-Skoblo, Militsa G. Vorobyova, and Vera Yu. Krupyanskaia. The history of their participation in the war is illustrated by the published memoirs, scientific papers, and archival documents that are stored in the Scientific Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Turinskaya Khristina M.
MOGILNIKOVS AND VANINS – VETERANS
OF KRASNOTURINSK AND SEROV.

The article is devoted to the story of the author's grandfather, A.M. Mogilnikov (1921-2002), a native of the Urals, a descendant of mining workers, and his family. On the eve of the war, Anatoly Maksimovich was drafted to the Far East and served as a signalman in the war against Japan. He was awarded the Order of the Patriotic War and various medals. After the war, he worked as a mechanic at the Bogoslovsky Aluminum Plant in Krasnoturinsk. His brothers, Georgy, died near Vitebsk, and Vasily fought from the Kursk Bulge to Berlin. Grandmother's brothers (Vanins) Vladimir and Boris also fell at the front, and their sister Elizaveta served as an operating nurse in an evacuation hospital. The author grew up under the care of her grandfather, who helped her get an education. For her, he is an example of a humble, victorious hero.

Valeeva Saniya S.
I AM PROUD OF MY FATHER

The story of Saniya Valeeva, the mother of Liliya V. Sataeva, an archaeobotanist and associate professor at the Bashkir State Agrarian University,

who worked in the Russian-Turkmen Margiana Archaeological Expedition of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Her father, a native of a small Bashkir village in the Orenburg region, was drafted into the army in 1942 and fought his way to Berlin with his comrades. He returned home with medals and awards.

Yamakov Anatoliy N.

THE GREAT PATRIOTIC WAR'S IMPACT ON THE LIVES OF MY OLDER RELATIVES

The essay is devoted to brief biographies of the author's parents, who were teenagers during the Great Patriotic War, and their families and close relatives, especially on the eve of, during, and immediately after the war. This text is based on the author's memories of long-ago informal conversations with his parents and other older relatives about important or particularly memorable events in their lives during those years, as well as some papers and documents from the family archive. The focus is on the social aspects of the war years, as seen through the lives of older relatives, and how their experiences during the war affected their later lives.

Yurin Aleksey A., Yurina Elena A.

COLONEL ALEXEY NIKOLAEVICH YURIN, HERO OF THE SOVIET UNION, HERO OF OUR FAMILY

This article is a tribute to the memory of the Hero of the Soviet Union, Colonel Alexei Nikolaevich Yurin. The work contains information about the biography, military path and perpetuation of the memory of A.N. Yurin. When writing the work, documents and photographic materials from the Collections of the Trubchevsky Museum and Planetarium, articles, monographs, publications of documents and literature in which A.N. Yurin could be mentioned, Internet sources, as well as the Yurin family's archive were used. For the first time, biographical information about Aleksey Nikolaevich was collected from different sources. Yurin, as well as his wife, had family traditions and memories that had not been recorded anywhere before.

Zagrebin Aleksey E.

MAXIM ILYICH ILYIN, OFFICER AND TEACHER

The story is about the author's grandfather, Maxim I. Ilyin (1913–1988). After graduating from the Mozhga Pedagogical College, he worked as a rural teacher, and in 1935–1938, he served in the border troops. After returning

to teaching, he was soon drafted into the NKVD of the USSR. During the Great Patriotic War, he fought on the North-Western Front, participated in the elimination of the Demyansk Pocket, and was wounded. Since 1943, he served in the SMERSH counterintelligence service, and later in the Moscow Military District. He was awarded the medals «For Bravery» and «For Military Merit.» After retiring in 1954, he returned to Udmurtia, where he worked as a village council chairman, a teacher, and the director of an orphanage. He remains an example of courage and selfless service for his descendants.

НАШИ АВТОРЫ

Гладырева Элина Даниловна, специалист Научного архива ИЭА РАН (г. Москва). Сфера научных интересов: архивное дело, электронный документооборот и цифровизация.

Григулевич Надежда Иосифовна – старший научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва), кандидат исторических наук. Научные интересы: Малые города Центральной России (демография, экология, история и современность православия, повседневная жизнь горожан в контексте исторической памяти) – с 2017 г. Этно-экология и этнография традиционного питания – с 1982 г. Демографические процессы (убыль населения в центральных регионах страны, динамика смертности, негативное влияние алкоголизма и проблем с экологией на рост численности населения) – с 2005 г. Изучение феномена долгожительства – с 1982 г. Традиционная пища и хозяйство в этно-культурных группах русских переселенцев Закавказья (молokane, духоборцы, субботники) в сравнении с соседними народами – с 1986 г. Проект «Живая школа» на базе Творческого объединения путешественников «Зюйд-Вест» при школе №109 ЮЗАО г. Москвы — обучение детей и подростков этнографии и устной истории, навыкам научного исследования в ходе проведения ежегодных комплексных историко-экологических экспедиций; создание базы данных (архива) оцифрованных аудиозаписей и фото-видео документов – с 1992 г. Региональные интересы: Кавказ, Верхняя и Средняя Волга, Центральная Россия.

Валеева (Магадеева) Сания Саитгалеевна – агрохимик, закончила Башкирский сельскохозяйственный институт, ныне пенсионер (г. Уфа). Всю жизнь работала в Башкирской республиканской проектно-изыскательской станции химизации сельского хозяйства.

Демидов Сергей Михайлович – этнограф, закончил кафедру этнографии МГУ им. М.В. Ломоносова. Без малого 40 лет работал младшим, а затем старшим научным сотрудником Отдела этнографии Института истории АН Туркменистана в Ашхабаде. Активно проводил полевые работы в разных районах. Автор семи изданных в Туркменистане, России и Германии монографий, а также более трехсот пятидесяти научных и научно-популярных статей и брошюр, опубликованных в разных республиках бывшего СССР. Проживает в Краснодарском крае, пенсионер. Основной научный интерес ученого – различные аспекты религиозных верований туркмен

Дубова Надежда Анатольевна – главный научный сотрудник, руководитель Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва), доктор исторических наук. Специалист по физической антропологии населения Евразии, экологии человека, археологии эпохи бронзы. Руководитель Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции.

Загребин Алексей Егорович – директор ИЭА РАН, доктор исторических наук, профессор РАН, специалист в области истории этнологии, этнополитических исследований и этнографического финно-угроведения. Член Совета Российского исторического общества и Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональным отношениям.

Китов Егор Петрович – старший научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва), кандидат исторических наук, специалист в области палеоантропологии и археологии степного пояса Евразии. Участвует в изучении этноспорта. Руководитель археологических исследований на территории Оренбургской, Самарской, Челябинской, Тюменской, Саратовской, Ульяновской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Ростовской областей, Республики Каракалпакстан (Узбекистан). С 2018 г. директор ООО «Межрегиональный Центр Археологических Исследований – МЦАИ» (г. Тамбов, Россия).

Куфтерин Владимир Владимирович – ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва), доктор биологических наук. Круг интересов: биологическая антропология, палеоантропология, палеопатология, археология Средней Азии и Волго-Уральского региона, историческая экология человека, военная история, униформология, фалеристика.

Куфтерин Руслан Владимирович – независимый исследователь (г. Уфа). Круг интересов: мифология, этнография, зодчество, раннее Средневековье, история XX века, военная история, треккинг.

Милова Ольга Леонидовна – старший научный сотрудник ИЭА РАН (г. Москва), кандидат исторических наук. Область научных интересов: история принудительных переселений и депортаций народов СССР в 1930–1950-е годы; антирелигиозная политика советской власти и преследования духовенства и мирян; история повседневности в 1920–1950-е годы; история этнологии/антропологии.

Миссонова Людмила Ивановна – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, ответственный секретарь многотомной серии «Народы и культуры» ИЭА РАН (г. Москва). Научные интересы: культура тунгусо-маньчжурских народов России; антропология искусства.

Примов Азат Ачилович – сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва). Закончил факультет журналистики Ташкентского университета и магистратуру МФЮА в Москве по направлению «финансовое право». Работал в газетах «Труд», «Известия», «Мир новостей», «Миграция», был главным редактором журнала «Союз». В советское время работал в отделе пропаганды Каракалпакского обкома комсомола, затем был избран председателем отраслевого обкома профсоюза в Узбекистане. В последние годы занимается правовыми, экономическими и социокультурными аспектами трудовой миграции.

Сабинина Дарья Сергеевна – младший научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва). Закончила кафедру музееведения факультета истории искусств Российского Государственного гуманитарного университета в 2014 г. Научные интересы: этническая экология, музееведение, этнография, туризм.

Салтанова Вероника Вадимовна – независимый исследователь (г. Москва). В 2021 г. с отличием окончила бакалавриат факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ, бывший ИнЯз им. Мориса Тореза) по направлению «Лингвистика» (г. Москва). В мае 2024 г. с отличием окончила магистратуру факультета гуманитарных наук Университета Западной Бретани (Брест, Франция) по направлению «Социолингвистика кельтских языков». Защитила магистерскую диссертацию на тему: «Срав-

нение роли женщины в бретонском и русском фольклоре». Сфера научных интересов: лингвистика, социолингвистика, фольклористика, перевод и переводоведение, фонетика и фонология.

Сатаева Лилия Вакиловна – доцент Башкирского государственного аграрного университета, кандидат биологических наук (г. Уфа). Специалист по ботанике и археоботанике. Много лет проработала в составе Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции ИЭА РАН в Туркменистане.

Севастьянов Иван Владимирович – научный сотрудник Отдела Урала и Поволжья ИЭА РАН (г. Москва), кандидат исторических наук. Область научных интересов: этнология и историческая этнография Урало-Поволжья, тюркология, религиоведение, этноконфессиональные процессы и взаимоотношения, этноконфессиональные группы, православное миссионерство.

Слискова Валерия Викторовна – начальник отдела Научного архива ИЭА РАН (г. Москва). Сфера научных интересов: история отечественной науки советского периода, архивное дело.

Турьинская Христина Михайловна – старший научный сотрудник ИЭА РАН и Института Африки РАН (г. Москва), кандидат исторических наук. Научные интересы: история науки, политическая антропология, политическая история, федерализм, национальный вопрос и государственность в Африке.

Юрин Алексей Алексеевич – студент 2 курса бакалавриата Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Юрина Елена Анатольевна – редактор ИЭА РАН, закончила кафедру этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва). Специализировалась по истории и культур народов Средней Азии.

Ямсков Анатолий Николаевич – ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва). Области специализации: историография и методология этноэкологии и экологической антропологии, этнография традиционного хозяйства и природопользования, территориальная идентичность, миграции сельского населения и жителей малых городов.

НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ, ГДЕ Б НЕ ПАМЯТЕН БЫЛ СВОЙ ГЕРОЙ

Составление и редакция
Н.И. Григулевич и Н.А. Дубовой

Утверждено к печати
Решением Ученого Совета Института этнологии
и антропологии РАН

Компьютерная верстка: А. Сопиев

Подписано к печати 17.04.2026 г.
Формат 90×60/16. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ 1468.

Отпечатано в типографии Буки-Веди.
115093, Москва, Партийный переулок, д. 1, к. 58, стр. 2.

